

РОМАНОВЫ

СУДЬБЫ В РОМАНАХ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Annotation

Новый роман современного писателя-историка А. Широкограда рассказывает о жизни и судьбе адмирала, генерал-адъютанта, «отца русской авиации», великого князя Александра Михайловича (1866—1933). Адмирал, генерал-адъютант; внук императора Николая I, товарищ детских игр цесаревича Николая Александровича. Он мог реформировать русский флот и разгромить японцев в 1904 году. Через 10 лет мог построить в России мощнейший воздушный флот. В 1915—1916 гг. имел реальные шансы стать императором или даже диктатором, тем самым направив российскую и мировую историю по другому руслу. Но он не сделал ни первого, ни второго, ни третьего. Помешали «субъективные» причины: неуёмная страсть к прекрасному полу, отсутствие настойчивости, а главное — боязнь «испачкать перчатки».

- [Несостоявшийся император. Александр Михайлович](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА](#)
- [ОБ АВТОРЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
-

**Несостоявшийся император. Александр
Михайлович**

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

1866–1933

ЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ (1.4.1866, Тифлис — 26.2.1933, Франция), великий князь, государственный и военный деятель, адмирал (1915), генерал-адъютант (1909). Четвёртый сын великого князя Михаила Николаевича. Получил домашнее образование. Женат (с 1894) на дочери императора Александра III Ксении. Близкий друг императора Николая II. В 1885 зачислен в Гвардейский экипаж, 1886 флигель-адъютант. В 1886-1891 гг. совершил кругосветное путешествие на корвете «Рында», в 1890-1891 гг. — в Индию на собственной яхте «Тамара», описанное в его книге «23 000 миль на яхте «Тамара»» (1892-1893). В 1892 г. — командир миноносца «Ревель», в 1893 г. совершил плавание в Северную Америку на фрегате «Дмитрий Донской»; с 1895 г. — старший офицер эскадренного миноносца «Сисой Великий». В 1895 г. — представил императору записку, в которой доказывал, что наиболее вероятным противником России на море будет Япония, называя время начала военных действий — 1903-1904 гг. (окончание японской судостроительной программы), и предлагал свою программу судостроения; после отклонения его предложений в 1896 г. покинул строевой состав флота. С 1899 г. — старший офицер броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», в 1900-1903 гг. — командир броненосца «Ростислав» (Черноморский флот), с 1903 г. — младший флагман Черноморского флота. В 1904 г. выступал за предоставление земствам права законодательной инициативы. Поддержал со здание Морского Генштаба (1906). С 1898 г. — член, затем председатель Совета по делам торгового мореплавания, в 1902-1905 гг. возглавлял созданное по его инициативе Главное управление торгового мореплавания и портов. Под его руководством выработан порядок постройки судов, начата реконструкция портов, улучшено образование моряков торгового флота. Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. категорически возражал против посылки на Дальний Восток 1-й и 2-й тихоокеанских эскадр. С 1904 г. председатель Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования (в 1904-1906 гг. под руководством Александра Михайловича построено 18 минных крейсеров и миноносцев). После окончания войны настаивал на ускоренной постройке линкоров новых типов и увеличении ассигнований на военно-морской флот. С февраля 1905 г. — начальник отряда минных крейсеров (Балтийское море), в 1905-1909 гг. — младший флагман

Балтийского флота, летом 1906 г. — командир практического отряда обороны побережья Балтийского моря. По вопросам военно-морского флота издал ряд справочников (в том числе «Военные флота иностранных государств», периодически с 1891 г.). Почётный член Николаевской морской академии (1903), председатель Императорского Русского общества судоходства, Русского технического общества, Общества естествоиспытателей при Петербургском университете. Активно содействовал развитию авиации в России; возглавлял отдел воздушного флота при Комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования, инициатор посылки (1909) морских офицеров за границу для обучения в лётных школах, создания офицерской школы авиации под Севастополем (1910). С начала Первой мировой войны находился при командующем 4-й армией, с 1914 г. командовал авиацией Южного фронта, фактически возглавлял действия воздушного флота, с декабря 1916 г. — полевой генерал-инспектор военно-воздушного флота. В начале 1917 г. выступал за создание правительства с участием общественных деятелей (высказываясь против «общественного министерства»). После Февральской революции жил в Крыму. С 1918 г. — в эмиграции, участвовал в деятельности Русского общевойскового союза: почётный председатель Союза русских военных лётчиков, Парижской кают-компани, Объединения чинов Гвардейского экипажа, покровитель Национальной организации русских разведчиков.

Александр Широкоград

ПРОЛОГ

далёком феврале 1933 г. в маленьком домике в городке Ментона на Лазурном Берегу медленно угасал шестидесятилетний эмигрант. Французы называли prince Alexander, сам он подписывался «Александр, Великий Князь Русский», а много лет назад в бывшей Российской империи — «Его Величество Великий Князь Александр Михайлович».

Кто он такой? 99,9% жителей Российской Федерации никогда и ничего не слышали о нём. Для остальных он — внук императора Николая I, товарищ детских игр цесаревича Николая Александровича и автор остроумных мемуаров.

Для историка он интересен тем, что всегда был в гуще событий. Перефразируя Вольтера, можно сказать, что если бы Александра Михайловича не было, то его следовало бы выдумать. Как, к примеру, Лев Толстой отправил Андрея Болконского под Аустерлиц, а Пьера Безухова — на Бородинское поле. Солженицын послал полковника Воротынцева в Восточную Пруссию, в армию Самсонова. Их герои всё видят, всё слышат, но ничего не могут изменить. Ну, добежал бы Болконский со знаменем до рядов французов, разве мы выиграли бы Аустерлицкое сражение?

Однако в отличие от литературных героев Александр Михайлович не только всё видел и всё слышал, но и мог всё изменить. Он мог реформировать русский флот и разгромить японцев в 1904 г. Спустя 10 лет мог построить в России мощнейший воздушный флот. В 1905-1907 гг. и в 1915-1916 гг. у него были реальные шансы стать императором или даже диктатором, радикально изменить государственный строй России и тем самым направить мировую историю по другому руслу. Но он не сделал ни первого, ни второго, ни третьего. Объективные причины для успеха были налицо, но помешали субъективные: неуёмная страсть к прекрасному полу, отсутствие настойчивости, а главное — страх «испачкать перчатки».

Великий князь умирал в полном одиночестве. На родине его ждал застенки НКВД, белые эмигранты не хотели иметь с ним дела, для французов он был лицом без гражданства, законная жена жила в полном здравии в Лондоне (она переживёт его на 27 лет), но не испытывала никакого желания видеть мужа.

А может, он вечный неудачник? Не знаю... Но не думаю, что надо жалеть человека, почти всю жизнь прожившего во дворцах, многократно

объехавшего мир на крейсерах и собственной яхте. Человека, женатого на очаровательной дочери императора Александра III, родившей ему шестерых сыновей и дочь. И, наконец, человека, любимого множеством красивейших женщин, от японских гейш до высочайших особ европейских династий.

Александр Михайлович — человек своей эпохи. Тем он нам и интересен. И, да простит меня читатель, что повествование о его жизни я буду перемежать с рассказами об его эпохе. Без этого мы никогда не поймём феномена князя.

Глава 1

ДЕТСТВО НА КАВКАЗЕ

Вё Императорское Высочество великая княгиня Ольга Фёдоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, — объявил 1 апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича, тогдашнего наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта Тифлисской крепости. — Прошу произвести пушечный салютов 101 выстрел!

— Это даже перестаёт быть забавным, — сказал старый генерал, сумрачно глядя на висевший перед ним календарь. — Мне уже этим успели надоесть за всё утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству.

— Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, — нетерпеливо перебил адъютант, — это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы Вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!

Комендант пожал плечами, ещё раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин, армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорождённый великий князь будет наречён при крещении Александром в честь его дарственного дяди императора Александра II.

2 апреля 1866 г., в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии. Красавица мамка должна была проявить всю изобретательность, чтобы угомонить обладателя всех этих рангов»^[1].

Так спустя 60 лет описал своё рождение великий князь Александр Михайлович. Думаю, сразу же следует объяснить, что по законам Российской империи титул великого князя автоматически присваивался при

рождении сына и внука императора, а дочери императора получали титул великой княжны. Если великий князь вступал в брак с представительницей царственного рода, то его супруга получала титул великая княгиня. Если же великий князь вступал в неравноправный (morganatic) брак, то император был волен дать какой-нибудь выдуманный титул, например, княгиня Палей, княгиня Юрьевская и т.д. либо вообще не признать этот брак.

Все же правнуки императора по мужской линии и внуки по женской линии получали титул князей и княжон императорской крови, но никогда не могли стать великими князьями и княжнами. Так что многочисленная компания великих князей и княгинь, обитающая ныне за границей, не что иное, как дети лейтенанта Шмидта. Кстати, если верить Ильфу и Петрову, у бедного лейтенанта были и дочери — «глупые, немолодые и некрасивые».

После рассказа о рождении младенца положено переходить к рассказу о его родителях. Отец, великий князь Михаил Николаевич, был четвёртым сыном императора Николая I. Михаил родился 13 октября 1832 г. В 13 лет его произвели в первый офицерский чин, а в 15 лет он поступил на действительную службу в 3-ю батарею 2-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады. В 20 лет Михаил был произведён в генерал-майоры и назначен генерал-фельдцейхмейстером.

Тут следует сделать небольшое отступление и попытаться объяснить, кто такой генерал-фельдцейхмейстер, тем более что это нам пригодится далее. Раскроем «Военную энциклопедию», том VII, страницу 233. Там сказано: «Генерал-фельдцейхмейстер, как титул начальника артиллерии и всего к ней относящегося». Как видим, написано коротко и неясно. При большевиках такие функции исполнял замнаркома по вооружению М.Н. Тухачевский. Но в отличие от замнаркома права и обязанности генерал-фельдцейхмейстера никогда чётко не были закреплены законом. Генерал-фельдцейхмейстер подчинялся императору, но не подчинялся военному министру, причём власть обеих тоже не была разграничена. Так, управление армией и флотом в России в XIX в. осуществлялось не по закону, а, как сейчас говорят, «по понятиям». Причём, «понятия» эти определялись лично императором, генерал-фельдцейхмейстером и военным министром.

Самым приятным в должности генерал-фельдцейхмейстера была полная безответственность в закупках вооружения. Таким образом, эта должность стала самой «хлебной» в империи. Екатерина Великая назначала на эту «хлебную должность» своих любовников, начиная с Григория Орлова (с 1765 г.) и кончая Платоном Зубовым (с 1793 г.).

Вступив на престол, Павел I немедленно вышвырнул вон Платошу и в сердцах вообще упразднил должность генерал-фельдцейхмейстера. Но 28 января 1793 г. у Павла родился сын Михаил, и на радостях император произвёл младенца в генерал-фельдцейхмейстеры. В этом звании великий князь Михаил Павлович и был до своей смерти в 1849 г.

Забегая вперёд, скажу, что великий князь Михаил Николаевич состоял в должности генерал-фельдцейхмейстера целых 57 лет, то есть до самой своей смерти в 1909 г. В 1910 г. обязанности генерал-фельдцейхмейстера были разделены между генерал-инспектором артиллерии и начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ).

Понятно, что двадцатилетний генерал-майор не мог полноценно руководить всей русской артиллерией, и по приказу Николая I Михаил командовал только гвардейской конной артиллерией, то есть пятью батареями. А фактически должность генерал-фельдцейхмейстера исполнял инспектор артиллерии барон Н.И. Корф. Во время Крымской войны Михаил вместе с братом Николаем «находился при действующей армии».

25 января 1856 г. двадцатичетырёхлетний Михаил вступил в исполнение обязанностей генерал-фельдцейхмейстера и был назначен генерал-адъютантом^[2]. 25 августа 1860 г. великий князь Михаил Николаевич был произведён в генералы от артиллерии, а 6 декабря 1862 г. назначен наместником Кавказским и командующим Кавказской армией.

Как можно было управлять артиллерией империи из Тифлиса, не имея ни железной дороги, ни телеграфной связи с Петербургом, понять невозможно. Но, увы, в многострадальной России и не такое бывало. Однако, несмотря на отсутствие генерал-фельдцейхмейстера, а может, и в связи с этим, наша артиллерия в 1863-1867 гг. делает невиданный в истории технический скачок и переходит от гладкоствольных пушек с деревянными лафетами образцов 1805 г. и 1838 г. к нарезным пушкам образца 1867 г. с клиновыми затворами и железными лафетами. А в начале 1877 г. наша артиллерия вслед за Германией переходит на орудия образца 1877 г., то есть орудия с каналом современного образца. Таким образом, 6-дюймовым снарядом от пушки образца 1877 г. можно стрелять из любой современной нашей 152-мм пушки и наоборот. Идя в фарватере фирмы Круппа, русская артиллерия на 10-20 лет опередила страны Западной Европы. К примеру, британский флот перешёл на казнозарядные орудия лишь в 1885-1886 гг. Но, увы, Михаил Николаевич никакого отношения к прогрессу в нашей артиллерии не имел.

Зато Михаил Николаевич довольно успешно продолжал борьбу с горцами и в конце концов покорил Кавказ. В 1869 г. Россия начала войну с

Хивинским ханством. Поскольку в операции участвовали войска двух военных округов — Туркестанского и Кавказского, командующий Кавказским военным округом (и он же наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич) попросил брата Сашу поручить ему руководство захватом Хивы. При этом великий князь не собирался покидать Тифлис.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман взбеленился и направил резкое письмо Александру II. Тот сообразил, что вопрос слишком сложный, и не стал устраивать оперетку с дистанционным управлением, наподобие управления артиллерией, и отказал брату.

Шестидесятые годы XIX в. ознаменовались рядом реформ Александра II. Следует заметить, что по указанию брата Михаил Николаевич относительно успешно проводил общероссийские реформы на Кавказе. Речь идёт об освобождении крестьян, о введении крестьянского и городского самоуправления, учебной и судебной реформах и т.д.

Рассказ о завершении кавказских войн и реформах 60-х годов — тема отдельной монографии, а здесь я хотел бы коснуться только одной крайне актуальной темы — ситуации в Абхазии.

27 марта 1864 г. Михаил Николаевич отправил военному министру Милютину письмо, в котором предложил упразднить Абхазское княжество. Великий князь предлагал: «1) Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения. 2) Назначить владетелю и наследникам его содержание, их обеспечивающее. 3) Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальников отделов в областях, с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору».

В апреле 1864 г. Александр II одобрил предложения наместника Кавказского края, и в мае к Михаилу Николаевичу уже поступили соответствующие указания, реализацию которых последний поручил Кутаисскому генерал-губернатору Д. Святополк-Мирскому и командующему войсками в Абхазии генералу П. Шатилову.

Робкие попытки абхазского князя Михаила Шарвашидзе передать власть сыну Георгию успеха не имели. Не посчитались и с его желанием остаться жить в Абхазии. 24 июня 1864 г. последовало официальное уведомление наместника Кавказа, в котором Михаилу Шарвашидзе напоминали все его прежние просьбы об освобождении от власти владетеля Абхазии и сообщали о решении императора России об увольнении Михаила и его потомков «от управления навсегда Абхазией» и введении там русского правления.

Как видим, Абхазия никогда не входила в состав Грузии, и лишь в 20-х

гг. XX в. советское правительство, не посчитавшись с мнением коренного населения, автоматически включило её в состав Грузинской ССР.

От дел государственных мы перейдём к семейным делам великого князя Михаила Николаевича. В 1857 г. он женился на принцессе Цецилии-Августе Баденской, получившей при переходе в православие имя Ольга Фёдоровна. В то время Великое герцогство Баденское было независимым государством. Оно располагалось на правом берегу Рейна и представляло собой полосу длиной в 265 вёрст и шириной в 17-135 вёрст. Княжество находилось на границе с Францией и имело важное стратегическое значение. Таким образом, брак с Баденской принцессой, заключённый в 1857 г., имел политическое значение. Однако после французо-прусской войны 1870 г. княжество вошло в состав Германской империи, а власть великого герцога Баденского стала чисто символической.

Надо сказать, что великий князь Михаил Николаевич влюбился в Ольгу Фёдоровну и вскоре оказался под её каблуком. Государственный секретарь А.А. Половцов, по долгу службы каждый день являвшийся на доклад к великому князю и наблюдавший изнутри жизнь семьи, вспоминал об Ольге Фёдоровне, задававший тон и стиль общения в резиденциях великого князя в Петербурге и на Кавказе: «Принадлежа к Баденской фамилии, выйдя весьма молодою замуж за русского великого князя, поселясь в Тифлисе, где она поистине царствовала восемнадцать лет; найдя в муже лишь послушного исполнителя её велений, но ни в коем случае не руководителя своих действий, при чрезвычайно остром природном уме и при отсутствии солидного образования, при довольно естественном в таких условиях равнодушии к окружавшей её среде, Ольга Фёдоровна возбудила против себя почти всеобщее нерасположение. Никакого зла она, разумеется, намеренно, не делала, но будучи весьма невоздержанна в своих оценках и словах, она естественным образом делала себе врагов из людей высшего общества, у которых почти всегда интересы личного самолюбия стоят выше всего остального... Будучи равнодушна к мнению толпы, Ольга Фёдоровна не давала себе труда прикрыть это равнодушие какими-либо фразами, а постоянно заявляла, что всю теплоту чувств своих сосредотачивает лишь на семье и друзьях».

С друзьями также не ладилось. В большом кругу августейшего семейства Ольгу Фёдоровну немного побаивались за злоязычие, неукротимость нрава, пренебрежение к чужому мнению. Впрочем, ей часто прощалось многое за то, что в острые, критические моменты она всегда находилась рядом с мужем и делала всё для того, чтобы поддерживать его высокий моральный авторитет среди всей императорской фамилии.

14 апреля 1859 г., в три часа тридцать пять минут пополудни, пушечный салют в триста один выстрел возвестил жителей Петербурга, Царского Села и окрестностей о рождении первенца в семье великого князя Михаила Николаевича.

При крещении младенца в честь деда императора Николая I нарекли Николаем. Его крёстными и восприемниками были сплошь высокородные, царственные особы. Со стороны отца: дядя — император Александр II, вдовствующая императрица — бабушка Александра Фёдоровна, а со стороны матери — её брат, Баденский герцог Вильгельм-Людвиг, и её сестра, принцесса Мария Лейнингенская.

Через год в семье Михаила Николаевича родилась первая дочь Анастасия, а затем вновь пошли сыновья. В 1861 г. родился Михаил, в 1863 г. — Георгий, в 1866 г. — наш герой, в 1869 г. — Сергей и, наконец, в 1875 г. — Алексей.

Современные авторы очень много пишут о семействе Романовых. Но основное внимание уделяют Александру II, его детям и внукам, а о Михаиле Николаевиче и его потомстве упоминают вскользь, используя воспоминания Александра и Николая Михайловичей. Разумеется, оба брата писали о своём семействе лишь хорошее. Поэтому стоит привести и единственный негативный отзыв о семействе, принадлежащий С.Ю. Витте: «Государь император [Александр III] очень любил отца Александра Михайловича, Михаила Николаевича, своего дядю; это был единственный из его дядей, к которому он относился вполне благосклонно и любовно, главным образом именно потому, что великий князь Михаил Николаевич был образцового поведения как в семейной жизни, так и вообще как великий князь.

Но к сыновьям его, к детям великого князя Михаила Николаевича, император Александр III относился уже не так благосклонно; к жене великого князя, великой княгине Ольге Фёдоровне, император также относился не вполне благосклонно, вероятно потому, что, во-первых, великая княгиня Ольга Фёдоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ.

Этот еврейский тип, а пожалуй, и еврейский характер, в значительной степени перешли и к некоторым из её детей.

Однажды император Александр III, обратясь ко мне, говорит:

— Вы вчера видели детей ...зонов? — (Император произнёс одну еврейскую фамилию).

Я не понял, о каких детях с еврейским именем он мне говорит.

После мне объяснили, что он мне говорил о некоторых из Михайловичей.

Великий князь Александр Михайлович был очень красивый молодой человек; он и до сих пор красивый мужчина, несколько еврейского, хотя и красивого типа.

Я должен сказать, что, сталкиваясь с ним в моей государственной деятельности, я убедился, что у него не только внешний тип еврейский, но что он обладает, кроме того, вообще отрицательными сторонами еврейского характера»^[3].

Спору нет, Сергей Юльевич Витте не любил Александра Михайловича, но в принципе он был прав. В Германии в XVII-XIX вв. довольно часто аристократы рождались с евреями, а зачастую богатые евреи правдами и неправдами получали титулы. Вспомним, что даже основоположник марксизма, будучи евреем, имел дворянский титул. А что касается самого Витте, то и он был женат на еврейке.

Детей своих Ольга Фёдоровна и Михаил Николаевич воспитывали строго — так было принято почти во всех великокняжеских семьях. До семи лет дети росли совершенно беззаботно, опекаемые многочисленными нянюшками. А затем начиналось суровое полувоенное воспитание.

Старший сын Николай вспоминал позднее, что воспитание это «больше напоминало прохождение боевой службы на фоне прекрасной кавказской природы»: вставали рано, принимали прохладную ванну, скромно завтракали и чуть ли не до самого полудня вместе с наставниками — строгими и придирчивыми — то уходили в горы, в поход за новыми экземплярами для коллекций трав и насекомых, то без усталости упражнялись в верховой езде, то в искусстве владения саблей.

Программа, составленная строгими наставниками, дававшими каждый день подробный отчёт матери или отцу, была весьма обширна, почти что уникальна: языки, включая не только европейские, но и древнюю латынь, ботаника, химия, основы филологии и истории искусства, библиотечного дела или, например, истории флота, нумизматики.

Ему вторит и Александр: «...радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. Среди многочисленных подарков, поднесённых мне по этому случаю, я нашёл форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шёлковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму.

Но прежде всего я должен заслужить честь носить её прилежанием и многолетним трудом.

Лицо моё вытянулось, но худшее было ещё впереди.

— С завтрашнего дня, — объявил мой отец, — ты уйдёшь из детской. Ты будешь жить с братьями Михаилом и Георгием. Учись и слушайся своих учителей.

Прощайте, мои добрые нянюшки, мои волшебные сказки! Прощайте, беззаботные сны! Всю ночь я проплакал в подушку, не слушая ободряющих слов моего доброго дядьки казака Шевченки. В конце концов, видя, что его обещания навещать меня каждое воскресенье не производят на меня должного впечатления, он стал нашёптывать испуганно:

— Вот будет срам, если Его Императорское Величество узнают и отдадут в приказе по армии, что его племянник, великий князь Александр, отрешается от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет как девчонка!

Услышав это, я вскочил с постели и бросился мыться. Я пришёл в ужас, что чуть не обесчестил всю нашу семью в глазах императора и России...

...С этого дня и до пятнадцатилетнего возраста моё воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Мои братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий и я жили, как в казармах. Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски. Я помню, как много лет спустя, уже после моей женитьбы, не мог привыкнуть к роскоши широкой кровати с двойным матрацем и полотняным бельём и потребовал назад мою старую походную кровать.

Нас будили в шесть часов утра. Мы должны были сейчас же вскакивать, так как тот, кто рискнул бы “поспать ещё пять минут”, наказывался самым строжайшим образом.

Мы читали молитвы, стоя в ряд на коленях перед иконами, потом принимали холодную ванну. Наш утренний завтрак состоял из чая, хлеба и масла. Всё остальное было строго запрещено, чтобы не приучать нас к роскоши.

Затем шёл урок гимнастики и фехтования. Особое внимание было обращено на практические занятия по артиллерии, для чего в нашем саду стояло орудие. Очень часто отец без предупреждения заходил к нам на занятия, критически наблюдая урок по артиллерии. В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города.

От 8 часов утра до 11 и от 2 до 6 мы должны были учиться. По традиции, великие князья не могли обучаться ни в казённых, ни в частных

учебных заведениях, а потому мы были окружены целым штатом наставников. Наша учебная программа, разделённая на восьмилетний период, состояла из уроков Закона Божьего, истории православной церкви, сравнительной истории других исповеданий, русской грамматики и литературы, истории иностранной литературы, истории России, Европы, Америки и Азии, географии, математики (заключавшей в себе арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию), языков французского, английского и немецкого и музыки. Сверх того нас учили общению с огнестрельным оружием, верховой езде, фехтованию и штыковой атаке. Мои старшие братья, Николай и Михаил, изучали также латинский и греческий языки, нас же, младших, освободили от этой пытки.

Учение не было трудным ни для меня, ни для моих братьев, но излишняя строгость наставников оставила в нас всех осадок горечи. Можно с уверенностью сказать, что современные любящие родители воспротивились бы, если бы их детей воспитывали так, как это было принято в русской императорской семье эпохи моего детства.

Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов — задача, которая имеет для учителей математики особую притягательную силу, — влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа.

Однажды, когда мы были доведены до слёз какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны.

Для меня навсегда останется непостижимым, как такая давящая система воспитания не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всем тем предметам, которым нас обучали в детстве».

Религиозное воспитание братьев было поручено отцу Георгию, человеку ортодоксальному и недалёкому. Как позже писал Александр Михайлович: «Впервые в моей жизни я узнал о существовании различных грехов и их определении от отца Титова. Семилетним ребёнком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским. Господь Бог, который беседовал со мной в шелесте пёстрых цветов, росших в нашем саду, внезапно превратился в моём сознании в грозное, неумолимое существо.

Не глядя в мои полные ужаса глаза, отец Титов поведал мне о проклятиях и вечных муках, на которые будут осуждены те, кто утаивает свои грехи. Он возвышал голос, а я, дрожа, смотрел на его наперсный крест, освещённый лучами яркого кавказского солнца. Могло ли так случиться, что я вольно или невольно совершил какой-нибудь ужасный

грех и утаил его?

— Очень часто дети берут без спроса разные мелочи у своих родителей. Это воровство и большой грех, — говорил батюшка.

Нет, я был совершенно уверен в том, что не украл далее леденца из большой серебряной вазы, что стояла на камине, хотя она меня соблазняла не раз. Но я вспомнил о прошлом лете, которое провёл в Италии. Будучи в Неаполе в саду при нашей вилле, я поднял под одним из фруктовых деревьев блестящее красное яблоко, которое издавало такой знакомый аромат, что я сразу задрожал и загрустил по далёкому Кавказу.

— Отец Титов, скажите, я попаду в ад, потому что подобрал чужое яблоко в Неаполе? — спросил я.

Отец Титов успокоил меня и обещал научить, как искупить этот грех, если я ему обещаю никогда не делать ничего подобного.

Эта его готовность идти на уступки придала мне храбрости. Заикаясь, бормоча и проглатывая слова, я выразил удивление и сомнение по поводу существования ада.

— Вы здесь говорили, отец Титов, когда приходили к нам завтракать во дворец, что Господь Бог любит всех — мужчин, женщин, детей, животных и цветы. Так как же Он может допустить существование всех этих мук ада? Как может он одновременно любить и ненавидеть?

Теперь пришла очередь отца Титова ужасаться.

— Не повторяйте этого никогда! Это грех, кощунство. Конечно, Господь Бог любит всех. Он полон благости. Он не может ненавидеть.

— Но, батюшка, вы же мне только что сказали о тех ужасных мучениях, которые ожидают в аду грешников. Значит, Бог любит только хороших людей и не любит грешников.

Батюшка глубоко вздохнул и положил на мою голову свою большую мягкую руку.

— Мой дорогой мальчик, вы поймёте это со временем. Когда-нибудь, когда вы вырастаете, вы меня поблагодарите за то, что я воспитал вас в духе истинного христианства. Теперь не спрашивайте много, но поступайте так, как я говорю.

Я ушёл из церкви с чувством, что потерял что-то необычайно ценное, чего никогда не смогу приобрести вновь, даже если сделаюсь императором всероссийским.

— Ты простился со своими няньками? — спросил меня отец, когда я взобрался к нему на стул, чтобы пожелать спокойной ночи.

Не всё ли было равно и чем мне могли помочь няньки, когда мы все попадём в ад?»

Обратим внимание, что уже юному Сандро претила ханжеская мораль, проповедываемая отцом Георгием.

Дети в семье великого князя получили шуточные имена. Николай стал Бимбо, Александр — Сандро, Георгий — Гоги и т.д. Этими именами-прозвищами братьев Михайловичей родственники будут называть всю их жизнь.

Как и повелось много столетий назад в царственных дворах Европы, все родственники монарха могли избрать только одну карьеру — военную. Правда, иногда во Франции и других католических странах двоюродные братья короля делали и духовную карьеру. Но в России последнее было полностью исключено. Как писал Александр Михайлович: «Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич-старший, артиллерией, которая была в ведении моего отца, и военным флотом, во главе которого стоял мой дядя — великий князь Константин Николаевич.

— Для такого мальчика, как вы, — обыкновенно говорила улыбающаяся дама, — самое лучшее следовать по стопам вашего августейшего отца.

Что другое можно было ответить на подобные слова, если принять во внимание, что в это время двенадцать пар глаз моих наставников впивались в меня, стараясь внушить мне достойный ответ?

Крат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камерлакей, обносивший гостей десертом, прошёл с малиновым мороженым мимо его прибора.

Порядок распределения мест за столом исключал для нас, детей, всякую возможность посмеяться над теми или иными странностями гостей или же пошептаться между собой. Нам никогда не позволяли сидеть вместе, а размещали между взрослыми. Нам было объяснено, что мы должны себя вести в отношении наших соседей так, как бы вёл себя наш отец. Мы должны были улыбаться неудачным островам наших гостей и проявлять особый интерес к политическим новостям.

Кроме того, мы должны были всегда помнить, что в один прекрасный день нас повезут в Россию, которая находится за хребтом Кавказских гор. Там, в гостях у нашего царственного дяди, говорили нам, мы с признательностью вспомним наших наставников, которым мы обязаны нашими хорошими манерами. Иначе наши кузены будут указывать на нас пальцами и называть “дикими кавказцами”.

Встав из-за стола, мы могли играть в кабинете отца в течение часа после завтрака и двадцати минут после обеда. Кабинетом была огромная комната, покрытая удивительными персидскими коврами и украшенная по стенам кавказскими саблями, пистолетами и ружьями. Окна кабинета выходили на Головинский проспект (главная улица Тифлиса), и из них можно было наблюдать интересные картины восточного быта. Мы не могли насмотреться на высоких, загорелых горцев в серых, коричневых или же красных черкесках, верхом на чистокровных скакунах, с рукой на рукояти серебряных или золотых кинжалов, покрытых драгоценными камнями. Привыкнув встречать у отца представителей различных кавказских народностей, мы без особого труда различали в толпе беспечных персов, одетых в пёстрые ткани и ярко выделявшихся на чёрном фоне одежд грузин и простой формы наших солдат. Армянские продавцы фруктов, сумрачные татары верхом на мулах, желтолицые бухарцы, кричавшие на своих тяжело нагруженных верблюдов, — вот главные персонажи этой вечно двигавшейся панорамы.

Громада Казбека, покрытого снегом и пронизывавшего своей вершиной голубое небо, царила над узкими красивыми улицами, которые вели к базарной площади и были всегда наполнены шумной толпой. Только мелодичное журчание быстрой Куры смягчало шумную гамму этого вечно кричащего города.

Красота окружающей природы обыкновенно накладывает отпечаток грусти на склад юного характера. Но мы все были беспечно счастливы в те короткие минуты, которые оставались в нашем распоряжении между строевыми занятиями и учебными классами.

Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражён, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далёком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судеб империи, наши губернёры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы.

Ровно в девять мы должны были идти в нашу спальню, надевать длинные белые ночные рубашки (пижамы тогда ещё не были известны в России), немедленно ложиться и засыпать. Но и в постелях мы оставались

под строгим надзором. Не менее пяти раз за ночь дежурный наставник входил в нашу комнату и окидывал подозрительным взглядом кровати, в которых под одеялами лежали, свернувшись, пятеро мальчиков.

Около полуночи нас будило звяканье шпор, возвещавшее приход отца. На просьбы моей матери нас не будить отец отвечал, что будущие солдаты должны приучаться спать, несмотря ни на какой шум.

— Что они будут делать потом, — говорил он, — когда им придётся урывать несколько часов для отдыха под звуки канонады?»

Дочь Анастасия занимала особое место в семье наместника на Кавказе. И отец, и братья обожали высокую черноволосую красавицу. Александр Михайлович писал: «Когда мы говорили с нею, то воображали себя её верными рыцарями, готовыми исполнять все приказания нашей дамы сердца и повергнуть к её ногам всю любовь, накопившуюся в душе неделями и месяцами скучного учения. Мы страстно ревновали её друг к другу, и у нас заняло сердце, когда в Тифлис прибыл герцог Мекленбург-Шверинский, чтобы познакомиться со своей будущей невестой. Наша инстинктивная неприязнь к нему и его лихой манере щёлкать каблуками достигла пределов настоящей ненависти, когда наш брат Николай открыл истинную цель его визита. Его появление грозило лишить нас существа, на которое мы изливали всю нашу душевную нежность».

В 1879 г. Анастасия вышла замуж за Фридриха-Франца герцога Мекленбург-Шверинского. Брак этот не был политическим, герцогство входило в состав Германской империи, просто ничего лучшего для Анастасии не нашли. В 1897 г. герцог умер, а его вдова, как говорили в Германии, «забросила чепец за мельницу». Анастасию Михайловну постоянно видели в самых дорогих казино и отелях. Ей неизменно сопутствовала компания молодых плейбоев. В конце концов Вильгельм II не выдержал и публично назвал герцогиню «нашей Мессалиной». Кайзер имел в виду жену римского императора Клавдия I, прославившуюся своим распутством и оргиями с мальчиками-подростками.

Любопытно, что младший брат мужа Анастасии Адольф Фридрих Мекленбург-Шверинский (1873-I 969) был назначен Вильгельмом II правителем Соединённого герцогства Балтийского, в которое вошли Эстляндия и Курляндия (современные Эстония и Латвия). Однако герцогство просуществовало всего лишь несколько месяцев 1918 года. Ноябрьская революция в Германии перечеркнула планы кайзера.

Летом братья Михайловичи покидали дворец наместника в Тифлисе и проводили каникулы, длившиеся около шести недель, в Боржоми или в Крыму в Ливадии во дворце их дяди, Александра И. Весной 1875 г. дети

покинули Тифлис раньше обычного. Они доехали до Новороссийска, а оттуда пароходом добрались до Ялты. На пристани их встретил сам царь. Александр II впервые увидел своего тёзку и сказал:

— Я очень рад видеть самого дикого из моих кавказских племянников.

Затем дети и взрослые поехали в Ливадийский дворец. Замечу, что это был не нынешний дворец, в котором наши киношники любят показывать роман Александра II с Катенькой Долгоруковой. Именье Ливадия было куплено в 1860 г. Департаментом уделов у наследников графа Л.С. Потоцкого. Впервые царская семья отдыхала в Ливадии в 1861 г., а затем стала отдыхать каждое лето. В 1862-1863 гг. дом Потоцкого был перестроен архитектором И.А. Монигетти в Большой императорский дворец, а рядом был построен Малый дворец.

Александр Михайлович вспоминал: «Длинная лестница вела от дворца прямо к Чёрному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося мальчика моего возраста, который гулял с няней, державшей ребёнка на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

— Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя 15 прошлым году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Моё предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года».

Глядя на очаровательную девочку, сидевшую на руках няни, Сандро не мог и представить себе, что через семнадцать лет Ксения станет его женой.

В 1877 г. началась Русско-турецкая война, и великий князь Михаил Николаевич был назначен главнокомандующим русской армией на Кавказе. Рассказ об этой войне выходит за рамки нашего повествования, и я ограничусь лишь цитированием воспоминаний, показывающих реакцию одиннадцатилетнего Сандро: «Мобилизованные солдаты, которые должны были перейти пешком горный хребет, отделявший Европейскую Россию от Южного Кавказа (в то время не было прямого железнодорожного сообщения между Тифлисом и Москвой), ежедневно получали пищу в большом парке нашего дворца, а в его нижнем этаже был открыт госпиталь.

Каждое утро мы сопровождали отца во время его обхода войск, с

замиранием сердца слушая его простые, солдатские слова, обращённые к войскам, по вопросу о причинах войны и о необходимости быстрых действий.

Потом настал великий день и для меня, когда мой шефский 73-й Крымский пехотный полк проходил через Тифлис на фронт и должен был мне представиться на смотре.

В шесть часов утра я уже стоял перед зеркалом и с восторгом любовался своей блестящей формой, начищенными сапогами и внушительной саблей. Вокруг себя я чувствовал зависть и недоброжелательство братьев, завидовавших моему торжеству. Они проклинали свою судьбу за то, что движение их шефских полков задерживалось на севере. Они боялись, что каждая победа нашей армии на Балканах будет ставиться в заслугу “полка Сандро”.

— Кажется, твои солдаты здорово устали! — сказал мой брат Михаил, глядя через окно на четыре тысячи людей, вытянувшихся фронтом пред дворцом вдоль всего Головинского проспекта.

Я не обратил внимания на его колкое замечание. Мне мои люди показались замечательными. Я решил, что следовало произнести перед своим полком речь, и старался вспомнить подходящие выражения, которые вычитал в истории Отечественной войны.

— Мои дорогие герои!..

Нет, это звучит как перевод с французского.

— Мои славные солдаты!

Или ещё лучше:

— Мои славные братья!

— В чём дело? — спросил отец, входя в комнату и заметив мои позы.

— Он старается воодушевить свой полк, — ответил Михаил.

Нужна была сильная рука моего отца, чтобы остановить справедливое негодование шефа 73-го Крымского пехотного полка.

— Не ссорьтесь, дети! Не дразните Сандро! Никто не ожидает от него речей.

Я был разочарован.

— Но, папа, разве я не должен обратиться к солдатам с речью?

— Пожелай им просто Божьей помощи. Теперь пойдём и помни, что, как бы ты ни был утомлён, ты должен выглядеть весёлым и довольным.

К полудню я понял предупреждение отца. Понадобилось четыре часа, чтобы осмотреть все шестнадцать рот полка, который весь состоял из бородатых великанов, забавлявшихся видом своего молодого, полного собственного достоинства шефа. Шестнадцать раз я повторил “Здорово,

первая рота!”, “Здорово, вторая рота!” и т.д. и слышал в ответ оглушительный рёв из двухсот пятидесяти грудей, которые кричали: “Здравия желаем!”. Я с трудом поспевал за огромными шагами своего отца, который был на голову выше всех солдат, специально подобранных в шефский полк за свой высокий рост. Никогда в жизни я ещё не чувствовал себя таким утомлённым и счастливым.

— Ты бы отдохнул, — предложила мне мать, когда мы вернулись во дворец.

Но разве я мог думать об отдыхе, когда четыре тысячи моих солдат шли походным порядком прямо на фронт?

Я тотчас же подошёл к рельефной карте Кавказа и начал внимательно изучать путь, по которому пойдёт 73-й Крымский пехотный полк.

— Я никогда не слышал, чтобы так звенели шпорами, — воскликнул брат Михаил и с презрением вышел из комнаты.

Хоть он и был на три года старше меня, я тем не менее перерос его в эту зиму на три дюйма, и это его очень беспокоило.

Неделю спустя отец уехал на фронт. Мы завидовали отцу и не разделяли горя плакавшей матери...

...Была установлена связь при помощи особых курьеров между дворцом наместника и ставкой командующего фронтом в Александрополе, что позволяло нам быть всегда в курсе всех военных новостей. Ежедневно, по прибытии сводки, мы бросались к карте, чтобы передвинуть разноцветные флажки, обозначающие положение на фронте. Сводка не щадила красок, чтобы описать подвиги нашей армии и дать подробные цифры убитых и пленных турок. Турецкие потери звучали в наших ушах сладкой музыкой. Много лет спустя, командуя русским воздушным флотом во время мировой войны, я постиг не совсем обычный механизм издания официальных военных сводок и уже не мог вновь пережить энтузиазма одиннадцатилетнего мальчика, с блеском в глазах следившего за передвижениями русской армии в Турции, не думая о тех гекатомбах человеческих жизней, которые она оставляла на своём пути передвижения».

Боевые действия закончились в феврале 1878 г., а 1 июля был подписан Берлинский трактат. Осенью того же года семейство великого князя Михаила Николаевича в полном составе отправилось в Петербург на свадьбу Анастасии Михайловны с великим герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским. Это было первое путешествие Сандро в европейскую часть России.

Он писал: «Не отрываясь от окна вагона, я следил за бесконечной

панорамой русских полей, которые показались мне, воспитанному среди снеговых вершин и быстрых потоков Кавказа, однообразными и грустными. Мне не нравилась эта чуждая мне страна, и я не хотел признавать её своей родиной. Я видел покорные лица мужиков, бедные деревни, захолустные, провинциальные города, и спустя сутки после того, как наш поезд выехал из Владикавказа (до которого мы добирались в экипажах), меня стало неудержимо тянуть в Тифлис обратно. Отец заметил моё разочарование.

— Не суди обо всей России по её провинции, — заметил он, — вот скоро уж увидишь Москву с её 1600 церквей и Петербург с гранитными дворцами.

Я глубоко вздохнул. Мне пришлось уже столько слышать о храмах Кремля и о роскоши Императорского дворца, что я заранее был уверен, что они мне не понравятся.

Мы остановились в Москве, чтобы поклониться чудотворной иконе Иверской Божьей Матери и мощам святых Кремля, что являлось официальным долгом каждого члена императорской фамилии, проезжавшего через Москву».

«Потом мы поехали в Кремль, — пишет далее Александр Михайлович, — и поклонились мощам святых, почивавших в серебряных раках и окутанных в серебряные и золотые ткани. Пожилой монах в чёрной рясе водил нас от одной раки к другой, поднимая крышки и показывая место, куда надлежало прикладываться. Я меня разболелась голова. Ещё немного в этой душной атмосфере и я упал бы в обморок.

Я не хочу кощунствовать и ещё менее оскорблять чувства верующих православных. Я просто описываю этот эпизод, чтобы показать, какое ужасное впечатление оставил средневековый обряд в душе мальчика, искавшего в религии красоты и любви. Со дня моего первого посещения Первопрестольной и в течение последовавших сорока лет я по крайней мере несколько сот раз целовал в Кремле мощи святых. И каждый раз я не только не испытывал религиозного экстаза, но переживал глубочайшее нравственное страдание. Теперь, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет, я глубоко убеждён, что нельзя почитать Бога так, как нам это завещали наши языческие предки».

Думаю, последняя цитата хорошо показывает отношение Александра Михайловича к православной церкви.

Конец 1878 г. — время начала первых революционных выступлений, и власти принимают чрезвычайные меры безопасности для охраны семейства Романовых.

«Линия Москва — Петербург, протяжением в 605 вёрст, была оцеплена войсками, — вспоминает наш герой. — В течение всего пути мы видели блеск штыков и солдатские шинели. Ночью тысячи костров освещали наш путь. Сперва мы думали, что это входило в церемониал встречи наместника Кавказского, но потом мы узнали, что государь император предполагал в ближайшем будущем посетить Москву, а потому правительством были приняты чрезвычайные меры по охране его поезда от покушений злоумышленников. Это несказанно огорчило нас. По-видимому, политическая обстановка принимала крайне напряжённый характер, если для поезда императора необходимо было охранять каждую пядь дороги между двумя станциями. Это было так непохоже на то время, когда Николай I путешествовал почти без охраны по самым глухим местам нашей необъятной империи. Отец наш был очень огорчён и не мог скрыть своего волнения.

Мы приехали в Петербург как раз в период туманов, которым позавидовал бы Лондон. Лампы и свечи горели по всему дворцу. В полдень становилось так темно, что я не мог разглядеть потолка в моей комнате.

— Ваша комната приятна тем, — объяснил нам наш воспитатель, — что, когда туман рассеется, вы увидите напротив через Неву Петропавловскую крепость, в которой погребены все русские государи.

Мне стало грустно. Мало того, что предстояло жить в этой столице туманов, так ещё в соседстве с мертвецами. Слезы показались на моих глазах. Как я ненавидел Петербург в это утро. Даже и теперь, когда я тоскую по родине, то всегда стремлюсь увидеть вновь Кавказ и Крым, но совершенно искренно надеюсь никогда уже более не посетить прежнюю столицу моих предков».

К концу 1879 г. императорская фамилия насчитывала свыше дюжины молодых людей. У императора Александра II от императрицы Марии Александровны осталось пять сыновей: Александр (1845-1894), Владимир (1847-1909), Алексей (1850-1908), Сергей (1857-1905) и Павел (1860-1918). Старший сын Николай родился в 1843 г., умер в апреле 1865 г.

У следующего по старшинству брата царя Константина Николаевича было четыре сына: Николай (1850-1918), Константин (1858-1915), Дмитрий (1860-1919) и Вячеслав (1862-1879).

Великий князь Николай Николаевич-старший имел лишь двух сыновей — Николая (1856-1929), которого будут называть Николаем Николаевичем-младшим, и Петра (1864-1931).

А если к ним ещё добавить и пятерых братьев Михайловичей, то получится целых шестнадцать молодых амбициозных личностей.

Отношения между ними Александр Михайлович показал достаточно объективно: «За исключением наследника и его трёх сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и на флоте и соперничали друг с другом. Отсюда существование в императорской семье нескольких партий и, несмотря на близкое родство, некоторая взаимная враждебность. Вначале мы, “кавказцы”, держались несколько особняком от “северян”: считалось, что мы пользовались особыми привилегиями у нашего дяди — царя. У нас пятерых были свои любимцы и враги. Мы все любили будущего императора Николая II и его брата Георгия и не доверяли Николаю Николаевичу. Вражда между моим старшим братом Николаем Михайловичем и будущим главнокомандующим русской армии Николаем Николаевичем — вражда, начавшаяся со дня их первой встречи ещё в детские годы, — внесла острую струю раздора в отношения молодых членов императорской семьи: им приходилось выбирать, кого они поддерживают и с кем дружат — с высоким Николашей или с начитанным Николаем Михайловичем.

Хотя я и был новичком в области придворных взаимоотношений, ещё задолго до нашей встречи, которая произошла в 1879 году, я начал относиться неприязненно к врагу моего старшего брата. Когда же я его увидел впервые на одном из воскресных семейных обедов в Зимнем дворце, то не нашёл причины изменить своё отношение к нему. Все мои родные без исключения сидели за большим столом, уставленным хрусталём и золотой посудой: император Александр II, мягкость доброй души которого отражалась в его больших, полных нежности глазах; наследник цесаревич — мрачный и властный, с крупным телом, которое делало его значительно старше своих тридцати четырёх лет; суровый, но изящный великий князь Владимир; великий князь Алексей — общепризнанный повеса императорской семьи и кумир красавиц Вашингтона, куда он имел обыкновение ездить постоянно; великий князь Сергей, сноб, который отталкивал всех скукой и презрением, написанным на его юном лице; великий князь Павел — самый красивый и самый демократичный из всех сыновей государя.

Четыре Константиновича группировались вокруг своего отца — великого князя Константина Николаевича, который из-за своих либеральных политических взглядов был очень непопулярен у старших членов семьи.

И, наконец, наш “враг” Николаша. Самый высокий мужчина в Зимнем дворце, и это действительно было так, ибо средний рост представителей

царской династии был шесть футов с лишком. В нём же было без сапог шесть футов пять дюймов, так как даже мой отец выглядел значительно ниже его. В течение всего обеда Николаша сидел так прямо, словно каждую минуту ожидал исполнения национального гимна. Время от времени он бросал холодный взгляд в сторону “кавказцев” и потом быстро опускал глаза, так как мы все как один встречали его враждебными взглядами.

К концу этого обеда мои симпатии и антипатии установились: решил завязать дружбу с Ники и с его братом Георгием, с которым был уже знаком во время нашего пребывания в Крыму. Точно так же я был не прочь избрать товарищами моих игр великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича. Что же касается остальных великих князей, то я решил держаться от них подальше, насколько мне позволят этикет и вежливость. Глядя на гордые лица моих кузенов, я понял, что у меня есть выбор между популярностью в их среде и независимостью моей личности. И произошло так, что не только осенью 1879 года, но и в течение всей моей жизни в России я имел очень мало общего с членами императорской семьи, за исключением императора Николая II и его сестёр и моих братьев».

Глава 2

1 МАРТА 1881 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Конец 60-х — начало 80-х г. XIX в. в России ознаменовались террором революционной организации «Народная воля». Сейчас термины «террор» и «терроризм» стали любимыми словами властей и, видимо, стоит объяснить разницу между террором дореволюционным и террором нынешним. Самое главное различие состоит в том, что террор нынешний — это действия инородцев-мусульман против русских людей, а тогдашний террор — это защита русской молодёжью прав и благосостояния русского народа, причём значительная часть жертв террора были этническими немцами, включая того же Александра II.

Замечу, что революционеры начали свою деятельность в 70-х гг. XIX в. не с террора, а с мирной пропаганды. В ответ правительство стало собирать по 50-170 молодых людей, разделяющих социалистические взгляды, но в большинстве случаев даже не знакомых друг с другом, и организовывать политические процессы. Несколько десятков человек умерли в тюрьмах до суда, остальных приговорили к тюремному заключению и каторге. С одного из таких процессов британский корреспондент писал, что этих русских трудно понять: судят за какие-то разговоры, за то, что один студент дал почитать другому томик Лассаля и т.д.

Да что политика! Современному читателю не понять, как бесчинствовали царские губернаторы, по собственной прихоти вмешиваясь даже в сугубо личные дела граждан. Известно много случаев, когда актриса гастролирующего в провинции театра отказывалась переспать с местным губернатором или иным высокопоставленным чиновником. Реакция губернатора — высылка театра. Наоборот, какая-то девица уступила притязаниям юного аристократа, его маменька побежала жаловаться губернатору, и девицу со всей семьёй отправляли в Сибирь. Офицер или чиновник громко выяснял свои отношения с любовницей в театре, упаси господи, не как сейчас — без стрельбы и мордобоя, и даже без мата, а по-французски, вежливыми словами объяснял даме, кто она такая, — опять же высылка без суда и следствия.

А если добавить, что большинство сановников-самодуров были

казнокрадами и занимались рэкетом — вымогали взятки у купцов и горожан, то нетрудно понять отношение к ним образованной части общества.

6 декабря 1876 г. Вера Засулич выстрелила из револьвера в градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранила его. Террористка была немедленно схвачена. Александр II приказал судить её как обычную уголовницу судом присяжных.

Генерал-лейтенанту Трепову было 64 года, он ветеран нескольких войн, имел множество наград. Престарелый градоначальник инспектировал тюрьму предварительного заключения. Гулявшие по двору заключённые сняли шапки перед генералом. Когда же Трепов вновь прошёл через двор, то студент Боголепов, арестованный по обвинению в революционной пропаганде, решил, что на Руси здороваются один раз, и не снял вторично шапки. Тренов обиделся и велел высечь студента. Ну чего со старика взять? Он всю жизнь привык и солдат, и гражданских лиц сечь и палками бить, а тут вышла неувязочка — новым законом запрещалось сечь обвиняемых до суда, а после — пожалуйста, сколько угодно!

И за это стрелять в столь заслуженного человека! Тем более что Вера Засулич была дама не первой молодости — 27 лет, и, судя по сохранившимся фотографиями и свидетельствам современников, была крайне некрасива. Министр юстиции граф Палён был уверен в обвинительном приговоре присяжных.

Но ни министру, ни тем более царю не доложили, что не только интеллигенция, но и петербургские чиновники звали Трепова не иначе, как Федька-вор. По городу ходили стихи:

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился божий бич,
И упал градоправитель
Как подстреленная дичь!

В присяжные были избраны лишь состоятельные и благонадёжные люди, да и в зал суда не допустили ни одного студента, а вместо них сидели сановники и купцы, дамы сияли бриллиантами. Среди публики были, например, канцлер империи князь А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин, государственный контролёр Д.М. Сольский, светлейший князь

А.А. Суворов, петербургский губернатор И.В. Лутковский.

И вот результат — присяжные единодушно оправдали Засулич. Как писал председатель суда знаменитый юрист А.Ф. Кони: «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: “Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!” — всё слилось в один треск и стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом отделении для публики, обнимались; даже в местах за судьями усерднейшим образом хлопали... Один особенно усердствовал над самым моим ухом. Я оглянулся. Помощник генерал-фельдцейхмейстера [т.е. великого князя Михаила Николаевича. — А. III.] Г.А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони. Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбнулся, но едва я отвернулся, снова принялся хлопать...»^[4].

Вера была освобождена, хотя вскоре по указанию царя жандармы начали её поиск. Уехав за рубеж, она сменила убеждения и превратилась из народоволки в одного из лидеров социал-демократов.

Успехи «Народной воли» заключались в поддержке большинства образованного общества. Именно оттуда она рекрутировала новых членов. И, если желающих идти в боевики и рисковать своей головой было сравнительно немного, то число лиц, поддерживающих революционеров материально, прячущих их от полиции, было на два порядка больше. А «кукиш в кармане» показывало самодержавию подавляющее большинство русской интеллигенции. В советской литературе человека с кукишем в кармане принято изображать в карикатурном дурашливом виде. Но такой человек очень страшен для любого правительства, конечно, не в единичном экземпляре, а когда их накапливается определённый процент. Такой человек не будет кидать бомбы в сановников, возможно, он не выйдет на мирную демонстрацию оппозиции, но, когда оппозиция возьмётся за оружие и добьётся определённых успехов, человек с кукишем немедленно схватится за автомат, и горе тем, кто его нагло допекал.

Террористическая деятельность «Народной воли» совпала с романом императора Александра с фрейлиной Екатериной Долгоруковой. Первое свидание семнадцатилетней Кати с сорокасемилетним Александром состоялось 1 (13) июля 1866 г. в павильоне Бабигон в Петергофе. Осенью 1871 г. Долгорукова родила сына Георгия, за ним последовали дочери Ольга и Екатерина.

Обвинять Александра II в том, что он завёл вторую семью, рука не поднимается. Его официальная супруга Мария Александровна рано состарилась и свыше десяти лет тяжело болела. Конечно, император мог

взамен Кати завести несколько десятков любовниц, как, например, его отец Николай I, которого, кстати, современные историки называют примерным семьянином.

Мария Александровна скончалась в июне 1880 г. в возрасте 55 лет. Спустя пять недель Александр II тайно обвенчался с Екатериной Долгоруковой — траур его был на редкость короток. Царским указом Катя и её дети получили титул светлейших князей Юрьевских. Царь попытался представить новую жену родственникам, но они все, за исключением брата Константина и сына Алексея, устроили Кате обструкцию, открыто выражая презрение к ней.

Осенью 1880 г. Александр II поселил княгиню Юрьевскую и её детей в Большом Ливадийском дворце и настоял, чтобы туда приехал цесаревич Александр с супругой Марией Фёдоровной и старшим сыном Николаем, будущим последним императором. Все попытки императора добиться взаимопонимания разрушались холодностью и презрением Марии Фёдоровны. Она даже запретила Николаю общаться с его дядей Георгием.

5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце раздался страшный взрыв. Александр II чудом остался жив. Народоволец Степан Халтурин под видом столяра-краснодеревщика устроился на работу во дворец. Его поселили в подвале в крохотной каморке, куда он постепенно приносил динамит. Вечером 5 февраля он установил взрыватель и благополучно покинул дворец.

Далее я предоставляю слово Александру Михайловичу: «При известии о покушении в Зимнем дворце отец сразу собрался в Петербург. В такое время он не мог оставаться вдали от своего любимого царственного брата. Нам было сказано готовиться провести эту зиму в столице.

Тяжёлые тучи нависли над всей страной. Торжественные встречи, устроенные нам властями по пути нашего следования на север, не могли скрыть всеобщей тревоги. Все понимали, что покушения на государя, ставшие хроническим явлением, прекратятся лишь тогда, когда более твёрдая рука станет у власти. Многие предполагали, что мой отец должен взять на себя полномочия диктатора, ибо все уважали в нём твёрдость убеждений и бесстрашие солдата.

Но мало кто из русского общества сознавал, что даже самые близкие и влиятельные члены императорской семьи должны были в то время считаться с влиянием на государя посторонней женщины. Мы, дети, узнали о её существовании накануне прибытия нашего поезда в Петербург, когда нас вызвали в салон-вагон к отцу.

Войдя, мы тотчас же поняли, что между нашими родителями

произошло разногласие. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отец курил, размахивая длинной, чёрной сигарой, что бывало чрезвычайно редко в присутствии матери.

— Слушайте, дети, — начал отец, поправляя на шее ленту ордена Св. Георгия Победоносца, полученного им за покорение Западного Кавказа, — я хочу вам что-то сказать, пока мы ещё не приехали в С.-Петербург. Будьте готовы встретить новую императрицу на первом же обеде во дворце.

— Она ещё не императрица! — горячо перебила моя мать. — Не забывайте, что настоящая императрица умерла всего только десять месяцев тому назад!

— Дай мне кончить... — резко перебил отец, повышая голос. — Мы все — верноподданные нашего государя. Мы не имеем нрава критиковать его решения. Каждый великий князь должен также исполнять его приказы, как последний рядовой солдат. Как я уже начал вам объяснять, дети, ваш дядя государь удостоил браком княжну Долгорукую. Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской до окончания траура по вашей покойной тётушке, императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего императора. От второго брака государя есть дети, трое: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

— Вы, однако, слишком далеко заходите, — сказала матушка по-французски, с трудом сдерживая свой гнев.

Мы пятеро переглядывались. Тут я вспомнил, что во время нашего последнего пребывания в Петербурге нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми.

— Сколько лет нашим кузенам? — прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всём.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

— Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, — сухо сказал он.

— Как же это возможно?... — начал было Сергей, но отец поднял руку:

— Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях Зимнего дворца. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и что, по-видимому, государь женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него было две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже.

Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово “любовница” было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода.

Сам старший церемониймейстер был заметно смущён, когда в следующее после приезда воскресенье вечером члены императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно.

— Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, а моя будущая тёща, жена наследника престола Мария Фёдоровна, потупилась...

Император быстро вошёл, ведя под руку молодую красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с императором в кресло покойной императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение её грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающее поглаживал её руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая её попытка принять участие и общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел её и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, весёлого, доброго человека, который, так получилось, был императором?

Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашёптывал слова одобрения в её маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что нам, молодым, княгиня, по крайней мере, понравилась.

К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

— А вот и мой Гога! — воскликнул гордо император, поднимая в воздух весёлого мальчугана и сажая его на плечо. — Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

— Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, — ответил Гога и начал возиться с бакенбардами императора, теребя их ручонками.

— Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! — шутил государь. — А не хочется ли, молодой человек, вам сделаться великим князем?

— Саша, ради Бога, оставь! — нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди родственников по вопросу узаконения своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и, в первый раз забыв об этикете двора, во всеуслышание назвала своего супруга уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слитком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: император решил игнорировать неудовольствие членов императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить весёлое воскресенье для своих детей. После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с так называемых русских горок. Мальчуган старался подружиться со всеми нами и в особенности с моим двоюродным племянником Ники (будущим императором Николаем II), которого очень забавляло, что у него, тринадцатилетнего, есть семилетний дядя.

На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

— Что бы ты ни говорил, — заявила моя мать, — я никогда не признаю эту авантюристку. Я её ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть твоего брата Сашей.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

— Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, — ответил он кротко, — хороша она или плоха, но она замужем за государем. С каких пор запрещено жёнам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня “Ваше Императорское Высочество?”

— Как можно делать такие глупые сравнения! — сказала моя мать со слезами на глазах. — Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибель империи.

— Я запрещаю, — он делал при этом ударение на каждом слове, —

повторять эти позорные сплетни! Будущей императрице вы и все члены императорской семьи, включая наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!»

Александр Михайлович довольно точно передаёт отношение семьи Романовых к княгине Юрьевской. Любопытно, что мнения наших историков о роли Кати диаметрально расходятся. Одни утверждают, что если император успел бы осуществить свои намерения и короновал бы её, то он волей-неволей был бы вынужден дать России конституцию, и история страны сложилась бы совсем иначе. Но есть и противоположная точка зрения. Самый популярный историк, специализирующийся на жизни семьи Романовых, Александр Боханов с пафосом пишет о слухах, что «император со временем намерен короновать Юрьевскую и сделать этого самого Того наследником. Конечно, подобный шаг мог совершить лишь безумец. Это привело бы к катастрофе, к распаду всех основ, к трагическому расколу не только династии, но и всей империи. Об этом страшно подумать, и самодержец не сможет подобного допустить»^[5].

Лично у меня нет никакого желания рассматривать альтернативный вариант: «если бы Александр II остался жив, если бы он короновал Катю, если бы он дал конституцию...» В этом случае могли быть десятки вариантов развития событий, зависевших от поведения семейства Романовых и ведущих сановников империи. Они могли поджать хвост и славить новую императрицу, могли устроить заговор, а в последнем случае опять много вариантов — от цареубийства до заточения Александра Александровича в крепость и провозглашения цесаревичем Георгия Александровича. Но разбирать эти варианты — дело неблагодарное и пустое, и поэтому я предоставляю его другим.

А вот об отношении великих князей и особенно княгинь к Кате как к плебейке стоит сказать пару слов. Род Долгоруковых происходит от независимых князей Смоленских, а те — от Рюрика, а для антинорманнистов — от князя Игоря.

Смоленские князья Рюриковичи, оказавшиеся в оппозиции режиму, Пётр Владимирович Долгоруков и Пётр Алексеевич Кропоткин писали, что у них больше прав на управление Россией, чем у «монголо-немецкой Гольштейн-Готторпской династии». Да и вообще, у хорошего русского помещика было больше земель, чем у всяких там германских герцогов, маркграфов, курфюрстов, чьи чванливые дочери в большом количестве поставлялись в качестве невест голштинскому семейству Романовых. Притом происхождение оных принцесс не всегда было безупречным. Шведский историк Стаффан Скотт утверждает: «Её [т. е. Марии

Александровны. — А. III.] отец, великий герцог Гессенский, тоже сожителем с дамой значительно ниже себя по происхождению, даже не дворянкой, и женился на ней после смерти законной супруги. По всем источникам, великий герцог Гессенский вообще не был биологическим отцом царицы: когда она родилась, он и великая герцогиня уже много лет не жили вместе, и вероятным отцом ребёнка называли начальника дворцовой конюшни. Сие обстоятельство было отлично известно Николаю I, когда он просил для сына руки принцессы, но практичный государь согласился с наследником: важно, кто считается официальным отцом наречённой; а великий герцог был человеком великодушным и не вмешивался в дела законной супруги, если она, в свою очередь, закрывала глаза на его интимную жизнь»^[6].

Любопытно, что писал о происхождении Кати Долгоруковой сам Александр Михайлович: «Как всегда бывает в подобных случаях, женщины были особенно безжалостны к матери Гоги. Руководимые уязвлённым самолюбием и ослеплённые завистью, они спешили из одного великосветского салона в другой, распространяя самые невероятные слухи и поощряя клевету. Факт, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рождению к одному из стариннейших русских родов Рюриковичей, делал её положение ещё более трудным, ибо неугомонные сплетники распространили фантастические слухи об исторической вражде между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, как какой-то старец 200 лет тому назад предсказал преждевременную смерть одному из Романовых, который женится на Долгорукой. В подтверждение этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Разве он не погиб в день, назначенный для его бракосочетания с роковой княжной Натальей Долгорукой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?

Напрасно наш лейб-медик старался доказать суеверным сплетникам, что медицинская наука в восемнадцатом столетии не умела бороться с натуральной оспой и что молодой император умер бы так же, если бы обручился с самой счастливой девушкой на свете. Сплетники выслушивали мнение медицинского авторитета, но продолжали свою кампанию.

— Мой милый доктор, — говорила одна титулованная дама с большими связями, — при всём моём уважении к успехам современной науки я, право, не вижу, как ваши коллеги могли бы воспрепятствовать нигилистам бросать бомбы в направлении, указанном нашим великим диктатором?

Последнее относилось по адресу графа Лорис-Меликова».

Как видим, наши аристократки были столь же хорошо информированы о действиях «Народной воли», сколь революционеры о ситуации при царском дворе. После взрыва в Зимнем дворце придворные говорили, что это дело рук великого князя Константина Николаевича. Он де специально поехал в Кронштадт, чтобы в случае смерти царя привести оттуда в Петербург отряд матросов и объявить себя императором. Дело дошло до того, что 1 марта 1881 г. петербургский градоначальник Н.М. Баранов приказал под видом канализационных работ провести вокруг Мраморного дворца — резиденции Константина Николаевича — глубокую канаву. Это было сделано потому, что будто бы из Мраморного дворца в Зимний дворец был проведён провод для производства взрыва.

В свою очередь Исполнительный комитет «Народной воли» не только не знал о намерениях царя короновать княгиню Юрьевскую, но и вообще о ней самой.

Зима 1880/1881 г. в Петербурге показалась Александру Михайловичу кошмаром по сравнению с тихой провинциальной жизнью в Тифлисе: «Было бы слишком слабым сравнением, если бы я сказал, что мы все жили в осаждённой крепости. На войне друзья и враги известны. Здесь мы их не знали. Камер-лакей, подававший утренний кофе, мог быть на службе у нигилистов. Со времени ноябрьского взрыва каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, казался нам носителем адской машины.

Ввиду значительности пространства, занимаемого Петербургом, полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за пределами их дворцов. Великие князья просили государя переселиться в Гатчинский дворец, но доверчивый Александр II, унаследовавший от своего отца его храбрость, наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршрут своих ежедневных прогулок. Он категорически настаивал на неизменности обычного образа жизни, включая прогулки в Летнем саду и воскресные парады войск гвардии. То, что мой отец должен был неизменно сопровождать государя во время этих воскресных парадов, приводило мою матушку в невероятный ужас, а отец подсмеивался над её страхами, ссылаясь на непоколебимую верность армии. Но женский инстинкт оказался сильнее логики.

— Я не боюсь ни офицеров, ни солдат, — говорила мать, — но я не верю полиции, в особенности в воскресные дни. Путь к Марсову полю достаточно длинен, чтобы все местные нигилисты могли видеть ваш проезд по улицам. Я ни в коем случае не могу рисковать жизнью детей, они должны оставаться дома и не ездить на парады.

В воскресенье 1 марта 1881 года мой отец поехал, по своему

обыкновенно, на парад в половине второго. Мы же, мальчишки, решили отправиться с Ники и его матерью кататься на коньках. Мы должны были зайти за ними во дворец после трёх часов дня.

Ровно в три часа раздался звук сильнейшего взрыва.

— Это бомба! — сказал мой брат Георгий.

В тот же момент ещё более сильный взрыв потряс стёкла окон в нашей комнате. Мы кинулись на улицу, но были остановлены воспитателем. Через минуту в комнату вбежал запыхавшийся лакей.

— Государь убит! — крикнул он. — И великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

На его крик мать выбежала из соседней комнаты. Мы все бросились к выходу в карету, стоявшую у подъезда, и помчались в Зимний дворец. По дороге нас обогнал батальон л.-гв. Преображенского полка, который, с ружьями наперевес, бежал в том же направлении.

Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна чёрной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет государя. Отец стоял там в дверях, отдавая приказания служащим. Он обнял матушку, а она, потрясённая тем, что он невредим, упала в обморок.

Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора суетились около него, но было очевидно, что государя нельзя спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: правая нога оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим члены императорской фамилии. Комната была переполнена. Я схватил руку Ники, который стоял близко от меня, смертельно бледный, в своём синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала коньки в дрожащих руках.

Я нашёл цесаревича по его широким плечам: он стоял у окна.

Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать её при входе. Она упала навзничь на тело царя, покрывая его руки поцелуями и крича: “Саша! Саша!” Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями.

Агония продолжалась сорок пять минут. Все, кто тогда там был, никогда не могли её забыть. Из всех присутствовавших никого, кроме меня, теперь не осталось в живых. Большинство из них погибли 37 лет спустя от

рук большевиков.

Комната была убрана в стиле ампир, с драгоценными безделушками, разбросанными по столам, и многочисленными картинами по стенам. Над дверями была повешена увеличенная фотография моих братьев Николая, Михаила, Георгия и меня, снятых на уроке артиллерии у орудия в Тифлисе. Вид этой картины разрывал моё сердце.

— Спокойнее держись! — прошептал наследник, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывший градоначальник сделал подробный рапорт о происшедшей трагедии. Первая бомба убила двоих прохожих и ранила казачьего офицера, которого злоумышленник принял за моего отца. Император вышел из экипажа невредим. Кучер умолял его вернуться боковыми улицами обратно во дворец, но государь стал оказывать помощь раненым. В это время какой-то незнакомец, который всё время стоял на углу, бросил вторую бомбу под ноги государю. Это произошло менее чем за минуту до появления моего отца; его задержал визит к великой княгине Екатерине Михайловне. Задержка спасла ему жизнь.

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз без всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь император скончался! — громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала как подкошенная на пол. Её розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью».

Попробуем разобраться, чего добились народовольцы, устроив охоту на царя? Вопрос этот важен не столько для историков, занимающихся XIX в., сколько для политиков, да и простых людей нашего XXI в. Террористы надеялись, что смерть царя приведёт к немедленному всеобщему восстанию и свержению самодержавия. Основоположник российского марксизма Плеханов ещё до цареубийства заявил Желябову и Перовской: «Все, чего вы добьётесь, это то, что вместо Александра с двумя палочками будет Александр с тремя палочками». После чего Георгий Валентинович укатил в Париж, где и начал осваивать основы марксизма. А юный Володенька, сын статского генерала в Симбирске, сделал важное заявление: «Мы пойдём другим путём».

Оба великих марксиста оказались правы. К имени царя действительно добавилась лишь палочка. Вместо революции Россия получила реакцию, а большевики действительно пришли к власти «другим путём».

Однако террор «Народной воли», а затем и эсеров, произвёл огромную

деформацию в менталитете русского народа. До террора царь-батюшка был для русского мужика если не Богом, то его заместителем на земле. А все беды народные ниш от помещиков и исправников, а в худшем случае от «злых бояр», обманывавших царя. Это общеизвестно, и мне не хочется далее доказывать, что дважды два равно четырём.

Восстание Пугачёва затеяли казаки, да и в глазах народа это был не бунт, а борьба доброго царя против злой немки-царицы, посягнувшей на жизнь законного супруга. О декабристах мало что знали. Ну, понятно, злодеи... Бунтовали против царя, за что их и в Сибирь уехали. А о государственных переворотах 1762 г. и 1801 г. и убийствах императоров Петра III, Ивана Антоновича и Павла I народ вообще ничего не знал. Наконец, «хождение в народ» революционеров-пропагандистов в 60-х — 70-х гг. XIX в. дало практически нулевой эффект.

И вот террорист Дмитрий Каракозов стреляет в царя, но тут его якобы толкнул картежник Осип Комиссаров, и пуля прошла мимо.

Власти ударили в колокола по всей России, как в прямом, так и в переносном смысле: «Бог спас царя!» В каждом селе по такому поводу устраивали молебны. Записные поэты сочиняли по этому поводу оды, которые было велено заучивать в гимназиях и церковно-приходских школах.

Народ воспринял всё это действие с ужасом — на божьего помазанника руку посмели поднять! Но вот поляк Березовский стреляет в царя в Париже. Царский поезд, которому положено идти после свитского, уходит вперёд, а свитский идёт следом и подрывается на mine, заложенной под рельсами.

И после каждого покушения опять бьют в колокола. Величайший полководец и государственный деятель Наполеон больше всего боялся оказаться смешным: «От великого до смешного один шаг». Не буду спорить, на каком по счёту покушении на Александра II, это не столь важно, значительной части населения России действительно стало смешно. И пусть не брызгают слюной господа монархисты, а посмотрят в архивах на резкий всплеск (на порядок или два) в количестве дел «об оскорблении императорского величества». Крестьяне и мещане начали толковать и даже пари заключать, на каком по счёту покушении нигилисты уколошат царя-батюшку.

А власти по привычке и по дурости по-прежнему всякий раз звонили в колокола и буквально вдавливали населению подробности терактов. Вот, представьте себе картину: по Дворцовой площади бежит во всю мочу самодержец всероссийский, гроза Европы и петляет, как заяц, а за

ним бежит нигилист с «бульдогом», стреляя на ходу. Соловьёв промахнулся, четыре нули попали в царскую шинель, остальные — в «молоко». Затем, как уже говорилось, Халтурин громыхнул в Зимнем. Правда, дядя Степа схалтурил, поленившись принести ещё динамита. Ну, да всё равно, каково впечатление народа! Можно долго спорить о том, насколько изменилось мнение народа о царе после террора, но неоспоримо, что менталитет его был уже не тот.

Сейчас власти и СМИ буквально терроризируют население рассказами и показами актов террора. Вёз всякого сомнения, ужасна гибель любого человека. Ужасны взрывы домов и самолётов. Однако число людей, погибших за год от рук террористов, — капля в море по сравнению со смертями людей в ДТП, от отравления некачественной водкой, от рук мафии, а то и просто мелкой шпаны, от отсутствия лекарств и должного медицинского обслуживания.

Число жертв террора за любой год существенно меньше статистической погрешности смертности от вышеперечисленных причин.

Страшен не террор, а побочные его последствия. Мы все стали бояться друг друга. Дома и в городе, и в деревне стали походить на крепости — бронированные двери, решётки на окнах. Растёт национальная рознь.

Зато власть получила неограниченные возможности для слежки и притеснений граждан, которые и не снились не только Александру III, но и Гитлеру со Сталиным. Могло ли быть в Петербурге в 1881 г. или в Ленинграде в 1937 г., чтобы полиция (милиция) обыскивала на улицах всех подряд, включая женщин, требовала предъявить паспорт без всякого на то основания, обыскивала автомобили и т.д.

Повсюду — на улицах, в метро, магазинах, подъездах домов — расставлены видеокамеры. Я как-то случайно в книжном магазине посмотрел на монитор видеокамеры, следившей за отделом «Политика, история», где был открытый доступ покупателей. На мониторе были очень чётко видны названия книг и выражения лиц людей, их просматривавших. Браво! Наконец-то наши власти научились узнавать мысли подданных!

Предвижу вопли: это всё против террористов! Враки. Террористы — это лишь прекрасный повод. Если бы их не было, придумали бы что-нибудь другое. Мы все видели на экранах телевизоров, как мать пару раз легонько шлёпнула расхулиганившуюся дочь. Случившееся было зафиксировано видеокамерой, и несчастную мать отправили в тюрьму. Путь это было в Штатах, но это ждёт и нас.

Наше же правительство, вместо того, чтобы бороться с террористами традиционным методом кнута и пряника, начало терроризировать

собственный народ. Кнут — это решительные меры против самих террористов, вплоть до уничтожения с воздуха кланов, поддерживающих террористов. А пряник — это разрешение многожёнства, судебного разбирательства по законам шариата (при согласии обеих сторон), свободного ношения оружия в пределах своей области, права распоряжаться своей нефтью и своими баранами.

Думаю, большинство русских мужиков согласилось бы иметь дома «калаш», четыре жены и не отдавать свою нефть абрамовичам и ходорковским.

Вместо этого власти пытаются посадить весь наш народ под стекло с помощью видеокамер, подслушивания телефонных разговоров, стукачей и т.д., санкционируют беспредел спецслужб и прочая, и прочая... Москва стала напоминать Минск образца 1942 года, когда по улицам шастали патрули эсэсовцев с автоматами, полицейско-дружинники с нарукавными трёхцветными повязками, через каждые 50 метров требуют предъявить «аусвайс», а затем приступают к «шмону».

Между тем беспредел спецслужб бьёт одним концом по народу, а другим — по правительству. Но об этом мы поговорим, когда дойдём до царствования Николая II.

Глава 3

АЛЕКСАНДР III И ЕГО ЭПОХА

Александр Михайлович в своих воспоминаниях довольно верно описывает события после 1 марта 1881 г.: «Нервы наши были напряжены до последней степени. Физическая усталость в соединении с вечной тревогой довела нас, молодёжь, почти до истерического состояния. Ночью, сидя на кроватях, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшего воскресенья и спрашивали друг друга, что же будет дальше? Образ покойного государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с царём-батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 года.

Мы понимали, что русский царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов — всё это будет погребено вместе с убитым императором в склепе Петропавловской крепости. Взрывом в минувшее воскресенье был нанесён смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским царём и стихиями отрицания и разрушения.

К счастью для России, император Александр III обладал всеми качествами крупного администратора. Убеждённый сторонник здоровой национальной политики, поклонник дисциплины, настроенный к тому же весьма скептически, государь вступил на престол предков, готовый к борьбе. Он слишком хорошо знал придворную жизнь, чтобы не испытывать презрения к бывшим сотрудникам своего отца, а его основательное знакомство с правителями современной Европы внушило ему вполне обоснованное недоверие к их намерениям. Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным влияниям.

Через 24 часа после погребения Александра II Александр III особым манифестом дал перечень намеченных им реформ. Многие подлежали коренному изменению: методы управления, взгляды, сами сановники, дипломаты и пр.»

Был уволен вчерашний диктатор министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, за ним последовали министр финансов А.А. Абаза, военный министр Д.А. Милютин, министр просвещения А.П. Сабуров и т.д.

Коснулась «чистка» и великих князей. Константин Николаевич был уволен с должности управляющего Морским министерством и лишён звания генерал-адмирала. Вместо него Александр III назначил своего тридцатидвухлетнего брата Алексея.

14 июля 1881 г. великий князь Михаил Николаевич лишился Кавказского наместничества, а взамен был назначен на пост председателя Государственного совета. Надо сказать, что Государственный совет в конце XIX — начале XX в. фактически являлся отстойником для сановников, снятых с постов по старости или из-за полнейшей неспособности.

Михаил Николаевич остался на посту генерал-фельдцейхмейстера и по-прежнему не особенно лез в артиллерийские дела. Другой вопрос, что он активно способствовал артиллерийской карьере сына Сергея.

Император Александр III был весьма умным и сильным политиком. Он вёл жёсткую внутреннюю и внешнюю политику. Это привело к частичной стабилизации внутреннего положения в стране, да и во всей Европе. Царь справедливо получил прозвище — Миротворец.

Но прав ли Александр Михайлович и десятки современных историков, сокрушающихся по поводу короткого царствования царя-миротворца? Ах, если бы Александр процарствовал ещё 20 лет, не было бы революции, а была бы тишь да благодать.

Увы, в XIX в. можно было затормозить реформы на 13 лет, но существовать без них было нельзя. Ускоренное развитие науки и экономики, обострение социальных противоречий и т.д. требовали ежедневных реформ. Причём, такая картина была не только в России, но и во всех цивилизованных странах. Там, где власть своевременно и грамотно реагировала на развитие общества, а где-то пускала дело на самотёк (мода, литература, просвещение и др.), происходила эволюция. В тех же странах, где власть пыталась жить по-старому, начиналась напряжённость, и дело кончалось революцией.

Простейший пример — революция в военном деле с 1853 г. по 1917 г. Отставание в реформах армии и флота на несколько лет, а в период войн на несколько месяцев приводило страну к тягчайшим поражениям.

У Александра III не было планов реформ ни либеральных, ни революционных, ни каких-то особых, по «русскому пути». Его правление можно охарактеризовать двумя словами: «тащить и не пущать!» Вспомним рассказы и пьесы А.П. Чехова, который, к слову сказать, не был поклонником революционных идей. Все его положительные герои живут в ожидании чего-то нового, светлого... Несколько упрощённо можно сказать, что в царствование «миротворца» вся образованная часть общества сидела на чемоданах и чего-то ждала.

Александр III, как позже его сын Николай, опирался лишь на бюрократию. У истоков самодержавия главной опорой монарха было дворянство. Вспомним поэта Волошина: «Дворянство было первой РКП» (Российской коммунистической партией). Но при Александре III российского-то дворянства почти не осталось. «Как это так?» — возмутится современный обыватель, готовый лизать сапоги породистым представителям «голубых кровей».

Ностальгия по поручику Голицыну и корнету Оболенскому появилась у нас в 60-х гг. XX в., а сейчас уже стала набившей оскомину модой. Собственно, ничего удивительного тут нет — мы копируем эволюцию французских нравов конца XVIII в. При якобинцах дворян, избежавших гильотины, травили только за то, что они дворяне. Зато через несколько лет, при Директории, началось неофициальное почитание дворянства. И, наконец, Наполеон попытался объединить старое феодальное дворянство с новым, состоявшем из конюхов, ставших маршалами, и прачек, обратившихся в герцогинь. Но, увы, эксперимент Наполеона провалился.

Так стоит ли подражать Франции? Увы, с XVIII в. у нас в России все поголовно от аристократов до революционеров поклонялись всему французскому, от женского белья до «Марсельезы». Вот почему, говоря о дворянстве, я привожу в пример Францию, а не, скажем, Турцию. Предки д'Артаньяна и в X в. владели родовым замком Артаньян, предки Атоса, графа де ла Фер, за два-три столетия до его рождения, наверняка были независимыми государями на своей земле. А вот в Турции дворянства не было. Нет, я не собираюсь опровергать классиков — был феодальный строй, а вот дворян не было. Были всякие паши, великие визири и рой прочих сановников, в значительной части своей происходивших из бывших рабов, евнухов, янычар и т.д., но потомственного дворянства не было.

Как писал Пётр Владимирович Долгоруков: «Длительное рабство положило препятствие... созданию в России аристократии; в Петербурге имеются только рабы»^[7].

Когда мы учили в 8-м классе «Смерть поэта», я не мог понять фразы:

«А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов». Вроде бы про аристократов и подлых с «чёрной кровью» вместо голубой. Спрашивать учителя было бесполезно — раз феодал, значит «редиска», и подлый, и кровь чёрная.

Но вот возьмём Пушкина:

...Я, братцы, мелкий мещанин.
Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...^[8]

Александр Сергеевич скромничал — Алексашка Меншиков не только торговал блинами и пирогами с зайчатиной, но и был в предосудительных отношениях с Петром Алексеевичем, или, говоря современным языком, примыкал к сексуальным меньшинствам. Позже Алексашка сошёлся с «Мин херцем» на почве, а точнее, на теле Марты Скавронской, жены шведского солдата. Попав в русский плен, Марта за несколько дней делает головокружительную карьеру, пройдя по цепочке от простого русского драгуна до Алексашки, а затем попадает к «Мин херцу». В результате Алексашка становится светлейшим князем Меншиковым, Марта — императрицей Екатериной I, а её чухонские родственники — графами Скавронскими.

Ваксил сапоги граф Кутайсов, правда, тогда он был не графом, а мальчиком-турком, подаренным для развлечения цесаревичу Павлу. Мальчик вырос, Павел стал царём и сделал мальчика графом Кутайсовым и вторым после себя лицом в империи. После итальянского похода Павел отправил к Суворову графа Кутайсова. Суворов, увидев важного вельможу, не растерялся — вызвал денщика Прошку и начал распекать его за пьянство, ставя в пример Кутайсова:

— Вот турка был таким же лакеем, но не пил, и в графы попал, а ты...

С придворными дьячками пел граф Разумовский, точнее, украинский свинопас Гришка Розум. Цесаревне Елизавете Петровне понравился голос Григория, а в постели она нашла у него ещё ряд достоинств. С воцарением Елизаветы свинопас Розум стал сиятельным графом Разумовским.

В князя из хохлов прыгнул Безбородко, секретарь Екатерины II. Надо

сказать, что Безбородко был очень способным и талантливым администратором и политиком, но, увы, происходил из простой крестьянской семьи.

Понятно, что и Пушкина, и Суворова, потомков древних родов, коробило от подобных князей и графов. Недаром Суворов во дворце Екатерины низко кланялся лакеям.

— Что вы, Александр Васильевич, — ведь это же простой лакей!

— Протекцию ищу, голубчик, сегодня лакей, а завтра граф.

Что бы как-то выделиться из такой компании, Пушкин острит: «Я, братцы, мелкий мещанин», а граф Суворов велел на надгробном камне высечь: «Здесь лежит Суворов».

Преступлений, подлостей и мерзостей не стеснялись ни новоявленные князья и графья, но и их «надменные потомки». Братья Орловы стали графами за зверское убийство в Ропше императора Петра III. Двадцатилетний Платон Зубов стал официальным фаворитом Екатерины II, которой тогда было под 70 лет, за что получил огромное состояние и графский титул.

Разврат, царивший в верхах, естественно давал побочный продукт в виде внебрачных детей. В результате появилась масса титулованных особ, у которых вообще не было родословных, они не могли похвастаться далее предками — свинопасами или пирожниками. Хорошо звучит — граф Бобринский или графиня Бобринская. Современному плебею так и хочется поклониться. Но, увы, вся родословная их упирается в пьяницу графа Алексея Бобринского, совершенно заурядную личность, внебрачного сына Екатерины II, которого тайно воспитали в деревне Бобрики.

Если говорить серьёзно, то с IX до XV в. в княжеских родословных русских князей был образцовый порядок. На Руси шли усобицы, князья ослепляли и убивали друг друга, приходили с набегами печенег, половцы и татары, но феодальный порядок соблюдался строго. Шестьсот с лишним лет во всех без исключения удельных княжествах сидели только князья Рюриковичи. В их ряды не удалось затесаться ни одному лакею, истопнику или певчому. Ни один внебрачный бастрюк не пролез в князья. Другой вопрос, что некоторые князья Рюриковичи, даже приняв христианство, имели параллельно несколько жён.

У каждого князя был свой двор. При дворе служили бояре, стольники, рынды и другие придворные чины. С лёгкой руки некоторых историков пошло гулять выражение «древний боярский род». Это то же, что сказать «древний генеральский род». Если был папа генерал, то сын не обязательно станет генералом. И сын боярина вполне мог умереть в чине стольника.

Великие князья и цари были вольны раздавать придворные звания. Однако и Грозный, и Михаил с Алексеем Романовы в известной степени соблюдали приличия и не производили в князья русских бояр, не говоря уже о холопах.

К концу XIX в. российское дворянство не менее чем на 80% было засорено безродными людьми. Дворянство как класс деградировало и диссоциировалось: часть его примкнула к либеральной интеллигенции, часть — к крупной и средней буржуазии.

Опереться на дворянство как класс царь, увы, не мог вопреки всем уверениям теоретиков марксизма-ленинизма. Создавать какую-либо политическую партию для поддержки самодержавия Александр III не хотел как по инерции, так и из нежелания делиться властью с её руководством.

В марте 1881 г. ряд сановников в инициативном порядке создали «Священную дружину» — добровольную тайную организацию, некий карательный орден для защиты самодержавия. Его главой стал великий князь Владимир Александрович, а в числе руководителей были представители придворной аристократии — граф И.И. Воронцов-Дашков, князь А.А. Щербатов, князь П.П. Демидов-Сан-Донато. «Дружина» эта составила список лиц, подлежащих уничтожению, включавший имена не только видных русских, но и европейских революционеров. Была создана обширная сеть шпионов и провокаторов. Если члены «Народной воли» ставили на кон собственную жизнь, то члены «Священной дружины» собой не рисковали. Их наиболее распространённым методом было использование наёмных лиц, вызывавших на дуэль намеченные жертвы.

Узнав о действиях «дружины», Александр III возмутился и в сентябре 1881 г. приказал её распустить. Естественно, что царь возмутился не незаконными и аморальными действиями «дружины», он испугался за собственную жизнь — сегодня тайная организация воюет с революционерами, а завтра может легко устроить дворцовый переворот.

Хотя Александр III не был трусом, но он предпринял чрезвычайные меры для обеспечения безопасности своей семьи. Постоянной резиденцией царя стал дворец Павла I в Гатчине, где кроме Павла не жил ни один император. За это либералы окрестили Александра III «гатчинским пленником революции». Конечно, это не следует понимать буквально. Царь эпизодически навещался в Аничков дворец в Петербурге, где он постоянно жил до 1 марта 1881 г. Летом Александр несколько недель проводил в Петергофе и Царском Селе, а осенью — в Ливадии. Но везде он находился под усиленной охраной. Боязнь покушений и нервозность царя стали причиной смерти одного из свитских офицеров барона Рейтерна,

родственника министра финансов. При неожиданном появлении царя в дежурной комнате офицер, куривший папиросу, стал прятать её за спину. Александр III решил, что тот прячет оружие, выхватил револьвер и выстрелил в офицера.

Из-за боязни покушений Александр III на два с лишним года оттягивает коронационные торжества в Москве, которые начнутся лишь в мае 1883 г., после ареста всех руководителей исполкома «Народной воли».

Великий князь Михаил Николаевич вместе с сыновьями приняли активное участие в этом грандиозном действии. «По установившемуся обычаю прибывших высочайших особ должны были встречать на вокзале и сопровождать повсюду лица, по положению равные, а это означало, что мы, великие князья, должны были всё наше время уделять прибывшим высоким гостям. Я должен был оказывать знаки гостеприимства эрцгерцогу Карлу-Людвигу Австрийскому и его поразительно красивой жене Марии Терезии. Мы очень быстро подружились, хотя меня и утомляло сопровождать их повсюду, давая бесконечные объяснения относительно церквей, музеев, исторических зданий и святых Кремля. Должно быть, я хорошо справился с моей не слишком завидной миссией, так как к концу празднеств мои высокие гости выразили желание посетить С.-Петербург и просили царя, чтобы я сопровождал их в столицу.

Коронационные празднества открылись торжественным въездом государя и его семьи в Москву. В половине девятого утра великие князья и иностранные принцы ожидали верхом на конях у крыльца Троицкого дворца выхода Александра III, чтобы сопровождать его при въезде в Кремль. Ровно в 10 час. утра царь вышел из внутренних покоев, сел верхом на коня и подал знак к отбытию. Он ехал впереди нас всех, эскадрон кавалеров ехал впереди кортежа и возвещал его приближение народу и войскам, которые стояли шпалерами вдоль всего пути следования. Длинный поезд золотых карет следовал за нашей кавалькадой. В первом экипаже сидела императрица Мария Фёдоровна с восьмилетней великой княжной Ксенией и королевой греческой Ольгой. В остальных разместились великие княгини, принцессы королевской крови и заслуженные статс-дамы.

Громовое “ура” сопровождало нас по всему пути следования до Иверской часовни, где император сошёл с коня и в сопровождении императрицы вошёл в часовню, чтобы поклониться иконе Иверской Божьей Матери. Мы въехали в Кремль через Спасские ворота и подъехали к Архангельскому собору. Официальная программа дня закончилась молебствием, отслуженным митрополитом Московским при участии хора

Придворно-певческой капеллы. Вторая половина дня 12 мая и весь следующий день были заняты обменом визитов между членами императорской фамилии и иностранными высочайшими особами, а также различными развлечениями, данными в их честь. 15 мая началось салютом в 101 выстрел со стен Кремля. Мы собрались в зале Большого дворца. На этот раз мы представляли собой очень живописную группу, так как каждый из великих князей и иностранных принцев был одет в форму своего полка. Вспоминаю герцога Эдинбургского, младшего сына королевы Виктории, чрезвычайно элегантного в форме адмирала британского флота. Русские великие князья надели, ради торжественного случая, цепи ордена Св. Андрея Первозванного, украшенные бриллиантами, с бриллиантовыми же двуглавыми орлами. На великих княгинях и иностранных принцессах были великолепные драгоценности, и я думаю, что ни я, ни кто другой не видал такого количества роскошных украшений, как в этот день 15 мая 1883 года».

Следуя церемониалу, император с императрицей вышли на Красное крыльцо и по старинному обычаю трижды земно поклонились многотысячной толпе, собравшейся в Кремле. Оглушительное «ура» встретило высочайший выход.

Затем шествие двинулось на специально сооружённый деревянный помост, покрытый красным сукном, который вёл в Успенский собор. Сановники двора несли императорские регалии: государственное знамя, меч, скипетр, щит и императорскую корону.

Восемь генерал-адъютантов держали над государем красный с золотом балдахин. Восемь камергеров держали такой же балдахин над императрицей. Два фельдмаршала — великие князя Михаил и Николай Николаевичи — шли непосредственно за царём, а остальные члены императорской фамилии, а также иностранные принцы и принцессы следовали за императрицей.

Как писал Александр Михайлович: «Остальные три дня празднеств оставили во мне только чувство приятной усталости. Верная традиция гостеприимства, Москва и на этот раз поразила всех своим хлебосольством. Мы танцевали на балу, данном московским дворянством. Мы были в числе восьми тысяч приглашённых на бал в Большом Кремлёвском дворце. Мы завтракали в городской думе, обедали у земства и ужинали в офицерских собраниях. Мы разъезжали по улицам, на которых раздавались непрерывно музыка и пение. Мы смотрели на раздачу подарков 500 000 рабочих и крестьян на Ходынском поле. Мы отдали должное талантам повара митрополита Московского, известного искусным приготовлением постного

стола. Мы принимали делегации, присутствовали ежедневно на представлениях Императорского балета, провожали иностранных принцев и принцесс при отходе их экстренных поездов, причём гости и гостеприимные хозяева еле держались на ногах от усталости.

18 мая император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лёжа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьёв над нашими головами, мы четверо — Ники, Жорж, Сергей и я — делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.

— Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Пики в Успенский собор, — мечтательно сказал брат Сергей.

Ники улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой».

Глава 4

САНДРО СТАНОВИТСЯ МОРЯКОМ

Впервые о своей карьере юный Сандро стал задумываться в десятилетнем возрасте.

— Что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои дети были хорошими артиллеристами, — говаривал великий князь Михаил Николаевич каждый раз, когда Сандро начинал строить планы на будущее, — но, конечно, каждый из вас должен следовать своему призванию.

«Призвание» — это звучало великолепно и означало, что в день моего производства в первый офицерский чин мне будет позволено сделать самому окончательный выбор среди «подходящих» полков Императорской гвардии! Она мысль о том, что один из нас мог бы избрать какую-нибудь другую карьеру, кроме военной, могла бы показаться нашим родителям полным абсурдом, ибо традиции Дома Романовых требовали, чтобы все члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли.

Мысль о поступлении во флот пришла мне в голову в 1878 г., когда, по счастливому недоразумению, в число наших наставников попал весёлый и покладистый лейтенант — Николай Александрович Зелёный. Совершенно неспособный к роли преподавателя или воспитателя, он позволял нам делать с собой всё, что угодно, и мы проводили наши обычно столь унылые утренние часы, слушая рассказы Зелёного о привольной жизни, которую вели моряки русского военного флота. Если верить всем словам этого восторженного моряка, создавалось впечатление, что флот его императорского величества переходил от одного блестящего приключения к другому, и жизнь, полная неожиданностей, выпадала на долю каждого, кто был на борту русского военного корабля.

— Вот слушайте, — начинал обычно Зелёный, — случилось это в Шанхае...

Дальше он не мог говорить, так как его упитан и тело начинало вздрагивать от взрывов безудержного смеха. Но когда, насмеявшись вдоволь, он рассказывал нам, что же такое случилось в Шанхае, наступала наша очередь, и мы буквально катались по полу от смеха, а Зелёный хохотал до слёз.

Заражающая весёлость Зелёного определила мой выбор. Я начал мечтать о таинственных женщинах разъезжающих на рикшах по узким улицам Шанхая. Я жаждал видеть волшебное зрелище индусских фанатов, которые на заре входили в священные воды Ганга. Я горел желанием посмотреть на стадо диких слонов, которые неслись по непроходимым дебрям цейлонских лесов. Я окончательно решил сделаться моряком.

— Моряком! Мой сын будет моряком!

Матушка в ужасе смотрела на меня.

— Ты ведь ещё дитя и не понимаешь того, что говоришь. Твой отец тебе этого никогда не позволит.

Действительно, отец, услышав о моём желании сильно нахмурился. Флот не говорил ему ничего. Единственные два члена императорской фамилии служившие во флоте, не сделали в нём, по мнению отца, никакой карьеры. На его брата-моряка Константина Николаевича смотрели как на опасного либерала. Его племянник Алексей Александрович слишком увлекался прекрасным полом».

На самом деле всё было несколько иначе. В ходе Крымской войны Россия фактически лишилась флота — Черноморский флот был уничтожен, а Балтийский попросту безнадёжно устарел, и его остатки догнивали в Кронштадте. Однако великий князь Константин Николаевич, в 27 лет ставший главе Морского ведомства и одновременно генерал-адмиралом, принимается активно строить флот. Это были деревянные парусно-паровые суда — клипера, корветы и фрегаты.

И вот уже в 1856 г. в Средиземное море вышла первая русская эскадра, а в следующем году в Тихий океан ушли фрегат «Аскольд», три корвета и три клипера. Так впервые в своей истории флот Российский вышел в Мировой океан. До этого несколько раз в ходе войн с Турцией и с наполеоновской Францией наши эскадры выходили в Средиземное море. Несколько судов совершили кругосветные плавания и посетили наши Дальневосточные воды. Но в основном наш флот не покидал Балтику и Чёрное море. Теперь же ежегодно наши эскадры и отдельные суда уходили из Кронштадта в океан. С 1860 г. в Тихом океане и Средиземном море несли дежурство русские эскадры, противостоящие нашему исконному врагу — Англии.

Большую часть пути наши фрегаты, корветы и клипера проходили под парусами, но когда нужно было войти в порт, миновать узкий пролив или догнать судно противника, паруса убирались.

Капитан командовал:

— Трубу вверх, винт вниз!

И немедленно поднималась опущенная вниз паровая труба (а были и трубы телескопического типа), из специальной шахты опускался гребной винт, который автоматически соединялся с гребным валом, и парусное судно превращалось в паровой корабль. Благодаря сочетанию паруса и винта наш фрегат или корвет мог пройти из Владивостока в Кронштадт без захода в промежуточные порты.

С выходом флота в океан в Морском ведомстве решили отказаться от ежегодного производства офицеров и перейти к системе производства только на свободные вакансии, в основу производства положить морской ценз, по которому для получения следующего чина необходимо было пробыть определённое число лет в плавании (мичману полтора года, лейтенанту 4,5 года), а для получения чина штаб-офицера — командовать судном. Понятно, что морской ценз надо было зарабатывать не в Финском заливе.

Тысячи юношей из дворянских семей загорелись желанием стать морскими офицерами. Они мечтали увидеть просторы Средиземноморья, побывать в Индии, Индонезии, Австралии, Китае, Японии и т.д.

Вся Россия зачитывалась романом Гончарова «Фрегат “Паллада”», произведениями писателей-маринистов Станюковича и Конкевича.

Престиж флотского офицера во второй половине XIX в. был велик как никогда ранее во всех слоях русского общества. В гвардии же по-прежнему процветали муштра, разводы, караулы, парады. Даже большие учения представляли собой спектакли с участием высочайших особ, за что в 1904 г. и 1914 г. придётся платить большой кровью.

Менялись типы винтовок, сабель, касок, пряжек, пуговиц. Зато тактика ведения боя мало изменилась со времён Аустерлица и Бородина — те же плотные колонны пехоты и конные лавы. Взволновала гвардию лишь большая военная реформа Александра III, приказавшего заменить в пехоте и кавалерии обтягивающие ноги и иные места панталоны на просторные шаровары. Зловредные поэты ёрничали:

Свободы ждали вы?
Свободы вам даны —
из узких сделали широкими штаны.

Не желая надевать «мужицкие штаны», несколько гвардейских

генералов и офицеров демонстративно подали в отставку».

Итак, желание Сандро поступить во флот вполне объяснимо. Но по поводу противодействия отца этому желанию наш герой сильно лукавит в своих воспоминаниях. Генерал-адмирал Константин стал вторым человеком в государстве после царственного брата, а сексуальные похождения великого князя Алексея Александровича существенно снижали его конкурентоспособность в борьбе за власть в Морведе по сравнению с другими великими князьями.

У великого князя Михаила Николаевича было пять сыновей, а должность генерал-фельдцейхмейстера — всего одна. Так что желание Сандро сделать карьеру во флоте, то есть стать генерал-адмиралом, вполне пришлось по сердцу Кавказскому наместнику.

Стать морским офицером можно было, лишь окончив Морской корпус. Но по заведённому обычаю великие князья не могли воспитываться вместе с детьми простых смертных. Поэтому Сандро стал учиться дома под наблюдением наставника-моряка. Мальчик считал своего учителя самым мрачным и вредным, «которого только могли разыскать во всей России. Его пригласили, — вспоминал Александр Михайлович, — чтобы подготовить меня к экзаменам, которые я должен был держать у целой комиссии профессоров. Мой наставник имел очень низкое мнение о моих умственных способностях и каждый день в течение четырёх лет предсказывал мне верный провал.

— Вы никогда не выдержите экзаменов, — стало излюбленным припевом моего флотского наставника.

И как бы добросовестно я ни готовил уроки, он только качал головой, и его усталые, измученные глаза отражали тоску. Иногда я сидел ночи напролёт, стараясь вызубрить каждое слово своих учебников. А он всё-таки не сдавался:

— Вы только повторяете слово в слово то, что другие нашли ценою долгих исканий, но вы не понимаете, что это значит. Вы никогда не выдержите экзаменов.

Четырёхлетняя программа, выработанная им, включала астрономию, теорию девиации, океанографию, теоретическую и практическую артиллерию, теорию кораблестроения, военную и морскую стратегию и тактику, военную и морскую администрацию и уставы, теорию кораблевождения, политическую экономию, теоретическую и практическую фортификацию, историю русского и главнейших из иностранных флотов... Мои преподаватели, все выдающиеся специалисты, не разделяли мнения неумолимого наставника. Поощрённый ими, я

заинтересовался новыми предметами. Теоретические занятия дома сопровождались посещением военных судов и портовых сооружений. Каждое лето я проводил три месяца в плавании на крейсере, на котором плавали кадеты и гардемарины Морского корпуса. [Тут наш вице-адмирал ошибается — крейсера появились в русском флоте в 1892 г. — А. Ш.] Мои родители всё ещё надеялись, что железная дисциплина, царившая на корабле, заставит меня в последний момент переменить решение.

Ясно помню, как я покинул нашу летнюю резиденцию в Михайловском дворце, чтобы отправиться в первое плавание. Маленькая дворцовая церковь была переполнена нашими родными, лицами свиты и дворцовыми служащими, и, когда священник по окончании молебна дал мне приложиться ко кресту, моя мать заплакала. Слова особой молитвы “о плавающих и путешествующих” преувеличивали в её глазах те опасности, которые ожидали её сына».

— Ну, всё, пойдёмте, — нервно произнёс Михаил Николаевич, и всё семейство направилось в Петергоф, где у причала рядом с главным дворцом стояла яхта герцога Лейхтенбергского, которая должна была доставить Сандро на борт корвета «Варяг». На пристани Сандро попрощался с родителями и поднялся на борт яхты. Молодой великий князь был, как и положено, одет в чёрную форму учащегося Морского корпуса.

Корвет «Варяг» был построен ещё в 1862 г. Он имел деревянный корпус. Водоизмещение корвета составляло 2200 тонн, скорость хода 11 узлов. Хотя в 1870 г. «Варяг» был перевооружён и вместо гладкоствольных пушек получил нарезные орудия образца 1867 г., к началу 80-х г. он считался устаревшим и использовался в учебных целях.

Предоставлю слово Александру Михайловичу: «Я был весел, как узник в последний день тюремного заключения. И даже присутствие моего мрачного воспитателя, сопровождавшего меня во время первого плавания, не могло помешать моему счастью.

К вечеру мы прибыли в Тверминэ — маленький портовый городок на побережье Финляндии, где эскадра Морского корпуса встала на якорь. Адмирал отдал приказ, и на “Варяге” спустили паровой катер, управляемый кадетами моего возраста. Они с любопытством смотрели на меня, видимо, раздумывая, принесёт ли пребывание высочайшей особы на борту их корабля лишние хлопоты и нарушение заведённого распорядка жизни. Адмирал Брилкин обратился ко мне с несколькими словами приветствия, и затем меня отвели в мою каюту.

Моим мечтам не суждено было целиком осуществиться: хотя с этого

момента я и вступил в состав русского флота, меня всё же отделили от остальных кадет и не позволили спать вместе с ними на нижней палубе. Вместо того, чтобы есть вместе с кадетами в их общей кают-компании, я должен был завтракать и обедать в обществе адмирала и его штаба. С точки зрения образовательной это, конечно, было преимуществом для меня, так как, бывая постоянно в обществе старших офицеров, я мог многому полезному научиться, но тогда мне это очень не понравилось. Я боялся, что кадеты будут коситься на моё привилегированное положение и не захотят со мною дружить.

Первый обед прошёл напряжённо. Присутствующие предпочитали молчать и бросали друг на друга предостерегающие взгляды. Прошло несколько недель, прежде чем мне удалось убедить своих подозрительных менторов, что у меня нет намерений доводить до сведения царя их обычные застольные разговоры. Я сознавал, что мне предстояла серьёзная борьба. После обеда, вернувшись в свою каюту, я нашёл на койке большого толстого кота. Он довольно мурлыкал и ожидал, что его приласкают. Безошибочный животный инстинкт подсказывал ему, что он встретит во мне друга, и моё сердце наполнялось бесконечной благодарностью. Эту первую ночь на “Варяге” мы провели на койке вместе, свернувшись калачиком. В моей каюте пахло свежей смолой. Плеск волны, которая ударялась о корму, действовал успокаивающе на натянутые нервы. Я лежал на спине, прислушиваясь к перезвону склянок на окружавших нас судах. Время от времени я слышал сонный голос вахтенного, кричавшего в темноту: “Кто гребёт?” Я думал о новой жизни, которая начнётся завтра. Я вспоминал лица кадет, которых увидел в катере, и строил различные планы о том, как бы их расположить к себе. Широкие железные перекладки над моей головой напоминали о суровой дисциплине во флоте, но детство уже приучило меня повиноваться и не ожидать поблажек. Я встал с койки, открыл чемодан и вынул иконку Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, моего святого. Теперь два друга должны были охранять мой сон — молчаливый бородатый святой и кот-мурлыка.

Шум уборки палубы разбудил меня на рассвете. Сперва я удивился, но потом вспомнил, что нахожусь на палубе корабля. Выглянув в иллюминатор, я увидел многочисленные катера, бороздившие поверхность моря, и вскочил с койки. Начинался интересный день. Палуба блестела, вычищенная песком и камнем, и было прямо грешно ступать по её ещё не высохшей поверхности. Пробираясь на цыпочках, у кормы я натолкнулся на группу кадет на утренних занятиях. Я остановился, придумывая соответствующее приветствие...

— Эй, вы, — крикнул мне стройный белокурый мальчик, — хорошо выспались?

Я ответил, что никогда ещё в жизни я не спал так хорошо. Кадеты мало-помалу приблизились ко мне. Лед был сломан.

Меня засыпали вопросами: до какого часа мне позволяли спать дома? Сколько комнат в нашем дворце? Правда ли, что я собираюсь сделаться моряком? Часто ли я вижу государя? Правда ли, что говорят о его физической силе? Собираются ли и другие великие князья поступить во флот?

Они жадно ловили мои ответы. Очень удивились, а потом обрадовались, узнав, что сам наследник вставал в шесть часов утра. Оказалось, что известие о моём поступлении во флот произвело в Морском корпусе сенсацию, и кадеты “Варяга” считали особой честью, что я буду плавать именно на их судне.

— Это заткнёт тех гвардейских офицеров, которые до сих пор всегда хвастались, что все великие князья служат в их полках, — веско заключил высокий кадет. — Отныне флот будет иметь своего представителя в императорской семье.

Я покраснел от удовольствия и заявил, что очень сожалею, что мне не позволено спать и есть вместе с остальными кадетами. Они уверили, что никто далее не обратил на это внимание. По их мнению, вполне понятно, что адмирал предпринял особые меры для моей безопасности.

Последовали новые вопросы:

— Сколько прислуги имеется в Гатчине? Сколько человек обедают с императором за столом?

До восьми часов я старался удовлетворить любопытство моих новых товарищей, пока не раздался сигнал к поднятию флага.

Мы стояли в строю с непокрытыми головами, пока белый флаг с Андреевским крестом поднимался на гафеле. На безразличном лице адмирала заиграл румянец, а по моей спине пробежал холодок. В течение долгих лет службы во флоте я никогда не мог остаться равнодушным к этой красивой церемонии и не переставал во время её волноваться. Я часто вспоминал красивые слова лаконической надписи, выгравированной французами на братском памятнике французских и русских моряков, сражавшихся в 1854 г.: “Unis pour la gloire, reunis par la mort, des soldats c’est le devoir, des braves c’est le sort”^[9].

После церемонии поднятия флага был отдан приказ: “Всем на шлюпки!” Я был назначен на шлюпку с корвета “Гиляк” вместе с кадетами моего класса. В течение часа мы плавали под парусами, и нас учили грести.

Несколько раз мы должны были пройти пред адмиралом, который за нами внимательно наблюдал. Нашим следующим уроком было поднятие парусов на корвете, причём на фок-мачте и грот-мачте работали матросы, а на бизани — кадеты. Наконец, от 10 до 11 часов был урок практического мореходства. После завтрака и короткого отдыха следовало ещё четыре часа занятий. Обед подавался в 6 часов вечера. В восемь часов мы должны были быть уже в койках.

Во время занятий мне не оказывалось какого бы то ни было преимущества. Когда я делал что-нибудь неверно, мне на это указывалось с той же грубоватою искренностью, как и остальным кадетам. Объяснив мне раз и навсегда мои обязанности, от меня ожидали чего-то большего, чем от остальных кадет, и адмирал часто говорил мне, что русский великий князь должен быть всегда примером для своих товарищей. Это равенство в обращении мне очень нравилось. Я учился легко. Моё непреодолимое влечение к морю усиливалось с каждым днём. Я проводил на вахте все часы, назначенные нашей смене, находя лишь приятным провести четыре часа в обществе мальчиков, ставших моими друзьями, в непосредственной близости моря, которое катило свои волны в таинственные страны моих сновидений.

Я никогда не мог сходить на берег без моего воспитателя, так как матушка дала строжайшие инструкции относительно сбережения моей нравственности. Мне очень хотелось часто удрать от него и последовать за моими друзьями в те таинственные места, откуда они возвращались на рассвете, пахнувшие вином, с запасом рассказов о своих похождениях.

— Как вы провели увольнительную? — спрашивали они меня с многозначительной улыбкой.

— Очень скромно. Просто погулял с воспитателем.

— Бедный! Мы провели время гораздо лучше. Если бы вы знали, где мы были!

Но поинтересоваться, где они были, — мне было также строго запрещено. Адмирал строжайше воспретил кадетам употреблять в моём присутствии “дурные слова” или же описывать соблазнительные сцены. Но мне было тогда шестнадцать лет, и природа наделила меня пылким воображением.

В течение трёх месяцев мы крейсировали вдоль берегов Финляндии и Швеции. Затем мы получили приказ принять участие в императорском смотре, и это вознаграждало меня за все мои усилия. Я несказанно радовался случаю предстать в роли моряка пред государем, государыней и моими друзьями: Ники и Жоржем. Они прибыли к нам на крейсер с

большой свитой, среди которой были великий князь Алексей Александрович — морской министр и будущий непримиримый противник моих реформ во флоте. Стоя в строю на своём месте, я с благодарностью смотрел на государя. Он улыбнулся: ему было приятно видеть меня здоровым и возмужавшим. За завтраком Ники и Жорж, затаив дыхание, слушали мои бесконечные рассказы о флотской жизни. Поклоны, переданные ими от моих старших братьев, которые служили в гвардии, оставили меня равнодушным. Я жалел несчастных мальчиков, запертых в стенах душной столицы. Если бы они только знали, что потеряли, отказавшись от карьеры моряков!

Так провёл я четыре года, чередуя своё пребывание между Михайловским дворцом в С.-Петербурге и крейсерами Балтийского флота».

В нашем повествовании уже несколько раз упоминался Михайловский дворец. Поэтому, думаю, стоит немного отвлечься от дел морских и рассказать о дворцах и имениях великого князя Михаила Николаевича, где бывал наш герой.

По распоряжению Александра II для его брата Михаила известный архитектор Л.И. Штакеншнейдер в 1857-1861 гг. на Дворцовой набережной выстроил Ново-Михайловский дворец. Ново-Михайловским дворец был назван, чтобы его не путали с Михайловским дворцом, построенным в 1819-1825 гг. по проекту архитектора К.И. Росси для великого князя Михаила, сына Павла I.

Трёхэтажный Ново-Михайловский дворец выглядит весьма помпезно. Со стороны набережной фасад украшен фигурами кариатид и других мифологических персонажей. Парадные помещения во дворце отличаются роскошной отделкой, причём особенно выделяются торжественно оформленные вестибюли главных лестниц и танцевальные залы. Со стороны улицы Миллионной шталмейстерский корпус дворца, предназначенный для свиты, выглядит куда скромнее. Забавно, что в 20-х гг. XX в. Миллионная улица была переименована в улицу Халтурина, руководителя «Народной воли».

Ново-Михайловский дворец был главной резиденцией великого князя Михаила Николаевича во время его приездов в Петербург. После его смерти дворец отошёл к старшему сыну Николаю.

Императору Александру II показалось, что брату Михаилу, постоянно проживавшему в Тифлисе, недостаточно будет дворца на набережной Невы, и он приказал построить ещё и загородный дворец на Старой Петергофской дороге между Стрельной и Петергофом. На территории в 106 гектаров был разбит большой парк, а архитектор Г.А. Боссе в 1858-1861 гг.

построил дворцовый ансамбль, названный Михайловкой. Дворец стоит над бровкой приморского откоса. На верхней террасе простирается великолепный тенистый парк с вековыми деревьями, с целой системой прудов, каналов и мостиков. У откоса рядом с дворцом сооружена искусственная горка, с которой открывался вид на нижнюю террасу парка и на Финский залив. В юго-западной и западной частях усадьбы расположены оранжереи, кухонный корпус, конюшни и кавалерский корпус, перестроенный архитекторами Боссе и Штакеншнейдером из старого дворца конца XVIII века. Весь дворцовый комплекс был построен на месте двух старых усадеб — Бутурлиных и Алсуфьевых.

После смерти Михаила Николаевича Михайловка также отошла к великому князю Николаю Михайловичу. А в 1919 г. в дворцовом комплексе разместилась детская трудовая школа «Красные зори». В ходе Великой Отечественной войны Михайловка была основательно разрушена. Кто разрушил этот дворец и другие соседние — вопрос довольно спорный. Немцы, без сомнения, большие «бьяки», но и про большой калибр пушек Балтфлота и Кронштадтских фортов тоже забывать не следует.

В 1968 г. началось восстановление Михайловки, и вскоре она была превращена в базу отдыха Кировского завода. После перестройки дворец в Михайловке принадлежал пансионату «Стрельна». Лучшие номера стоили всего-то 14 у. е. в сутки, и автор горько жалеет, что ему не удалось там пожить. Но в июне 2003 г. совместным решением Министерства культуры и Министерства имуществ РФ Михайловка передана Управлению делами президента РФ. Нашему любимому президенту, который ежедневно клянётся не идти на третий срок, видимо, мало десятков резиденций по всей России, а также огромного дворцового комплекса, сооружённого в Стрельне на базе Константиновского дворца. Лично у меня после посещения апартаментов в Стрельне отпали всякие сомнения в том, кто будет президентом в 2008 г.

В 1869 г. великий князь Михаил Николаевич приобрёл для своей супруги имение Ай-Тодор в Крыму. Имение площадью 70 десятин, то есть свыше 100 гектаров располагалось между берегом моря и шоссе Севастополь — Ялта. Позже площадь имения была расширена до 200 десятин, включив территорию и по другую сторону от шоссе. В имении был разбит прекрасный парк, посреди которого возвели небольшой дворец, свитский корпус и хозяйственные постройки. Большая же часть имения отводилась под виноградники, при которых построили обширный винный подвал.

После смерти Ольги Фёдоровны согласно её завещанию имение было

поделено между Александром и Григорием Михайловичами. Сандро получил большую часть имения, примыкавшую к горам, а Гоги — прибрежную часть.

Своё имение Александр Михайлович назвал Ай-Тодор, в честь мыса Ай-Тодор (святой Фёдор), а Георгий Михайлович свою часть назвал Харакс, по названию римской крепости. Развалины крепости Харакс оказались на территории, отошедшей к Георгию. Там в I—III веках н. э. стоял римский гарнизон. После ухода гарнизона в 230-245 гг. крепость была разрушена варварами и более не восстанавливалась. Впервые небольшие раскопки в крепости были произведены в 1849 г. графом Шуваловым. Систематические же раскопки были начаты Александром Михайловичем в 1896 г.

Но мы забежали далеко вперёд, а сейчас время вернуться к морской карьере нашего героя. В сентябре 1885 г. в «Морском сборнике» был опубликован приказ о производстве великого князя Александра Михайловича в чин мичмана с зачислением в гвардейский экипаж. Поскольку эта часть будет ещё встречаться в нашем повествовании, о ней следует сказать особо. Гвардейский экипаж был учреждён 16 февраля 1810 г. по приказу императора Александра I. Первоначально в его состав вошли команды придворных гребцов и парусных яхт. Это была единственная часть, имевшая две униформы: флотскую, носимую летом, и зимнюю сухопутную, сшитую по образцу гвардейской пехоты.

К началу 1885 г. в составе судов, принадлежавших Гвардейскому экипажу, были фрегаты «Светлана», «Герцог Эдинбургский» и клипер «Стрелок». Шефом Гвардейского экипажа состоял великий князь Константин Николаевич, а после его смерти в 1891 г. была назначена вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

О своём производстве в чин мичман Александр Михайлович писал: «К большому удивлению моего воспитателя, я получил высшие отмотки на экзаменах по всем предметам, за исключением судостроительства; я до сих пор не вижу смысла в желании делать из моряков военного флота инженеров-судостроителей. Поэтому я не был особенно огорчён своим скромным баллом по судостроению.

Наконец, я был предоставлен сам себе. Впервые в моей жизни я не смотрел на свет Божий глазами воспитателей и наставников. Однако матушка продолжала всё ещё смотреть на меня, как на ребёнка, хотя самый значительный день в жизни великого князя — день его совершеннолетия — приближался.

1 апреля 1886 года я стал совершеннолетним. В восемь часов утра

фельдъегерь доставил мне форму флигель-адъютанта свиты его величества. В Петергофском дворце состоялся приём, на котором присутствовали их величества, члены императорской фамилии, министры, депутаты от гвардейских полков, придворные чины и духовенство. После молебствия на середину церкви вынесли флаг Гвардейского экипажа. Государь подал мне знак. Я приблизился к флагу, сопровождаемый священником, который вручил мне два текста присяги: первый — присяги для великого князя, в которой я клялся в верности основным законам империи о престолонаследии и об учреждении императорской фамилии, и второй — присяги верноподданного. Держась левой рукой за полотнище флага, а правую подняв вверх по уставу, я прочёл вслух обе присяги, поцеловал крест и Библию, которые лежали на аналое, подписался на присяжных листах, передал их министру императорского двора, обнял государя и поцеловал руку императрице. Вслед за этим мы возвратились во дворец, где нас ожидал торжественный завтрак, данный в мою честь для ближайших членов императорской семьи.

Традиции нашей семьи исключали мелодраматические эффекты, а потому никто не стал объяснять мне значения данных мною присяг. Да в этом и не было надобности. Я решил в моей последующей жизни в точности исполнять всё то, чему присягнул. Тридцать один год спустя я вспомнил это решение моей юности, когда большинство из моих родственников подписали обязательство, исторгнутое у них Временным правительством, об отказе от своих прав. Я родился великим князем, и никакие угрозы не могли заставить меня забыть, что я обязался “служить Его Императорскому Величеству, не щадя живота своего до последней капли крови”.

В своих очень интересных мемуарах племянник мой, германский кронпринц, рассказывает об одном чрезвычайно характерном разговоре, происшедшем 9 ноября 1918 г. между его отцом, кайзером Вильгельмом, и генералом Тренером, министром германского республиканского правительства, а тогда видным офицером генерального штаба. Вильгельм хотел знать, мог ли он рассчитывать на преданность своих офицеров. “Наверное, нет, — ответил Тренер, — они все резко против вашего величества”. — “Ну а как же присяга?” — воскликнул Вильгельм II. — “Присяга? Что такое, в конце концов, присяга? — насмешливо сказал Тренер. — Это ведь только слово!”

Должен сознаться, что в данном случае все мои симпатии на стороне германского императора, тогда как некоторые мои родственники оказались по своим взглядам законными предшественниками генерала Тренера».

Тут его высочество сильно грешит против истины. Как мы узнаем позже, он и его братья ещё до начала XX века вступили в масонские ложи, а в ходе Первой мировой войны приняли участие в заговорах с целью свержения Николая II.

«Достигнув двадцати лет, русский великий князь становился независимым в финансовом отношении. Обыкновенно назначался специальный опекун, по выбору государя императора, который в течение пяти лет должен был научить великого князя тратить разумно и осторожно свои деньги. Для меня в этом отношении было допущено исключение. Моряку, который готовился к трёхлетнему кругосветному плаванию, было бы смешно иметь опекуна в Петербурге. Конечно, мне пришлось для достижения этого выдержать большую борьбу, но в конце концов родители мои подчинились логике моих доводов, и я стал обладателем годового дохода в двести десять тысяч рублей, выдаваемых мне из уделов. О финансовом положении императорской семьи я буду иметь случай говорить ещё в дальнейшем. В данный момент я бы хотел лишь подчеркнуть ту разительную разницу между 210 000 моего годового бюджета в 1886 г. и 50 рублями в месяц, которые я получал с 1882 по 1886 гг. от моих родителей. До 1882 г. я вообще не имел карманных денег.

Однако благодаря строгому воспитанию, полученному мной, я продолжал и после своего совершеннолетия вести прежний скромный образ жизни. Я ещё не знал женщин, не любил азартных игр и очень мало пил. Единственно, кто получил выгоду от моих новоприобретённых богатств, — это книготорговцы. Ещё в 1882 г. я начал коллекционировать книги, имевшие отношение к истории флота, и это моё пристрастие сделалось известным как в России, так и за границей. Крупнейшие книжные магазины С.-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Бостона считали своим долгом помогать мне тратить мои деньги, и тяжёлые пакеты приходили ежедневно на моё имя со всех концов мира. Отец поражался, когда входил в мои комнаты, которые были переполнены тяжёлыми кожаными фолиантами от пола до потолка, но не делал никаких замечаний. Его переезд с Кавказа (наместничество на Кавказе было с 1882 г. упразднено) в С.-Петербург на пост председателя Государственного Совета заставил его примириться с моей службой во флоте:

— Разве ты прочтёшь все эти книги, Сандро? — спокойно, но недоверчиво спросил он как-то.

— Не все. Я просто хочу собрать библиотеку, посвящённую военному флоту. Такой библиотеки в России ещё не имеется, и даже морской министр, когда ему нужна какая-нибудь справка по морским

вопросам, должен выписывать соответствующую литературу из Англии.

Отец остался очень доволен и обещал сделать всё, что было в его силах, чтобы пополнить мою коллекцию. В последующие годы он убедился, как она умножилась в сотни раз. Накануне революции эта библиотека состояла из 20 000 томов и считалась самой полной библиотекой по морским вопросам в мире. Советское правительство превратило мой дворец в клуб коммунистической молодёжи, в котором из-за неисправности дымохода возник пожар. Огонь уничтожил все мои книги до последней. Это совершенно невозполнимая потеря, так как в моей библиотеке имелись книги, полученные мною с большим трудом от немецких и английских агентов после долгих и упорных поисков, и восстановить эти уникалы не представляется возможным».

Тут наш герой, мягко выражаясь, сгущает краски. При советской власти все издания, представлявшие хоть какой-то интерес для военных, изымались из частных коллекций и отправлялись в библиотеки военных организаций. Я сам в Военном отделе Библиотеки им. В.И. Ленина читал «Морскую справочную книжку за 1864 год» («Справочник по русскому флоту») со штампом «Библиотека Троице-Сергиевого монастыря». Понятно, что такие книги равно не были нужны ни монахам, ни комсомольцам, и их направляли в соответствующие учреждения.

Но вернёмся к рассказу Александра Михайловича о службе в Гвардейском экипаже: «Эта часть занимала среди петербургского гарнизона неопределённое положение. Армия смотрела на нас, как на чужих. Флот называл нас сухопутными увальнями. В наши обязанности входило нести летом службу на императорских яхтах, а зимой занимать караулы во дворцах и казённых зданиях наряду с частями петербургской гвардии. Назначенный командиром первого взвода роты его величества, я проходил с моими матросами строевые занятия, занимался с ними грамотой и арифметикой, уставами и держал с ними караулы.

Раз в неделю мы должны были нести караульную службу круглые сутки, что не любили ни офицеры, ни матросы. Командир Гвардейского экипажа, адмирал старой николаевской школы, имел обыкновение неожиданно проверять нас по ночам, и это заставляло меня ходить по четыре часа подряд по глубокому снегу, обходя часовых и наблюдая, чтобы эти рослые молодые парни, страдавшие от холода, не задремали на часах. Чтобы самому не поддаваться искушению и не заснуть, я любил в эти ночи подводить итоги тому, что я называл своим «умственным балансом». Я составлял активы и пассивы, группируя мои многочисленные недостатки под рубрикой «долги без покрытия, которые необходимо ликвидировать».

при первой же возможности”.

Стараясь быть честным с самим собой, я пришёл к заключению, что мой духовный актив был отягощён странным избытком ненависти. Ненависти к личностям и даже к целым нациям. Я старался освободиться от первой: моя вражда против отдельных личностей заключалась, главным образом, в ненависти к моим наставникам, педагогам и опекунам. А вот ненависти второго тина я долго преодолеть не мог. Не моя вина была, что я ненавидел евреев, поляков, шведов, немцев, англичан и французов. Я винил в этом православную церковь и доктрину официального патриотизма, которая вбивалась мне в голову в течение двенадцати лет учения, винил за мою неспособность относиться дружелюбно ко всем этим национальностям, не причинившим мне лично никакого зла.

До того как войти в общение с официальной церковью, слово “еврей” вызывало в моём сознании образ старого улыбающегося человека, который приносил к нам во дворец в Тифлисе кур, уток и всякую живность. Я испытывал искреннюю симпатию к этому человеку с добрым морщинистым лицом и не мог допустить мысли, что его праотец был Иуда. Но мой законоучитель ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил моё детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную проповедь с нетерпением отвергались. “Да, Христос заповедовал нам любить наших врагов, — говаривал о. Георгий Титов, — но это не должно менять наши взгляды в отношении евреев”. Бедный о. Титов! Он неумело старался подражать князьям церкви, которые в течение восемнадцати веков проповедовали антисемитизм с высоты церковных кафедр. Католики, англикане, методисты, баптисты и другие вероисповедания одинаково способствовали насаждению религиозной нетерпимости, и равным образом антисемитское законодательство России черпало главные свои основы в умонастроении высших иерархов православной церкви. В действительности евреи начали страдать от преследований в России с момента прихода к власти людей, слепое повиновение которым велениям церкви оказалось сильнее понимания ими духа великой империи.

“Русский царь не может делить своих подданных на евреев и неевреев, — писал Николай I на всеподданнейшем докладе русских иерархов, которые высказывались в пользу ограничений евреев в правах. — Он печётся о благе своих верноподданных и наказывает предателей. Всякий другой критерий для него неприемлем”.

К несчастью для России, способность моего деда “мыслить по-царски”

не была унаследована его преемниками, и наступление моего совершеннолетия совпало с введением опасных и жестоких мер, принятых под влиянием членов Святейшего Синода. Между тем, если сравнить ограничения нрав евреев, существовавшие в прежней России, с теперешним колоссальным ростом антисемитизма в Соединённых Штатах, то это сравнение окажется далеко не в пользу якобы терпимых американцев. Приведу лишь один пример. Владелец доходного дома в Петербурге никогда не посмел бы вывесить объявление, что его дом “на 100% населён только христианами”.

Таким образом, мой прежний антисемитизм объясняется влиянием на меня учения православной церкви, но это чувство исчезло, как только я понял лицемерный характер этого псевдохристианского учреждения. Мне нужно было гораздо больше усилий, чтобы решительно преодолеть в моём характере ксенофобию, посеянную в моей душе преподавателями русской истории. Их разбор событий нашего прошлого не принимал во внимание пропасти, неизменно отделявшей народы от их правительств и политиков. Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причинённый Карлом XII русским людям во время царствования Петра Великого. Полякам нельзя было простить глупость из тщеславных аристократов. Англичане были всегда “коварным Альбионом”. Немцы были виноваты тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца Иосифа, монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои “враги” были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своём сердце огонь “священной ненависти” против всех и вся».

Глава 5

ТРИ ГОДА НА «РЫНДЕ»

Устаревший деревянный фрегат «Светлана», построенный ещё в 1858 г., в 1886 г. был разоружён и выведен из состава судов Гвардейского экипажа, а взамен был зачислен корвет «Рында», спущенный на воду 18 июня 1885 г. Во флоте «рындой» называют колокол, в который бьют склянки, указывая морякам время. Но корвет был назван в честь «рынды» — первого придворного чина на Руси в XIV-XVIII вв. Рынды — это молодые парни из знатных семейств, которые несли охрану великого князя или царя.

Корвет «Рында», в отличие от своего предшественника деревянного корвета «Рында» постройки 1856 г., имел стальной корпус. Водоизмещение нового корвета составляло 3210 тонн. Паровой котёл мощностью 210 л. с. позволял развивать скорость до 14 узлов. Парусное фрегатское вооружение, в свою очередь, при хорошем ветре давало возможность достигать скорости в 10 узлов.

Вооружение корвета состояло из десяти 152/28-мм и четырёх 4-фунтовых (87-мм) пушек образца 1867 г. Для защиты от миноносцев имелось десять 47-мм пятиствольных пушек системы Гочкиса.

Летом 1886 г. корветы «Рында» и однотипный «Витязь» отправляются на Дальний Восток. Корветом «Витязь» командовал С.О. Макаров, будущий знаменитый адмирал, а «Рындой» — капитан 1 ранга А.К. Авелан. Корабли шли примерно по одному маршруту, но порознь. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, для большей скорости передвижения, так как поломки машины одного судна задерживают другое, а главное, в случае войны с Англией идущие порознь суда противнику будет гораздо трудней перехватить. Да и в случае войны корветы должны были действовать в одиночку на коммуникациях «коварного Альбиона».

Поскольку «Рында», в отличие от «Витязя», принадлежал к Гвардейскому экипажу, и поскольку на его борту находился мичман, великий князь Александр Михайлович, на корвете собралась компания из представителей «золотой молод елей» и матерых карьеристов.

Аристократию на «Рынде» представляли князь Михаил Сергеевич Путятин, князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, граф

Николай Михайлович Толстой, граф Матвей Александрович Апраксин, все в чинах лейтенантов и мичманов.

Среди карьеристов выделялся лейтенант К.Д. Нилов, будущий собутыльник Николая II. Нилов хорошо известен читателям по романам В.С. Пикуля. Я же приведу краткой послужной список этого «флотоводца», чтобы показать, как делались карьеры в царствование последнего императора. После плавания на «Рынде» лейтенант Нилов станет старшим офицером на императорской яхте «Стрельна». В 1891 г. он получит чин капитана 2 ранга и примет командование учебным судном «Азия», одновременно «состоя при особе» великого князя Алексея Александровича, затем получит капитана 1 ранга. В 1899 г. он катает великого князя на его собственной яхте «Стрела».

Одновременно великий князь Алексей даёт возможность подкормиться своему приятелю и назначает его членом правления Российского общества пароходства и торговли. Формально РОПИТ — частная компания, но фактически она контролировалась государством, и Нилов был назначен туда представителем от Морского министерства. Члены правления РОПИТа получали огромные суммы не только в виде жалованья, но и путём разного рода ухищрений.

Женитьба на фрейлине царицы Марианне Михайловне Кочубей принесла Нилову не только большое приданое, но и большую протекцию — он получил прямой выход на Александру Фёдоровну.

В 1900 г. капитан 1 ранга Нилов становится командиром крейсера «Светлана», который тогда был яхтой великого князя Алексея Александровича. 1 января 1903 г. Нилов назначается командиром Гвардейского экипажа. Через три месяца ему присваивают чин контр-адмирала, ещё через пять лет (13 апреля 1908 г.) — вице-адмирала и, наконец, 25 марта 1912 г. — чин полного адмирала. За это время Нилов не только не воюет, но даже не командует соединением кораблей. Адмирал Нилов в 1905-1914 гг. командует исключительно императорскими яхтами, вначале «Полярной Звездой», а затем «Штандартом».

Вот в такой компании три года находился в плавании наш герой. Пардон, я забыл представить командира «Рынды». Капитан 1 ранга Авелан Фёдор Карлович родился в 1839 г. в семье шведских дворян, протестант, несколько раз участвовал в кругосветных плаваниях, в том числе лейтенантом на клипере «Гайдамак» и командиром клипера «Вестник». Опытный моряк и хороший дипломат. После окончания плавания тоже резко пойдёт вверх. В 1891 г. будет произведён в контр-адмиралы, а затем дослужится до полного адмирала и будет назначен управляющим Морским

министерством. После Цусимы будет уволен в отставку.

Кроме двадцати трёх офицеров на борту «Рынды» находились судовой врач — прекрасный специалист П.А. Бурцев, и поп о. Агафангел, а также 371 нижний чин.

О впечатлениях от плавания на «Рынде» лучше всего нам расскажет сам великий князь: «Канун рождества 1886 года. “Рында” полным ходом входит в территориальные воды Бразилии. Я стою на носу, среди молочных облаков блестит созвездие Южного Креста, и я глубоко вдыхаю аромат тропических лесов.

Склянки, пробившие четыре часа ночи, возвещают окончание вахты, данной мне в качестве последнего испытания. Внизу в кают-компании меня ожидают холодный ужин и графин водки.

Масло потрескивает в лампе, раздаются размеренные шаги офицера на вахте, а вокруг — тишина... Чудесная тишина военного корабля на рассвете. Полная глубокого значения. Проникнутая величием Вселенной. Дарящая посвящённым прозрение.

Трудно себе представить, что там где-то есть Россия, что где-то позади остались император, царская семья, дворцы, церкви, парады, казаки, величавая красота отягощённых драгоценностями женщин.

Я вынимаю из бокового кармана маленький конверт, в котором находится карточка. “Лучшие пожелания и скорое возвращение. Твой моряк Ксения”. Я улыбаюсь. Она очаровательна. Когда-нибудь, может быть... Конечно, если император не будет настаивать, чтобы его дочь вышла замуж за иностранного принца. Во всяком случае, Ксении ещё нет двенадцати лет.

У нас всё впереди. Я только что начал кругосветное плавание, которое будет длиться три года, после чего я должен получить следующий чип. Пока же я всего только мичман. То, что я великий князь и двоюродный брат государя, ставит меня в особое положение и может вызвать неприязнь командира. На борту корабля он мой неограниченный начальник, но на суше должен становиться предо мною во фронт. Две очень элегантные дамы в одном американском баре в Париже были поражены, когда увидели, как русский “командант”, внушавший им страх, вскочил при появлении в зале молодого человека без всяких отличий. Мне достаточно было намёка, чтобы всё общество подсело к моему столу. Но я не пошевелился.

Я был занят в Париже присмотром за Эбелингом. Мне казалось, что он опоздает на поезд в Гавр и проведёт эти три года не в плавании, а за кулисами театра “Фоли Бержэр”.

Эбелинг — первый лейтенант [старший офицер. — А. Ш.] на крейсере “Рында”. В день нашего отплытия он дал честное слово моей матери, что

не будет спускать с меня глаз во время нашего пребывания в таких современных “Вавилонах”, как Париж, Гонконг или Шанхай. Над этим обещанием у нас подтрунивали все офицеры, так как знали способность Эбелинга, что называется, “попадать в переделки”. Его голубые глаза и открытое лицо вызвали доверие у моей матери, но оказалось, что те же самые его свойства были причиной более чем радушного приёма во всех странах, у берегов которых бросала якорь “Рында”.

— Не забывайте, что я дал слово Её Императорскому Высочеству не спускать с вас глаз, — говорил он мне, заказывая пятую рюмку коньяку с содовой, — поэтому вы должны быть около меня, куда бы я ни шёл и что бы я ни делал.

В ответ на это я усмехнулся. Пока что я мог противостоять искушениям Эбелинга. Рио-де-Жанейро должен был быть нашей первой экзотической стоянкой.

Гавань, равная по красоте лишь портам Сиднея, Сан-Франциско и Ванкувера... Седобородый бразильский император, обсуждающий грядущее торжество демократии... Тропические джунгли, хранящие в своих недрах жизнь первых дней сотворения мира... Тоненькая девушка, танцующая под звуки “Ла Паломы”. Эти четыре образа будут для меня всегда связаны со словом “Бразилия”...

...На берегу меня ожидала каблограмма из С.-Петербурга, в коей было приказано сделать официальный визит Дон Педро, императору бразильскому. Был январь — самый жаркий месяц в Южной Америке, и император жил в своей летней резиденции Петрополис высоко в горах. Единственным способом сообщения туда был старомодный фуникулёр, шедший зигзагами по высокому склону горы...

...Дорога длилась три часа, что было утомительно. В течение всего пути джунгли не менялись ни на йоту. Всё в них говорило о миллионах веков хаоса и о желании продолжать этот хаос и впредь.

Я дрожал с головы до ног. Только теперь я понял истинное значение слов Талмуда, утверждавшего, что нет ничего ужаснее, чем лицемерие открытого лица Создателя. Мои спутники — два юных лейтенанта с “Рынды” — перекрестились, когда мы, достигнув наконец вершины горы, увидели нашего посланника в Бразилии Ионина. Мы уже перестали верить, что в этом месте могли встретиться живые существа.

Окладистая седая борода императора Дон Педро и его очки в золотой оправе делали его похожим на университетского профессора. Он сочувственно выслушал мои впечатления от джунглей. Отсутствие политических разногласий и неразрешимых конфликтов между Российской

и Бразильской империями позволяло нам разговаривать непринуждённо.

— Европейцы часто говорят о так называемой молодости стран Южной Америки, — сказал он не без горечи. — Но никто из них не отдаёт себе отчёта, что мы бесконечно стары. Мы старше самого мира. От народов, живших на этом материке тысячи столетий тому назад, не осталось никаких следов, вернее, они не открыты. Но одна вещь остаётся в Южной Америке неизменной — это дух беспокойной ненависти. Этот дух — порождение окружающих нас джунглей, которые властвуют над нашими умами. Политические идеи сегодняшнего дня связаны с требованиями завтрашнего не чем иным, как постоянным желанием перемены. Никакое правительство не может остаться у власти продолжительное время, ибо джунгли пробуждают нас к борьбе. В данную минуту требованием дня у нас является установление демократического строя. Бразильский народ получит его. Я слишком хорошо знаю мой народ, чтобы допустить бесполезное кровопролитие. Я устал. Пускай будущие президенты попытаются поддержать гражданский мир в Бразилии.

Несколько лет спустя Бразилия стала республикой. Дон Педро сдержал своё обещание: он добровольно и радостно отрёкся, поставив своих импульсивных подданных в тупик лёгкостью одержанной ими победы. Память его чтут по сей день в Бразилии, и памятник, воздвигнутый по всенародной подписке, увековечивает спокойную мудрость этого доброго человека.

Мне он очень нравится, и так как он никуда не торопился, то мы пропели более двух часов в его скромном, комфортабельном кабинете с широкими окнами, выходившими в большой сад, в котором щебетали бесчисленные птицы. Мы говорили по-французски. Его очень ясный, грамматически правильный, хотя слегка нерешительный стиль придавал характер дружелюбной застенчивости этой беседе между непоколебимым монархом тропических стран и представителем столь могущественного в то время царствующего дома далёкого Севера. Когда я с ним прощался, он прикрепил к моей груди знаки высшего ордена Бразильской империи. Я поблагодарил его за оказанную мне честь, но высказал своё предпочтение бразильскому девятиконечному кресту в венке из роз.

Дон Педро рассмеялся:

— Орден Розы — одно из наших самых скромных отличий, — сказал он. — Почти все у нас имеют этот орден.

Но и что же! Он лучше подходил к моим понятиям о Бразилии. Мы пошли на компромисс, и я принял оба ордена.

Остальные дни я провёл в атмосфере ленивой неги на фазенде

русского коммерсанта, торговавшего кофе и женатого на очень состоятельной бразильянке. Каждое утро мы ездили верхом осматривать его кофейные плантации, расположенные на нескольких квадратных милях, и импровизированный оркестр из рабов-негров услаждал наш слух игрою на особых инструментах, которые я нигде, кроме Бразилии, не видел. По вечерам после обеда мы сидели на веранде, слушая резкие шумы джунглей, которые прерывали монотонные звуки тамтамов. Мы никогда не зажигали огня, так как мириады светляков распространяли яркий свет. У жены моего хозяина в фазенде гостили две её племянницы: молодые, высокие, стройные брюнетки. Обе казались мне красавицами. Впрочем, каждая девушка, танцующая под звуки “Ла Палома” в тропическом саду, пронизанном мерцающим светом светляков, могла показаться красавицей молодому человеку, изыбшему в туманах С.-Петербурга. Меня покорили чары старшей девушки.

Возможно, что и я понравился ей, и ей хотелось испытать, как влияет бразильская атмосфера на русского великого князя. Не могло быть ничего наивнее этого юношеского флирта, полного застенчивой нежности. Если эта дама ещё жива, ей уже исполнилось 64 года. Я надеюсь, что она иногда вспоминает вечера 1887 года с той же нелепостью, что и я.

Любопытно, что Александр Михайлович не упоминает о важном задании, порученном командиру «Витязя» ещё в С.-Петербурге. Он должен был с помощью офицеров в секретном порядке собрать информацию о русских эмигрантах, проживающих в Южной Америке. Великий князь к такой работе явно не привлекался, но не знать о ней он не мог.

Согласно планам Морского ведомства «Рында» должен был обследовать наши дальневосточные берега, в частности, провести топографическую съёмку берегов и промер глубин в Татарском проливе. Но сей маршрут очень не понравился мичману Александру Михайловичу Романову. Он записал в своём дневнике: «Я предлагаю чудный план, чтобы нас отправили в Сан-Франциско, потом Сандвичевы, потом Таити, Новая Гвинея, Австралия, Новая Зеландия... Это надо просить прямо Алексея... Я бы устроил всё это сам через адмирала начальника отряда, но дело в том, что он не может отпустить нас без разрешения свыше». (Под именем «Алексей» имеется в виду великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал русского флота).

Алексей уважил кузена, и вот «Рында» вместо того, чтобы идти в Магелланов пролив, пересёк Южную Атлантику и зашёл на несколько дней в британский порт Кейптаун на самой оконечности африканского материка. А в Магелланов пролив отправили Макарова на «Витязе». Ему пришлось

обследовать берега Приморья, Татарский пролив, пролив Лаперуза, затем он обследовал северные берега Охотского моря, Камчатки и Беринговы острова.

Ну а «Рында», как уже говорилось, отправился в путешествие по южным морям. Южная Африка не понравилась великому князю. Он коротко записал: «Однообразный ландшафт. Раздражают высокомерие британских офицеров, их корабли на рейде Кейптауна и мощные форты на берегах».

И вот наконец «Рында» покидает Кейптаун и через полтора месяца бросает якорь в порту Сингапур. Тут Сандро впервые увидел восточную экзотику — китайский квартал Сингапура. «Каждый второй дом — курильня опиума. Развращённость на высшей степени развития. Не тот разврат, который подаётся на золотом блюде в европейском квартале Шанхая, но разврат в грязи и мерзости, запахи гниения, разврат голодающих кули, которые покупают свой опиум у европейских миллионеров. Голые девятилетние девочки, сидящие на коленях прокажённых. Растрёпанный белый, старающийся войти в курильню опиума. Тошнотворный запах опиума, от которого нельзя отделаться. А невдалеке от этого ада — очаровательные лужайки роскошного британского клуба с одетыми во всё белое джентльменами, попивающими под сенью больших зонтов виски с содовой.

Ещё одна неделя в Сингапуре, и я бы опасно заболел. Я благословлял небо, когда каблограмма Морского министерства предписала нам отправиться немедленно в Гонконг. 1 апреля — в день моего рождения — мои соплаватели-офицеры решили устроить празднование по этому поводу. Обычно мы мало пили на борту корабля, но на этот раз офицеры сочли долгом возгласить многочисленные тосты за моё здоровье и за здоровье моих родных.

Постепенно наша беседа перешла, как это бывает обычно в обществе молодых людей, на тему о женщинах. Мой «опекун» Эбелинг долго и обстоятельно рассказывал о своих новых победах в Рио-де-Жанейро и в Сингапуре. Второй лейтенант восхвалял прелести южноафриканских голландок. Остальные восемь мичманов скромно признавались, что до сих пор их принимали одинаково хорошо во всех странах. Моя невинность разжигала общее любопытство. Они имели обыкновение распространяться на эту тему с тех нор, как мы покинули Россию. Но теперь, когда мне исполнился 21 год, это казалось им прямо невероятным. Они находили это противоестественным и очень опасались за состояние моего здоровья. Я никогда не был ни лицемером, ни недотрогой. Я просто не мог привыкнуть

к их манере обсуждать открыто столь интимные вещи. Моя манера держать себя лишь раззадорила их, и в течение всего перехода из Сингапура в Гонконг они только и делали, что говорили об ожидающих нас красавицах.

Эбелинг сказал мне, что очень огорчён за меня:

— Если бы вы только знали, что теряете! В чём смысл жизни без женщины? Я хочу дать вам хороший совет. Послушайте меня, в конце концов, ведь я гораздо старше вас. Вы должны непременно познакомиться с кем-нибудь в Гонконге. Я понимаю, что Сингапур произвёл на вас отталкивающее впечатление и что обстоятельства сложились в Рио неблагоприятно. Но Гонконг! Женщины Гонконга! Американские девушки, — Эбелинг с восторгом поцеловал кончики своих пальцев, — лучшие в мире! Нигде нет ничего подобного. Я не согласился бы променять одну американскую девушку, живущую в Гонконге, на тысячу парижских! Будьте же умником и послушайте моего совета. Я знаю одно место в Гонконге, где имеются три такие американские девушки! Понимаете, я бы не повёл вас в банальное, дешёвое место. То, о чём я говорю, — очень уютная квартирка. Теперь дайте мне немного припомнить: там была девушка по имени Бетти. Да, её звали, кажется, Бетти, если, конечно, я не путаю её с одной девушкой, с которой был знаком в Шанхае. Во всяком случае, это высокая блондинка с голубыми глазами. Прелестная. Потом там была Джоанна, с тёмными волосами и зелёными глазами. Вы бы сошли с ума. Но подождите пока, лучшее ещё впереди. Бэтси! Девушка ростом в пять с половиной футов, с цветом лица... Подождите, с чем я могу сравнить её кожу? Она не совсем белая, скорее — цвета слоновой кости. А фигура... фигура! Вы, вероятно, видели в петербургском Эрмитаже статую... Как же она называется?..

Он так и не вспомнил названия этой статуи, так как познания лейтенанта Эбелинга в области достопримечательностей Эрмитажа были весьма слабы. Но так или иначе, мой покой был нарушен.

Ни один юноша моего возраста не мог бы противостоять сосредоточенным атакам моих искуссителей. Накануне нашего прибытия в Гонконг я выразил согласие принять участие в их похождениях.

Войдя в квартиру в сопровождении двух наших офицеров, я был приятно поражён отсутствием той вульгарности, которую неизбежно ожидаешь увидеть в подобных местах. Комнаты были обставлены с большим вкусом. Три молодые хозяйки были прелестны, чаруя своей непринуждённостью. Французы назвали бы их “дамами полусвета”, хотя это слово далеко от истинного определения самой старой профессии мира.

Подали шампанское, и разговор завязался. Звук голосов всех троих

был очень приятен. Они очень мило обсуждали текущие события: их несомненный ум позволял им обходиться без помощи нарочитой светскости. Цель нашего посещения не вызывала никаких сомнений, и вот наступило время, когда меня оставили наедине с самой хорошенькой из трёх. Она предложила мне показать свою комнату — и то, что было неизбежно, произошло...

С этого вечера мы стали большими друзьями. Мы посещали с нею рестораны и совершали продолжительные прогулки в горы, откуда открывался великолепный вид на панораму Гонконга. Она прекрасно держала себя, говоря по правде, гораздо лучше так называемых европейских «дам общества», проживающих в Китае. Постепенно она рассказала мне историю своей жизни. Она никого не обвиняла и ни на кого не жаловалась. Жажда приключений привела её из родного Сан-Франциско на Дальний Восток, непреодолимое желание иметь “красивые вещи” довершило остальное. Такова была жизнь: одни выигрывали, другие проигрывали, но чтобы вступить в игру, нужно было иметь какую-то точку опоры. Она говорила о мужчинах без горечи. Это были, по её словам, трезвые звери, пьяные ангелы, проходимцы или же сорвиголовы. В её жизни всё зависело от удачи. Она любовалась картинами мимоходящей жизни, хоть и признавала, что сутолока жизни её раздавила. Но ничего нельзя было сделать, чтобы изменить её положение.

Оттенки любви бесчисленны и многообразны. Без сомнения, многие формы любви продиктованы жалостью. Мне было бесконечно грустно покидать Гонконг, и мы потом в течение года переписывались с нею. И каждый раз, когда впоследствии “Рында” возвращалась в Гонконг, я садился в рикшу и торопился к знакомому дому. Когда в 1890 году я снова посетил Дальний Восток, её друзья сообщили мне, что она умерла от туберкулёза».

Из Сингапура «Рында» направляется в Японию. Тут придётся сделать небольшое отступление, без которого современному читателю будет трудно понять дальнейшие события. Как уже говорилось, с 1858 г. в Тихом океане стала постоянно находиться эскадра русских кораблей. В то время единственным местом базирования на нашем Дальнем Востоке был Николаевск-на-Амуре. Но его порт был мелководен, а с конца октября до конца мая его покрывал толстый лёд. Поэтому в феврале 1871 г. русское правительство приняло решение о переносе главного порта из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. Там, в бухте Золотой Рог, длина которой больше 7,5 км, имелась хорошо защищённая естественная гавань с глубинами 8,5-21 м, в которой мог укрыться самый крупный флот того

времени. Рядом с Владивостоком в районе современного Артема были найдены запасы бурого угля, а в районе Находки — каменного угля.

Однако Владивостокский порт имел один существенный недостаток — зимой он замерзал на 2-3 месяца. В это время, чтобы вывести суда из порта, нужно было или вручную пробивать канал во льду, или использовать небольшие портовые ледоколы.

Это, а также ряд других факторов, о которых будет сказано ниже, заставили наших адмиралов сделать главной стоянкой русской Дальневосточной эскадры порт... Нагасаки. В 1858 г. для нужд русского флота арендуется участок побережья Нагасакской бухты со знаменитой впоследствии «русской деревней» Инаса.

Многие русские адмиралы, офицеры и учёные, в числе последних был и Н.Н. Миклухо-Маклай, предлагали основать военно-морские базы на бесчисленных островах Тихого океана, откуда наши корабли могли угрожать коммуникациям как Англии, так и Японии. Но из-за ряда субъективных причин наши корабли стали базироваться в Нагасаки.

Первое время японские власти дружественно относились к русским морякам. Благо, с одной стороны, большое уважение внушали мощные корабельные пушки, а с другой — заход каждого корабля в японский порт приносил баснословные барыши как торговцам, так и чиновникам. Инаса (Иноса) стала поистине русской деревней, хотя постоянных русских жителей там почти не было. Чтобы читатель лучше представил колорит этой «деревни», дам слово писателю Всеволоду Крестовскому, посетившему этот райский уголок в 1880 г.

«Иноса лежит против города, на северо-западной стороне Нагасакской бухты, недалеко от её пяты. Расположена эта деревня по берегу и на скалистых взгорьях западных холмов, так что пробираться от домика к домику нередко приходится разными закоулками, по каменным ступеням, мимо бетонных заборов и скалистых глыб серого и красного гранита, но всегда среди самой разнообразной растительности. Здесь наше правительство уже несколько лет арендует у местного жителя, господина Сига, участок земли, на котором построены у нас шлюпочный сарай, поделочные мастерские и небольшой госпиталь для своих моряков. Последний помещается в двух японских домах, переделанных и приспособленных, насколько было возможно, к госпитальным требованиям руками наших матросов, под руководством командиров и судовых врачей. Госпиталь, конечно, маленький, но по мирному времени больше, пожалуй, и не требуется...

...Пошли побродить по Иносе, посмотреть, какая она такая. Ничего,

деревня как деревня: ступенчатая дорога ведёт лёгким подъёмом в гору, образуя улицу, по бокам которой уютятся деревянные, большею частью одноэтажные домишки с открытыми лёгкими галерейками и верандочками. У лавчонок, вместо вывесок, качаются большие, продолговатые фонари, испещрённые чёрными японскими литерами. Встречаются и русские вывески на досках с надписями: “Здесь размен денег”, “Мелочная лавка” и тому подобное...

...На взгорьях разбросано несколько красивых, отдельно стоящих домиков японского стиля, около которых мелькнёт иногда белая матросская фуражка офицерского “вестового”. В таких домиках по большей части квартируют офицеры с русской эскадры “на семейном положении”. Цена за квартиру, то есть, в сущности, за весь дом, — от 20 до 30 иен в месяц, причём домохозяева, если жильцу угодно, будут в той же цене и кормить его произведениями японской кухни.

Каждый квартирант необходимо имеет и свой собственный “экипаж”, роль которого играет здесь фуне, для ежедневных сообщений с городом и судами на рейде. Фуне нанимаются тоже ежемесячно, обыкновенно за 30 иен, и нанятый таким образом лодочник уже во всякое время дня и ночи безусловно находится в распоряжении своего хозяина. Как бы ни засиделся офицер в городе или сколько бы ни пробыл он у себя на судне, лодочник неотлучно будет ожидать его у известной, указанной ему пристани или терпеливо качаться в своей фуне на волнах, недалеко от левого борта судна. Это, впрочем, не представляет для него особенного неудобства, так как фуне есть не только “экипаж”, но в то же время и его жилище, где под сиденьем, в ящике, да в кормовом шкафчике хранится весь необходимый ему скарбик.

Каждый из ежемесячных лодочников непременно сочиняет для себя свой особый флаг под тем предлогом, чтобы хозяину приметнее была его фуне, а в сущности, ради утехи собственному самолюбию: “я, дескать, плаваю под флагом капитана такого-то”, и не иначе как “капитана”. Все они более или менее понимают и даже говорят несколько слов и фраз по-русски, по крайней мере, настолько, что в случае надобности можно объясниться с ними и без японского словаря.

Впрочем, знакомство с русским языком среди жителей Иносы вовсе не редкость: благодаря постоянному пребыванию на рейде русских стационаров, имеющих ежедневные сношения со “своим” берегом в Иносе, жители этой “русской деревни” уже вполне освоились с ними и в большинстве своём научились кое-как объясняться по-русски...

...На одном из холмов стоит здесь довольно большой двухэтажный

дом, прозванный почему-то нашими моряками “холодным домом”, хотя сам он имеет претензию называться “гостиницей «Нева»”, о чём свидетельствует его вывеска. Замечательно, что эта “гостиница «Нева» с буфетом и бильярдами” содержится каким-то японским семейством исключительно для русских. А чтобы не затесался в неё какой-нибудь посетитель иной национальности, хозяева сочли за нужное прибить над входом особую доску с предупреждающими надписями по-японски, по-русски и по-английски, которые гласят, что “сюда допускаются только русские офицеры”»^[10].

Увы, Крестовский из этических соображений или опасаясь царской цензуры, не упомянул о том, что больше всего притягивало господ офицеров в Нагасаки. Это, говоря современным языком, секс-туризм.

Чтобы современный читатель мог понять ситуацию в Нагасаки, нужно сказать пару слов об офицерских нравах в России конца XIX в. Так, вступать в брак младшим офицерам было запрещено уставом. В Морском ведомстве исключение сделали лишь для младших офицеров, служивших в Сибирской, а позже и в Амурской флотилиях, поскольку «в местах не столь отдалённых» найти достойную невесту было практически невозможно.

Невеста должна была быть из породистой семьи, то есть из дворян, лишь в отдельных случаях делались исключения для семей интеллигенции. В своё время, изучая подшивку «Артиллерийского журнала» за 90-е гг. XIX в., я полчаса не мог понять, в чём суть скандала, когда армейский артиллерийский офицер женился на дочери мебельного фабриканта. Его за сей брак хотели выкинуть из бригады, да тут вступилась либеральная пресса.

Мало того, даже если невеста была из знатного дворянского рода, её должны были принять в свой круг «полковые дамы» (то есть жёны офицеров полка, не путать с «полковыми дамами» другого сорта). Если «полковые дамы» не принимали невесту или жену офицера в свой круг, то ему приходилось уходить из полка (с корабля).

Но зато в отношении неофициальных «подруг» в нашей армии и флоте в конце XIX в. царил полнейший либерализм.

В заключение следует сказать, что в конце XIX в., в отличие от советского и нынешнего «демократического» времени, на русских боевых кораблях не было вертухаев-особистов, которые следили за поведением моряков.

Поэтому, сойдя на берег в Нагасаки, господа офицеры спешили не только в рестораны «Санкт-Петербург», «Кронштадт» и «Владивосток», но и в многочисленные публичные дома. Причём, наиболее скромные и

порядочные офицеры предпочитали вступать в брак с японками. Для этого нужно было заключить контракт с хозяйкой так называемого чайного домика. Обычно контракт заключался на всё время стоянки корабля. Жёнами становились 14-16-летние японские девушки. Таким образом, в течение всей стоянки капитан или мичман знал, что он в любой момент может прийти в чайный домик, где его будет ждать туземная жена, строго хранящая ему верность до самого подъёма якоря корабля.

Многие офицеры всё время стоянки так и жили в чайных домиках, лишь изредка появляясь на кораблях. Хозяйками чайных домиков, как правило, были японки, хотя встречались и исключения. Так, владелицей домиков в европейском стиле была Мина Рахиль Неухова-Писаревская — мещанка из Одессы.

Кто-то из моряков сложил песенку о девушках из Нагасаки с припевом:

У ней такая маленькая грудь
И губы алые как маки.
Уходит капитан в далёкий путь,
Оставив девушку из Нагасаки.

А теперь я вновь предоставлю слово нашему герою: «Как только мы бросили якорь в порту Нагасаки, офицеры русского клипера “Вестник” сделали нам визит. Они восторженно рассказывали о двух годах, проведённых в Японии. Почти все они были “женаты” на японках. Браки эти не сопровождались официальными церемониями, но это не мешало им жить вместе с их туземными жёнами в миниатюрных домиках, похожих на изящные игрушки, с крошечными садами, карликовыми деревьями, маленькими ручейками, воздушными мостиками, микроскопическими цветами. Они утверждали, что морской министр неофициально разрешил им эти браки, так как понимал трудное положение моряков, которые на два года разлучены со своими домами...

...В то время одна вдова — японка по имени Омати-сан — содержала очень хороший ресторан в деревне Инаса вблизи Нагасаки. На неё русские моряки смотрели как на приёмную мать русского военного флота. Она держала русских поваров, свободно говорила по-русски, играла на пианино и на гитаре русские песни, угощала нас крутыми яйцами с зелёным луком и

свежей икрой, и вообще ей удалось создать в своём заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы. Но кроме кулинарии и развлечений она знакомила русских офицеров с их будущими японскими “жёнами”. За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать всё от неё зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве.

Офицеры “Вестника” дали в её ресторане обед в нашу честь в присутствии своих “жён”, а те, в свою очередь, привезли с собою подруг, ещё свободных от брачных уз...

...Мы с любопытством наблюдали за тем, как держали себя игрушечные японочки. Они всё время смеялись, принимали участие в нашем пении, но почти ничего не пили. Они представляли собой странную смесь нежности с невероятной рассудочностью. Их сородичи не только не подвергали их остракизму за связь с иностранцами, но считали их образ жизни одним из видов деятельности, открытым для их пола. Впоследствии они намеревались выйти замуж за японцев, иметь детей и вести самый буржуазный образ жизни. Пока же они были готовы разделить общество весёлых иностранных офицеров, конечно, только при условии, чтобы с ними хорошо и с должным уважением обходились. Всякая попытка завести флирт с “женой” какого-нибудь офицера была бы признана нарушением существующих обычаев...

...Я часто навещал семьи моих “женатых” друзей, и моё положение холостяка становилось прямо неудобным. “Жены” не могли понять, почему этот молодой “самурай” — им объяснили, что “самурай” означало по-русски “великий князь” — проводит вечера у чужого очага вместо того, чтобы создать свой собственный уютный дом. И когда я снимал при входе в их картонные домики обувь, чтобы не запачкать на диво вычищенных полов, и входил в одних носках в гостиную, недоверчивая улыбка на ярко накрашенных губах хозяйки встречала меня. “По всей вероятности, этот удивительно высокий самурай хотел испытать верность японских «жён». Или же, быть может, он был слишком скуп, чтобы содержать «жену!»” — читалось в их глазах.

Я решил “жениться”. Эта новость вызвала сенсацию в деревне Инаса, и были объявлены “смотрины” девицам и дамам, которые желали бы занять роль домоправительницы русского великого “самурая”...

...Выбор моей будущей “жены” представлял большие трудности. Все они казались одинаковыми: улыбающиеся, обмахивающиеся веерами куклы, которые с непередаваемой грацией держали чашечки с чаем. На

наше приглашение их явилось не менее шестидесяти. Даже самые бывалые офицеры среди нас вставали в тупик перед таким изобилием изящества. Я не мог смотреть спокойно на взволнованное лицо Эбелинга, но мой смех был неправильно истолкован “невестами”. В конце концов моё предпочтение синего цвета разрешило сомнения: я остановил свой выбор на девушке, одетой в кимоно сапфирового цвета, вышитое белыми цветами.

Теперь у меня завёлся собственный дом, правда, очень скромный по размеру и убранству. Однако командир “Рынды” строго следил за тем, чтобы мы, молодёжь, не слишком разленились, и заставлял нас заниматься ежедневно до шести часов вечера. Но в половине седьмого я уже был “дома” за обеденным столом в обществе миниатюрного существа. Весёлость её характера была поразительна. Она никогда не хмурилась, не сердилась и всем была довольна...

...Русские офицеры называли её в шутку “нашей великой княгиней” — причём туземцы принимали этот титул всерьёз. Почтенные японцы останавливали меня на улице и интересовались, не было ли у меня каких-либо претензий в отношении моей “жены”. Мне казалось, что вся деревня смотрела на мой “брак”, как на известного рода политический успех.

После отплытия русских кораблей во многих чайных домиках появлялись малыши. Наши любители сенсаций раскопали, что у мичмана Владимира Дмитриевича Менделеева с крейсера «Память Азова» родилась дочь Офудзи от Така-сан, его «контрактной» жены. После ухода крейсера Така-сан и Володя некоторое время переписывались. Однако вскоре Володя заболел, уволился из флота и умер, не оставив законного потомства. Офудзи и её дети заинтересовали современных журналистов, так как прямых потомков у Дмитрия Ивановича Менделеева, открывшего периодический закон химических элементов, не осталось. Но, увы, пока никаких потомков великого русского учёного в Японии найти не удалось.

Во время стоянки корвета в Японии Александру Михайловичу пришло донесение от Александра III. Великому князю предписывалось в качестве члена российской императорской семьи нанести официальный визит японскому императору. 23 июня 1887 г. двадцатилетний моряк сошёл с катера на пристань Иокогамы. Далее предоставим самому великому князю описать ход визита: «Приём мой в Токио и Иокогаме был обставлен с большой торжественностью. С того момента, как в Иокогамском порту прозвучал салют в 101 выстрел, в течение девяти последующих дней я перестал быть скромным мичманом с крейсера “Рында”, и со мной обращались точно так же, как принимали в чопорном Потсдаме высочайших особ. Собственный поезд микадо ожидал меня в Иокогаме, и

все члены правительства во главе с графом Ито, тогдашним премьер-министром, встречали меня в Токио на вокзале. Я проследовал в Императорский дворец в пышном экипаже, которому предшествовал эскадрон гвардии микадо в парадной форме.

Первая аудиенция у Императора длилась всего несколько минут. Император и Императрица приняли меня в тронной зале, окружённые блестящей свитой принцев и принцесс. Я произнёс короткую речь и передал приветствие от царя. Император выразил свою радость по поводу моего пребывания в Токио и веру в русско-японскую дружбу. Обе речи были переведены переводчиком посольства. Я испытывал некоторое смущение в обществе этих людей, одетых в полную парадную форму и едва достигавших мне до плеча, и старался казаться как можно ниже ростом [рост великого князя был 190 см. — *А. Ш.*]. Целая неделя была посвящена осмотру достопримечательностей и военным парадам».

27 июня после прощальной аудиенции у императора Мэйдзи Александр Михайлович покинул столицу Японии и вернулся на борт российского корвета.

В течение двух лет Нагасаки служил базой, откуда «Рында» регулярно уходил в плавание и куда возвращался на стоянку для отдыха и ремонта.

В ходе плаваний, которые продолжались в среднем по месяцу, корвет посетил Филиппинские острова, Индию и Австралию.

19 января 1888 г. «Рында» вошёл в австралийский порт Ньюкасл. Надо сказать, что появление русского корвета вызвало в городе панику. Во второй половине XIX в. отношения между Россией и Англией менялись от плохих до... очень плохих, и никто не знал, с миром или с войной идёт русский корабль. Мало того, что в форте Скрэтчс, специально построенном для защиты Ньюкасла от русских кораблей, попросту проспали «Рынду», орудия форта были не готовы не только к обороне, но даже и к положенному в таких случаях салюту. Поэтому по просьбе британской стороны взаимный салют был перенесён на следующий день.

В Ньюкасле корвет заправился углём. 20 января капитан Авелан и старший офицер Эбелинг были приняты мэром города и местным начальством. К разочарованию австралийских хозяев Александр Михайлович на приёме отсутствовал, так как предпочёл осматривать гидравлические краны и мастерские. Приём шёл своим чередом, мэр, приветствуя русских, выразился с осторожностью дипломата: «Мы рады видеть любых высоких гостей, невзирая на их национальность».

21 января Авелан и восемь офицеров, среди которых был и Александр Михайлович, отправилась осматривать Лэмтонскую угольную шахту. Там

русские моряки буквально засыпали вопросами управляющего и, помимо наружного осмотра, пожелали спуститься в главную штольню. Репортёр местной газеты особенно подчёркивал глубокий интерес великого князя к технике. Вечером Александр Михайлович с одним из офицеров отправился вверх по реке Хантер до Рэймонд Торрес.

Кто был разочарован интересами великого князя, так это посетители Театра Виктории. Его дирекция два раза сообщала в местной газете, что на вечернем спектакле будут «высокие гости», и оба раза ожидания публики не оправдались.

В полдень 22 января корвет «Рында» покинул Ньюкасл. По итогам визита русские моряки составили детальное экономическое, военно-стратегическое и гидрографическое описание Ньюкасла. Особое внимание в отчёте капитана Авелана и судового врача Бурцева уделялось добыче угля. В частности, Авелан высоко оценил технические новшества в погрузке угля на корабль. Сам Ньюкасл, по-видимому, не произвёл на русских большого впечатления. «Это огромный склад угля и шерсти, — писал Бурцев. — Город совершенно лишён зелени». В то же время он отмстил, что город уже имеет музей с богатыми образцами доисторической флоры и фауны, найденными в ходе горнодобывающих работ.

Следующим австралийским портом, в котором «Рында» бросила якорь, был Сидней. Посещение корветом крупнейшего города Австралии совпало с юбилейными торжествами по случаю столетия основания колонии. И здесь героем дня стал наш великий князь. На следующий по прибытии корвета день лорд Кэррингтон, губернатор Нового Южного Уэльса, отправил экипаж за Александром Михайловичем для доставки его в Дом Правительства. Однако присутствие великого князя на государственных торжествах оказалось невозможным, так как согласно законам Российской империи, члены Императорской семьи не могли участвовать в государственных церемониях иностранной державы. Иногда он не мог присутствовать на торжествах и потому, что должен был стоять на вахте наравне с другими офицерами. 24 января русские офицеры вновь отправились в Дом Правительства. На этот раз они были гостями леди Кэррингтон.

Четверг 26 января стал основным днём юбилейных торжеств. С утра «Рында», как и все суда, стоящие в заливе, расцветилась флагами, а в полдень со всех фортов и военных судов, включая «Рынду», был произведён салют наций в 21 выстрел. Вечером в здании бывшей всемирной выставки колониальные власти дали государственный банкет на тысячу персон, на котором присутствовал Авелан. В тот же день

обнаружилось, что русские могут оказать существенную помощь организаторам пикника в Национальном парке для подростков из бедных семей. Британский фрегат «Нельсон», который должен был прислать оркестр для развлечения публики, не успел прийти в Сидней. Для спасения положения организаторы пикника решили пригласить оркестр «Рынды» — слава о нём уже успела дойти от Ньюкасла до Сиднея. Австралийские газеты и в этом случае сумели поместить в центр событий великого князя. Они сообщали, что депутация организаторов пикника явилась на «Рынду» и «обратилась к Авелану с тем, чтобы он попросил Его Императорское Высочество Великого Князя о том, чтобы он позволил своему оркестру играть на пикнике... На что было дано милостивое согласие». Оркестр, конечно, был корабельным и отнюдь не состоял в ведении мичмана, но, как видно, даже присутствие имени великого князя льстило тщеславию австралийцев.

27 января оркестр играл почти непрерывно весь день в Национальном парке. Газеты отмечали мастерство русских музыкантов и самокритично признавали, что оркестр такого уровня не часто можно встретить в Австралии.

31 января в здании выставки сиднейцы устроили праздник для матросов военных и коммерческих судов, находящихся в гавани. Из двух тысяч приглашённых присутствовало сто матросов с «Рынды». Здание выставки было великолепно украшено. Над помостом, предназначенным для губернатора и его свиты, располагался австралийский герб, а по сторонам его были вывешены русский и французский флаги, в то время как флаги других стран были расположены вдоль стен. По центру зала шли сервированные столы. Обстоятельный Авелан в своём отчёте отмечал, что «угощение состояло из холодных мясных блюд, пирожного и фруктов; для питья подавали лимонад, содовую воду и по полбутылки пива на человека». Каждому матросу также выдавали трубку, пару сигар и коробку восковых спичек. В начале девятого на помост взошли почётные гости.

В газетном репортаже великий князь был назван четвёртым по счёту вслед за лордом и леди Кэррингтон и вице-адмиралом Фэйерфаксом. Леди Кэррингтон был преподнесён букет от английских матросов, а вслед за тем под звуки русского национального гимна на помост поднялся русский боцман и, поцеловав руку леди Кэррингтон, вручил ей огромный букет цветов, на лентах которого было вышито по-английски «от русских моряков». «Наш букет вышел значительно изящнее и богаче [чем английский]», — не преминул заметить в своём отчёте Авелан.

Лорд Кэррингтон тут же произнёс импровизированную речь, в которой

от имени своей супруги поблагодарил русских моряков за столь неожиданный и изящный подарок. «Мы приветствуем в водах Порт-Джексона, — продолжал далее Кэррингтон, — великолепный корабль «Рында», мы приветствуем доблестных моряков, которые плавают под голубым крестом Святого Андрея. И мы особенно приветствуем, хотя и не имеем право делать это официально, высокого гостя, близкого родственника его величества царя. Хотя мы и не имеем права оказать ему официальный приём, наши сердца оказывают ему истинно царский приём».

«Рында» стал одним из первых кораблей России, где ввели электрическое освещение. Ночью на корвете поочерёдно зажигали белые, красные и зелёные лампы. Эту иллюминацию добавляли фейерверки с берега и фортов. «Рында» оставался в центре внимания и после завершения торжеств: 2 февраля корвет посетил лорд Кэррингтон с супругой. В их честь «Рында» салютовал семнадцатью выстрелами.

Корабельная жизнь шла своим чередом. К 8 февраля была завершена полная переборка машины корвета и закончена окраска бортов и наружных частей корабля. 9 февраля в 9 часов утра корвет покинул гостеприимный Сиднейский рейд.

12 февраля «Рында» прибыл в Мельбурн, произведя королевский салют в двадцать один выстрел. Репортёры, как и в предыдущих портах, во всех деталях описывали устройство и вооружение корабля, восхищались корабельным оркестром. Они отмечали, что им был оказан «любезный приём» со стороны офицеров, которые «хорошо изъясняются по-английски», русские же матросы показались им настоящими молодцами. Однако уже несколько дней спустя газета «Age» начала кампанию за ужесточение условий входа иностранных военных судов в гавань Мельбурна. Пушки «Рынды» и её внезапное для береговых фортов появление служили для этого убедительными аргументами. Газета отмечала, что «Рында» без труда может вывести из строя форты, используя свою артиллерию. В других статьях говорилось о грядущей войне между «полудикой и деспотичной Россией» и Англией.

Тем не менее мельбурнцы проявили положенное гостеприимство, с гордостью подчеркнув: «Для нас не имеет значения национальность чужестранцев». 22 февраля состоялся приём в Таун-Холле с исполнением органной музыки, через два дня — приём в мельбурнском клубе. Побывал на корабле с визитом и мэр Мельбурна.

Не обошлось и без довольно распространённого в те времена явления. В ночь на 3 марта с корабля бежал торпедный машинист 1-й статьи Иван Егоров, человек положительный, имевший жену и детей. Причиной побега

стало увлечение местной женщиной. По договорённости с ней ночью к корвету подошла шлюпка, на которой и бежал Егоров. Дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

6 марта «Рында» покинул Мельбурн. Впереди была Новая Зеландия и острова Фиджи, Самоа, София, Уалан.

Позже Александр Михайлович напишет: «Молуккские острова, острова Фиджи, Цейлон и Дарджилинг в Гималаях в особенности пришлись мне по сердцу.

Вспоминаю тропический рай Молуккских островов. Широкая река, катящая свои волны через пальмовые рощи. Острова Фиджи. Маленький тесный отель в Дарджилинге с бесподобным видом на величественную Канченджангу.

А вот раннее утро в джунглях Цейлона... Дождь лил всю ночь: свежесломанные ветки, специфический острый запах и глубокие следы на глинистой почве говорят о близости диких слонов. Мы медленно и осторожно продвигается вперёд верхом. Нас предостерегают крики разведчиков-туземцев. «Осторожно! Осторожно! Они готовятся к нападению», — говорит нам английский эскорт. Я переживаю в первый раз горделивое удовлетворение, принимая участие в охоте на слона...

Я часто вспоминаю обо всём этом после революции, и мне кажется, что далёкий остров где-нибудь на Тихом океане был бы самым подходящим местом для человека, жизнь которого была исковеркана колёсами истории. Этими мыслями я делился с моею женой и сыновьями, но они решили остаться в Европе, которая не говорила ничего ни моему уму, ни сердцу даже в годы моей молодости. Быть может, когда-нибудь мои мечты сбудутся. Как ни грустно посетить снова места, где я был счастлив сорок лет тому назад, я твёрдо верю, что ни океан, ни тропические леса, ни горы мне не изменят. Изменяют только люди...»

Весной 1889 г. корвет «Рында» отправился домой через Суэцкий канал. Во время недолгой стоянки в Пирее Александр Михайлович встретился со своей кузиной великой княгиней Ольгой Константиновной, королевой эллинов. По желанию великого князя корвет зашёл в Монте-Карло, чтобы Александр Михайлович смог повидаться с родителями, братом Георгием и сестрой Анастасией.

Во время стоянки в Англии Александр Михайлович получил от Александра III телеграмму с предписанием «передать привет» королеве Виктории. Позже Александр Михайлович писал: «Так как отношения между Россией и Англией были далеко не дружественные, то я не слишком радовался возложенному на меня высокому поручению. Я уже имел случай

много слышать о холодности Виктории и приготовился к худшему.

Полученное из дворца приглашение с лаконической припиской “к завтраку” только увеличило мои опасения. Личная аудиенция была тем хороша, что должна была быть непродолжительной, но перспектива участвовать в продолжительной церемонии высочайшего завтрака с королевой, известной своим недоброжелательством к России, не предвещала ничего хорошего. Я прибыл во дворец до назначенного мне времени, и меня ввели в полутёмную гостиную. В течение нескольких минут я сидел в одиночестве и ждал. Наконец на пороге появились два высоких индуса: они низко поклонились и открыли двухстворчатую дверь, которая вела во внутренние покои. На пороге стояла маленькая полная женщина. Я поцеловал ей руку, и мы начали беседовать. Меня поразила простота и сердечность её манер. Сперва мне показалось, что эта задушевность означает коренную перемену политики Великобритании в отношении России. Но объяснение этому было другое.

— Я слышала о вас много хорошего, — сказала королева с улыбкой.
— Я должна вас поблагодарить за ваше доброе отношение к одному из моих друзей.

Я удивился, так как не мог вспомнить никого из встречавшихся мне лиц, которое могло бы похвастаться дружбой с её величеством королевой английской.

— Неужели вы уже забыли его, — улыбаясь, спросила королева. — Мунчи, моего учителя хинди?

Теперь я понял причину её тёплого приёма, хотя индус Мунчи никогда не говорил мне, что был учителем английской королевы. Я познакомился с ним в Агре, когда осматривал Тадж-Махал. Он высказал очень много глубоких мыслей относительно религиозных верований индусов, и я был очень обрадован, когда Мунчи пригласил меня к обеду. Я никогда не предполагал, что то, что я отведал пищу у Мунчи, очень поднимет авторитет этого индуса в глазах высокомерных индусских раджей и что он напишет пространное письмо королеве Виктории, в котором восхвалял мою поразительную “доброту”.

Королева позвонила. Дверь открылась, и на пороге появился мой друг Мунчи собственной персоной. Мы поздоровались очень сердечно, а королева радостно наблюдала за нашей беседой.

К моменту, когда завтрак был уже подан, я чувствовал себя уже совершенно свободно и был в состоянии ответить на все вопросы о политическом положении в Южной Америке, Японии и Китае. Британский народ имел полное основание гордиться этой необычайной женщиной.

Сидя за письменным столом в Лондоне, королева внимательно наблюдала за изменчивой картиной жизни в далёких странах, и её меткие замечания свидетельствовали об остром уме и тонком понимании действительности.

За столом присутствовали лишь ближайшие родственники королевской семьи и между ними принц Уэльский с супругой, будущий король Эдуард VII и королева Александра. Принцесса горячо любила свою сестру государыню императрицу Марию Фёдоровну, и её присутствие и личное обаяние действовали на меня ободряюще. Она была глуховата, и я должен был повышать голос, отвечая на её вопросы относительно императрицы, племянников и племянниц. Я взглянул в сторону королевы, чтобы убедиться, не мешаю ли я ей своим громким голосом. Но она ободряюще кивнула мне головой: все делали точно так же, когда разговаривали с красивой принцессой Уэльской, и громче всех кричал при этом её собственный супруг Эдуард. Если бы кто-либо посторонний вошёл в столовую, в которой происходил высочайший завтрак, он мог бы подумать, что происходила пренеприятная семейная сцена.

Два дня спустя меня опять пригласили на семейный обед. С каждым днём королева оказывала мне всё более и более внимания. Я встречался с королевой Викторией и потом, но встречи наши происходили в отеле “Симье” в Ницце, где королева проводила обычно каждую весну.

Для “морского волка”, проведшего почти три года в дальнем плавании, светские обязанности, выпавшие на мою долю в Лондоне, были, пожалуй, чересчур сложными. Приветствие государя императора должно было быть передано мною всем членам английской королевской семьи, что влекло за собою участие в целом ряде завтраков, чаёв и обедов. Я возобновил моё знакомство с герцогом Эдинбургским, которого я встретил в Москве на коронации в 1883 г. Он был женат на моей двоюродной сестре, великой княгине Марии Александровне, дочери Александра II. Хотя их четыре дочери и были ещё очень молоды, но все они выказывали признаки поразительной будущей красоты. Самый строгий судья женской красоты затруднился бы отдать пальму первенства Мисси — ныне вдовствующей румынской королеве Марии, Даки — великой княгине Виктории Фёдоровне, супруге великого князя Кирилла Владимировича, Сандре — принцессе Александре Гогенлоэ-Лангенбур, или же Бэби — инфанте испанской Беатрисе».

Но вот визит в Лондон закончился, и «Рында» отправился в Кронштадт. Там корвет был разоружён и поставлен на капитальный ремонт. Почти все офицеры получили повышения в чине и новые назначения. Александр Михайлович ещё в плавании был произведён в лейтенанты.

И вот лейтенант сидит и скучает в огромном Михайловском дворце: «В Петербурге всё осталось по-старому. Та же рутина. Три раза в день мы встречаемся с отцом в столовой. Он ест наскоро, затем спешит на заседание Государственного совета. Разговоры всё те же, что и три года тому назад; те же сплетни скучающих придворных дам. Та же прислуга, ходящая на цыпочках. Даже тот же самый повар».

Нашего героя, как Онегина, охватила «охота к перемене мест».

Глава 6

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЯХТЕ «ТАМАРА»

Говоря о пребывании Александра Михайловича в Лондоне, я забыл упомянуть о его знакомстве с эксцентричным американским мультимиллионером В., который пригласил великого князя на борт своей океанской яхты «Леди Торфрида». Миллионер уже шесть лет жил на борту яхты, стоявшей на якоре недалеко от Лондона. На Александра Михайловича яхта произвела такое же впечатление, как на Эллочку-людоедочку золотое ситечко Остапа Бендера — «Хочу!!!» Великий князь решил купить яхту через русского военно-морского агента (позже этот дипломатический пост станет называться «военно-морской атташе»). Но тот отказался, заявив, что кроме большого скандала из этой затеи ничего не выйдет. Тогда Александр Михайлович решил лично попытать счастья.

«Я нашёл Б. на юте яхты в обществе значительного количества всевозможных бутылок, — вспоминает великий князь. — Он был раздражён и ворчал. Моё намерение приобрести его яхту не вызвало в нём никакого сочувствия. Я объяснил ему, что хотел бы ещё раз посетить наиболее привлекательные места на Востоке, путешествуя совершенно свободно, не будучи связан расписанием паровозных рейсов. Но ввиду того, что я собираюсь отправиться в путешествие уже следующей весной, я не имею времени заказать себе яхту.

— Что же вы хотите, чтобы я делал, пока вы будете дьявольски хорошо проводить время? — раздражённо крикнул он. — Уж не думаете ли вы, что я буду спать на набережной? Или же, быть может, вы прикажете мне залезть в вонючий отель, полный людской рухляди и отвратительного шума?

Вовсе нет. Мысль превратить мистера Б. в скитальца на земле, никогда не приходила мне в голову. Я просто полагал, что он согласится продать мне «Леди Торфриду» и купить себе подобную же яхту, только значительно большего тоннажа. Мои агенты к его услугам.

— Кто из нас двух богаче? — спросил он. — Я или же вы? Чёрт возьми, та, новая яхта, для вас слишком велика, а для меня моя яхта, по-вашему, мала, и я из-за ваших фантазий должен пожертвовать моим благородным судном!

— Видите ли, — скромно сказал я, — человек вашего калибра должен обладать большей яхтой, чем “Леди Торффрида”.

Он насмешливо улыбнулся и сказал что-то в том смысле, что это соображение для него малоубедительно. Я продолжал настаивать. По-видимому, этот двухчасовой спор утомил его, потому что он заявил, что должен хорошенько над этим делом подумать. Затем он предложил мне у него погостить.

— Вы, я и эти бутылки, — и он сделал многозначительный жест в сторону стола...

В пять часов утра в следующий понедельник, когда мы оба еле держались на ногах, между нами был подписан контракт, согласно которому я становился полновластным владельцем “Леди Торффриды”, а мистер Б. обязался перевезти свой винный погреб на другое судно.

— Только помните, — добавил он, грозя пальцем, — сделка будет действительна лишь в том случае, если вы пришвартуете мою новую яхту так близко к борту “Леди Торффриды”, что мне не понадобится спускать шлюпку на воду. И ещё одно условие: вы не имеете права называть её впредь именем “Леди Торффрида”. “Леди” остаётся со мною. Вы должны дать ей другое имя.

Я с готовностью согласился.

— Я решил назвать мою яхту “Тамара”.

— Кто это такая?

— “Тамара” — это грузинская царица, которая имела обыкновение сбрасывать своих любовников с высоты дворцовой банши после первой же ночи.

— Милая дама! Вы её знали лично?

— К сожалению, нет. Она умерла очень давно.

— Они все слишком рано умирают, — сказал мистер Б. и откупорил новую бутылку шампанского.

В бытность мою в Лондоне несколько лет тому назад мне попалась на глаза в “Таймс” короткая заметка, которая сообщала о внезапной кончине мистера Б. на борту собственной яхты, которая по обыкновению стояла на Темзе.

Вино и все остальные излишества ускорили его конец, хотя ему исполнилось тогда уже 82 года. Как выяснилось, “Торффридой” звалась его зеленоглазая невеста, которая незадолго до свадьбы отправилась в Париж, чтобы заказать приданое. Здесь она встретила одного британского дворянина и вышла за него замуж».

По эскизам Александра Михайловича каюты яхты и их внутреннее убранство были полностью переделаны. На носу яхты появилась деревянная фигура грузинской царицы. Стоит сказать несколько слов и о самом судне. Яхта была построена на верфи Пирса в городе Глазго и спущена на воду в 1883 г. Корпус яхты стальной, палуба покрыта тиком. Длина яхты между перпендикулярами была 62,6 м, наибольшая ширина 7,77 м, а осадка кормой 4,2 м. Стандартное водоизмещение яхты составляло 623 тонны. Паровая обновлённая машина системы Эльдера мощностью 1020 индикаторных лошадиных сил позволяла развивать скорость до 13,5 узлов. Запас угля составлял 140 тонн, воды — 12 тонн и льда — 500 кг. Дальность плавания под парами 1500-2000 миль.

Естественно, что «Тамара» могла ходить под парусами. Двухмачтовая яхта имела парусное вооружение шхуны, благодаря чему для управления парусами требовалось минимум матросов.

На борту яхты находились паровой катер, вельбот и две шлюпки (на 10 и 4 весла). Каюты были отделаны красным деревом. Везде были резные украшения и старинные картины.

Александр Михайловичу отводилась довольно просторная каюта площадью в 18,3 кв. м, брату Сергио — каюта поменьше (13,7 кв. м), чуть меньше были каюты гостей.

Формально «Тамара» являлась частной собственностью Александра Михайловича, но понять это можно лишь из мемуаров великого князя. Судите сами: 29 человек экипажа яхты находились на службе в Императорском флоте, и лишь три человека были вольнонаёмными. На мостике были установлены две 37-мм одноствольные пушки Гочкиса — самые современные орудия того времени. Так что «Тамара» могла не только отогнать пиратские джонки в южных морях, но и имела реальные шансы потопить малый миноносец.

На примере «Тамары» мы хорошо видим, как великий князь постоянно «путал свой карман с государственным».

И вот отремонтированная красавица-яхта бросила якорь у Николаевского моста в Петербурге. Гордый Александр Михайлович устроил на борту судна завтрак для родственников и знакомых, во время которого торжественно объявил:

— Я решил совершить на «Тамаре» кругосветное путешествие!

Великий князь Михаил Николаевич заворчал:

— Сандро, ты с ума сошёл! Ты собираешься отправиться в кругосветное путешествие на этой скорлупке!

— Папа, скажи, почему если бы англичанин или француз отправился

бы на такой яхте вокруг света, никто из его родни не счёл бы это чем-то экстраординарным, а у нас в России вызывает такое удивление и опасения?

Понятно, что переспорить Сандро было невозможно. Любопытно, что царь, осмотрев «Тамару», положительно оценил её мореходные качества и дал согласие на длительное путешествие Александру и Сергею Михайловичам.

Тёмной осенней ночью «Тамара» стояла на якоре в миле от Петергофского дворца. Корпус яхты, окрашенный в чёрный цвет, делал её практически незримой на фоне залива. Лишь сигнальный фонарь выдавал её. Со стороны берега послышался шум.

— Кто гребёт?? — раздался глухой голос вахтенного.

— На «Тамару»! — ответил густой бас.

— Фалрепные на привязь! — скомандовал вахтенный.

И в одно мгновение вся яхта осветилась электрическим светом, а команда выстроилась у борта.

Через пару минут к яхте пришвартовался паровой катер, из которого вылезло несколько молодых людей. Среди них было пятеро великих князей: Николай и Георгий Александровичи, Александр, Георгий и Сергей Михайловичи.

Александр Михайлович как хозяин яхты принимал всех в буфете.

— Ники, ты не против шампанского?

— Я бы предпочёл мадеру, Сандро!

Выпитые бутылки с мадерой никто не считал, и рано утром четыре великих князя, поддерживаемые матросами, спустились в катер. Сандро провожал их на мостике.

16 августа 1890 г. в 8 часов утра яхта подняла якорь и медленно направилась на Кронштадтский рейд. При прохождении её мимо императорской яхты «Держава», крейсера «Память Азова» и броненосца «Император Александр II» выстроенная вдоль борта команда кричала «ура».

Первая остановка была сделана в Ревеле.

— Скучный город бюргеров! — ругался великий князь.

Но вскоре Александр Михайлович встретил знакомых морских офицеров, которые пригласили его к себе. Ужин на борту клипера «Стрелок» затянулся до утра.

24 августа яхта пришла в Саутгэмтон, где ей предстояло загрузиться углём и продовольствием, а также произвести мелкий ремонт механизмов. Александр Михайлович оставил яхту на капитана Болеслава Осиповича Якубовского и отправился в Лондон, а оттуда на пароме махнул в Париж.

Вернувшись, он сказал капитану:

— Париж — это не город, а целый мир! О нём нужно написать сорок томов или молчать!

И вот «Тамара» в Атлантике. Шторм в Бискайском заливе оказался судну нипочём.

— Яхта идеально держится на воде! Это, положительно, утка! — весело кричал Сандро с мостика.

8 сентября 1890 г. «Тамара» вошла в порт Алжир. Особых впечатлений на Александра Михайловича город не произвёл. Затем — небольшая стоянка в порту Кальяри на острове Сардиния, после чего — длительная стоянка в Неаполе.

Александр Михайлович с любопытством осмотрел развалины Помпеи и Геркуланума. Особый интерес у него вызвал «весёлый квартал» с эротическими фресками. Замечу, что туда пускали только туристов-мужчин, женщинам же вход разрешили только после Второй мировой войны.

В Помпеях Сандро встретил сестру Анастасию.

Следующим портом, куда зашла «Тамара», стал Пирей, где буквально получасом ранее бросила якорь яхта «Роксана», принадлежавшая Георгию Максимилиановичу, герцогу Лейхтенбергскому. Он приходился двоюродным братом Александру Михайловичу, его мать Мария была дочерью императора Николая I.

Греческий король (король эллинов) Георг I также оказался роднёй нашему герою. Он был женат на великой княгине Ольге Константиновне, двоюродной сестре Александра Михайловича. Увидев королевский дворец, Александр Михайлович отметил большое сходство его с Александровском дворцом в Царском Селе.

Вечером 26 сентября «Тамара» вновь вышла в море. На борту яхты появился новый пассажир — русский посланник в Греции Михаил Константинович Ону. Александр Михайлович не зря пригласил дипломата на «Тамару». Ону через Севастополь хотел добраться до Петербурга, где должен был войти в свиту цесаревича Николая и путешествовать с ним на крейсере «Память Азова». Так почему бы не расположить к себе человека, который будет несколько месяцев находиться рядом с цесаревичем?

27 сентября яхта подошла к входу в Дарданелльский пролив. Александр Михайлович запасся фирманом^[11] на свободный проход проливов. Но как только «Тамара» вошла в пролив, с берегового форта ударила пушка. Всего турки сделали три выстрела, причём один снаряд пролетел над головами путешественников.

— К берегу! — крикнул великий князь.

Капитан приказал бросить якорь на глубине 12 саженей. Через полчаса подошла шлюпка, и турецкий офицер принёс извинения. Устраивать скандал было не в интересах Александра Михайловича, и он удовлетворился извинениями.

Босфор прошли ночью без остановки. В 9 часов утра 30 сентября яхта бросила якорь в Севастопольской гавани рядом с тем местом, где позже, в 1905 г., будет установлен памятник затопленным кораблям. Дело в том, что «Тамара» была приписана к Севастопольскому яхт-клубу.

Несколько слов стоит сказать и об этом знаменитом яхт-клубе, основанном в 1886 г. В 1889 г. в списках клуба состояло восемнадцать яхт, клуб насчитывал 103 члена, из них 99 действительных и 4 почётных. Севастопольский яхт-клуб находился под покровительством великого князя Алексея Александровича, а наш герой состоял там почётным командором. В конце 80-х гг. XIX в. на Приморском бульваре было построено здание правления яхт-клуба.

Среди других яхт Севастопольского клуба выделялась своей отделкой яхта «Князь Потёмкин», принадлежавшая отцу нашего героя. Великий князь Михаил Николаевич с супругой Ольгой Фёдоровной тоже оказались в Севастополе. Родители провели с сыном три приятных дня.

Великий князь Сергей Михайлович тоже пожелал ехать с братом в экзотические страны, но присоединился к нему лишь в Севастополе. То ли он испугался качки в Бискайском заливе, то ли действительно хотел поохотиться на Кавказе, во всяком случае, он всласть пострелял в лесах Карояза на берегах Куры. Десятки кабанов и оленей стали охотничьими трофеями великого князя. Затем Сергей по железной дороге добрался до Батума. Там его ожидала роскошная директорская каюта на пароходе РОПИТа «Великий князь Алексей», шедшего по маршруту Батум — Новороссийск — Керчь — Феодосия — Ялта — Севастополь.

Во время стоянки в Феодосии Сергей побывал в доме знаменитого художника-мариниста Айвазовского. Там ему понравились не столько картины, сколько прекрасное креплёное вино из виноградников в Судаке, принадлежавших художнику.

И вот Сергей на борту яхты «Тамара». Если провести параллель с романом Жюль Верпа, то на яхте «Дункан» теперь целых два лорда, правда, нет двух юных леди, но здесь в них нет необходимости — они будут в каждом порту. Зато без Паганеля ехать скучно. И вот в Севастополе на борт яхты поднимается специально выпущенный из Тифлиса доктор Густав Иванович Раде, известные географ и биолог. С Раде Александр Михайлович был знаком ещё по Тифлису, где тот служил директором

музея. В пути Раде должен был рассказывать великим князьям о достопримечательностях и природе восточных стран и одновременно писать историю их путешествия, ну и, наконец, быть предметом шуток, когда другие поводы для них отсутствовали.

Александр Михайлович взял с собой и доктора Александра Львовича Зиндера, который ещё в 1888 г. во время кругосветного плавания сопровождал Сандро в путешествии по Китаю и Корее.

Кроме того, был взят и приятель Александра Михайловича — сотник казачьего полка граф Александр Николаевич Граббе, сын генерал-лейтенанта Н.П. Граббе, длительное время служившего на Кавказе.

Первой остановкой «Тамары» после Севастополя стал Константинополь. 6(18) октября яхта покинула турецкую столицу и через 4 дня прибыла в Порт-Саид. Пока яхта заправлялась там углём и проходила Суэцкий канал, великие князья провели несколько дней в Каире, осмотрели пирамиды, не обошли вниманием и бордели.

22 октября «Тамара» пришла в Аден, где местные и британские власти радушно встретили великих князей.

На следующий день, 23 октября (4 ноября) «Тамара» покинула Аденский порт и пошла к Цейлону. Расстояние в 3670 вёрст прошли под парами со средней скоростью 10,5 узлов, что по тем временам было совсем неплохо и для быстроходного крейсера. Периодически яхта останавливалась, спускали лодки, и великие князья занимались рыбной ловлей. 1 (13) ноября наши путешественники прибыли на Цейлон.

«Тамару» встретили высокопоставленные представители британской администрации. Для путешествия по острову великим князьям был предоставлен губернаторский вагон, сделанный целиком из хлебного дерева. На Цейлоне Александр и Сергей Михайловичи познакомились со знаменитым охотником на слонов Лемезюрье, убившим за пятнадцать лет девяносто слонов. Однако в ходе первого визита на Цейлон великим князьям так и не удалось подстрелить ни одного слона.

Вскоре путешественники погрузились на яхту, которая 17 (29) ноября доставила их в Сингапур. Оттуда Александр Михайлович отправился на Малайский полуостров к султану Джохара, с которым великий князь познакомился ещё во время плавания на «Рынде». Но, увы, султан в это время лечился в Германии в Карлсбаде. Поэтому Сандро встретил его старший сын.

Затем «Тамара» посетила острова Голландской Индии (ныне Республика Индонезия) — Яву, Целебес, Бутом. Там великие князья увлекались не только охотой. Наш Паганель, то есть Раде, был слишком

целомудрен и не написал ни строчки о прекрасных туземках, но фото обнажённых четырнадцати-восемнадцатилетних жительниц Цейлона, Явы и других островов, иллюстрирующие книгу Раде, говорят сами за себя. Не думаю, чтобы Михайловичи ограничились только созерцанием их прелестей.

Из Индонезии «Тамара» вновь отправилась к Цейлону и 12 января 1891 г. бросила якорь в порту Гамбантота (сейчас Хамбантота) на юго-востоке острова. На следующий день на яхту прибыл Лемезюрье, и сразу же вся весёлая компания отправилась на охоту. Первым трофеем на Цейлоне стал девятифутовый (2,74 м) питон, убитый Александром Михайловичем. Зато охоту на слонов открыл Сергей Михайлович, застреливший старого рыжего слона.

14 января Александр Михайлович взял реванш у брата и убил двух слонов. Позже он напишет: «...особенно красиво упал второй слон. Он рухнул от первой пули, ломая со страшным треском окружающие его деревья. Из раны во лбу кровь била фонтаном. Конечно, после такой удачной охоты обратный путь прошёл незаметно».

15 января Сергей Михайлович с компанией убил трёх слонов, а Александр Михайлович охотился отдельно — на крокодилов. Ему удалось поймать на «удочку» крокодила. На крюк был насажен кусок слоновьего мяса, а к крюку привязан канат. Несколько туземцев с трудом вытащили большого крокодила. Вечером Александр Михайлович и Лемезюрье отправились на ночную охоту на леопарда. В качестве приманки к дереву привязали собаку.

Но хитрая кошка загрызла собаку и сумела уйти от выстрелов.

16 января Александр Михайлович убил буйвола весом в 35 пудов (573 кг). Великий князь приказал отделить от черепа буйвола огромные рога и отправить их на яхту.

17 января Александр Михайлович подстрелил пару обезьян.

Вечером 19 января Александр Михайлович и Лемезюрье шли по лесу, громко обсуждая свои охотничьи успехи. Вдруг Лемезюрье интуитивно обернулся и увидел большого слона, совершенно бесшумно подкрадывавшегося к людям. Александр Михайлович автоматически вскинул винтовку и выстрелил, не целясь. Легкораненый слон кинулся бежать, но ошеломлённые охотники так и не решились его преследовать.

21 января Александр Михайлович убил двух буйволов, а затем оленя. Но тут охота была прервана, и обоим великим князьям пришлось срочно возвратиться на яхту. «Тамара» совершила 140-мильный переход под парами из Гамбантоты в столицу острова Коломбо.

Дело в том, что в Коломбо прибыли русские крейсера «Память Азова» и «Владимир Мономах». Главное же заключалось в том, что на «Азове» был любимый цесаревич Ники.

Тут стоит отвлечься и рассказать немного о путешествии наследника российского престола.

В начале 1890 г. Александр III решил отправить сына в путешествие по странам Азии, а обратно царевич должен был возвращаться через Сибирь. Конечно, можно было отправить Николая на одной из многочисленных императорских яхт. Но Александр III решил иначе, и в 1886-1890 гг. был построен крейсер-яхта «Память Азова» водоизмещением около 7000 тонн. Крейсер получил название в честь 74-пушечного парусного линейного корабля «Азов», первого в русском флоте удостоенного Георгиевского флага за доблесть в Наваринском сражении 8 октября 1827 г.

Несмотря на довольно мощное вооружение (две 203/35-мм и тринадцать 152/35-мм пушек) по внешним украшениям и внутреннему убранству «Память Азова» мог дать фору самой богатой яхте. На носовой части корабля красовались орден Святого Георгия, ленты с бантами, императорская корона, лавровый венок и пальмовые ветви. В отделке и оборудовании офицерских помещений широко применялись ценные породы древесины (красное, ореховое и тиковое дерево). Большое место на корабле занимали особые каюты для наследника престола и его свиты. Одна отделка этих кают обошлась казне более чем в 78 тысяч рублей. На шканцах, юте, шкафуте и всех мостиках были установлены специальные тенты для защиты от солнца и дождя. Уже по пути, в Англии, были закуплены дополнительные электрические вентиляторы. Там же закупили 700 электрических ламп и установили дополнительное освещение на верхней палубе.

Эти мероприятия вызвали перегрузку в 800 тонн. Посему с крейсера пришлось снять две 152-мм пушки, часть боекомплекта и другое оборудование. Всё это было погружено на специальный пароход, отправленный заранее во Владивосток.

Вместе с цесаревичем в путешествие отправился и его брат Георгий. Свитой руководил генерал свиты Его Величества Барятинский. Компанию Николаю должны были составлять молодые гвардейские офицеры князя Оболенский и Кочубей и лейб-гусар Волков. летописцем в свиту был зачислен князь Ухтомский. Позже он издаст книгу с описанием путешествия наследника. Увы, это была лишь пародийная летопись путешествия, к тому же ещё прошедшая строгую цензуру самого

цесаревича.

Николай со свитой выехали из Гатчины 23 октября 1890 г. и по железной дороге через Вену доехали до Триеста. Александр III решил не мучить сына путешествием по северным морям. И действительно, по пути от Плимута до Мальты крейсер выдержал сильный шторм, который и смыл все дорогие носовые украшения.

26 октября Николай со свитой сели в Триесте на крейсер и отправились в Пирей в гости к греческому королю Георгу I и его жене Ольге. В Пирее к путешественникам присоединился двоюродный брат Николая греческий принц Георгий. 7 ноября «Память Азова» покинул Пирей и через три дня прибыл в Порт-Саид. Затем по Суэцкому каналу крейсер дошёл до Исмаилии. Там Николая приветствовал хедив (правитель) Египта Хусейн. Три недели царевич провёл в Каире и в путешествии по Нилу.

Думаю, нет нужды перечислять достопримечательности, которые посетил царевич, встречи, обеды и т.д. Это всё прекрасно описано у Ухтомского. Зато более весёлая сторона путешествия совсем выпала из «Жития Высочайших путешественников». Вот, к примеру, как описал Николай посещение русского консула в Луксоре. Консулом были наняты восточные танцовщицы. Николай и компания напоили их, и «они разделись и проделывали всё в костюме Евы. Давно мы так не катались со смеху, при виде этих тёмных тел, которые набросились на Пупи [брата Георгия]. Одна окончательно присосалась к нему, так что только палками мы его освободили от неё».

Из Исмаилии «Память Азова» проследовал в Аден, а оттуда — в Бомбей. В Индии у великого князя Георгия Александровича обнаружили заболевание чахоткой (туберкулёзом). Отец приказал ему срочно вернуться в Россию на крейсере «Адмирал Корнилов».

Ники был несказанно рад видеть Сандро и его брата. Первыми, естественно, нанесли визит на «Память Азова» братья Михайловичи. Загорелый Сандро с трёхнедельной бородой выглядел как туземец, что очень веселило цесаревича. Весёлая компания гуляла на крейсере до утра. На следующий день, 9 февраля, Ники посетил «Тамару». Многочисленные охотничьи трофеи, картинно разбросанные по яхте, и рассказы братьев привели наследника в восторг.

— Моя поездка бессмысленна, — сокрушался Ники, — дворцы и генералы одинаковы во всём мире, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома.

Опять гуляли до утра. Тишина тропической ночи лишь изредка

нарушалась криками испуганных обезьян, периодически сменяясь пением хора из матросов «Памяти Азова». Лишь под утро Михайловичи доставили на крейсер пьяного в стельку племянника.

12 февраля 1891 г. «Память Азова», «Владимир Мономах» и яхта «Тамара» подняли якоря и покинули Коломбо. Несколько часов они шли вместе, а затем крейсера взяли курс на Сингапур, а яхта свернула на север и пошла к порту Гутикорин (сейчас Гуттуччери) на восточном берегу Индии.

5 марта братья Михайловичи прибыли в Калькутту. Вице-король Индии лорд Лансдоун приветствовал братьев на лестнице своего роскошного дворца. В Калькутте путешественники посетили огромный зоопарк, созданный англичанами. В Секундру их поразил огромный мавзолей Акбара Великого, построенный в 1605 г.

Ранним утром 2 апреля братья охотились на антилоп поблизости от города Джодпур. Внезапно их догнал почтовый служащий с телеграммой из Харькова, в которой говорилось о тяжёлой болезни матери. Вечером пришла новая телеграмма, извещавшая о смерти великой княгини Ольги Фёдоровны.

Вице-король приказал предоставить русским путешественникам экстренный поезд, на котором они 4 апреля прибыли в Бомбей.

Братья Михайловичи не стали ждать «Тамару», а если на рейсовый пароход, которых доставил их в итальянский порт Бриндизи. Далее они ехали поездом через Венецию, Вену, Краков и Варшаву и 25 апреля благополучно прибыли в Петербург.

Яхта «Тамара» 28 апреля бросила якорь у здания Севастопольского яхт-клуба. Заканчивая рассказ о путешествии Александра Михайловича в южных странах, хочется сказать пару слов и о дальнейшей судьбе яхты. В июне 1913 г. уже порядком износившуюся «Тамару» Александр Михайлович продал за приличную цену Морскому ведомству. Яхта была переименована в «Колхиду» и вошла в состав Черноморского флота. «Колхида» в основном использовалась как посыльное судно и стационар в Константинополе. В конце 1917 г. революционные матросы отправились на «Колхиде» в Ростов-на-Дону. Там на яхте содержались захваченные «контрреволюционеры», производились пытки и казни.

В апреле 1919 г. «Колхида», переименованная в «Пернач», вошла в состав белого флота. Её вооружили тремя 75/50-мм пушками Кане. В феврале, а по другим сведениям в марте 1920 г. «Пернач» затонул у мыса Кара-Бурун (Болгария).

В 60-е гг. XX в. корпус яхты был взорван болгарским капитаном Боцаневским, занимавшимся сбором цветных металлов с погибших

кораблей. Ряд предметов, поднятых с яхты, экспонируется в Военно-морском музее Варны.

Замечу, что не один Александр Михайлович продавал свою изношенную яхту государству. Уже упомянутый Георгий Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, в марте 1900 г. продал свою яхту «Роксана» корпусу пограничной стражи.

Проще всего семейству Романовых было с императорскими яхтами, которых во второй половине XIX в. построили аж шестнадцать штук, причём, речь идёт только о больших паровых яхтах. Все они строились за счёт казны, и на них служили моряки срочной службы. Стоили императорские яхты крайне дорого. Так, яхта «Полярная Звезда», спущенная в 1890 г., обошлась казне во столько же, во сколько и строительство крейсера «Память Азова», включая артиллерию. А яхта «Штандарт» обошлась почти в два раза дороже. Любопытно, что обе яхты в 1961 г. были обращены в мишени для испытаний противокорабельных ракет.

Глава 7

ДЕЛА ФЛОТСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ

По прибытии в Петербург Александр Михайлович поселился в Михайловском дворце, который по-прежнему оставался в трауре. Великий князь Михаил Николаевич бесцельно бродил из комнаты в комнату, часами в безмолвии сидел, куря одну за другой толстые сигары и пристально глядя вдоль длинных полуосвещённых коридоров, как бы в ожидании услышать оттуда ласковый голос жены, который бы напомнил ему, что нельзя курить в гостиной. В разговорах с Сандро он несколько раз упрекал сына Михаила: «Это его женитьба обострила болезнь матери».

В начале 1891 г. в городке Сен-Реми в Италии Миш-Миш обвенчался с графиней Софьей Николаевной Меренберг. Софья была дочерью принца Николая Вильгельма Нассауского и Натальи Александровны Пушкиной. Дочь «солнца нашей поэзии» развелась с мужем и вторично вышла замуж за принца Николая Вильгельма Нассауского. Их брак был признан неравноправным, а Наталье и её детям запретили носить фамилию мужа. Взамен ей тестем герцогом Нассауским был дан титул графини Меренберг.

Женитьба Миш-Миша на внучке Пушкина вызвала большой скандал в Петербурге. Больше всего негодовали сиятельные дамы от императрицы Марии Фёдоровны до великой княгини Ольги Фёдоровны. В конце концов Александр III не признал этого брака, а Михаила Михайловича лишил всех чинов и званий и специальным указом запретил ему въезд в империю.

Миш-Миш к царскому указу отнёсся спокойно. Молодожёны в качестве основного местожительства выбрали Англию. Королева Виктория присвоила им титул графов де Торби. В России графы де Торби ни разу не побывали, не желая иметь дело ни с царями, ни с коммерсантами. На Западе Михаил Михайлович известен как основатель знаменитого Каннского гольф-клуба. Открытый 17 марта 1892 г., клуб существует и поныне. В своё время в нём играли Ллойд-Джордж, Эйзенхауэр и Черчилль.

У Михаила и Софии родилось трое детей: Анастасия, Надежда (Нада) и Михаил. Нада стала женой принца Джорджа Маунтбеттена, а сестра Джорджа, Алиса, вышла замуж за греческого принца Андрея. Именно в семье Алисы воспитывался нынешний герцог Эдинбургский, муле

королевы Елизаветы Филипп. А Надежда Михайловна (Нада) — его русская тётка.

После смерти матери жить с отцом в Михайловском дворце Сандро было тяжело, и он попросил у Александра III направить его на Черноморский флот. Не последним аргументом в пользу перевода стало то, что Черноморский флот в конце 80-х — начале 90-х гг. интенсивно готовился к высадке большого десанта в Босфор.

Лейтенант великий князь Александр Михайлович был назначен на должность вахтенного начальника на броненосец «Синоп». «Синоп» и два однотипных броненосца — «Екатерина II» и «Чесма» — были сильнейшими кораблями русского флота. В отличие от большинства русских и зарубежных броненосцев они имели не четыре, а шесть 305-мм орудий.

Причём четыре таких орудия могли вести огонь вперёд. Это было сделано специально для боя в черноморских проливах, ширина которых не позволяла броненосцам поворачиваться бортом. Таким образом, три наших броненосца во встречном бою были эквивалентны шести британским.

Кампания 1891 г. на Черном море была начата намного раньше, чем на Балтике, — 18 мая. В конце мая в Севастополь после отдыха во Франции прибыла на крейсере «Адмирал Корнилов» императрица Мария Фёдоровна. Затем опять же на «Корнилове» императрица отправилась в Ялту, а оттуда в Ливадию. 7 июня Мария Фёдоровна вернулась в Севастополь и первым делом отправилась на броненосец «Синоп» увидеться с любимым Сандро. Замечу, что в некоторых источниках приводятся негативные высказывания Марии Фёдоровны об Александре Михайловиче и Михайловичах вообще. По моему же мнению, она была не очень высокого мнения о великом князе Михаиле Николаевиче и его детях, но для Сандро делала исключение. Что же касается резких высказываний на его счёт, то это эмоции, да ещё и женские. Вот Пушкин мог в одном письме к ясене назвать её мадонной, а в следующем сравнивать её поведение на балах с поведением, пардон, точной сучки в обществе кобелей.

Александр Михайлович в 1891 г. виделся с императрицей не только на борту «Синопа», но и в Ливадии. Предусмотрительный Сандро велел проложить пешеходную тропу, закрытую кронами деревьев, от своего имени Ай-Тодор до царского дворца Ливадия. Благо расстояние между дворцами было чуть больше трёх километров.

В середине июня 1891 г. эскадра вышла в крейсерство вдоль берегов Крыма. В ходе гонки самым быстроходным из броненосцев оказался

«Синоп», он развил скорость 14,3 узла. В конце июня были произведены артиллерийские стрельбы у Тендровской косы. Затем эскадра пошла в Севастополь, где заправилась углём. В начале июля были проведены стрельбы у мыса Айя, к югу от Балаклавы. Стреляли по огромной скале, нависшей над морем. Следы от попаданий крупнокалиберных снарядов до сих пор видны на этой скале, но нерадивые экскурсоводы объясняют туристам, что это следы от ядер эскадры Ушакова.

С 6 по 14 июля близ Феодосии у минной станции на мысе Киик-Алама броненосцы и миноносцы проводили стрельбы торпедами, которые тогда именовались самодвижущимися минами. Затем эскадра отправилась крейсировать у берегов Кавказа.

В конце кампании состоялись большие учения. Транспорты в Одессе приняли десант в составе дивизии. Затем броненосцы учились конвоировать транспорты в открытом море и, наконец, в районе Очакова был высажен десант. Броненосцы огнём поддерживали десантников. Думаю, не надо объяснять, что это учение было одной из репетиций предполагаемой высадки в Босфоре.

Кампания 1891 г. на «Синопе» стала хорошей школой для молодого великого князя. Он впервые плавал на настоящем боевом корабле (что не говори, а «Рында» — это рейдер, предназначенный ловить купцов), впервые участвовал в учениях и т.д.

Кампания 1891 г. на Черном море закончилась 9 сентября. Зимой Сандро провёл частично в Севастополе, частично в Ай-Тодоро, а в феврале 1892 г. отправился на Кавказ в Аббас-Туман, где пребывал на лечении великий князь Георгий Александрович. Александр Михайлович писал: «Доктора полагали, что холодный горный воздух подействует на него благотворно. Мы спали в комнате при открытых окнах при температуре десять градусов ниже нуля, под грудой тёплых одеял. Георгий Александрович знал о моей любви к его сестре Ксении, и это в соединении с нашей дружбой и общим интересом к военному флоту сблизило нас как братьев. Мы без усталости беседовали, то вспоминая детство, то стараясь разгадать будущее России и обсуждая характер Ники. Мы надеялись, что император Александр III будет царствовать ещё долгие годы, и оба опасались, что полная неподготовленность Ники к обязанностям венценосца явится большим препятствием к его вступлению на престол в ближайшем будущем».

После свидания с Георгием Александр Михайлович попросился на Балтику. К флотским делам это желание никакого отношения не имело. Сандро твёрдо решил добиться руки царской дочери.

На Балтике Александр Михайлович впервые стал командиром корабля. Это был маленький миноносец «Ревель» водоизмещением всего 109 тонн, вооружённый двумя носовыми 381-мм торпедными аппаратами и двумя 37-мм пятиствольными пушками Гочкиса. Экипаж «Ревеля» состоял всего из девятнадцати человек, из которых было два офицера.

«Ревелем» великий князь командовал всего два месяца, а затем его назначили командиром минного отряда в составе двенадцати малых миноносцев. Как мы знаем, ранее Сандро и близко не подходил к минным судам. Тем не менее его ждал громкий успех: «Во время летнего морского смотра я получил приказ “атаковать” крейсер, на котором находился государь император. Я ещё никогда не испытывал такого полного удовлетворения, как во время этой операции, и атаковал с громадным мужеством и решимостью. Морской министр поздравил меня “с блестяще проведённой операцией”».

В конце 1892 г. американский посланник передал царю приглашение принять участие в торжестве, проводимом в 1893 г. в Нью-Йорке по случаю четырёхсотлетия открытия Америки Колумбом. Сам Александр III решил не ехать, а послать эскадру с каким-нибудь великим князем. Есть повод лишний раз продемонстрировать свои новые крейсера и отблагодарить янки за предоставление большой продовольственной помощи летом 1892 г. во время голода в юго-восточных губерниях России.

От поездки в прелестный Париж или в родную Германию не отказался бы ни один великий князь. Но ехать за океан к каким-то неотёсаным янки желающих не нашлось. Поэтому Александр III был очень обрадован, когда Александр Михайлович сам вызвался поехать на юбилей.

По версии Александра Михайловича дело было так: «Для меня представился единственный случай посетить страну моих юношеских мечтаний. Я решил просить об откомандировании меня на “Дмитрии Донском”, но так как я должен был ходатайствовать об этой милости лично у государя, то я полагал, что могу просить его ещё кое о чём. Это “кое-что” было рукою его дочери великой княжны Ксении.

Император принял меня с обычной сердечностью. Взрослый офицер, я был для него всё тем же “маленьким кузенком” Сандро, который когда-то играл с его сыновьями, Ники и Жоржем, в садах Ливадийского дворца.

— У тебя какой-то секрет? — с улыбкой спросил он меня. — Разве ты не видишь меня достаточно часто дома, чтобы тебе понадобилась официальная аудиенция?

Признаюсь, что я высказал причину моего визита не слишком красноречиво. Пристальный, слегка насмешливый взгляд государя лишал

меня всякого мужества. Я заикался и бормотал. Фразы, которые звучали так красноречиво, когда я произносил их перед собой дома, не производили в этом маленьком уютном кабинете, наполненном портретами и картинами, ожидаемого эффекта.

— Дело относительно перевода на крейсер «Дмитрий Донской» обстоит весьма просто, — решил государь после минутного размышления. — Мне кажется, что это будет очень хорошо, если представитель нашей семьи передаст мою личную благодарность президенту Соединённых Штатов. Что же касается твоей просьбы руки Ксении, то мне кажется, что до меня ты должен был переговорить с нею.

— Я уже говорил с нею, и мы решили, что я должен просить у Вашего Величества аудиенции.

— Понимаю. Ну что же, принципиально я не против этого. Я тебя люблю. Если ты любишь Ксению и она тебя любит, то я не вижу никаких препятствий, чтобы вам пожениться. Но придётся немного подождать, императрица не хочет, чтобы Ксения выходила слишком рано замуж. Мы окончим этот разговор не ранее чем через год.

Я горячо поблагодарил государя и бросился к Ксении, чтобы сообщить ей результат нашего разговора. Мы надеялись получить согласие императрицы ранее чем через год.

Я отправился в Америку со спокойным сердцем».

Увы, на самом деле Александр III совсем не жаждал выдавать свою дочь за своего не очень любимого и бесперспективного родственника, ведь должность генерал-адмирала была занята ещё сравнительно молодым и здоровым великим князем Алексеем, а старшая дочь русского царя без особых проблем могла быть выдана замуж за наследника престола любого королевства Европы. Посему о «марьяжных хлопотах» Александра Михайловича следует поговорить поподробней. Но это будет потом, а пока мы отправимся вместе с Сандро в Америку.

Между тем крейсер «Дмитрий Донской», который должен был участвовать в юбилее, находился на пути из Японии в Кронштадт. На стоянке в порту Каломбо на Цейлоне командир крейсера капитан 1 ранга Гессен получил шифрованное телеграфное сообщение из Петербурга, согласно которому крейсер без захода в русские порты должен был идти в Нью-Йорк через Суэцкий канал. При этом при заходе 1 марта 1893 г. в Порт-Саид Гессен должен был сдать корабль новому командиру капитану 1 ранга Н.А. Зеленову. Александр III пожелал, чтобы Россию на празднествах представляло как можно меньше немцев.

11 марта во время стоянки в порту Алжир к крейсеру подошла

российская яхта «Форос», принадлежавшая «чайному королю» А.Г. Кузнецову. Над яхтой развивался флаг Севастопольского яхт-клуба. На яхте был и командор яхт-клуба великий князь Александр Михайлович с шурином великим герцогом Мекленбург-Шверинским. Вечером 12 марта прибыл назначенный начальником эскадры Атлантического океана старший флагман 1-й флотской дивизии вице-адмирал Н.И. Кознаков. Подняв адмиральский флаг, корабль продолжал усиленно готовиться к 4000-мильному походу через Атлантику.

16 марта «Дмитрий Донской» покинул порт Алжир. Из-за встречного ветра и шторма в Средиземном море и проливе Гибралтар машины крейсера перерасходовали уголь. Адмирал Кознаков вспомнил былые времена, приказал гасить тонки и поднять паруса. Однако пассат продержался только три дня, и для пополнения истраченного в противоборстве со стихией запаса угля пришлось идти на остров Святого Фомы. Пополнив запасы угля, крейсер, вместо того, чтобы хотя бы в пути присоединиться к международной эскадре, пошёл прямо в Нью-Йорк, где очень довольный собой Н.И. Кознаков принимал салют пришедших следом за ним кораблей, «чтобы не быть обязанным салютовать первому, но чтобы получить салют от других».

По прибытии в Нью-Йорк международной эскадры из 34 вымпелов (русский флот на переходе представляли своевременно пришедшие на Хэмптонский рейд «Генерал-Адмирал» и «Рында») «Дмитрий Донской» занял в отряде своё флагманское место и принял на себя изнурительное бремя представительства. Все дни русские корабли осаждали толпы американцев, а приглашений с берега было так много, что нашим офицерам, чтобы везде поспеть, приходилось делиться на группы.

Фирме Эдисона был дан срочный заказ на специальные каркасы с электрическими лампами. И вскоре на «Дмитрии Донском» между фок- и грот-мачтами засветился императорский вензель с короной, а «Рынду» украшали сиявшие в ночи скрещённые русский и американский флаги со звездой.

Александр Михайлович был принят президентом Кливлендом. Великий князь принёс поздравления по поводу четырёхсотлетнего юбилея открытия Америки и поблагодарил президента от имени царя за помощь, оказанную в 1892 г.

Американская действительность вызвала у Сандро восхищение: «Так вот она, страна моей мечты! Трудно было поверить, что всего 29 лет назад здесь царил ужас братоубийственной войны. Напрасно искал я следы того страшного прошлого — на улицах царили веселье и благополучие.

Я думаю о моём деде, дяде и двоюродном брате. Они управляли государством, которое было больше и богаче этой новой страны, наталкиваясь на те же самые проблемы: громадное население, включающее в себя несколько десятков национальностей и вероисповеданий, колоссальные расстояния между промышленными центрами и районами земледелия, которые требовали железнодорожных линий большого протяжения, и так далее. Трудности, стоявшие перед американским правительством, были не меньше наших, но наш актив был больше. Россия имела золото, медь, уголь, железо; её почва, если бы удалось поднять урожайность русской земли, могла прокормить весь мир. Чего же не хватало России? Почему мы не могли следовать американскому примеру? Нам не было решительно никакого дела до Европы, и у нас не было никакого основания подражать европейским нациям, которые были вынуждены прибегать к соответствующим методам управления в силу своей бедности.

Европа! Европа! Это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет.

Здесь, на расстоянии четырёх тысяч миль от европейских петушинных боев, взору наблюдателя являлся живой пример возможностей страны в условиях, сходных с российскими. Нам следовало вложить только немного здравого смысла в нашу политику.

И тут же, в те несколько минут, пока длилась моя прогулка в этот вечер, в голове моей созрел широчайший план американизации России.

Меня увлекали молодость и жизнь. Было радостно думать и повторять снова и снова, что старый, залитый кровью девятнадцатый век близится к концу, оставляя арену свободной для новой работы грядущих поколений».

После визита в Америку русская эскадра должна была зайти во французский порт Брест с визитом вежливости. Но из-за усталости команды визит был отменен, и в сентябре 1893 г. «Дмитрий Донской» бросил якорь в Кронштадте.

Глава 8

РОКОВОЙ 1894 ГОД — ДВЕ СВАДЬБЫ И ОДНИ ПОХОРОНЫ

«— Когда же твоя свадьба? — спросил меня отец, когда я возвратился в С.-Петербург.

— Я должен ждать окончательного ответа их величеств.

— Находиться в ожидании и путешествовать — вот, кажется, две вещи, которые ты в состоянии делать, — нетерпеливо сказал отец. — Это становится уже смешным. Ты должен, наконец, создать свой семейный очаг. Прошёл целый год с тех пор, как ты говорил с государем. Пойди к его величеству и испроси окончательный ответ.

— Я не хочу утруждать государя, чтобы не навлечь его неудовольствия.

— Хорошо, Сандро. Тогда мне придётся самому заняться этим делом.

И не говоря ни слова, отец отправился в Аничков дворец, чтобы переговорить с государыней окончательно, оставив меня в состоянии крайнего волнения. Я знаю, что отец мой обожает великую княжну Ксению и сделает всё, что в его силах, чтобы получить согласие её царственных родителей на наш брак. Но я знал также и императрицу. Она не переносила, чтобы её торопили или же ей противоречили, и я опасался, что она сгоряча даст отрицательный ответ и отрежет возможность дальнейших попыток.

Я помню, что сломал в своём кабинете по крайней мере дюжину карандашей, ожидая возвращения моего отца. Мне казалось, что с тех пор, как он ушёл, прошла целая вечность.

Вдруг раздался звонок в комнате его камердинера, и вслед за тем я услышал знакомые твёрдые шаги. Он никогда не поднимался быстро по лестнице. На этот раз он поднимался прямо бегом. Лицо его сияло. Он чуть не задушил меня в своих объятиях.

— Всё устроено, — сказал он входя, — ты должен отправиться сегодня к Ксении в половине пятого.

— Что сказала императрица? Она рассердилась?

— Рассердилась? Нет слов, чтобы описать её гнев. Она ужасно меня бранила. Говорила, что хочу разбить её счастье. Что не имею права

похитить у неё дочь. Что она никогда не будет больше со мною разговаривать. Что никогда не ожидала, что человек моих лет будет вести себя столь ужасным образом. Грозил пожаловаться государю и попросить его покарать всё наше семейство.

— Что же ты ответил?

— Ах — целую уйму разных вещей! Но к чему теперь всё это? Мы ведь выиграли нашу борьбу. А это главное. Мы выиграли — и Ксения наша».

Так Александр Михайлович представляет своё сватовство к первой невесте России. И опять же всё происходило совсем не так, хотя великий князь Михаил Николаевич действительно обращался к царю по марьяжным делам. Сравним хотя бы даты: возвращение «Дмитрия Донского» из Америки — сентябрь 1893 г.; свадьба Александра Михайловича — конец июля 1894 г., то есть прошло почти 11 месяцев. Главное же в другом — Александр III и Мария Фёдоровна были против брака Александра Михайловича с Ксенией и тем более против брака цесаревича Николая с Алисой Гессенской, но тем не менее им в обоих случаях пришлось уступить. И вот старшая дочь царя выходит за своего бедного и бесперспективного родственника, а наследник престола женится на ещё более нищей гессенской принцессе, у которой не было ничего, кроме титула уже не существующего княжества. Почему?

Две влюблённые пары бросают вызов повелителю огромной империи, тому самому, который на Гатчинском пруду, не оборачиваясь, сказал свите: «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу». Какая прелестная тема для любовного романа! Но у нас роман не любовный, и нам придётся спокойно во всём разобраться, тем более что брак цесаревича и Алисы принёс страшную беду России.

Для начала дадим слово нынешнему апологету Николая II А.Н. Боханову: «После переезда семьи Михаила Николаевича из Тифлиса в Петербург его сыновья — Михаил, Георгий, Сергей, но особенно Александр — сделали неразлучными товарищами с Николаем Александровичем, ставшим 1 марта 1881 г. наследником престола.

В начале 80-х гг. сложился кружок друзей-единомышленников, куда помимо молодых великих князей входили дети министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова и графа С. Д. Шереметева. Они встречались летом в Гатчине, Царском Селе или Петергофе, а зимой центром общения был Аничков дворец в Петербурге, где постоянно проживала семья Александра III.

Юноши объединялись в “потешное” войско, главой которого стал

Сандро. “Подчинённые” регулярно “подавали отчёты”. 25 марта 1881 г. “командир” получил очередную реляцию от цесаревича: “Месячный рапорт о состоянии лейб-гвардии Александровского полка. С.-Петербург. Аничков дворец. Крепость. Налицо: 1 унтер, 2 ефрейтора, 6 рядовых. Командир второго взвода ефрейтор Николай Романов”»^[12].

Мы уже знаем, что в дальних плаваниях Ники и Сандро во время многочисленных стоянок не пропускали ни одного борделя. «Безумно влюблённый» в Алису Ники заводит роман с княжной Ольгой Долгоруковой, а затем вступает в длительную связь с балериной Кшесинской. Да и наш герой совсем не промах — у него до брака хватало романов с аристократическими дамами, в том числе с Зинаидой Николаевной Юсуповой, матерью его будущего зятя.

«Ники сущий младенец» — такую характеристику двадцатилетнему оболтусу дала его родная мать. Александру Михайловичу представился уникальный случай женить «сущего младенца» на нищей гессенской принцессе и тем самым решить свои свадебные проблемы и получить в жёны первую невесту империи, чин генерал-адмирала, а главное то, что будущий император будет обязан ему женой, а императрица — короной. Понятно, что решить такую задачу капитану 2 ранга Александру Романову было не под силу, но у него оказались могущественные союзники, также заинтересованные в браке Николая и Алисы. Но начну по порядку.

1 июля 1862 г. в летней резиденции королевы Виктории на острове Уайт состоялась свадьба ее дочери Алисы с Людвигом герцогом Гессенским.

Людвиг был ничем не выдающейся серой личностью, а Великое герцогство Гессен по площади не превышало хорошего уезда в Рязанской губернии. Тем не менее Виктория собиралась церемонию бракосочетания провести с большой помпой, но смерть принца-консорта Альберта наложила отпечаток грусти на эту церемонию. Бракосочетание проводилось не в церкви, а в банкетном зале, наскоро превращённом в часовню, мать же невесты — королева Виктория — появилась на свадьбе в траурное платье. Братья и сёстры невесты плакали в продолжение всей церемонии бракосочетания. После свадьбы родители жениха выразили Виктории свои соболезнования, а архиепископ не скрывал своих слёз. Фактически свадьбы не было. Брачная церемония более походила на траурную — безутешно рыдающие родственники невесты, королева-вдова в траурном платье. Сама Виктория потом вспоминала: «Свадьба Алисы больше походила на похороны».

Когда Алиса выходила замуж за герцога Людвига, Гессен был независимым княжеством. А в 1866 г., с началом австро-прусской войны, Гессен вошёл в состав Австрии. 29-летний Людвиг сражался против пруссаков, командуя всей гессенской кавалерией (несколько сот сабель). После разгрома Австрии Гессен потерял свою независимость и был принуждён выплатить Пруссии большую (для столь малого княжества) контрибуцию.

После поражения в войне 1866 г. к политическим унижениям прибавилась... бедность. «Выйдя замуж, Алиса принесла тридцать тысяч фунтов стерлингов приданого, но эта сумма наряду с большей частью личного состояния великого герцога ушла на строительство нового дворца в Дармштадте. Принцесса была вынуждена уволить часть прислуги и отказать от намерений нанять новую. Она писала матери: “Приходится жить так скромно — мы никуда не ходим, мало кого видим — для того чтобы немного сэкономить... Мы продали четырёх ездовых лошадей, осталось всего шесть. Две из них постоянно нужны придворным дамам для выездов в театры, поездок с визитами и так далее, так что нам порой приходится туго”.

Как-то, в 1876 году, Алиса обратилась к матери с просьбой разрешить ей провести пару ночей в Букингемском дворце перед поездкой в Балморал — королевский замок, расположенный в Шотландии. Но королева ответила дочери отказом, заявив, что это слишком хлопотно для неё. Алисе пришлось признаться, что у неё нет иного выбора: она не состоянием платить за гостиницу»^[13].

К бедности прибавились и постоянные конфликты с мужем. Неудачное замужество и неблагоприятное окружение в Дармштадте начали сказываться на характере Алисы. Всё чаще её охватывали приступы меланхолии, случались нервные срывы, перемежавшиеся с периодами физического истощения и недугами. Её здоровье неуклонно ухудшалось.

Не на пользу здоровью Алисы было и то, что в течение первых двенадцати лет замужества она родила семерых детей. Самая старшая, Виктория, родилась в 1863 г., потом, в 1864 г. родилась Елизавета (Элла), Ирена — в 1866 г., Эрнст Людвиг — в 1868 г. и Фридрих Вильгельм (Фритти) — в 1870 г. В 1872 г. родилась Алиса, будущая императрица Александра Фёдоровна, и, наконец, в 1874 г. появилась на свет Мария Виктория, прожившая всего 4 года.

После смерти сына Фритти великая герцогиня большую часть времени проводила в постели. С детьми, особенно с младшей Алисой, она говорила в основном о Боге, о смерти и о встрече с умершими близкими в загробном

мире.

Лето 1878 г. Алиса с выводком детей, включая Алису-младшую, провела в Англии. Грозный кризис 1878 г. не произвёл на них никакого впечатления. Скорей всего, они толком ничего не знали о нём. Зато 8 сентября 1878 г. обе Алисы стали свидетельницами столкновения двух пароходов на Темзе. Колёсный пароход «Алиса» перевернулся и затонул, погибло свыше 600 пассажиров. И мать, и дочь сочли это недобрым предзнаменованием.

И, увы, оно оправдалось 13 декабря того же года — Алиса-старшая умерла от дифтерии. Причём в тот её день исполнилась семнадцатая годовщина смерти её отца принца-консорта. Тут и взрослый здоровый человек может удариться в мистику, а каково было шестилетней девочке, с детства напичканной мистическими историями.

Бабушка Виктория забрала к себе на несколько лет маленькую Алису. Летом Алиса по несколько недель жила в Осборн-хаусе — резиденции на берегу залива Солент напротив острова Уайт, зимой — в Виндзорском замке недалеко от Лондона. Самым же любимым местом пребывания Алисы был королевский дворец Балморал, построенный в 1855 г. Дворец был построен с учётом пожеланий принца Альберта и имел милый его сердцу вид старинного немецкого замка.

Весной 1884 г. старшая сестра Алисы принцесса Виктория вышла замуж за своего кузена принца Луи Баттенбергского. Вскоре и принцесса Елизавета (Элла) обручилась с великим князем Сергеем Александровичем. Помолвка должна была состояться в Петербурге, и туда ожидалось прибытие всей семьи невесты. Вместе со всеми в Россию поехала и двенадцатилетняя Алиса. Красота города на Неве и грандиозность свадьбы поразили девочку. Уже тогда она обратила внимание на шестнадцатилетнего наследника престола. В свою очередь цесаревич Николай 8 июня 1884 г. записал в своём дневнике: «Встретили красавицу невесту дяди Серёжи, её сестру и брата. Всё семейство обедало в половине восьмого. Я сидел рядом с маленькой двенадцатилетней Аликс, и она мне страшно понравилась».

Эта фраза кочует из книги в книгу. Вот, мол, настоящий рыцарь в 16 лет влюбляется и пронесит любовь через всю жизнь. Но, увы, после этого пассажа в дневнике наследника стоит не точка, а запятая, а дальше: «...Элла ещё больше». Естественно, что не слишком умному, но уже сексуально озабоченному мальчику понравилась больше двадцатилетняя девица, нежели двенадцатилетняя. Другой вопрос, что Ники быстро осознал, что волочиться за женой дяди Серёжи пустой номер, и обратил свои взгляды на

младшую сестру. И вот через две недели он пишет в дневнике: «Мне очень и очень грустно, что Дармштадтские уезжают завтра, а ещё больше, что милая Аликс покинет меня».

Зимой 1889 г. Аликс вновь приехала в Россию и провела несколько недель в гостях у сестры. Собственно, ничего необычного в этом не было — рутинная поездка к родственникам. На самом же деле сводничеством занялись самые высокопоставленные особы в Дармштадте и Петербурге. А вообще-то кем была Аликс — нищей принцессой из герцогства, давно ставшего захолустьем Германской империи. Мать её страдала нервным расстройством, но, самое страшное, она была носителем наследственной болезни — гемофилии, которая передаётся по женской линии сыновьям, но сами носительницы при этом не болеют.

Естественно, что ни Александр III, ни императрица Мария Фёдоровна поначалу и слышать не хотели об этом браке.

«Сущий младенец» не мог в одиночку бороться за Аликс с отцом, матерью и всей роднёй. Но ему буквально подсовывали гессенскую принцессу.

Дармштадская родня Аликс старалась вовсю, но, увы, её возможности были невелики.

Решающую роль сыграли королева Виктория и две петербургские пары — великий князь Сергей Александрович с женой Елизаветой, а также Сандро с Ксенией.

Первоначально британская королева была против брака Алисы с Николаем. Это, кстати, и сбило с толку многих историков. Королева собиралась выдать любимую внучку за... своего непутёвого внука Альберта Виктора Эдварда, а короче — Эдди. Эдди герцог Кларенский, старший сын Эдуарда и Александры Датской, был потенциальным наследником короны. Его отец после смерти Виктории станет королём Эдуардом VII.

В 1889 г. королева в очередной раз пригласила Алису в гости. Катая кузину в коляске, герцог Эдди сделал ей предложение и получил отказ.

Удивляться тут нечему. Эдди был известен всей Англии как пьяница и завсегдатай низкопробных публичных домов. Дабы избежать обвинений в предвзятости, процитирую современного британского историка Грега Кинга: «Вот уже свыше сотни лет ходят упорные слухи, что Джеком-Потрошителем был не кто иной, как принц Эдди. Принц был поражён сифилисом мозга, который он подцепил где-то во время кругосветного путешествия. Разрушающее действие этой болезни и могло привести к убийствам в Уайтчепеле. Один свидетель, видевший Мэри Келли в обществе её убийцы, описал того как мужчину среднего роста с

каштановыми волосами, небольшими нафиксатуаренными усами, хорошо одетого, в очень высоком крахмальном воротничке, скрывавшем его длинную шею, и в крахмальных манжетах. Судя по этому описанию, можно заключить, что убийцей был Эдди. Эдди не раз наблюдал, как охотники разделяют оленей, и можно предположить, что это позволило ему изучить анатомическое строение животных, знание которого демонстрировал Потрошитель. Предполагают также, что письма от Джека-Потрошителя, полученные рядом газетных редакций, были составлены кембриджским наставником принца Джеймсом Кеннетом Стивенсом. Вызывает также подозрение и то, что почти вся важная информация о Джеке-Потрошителе была уничтожена. Создаётся впечатление, что полиция не хотела, чтобы правда о нём стала известна публике»^[14].

Нашим читателям я поясню, что с 31 августа 1888 г. Англию шокировали квалифицированные убийства женщин, совершаемые маньяком, который подписывался: «Джек-Потрошитель». Убийства прекратились после смерти Эдди в 1892 г.

Отказ Эдди, а также сведения о гемофилии, поражавшей родственников Аликс, изменили отношение королевы Виктории к браку с цесаревичем Николаем. Естественно, что Виктория была слишком умна, чтобы открыто заявить о своей новой затее. Формально королева оставалась против этого брака, месяц за месяцем медленно смягчая свой тон.

Итак, в игру включились самые мощные силы в Лондоне, Дармштадте и Петербурге.

Если бы цесаревич Николай сам попросил отца принять в Петербурге гессенскую принцессу, то последовал бы резкий отказ, но запретить делать это брату Сергею и его жене Элле (Елизавете) царь не мог. А по прибытии Аликс в Россию эти персонажи и дюжие ребята Михайловичи обеспечили «крышу» для свиданий Николаю и Аликс. Сергей и Элла тайно вступили в переговоры о браке с отцом Аликс, а после его смерти в 1892 г. — с её братом Эрнстом Людвигом, ставшим владетельным герцогом Гессенским. Дядя Сергей убеждал племянника в необходимости лично поехать в Германию и самому обо всём договориться.

Ни Александр III, ни Мария Фёдоровна не разрешили Николаю ехать в Дармштадт. Но случай вскоре представился: весной 1894 г. в Кобурге должно было состояться бракосочетание Гессенского герцога Эрнеста Людвига с дочерью Марии и Альфреда Эдинбургских принцессой Викторией-Мелитой. Королева Виктория тоже решила осчастливить внучку своим присутствием на свадьбе.

Русскую делегацию возглавил цесаревич Николай, с ним поехали великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна и великий князь Павел Александрович. Цесаревич и Аликс оказались в кругу титулованной английской, немецкой и русской родни, усиленно подталкивающих их друг к другу. Другой вопрос, что королева Виктория умело вела игру, изображая полную незаинтересованность. Это дало повод историку А. Боханову утверждать, что она де была против брака Николая и Аликс^[15]. Понятно, что подобные пассы всерьёз принимать невозможно. Да стоило британской королеве мигнуть, как её родня, британские дипломаты, разведка и пресса мгновенно развеяли бы все марьяжные планы.

Самое забавное, что двумя абзацами ниже Боханов цитирует письмо Эллы королеве Виктории: «Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но всё как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу. Да, всё в руках Божьих... Увы, мир такой злобный. Не понимая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злые языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьёзное решение. Будет ли это когда-нибудь?»^[16].

Обратим внимание, письмо датировано ноябрём 1893 г. Риторический вопрос на бытовом уровне, станет ли старшая сестра подробно сообщать планы младшей сестры бабушке Виктории, которая так мечтает их разрушить?

А теперь риторический вопрос на уровне большой политики — могла ли «императрица Индии» (один из титулов Виктории) не желать, чтобы её любимая внучка стала супругой слабовольного русского царя, империя которого как раз и угрожала «жемчужине британской короны»?

Что же касается фразы «Как будто трон заслуживает зависти», то её мог написать или глупец, или крайне циничный человек. Почему же тогда Элла и Сергей не посоветовали Николаю не тянуть несколько лет, а вопреки воле императора жениться на Аликс и тихо жить за границей, как сделал это великий князь Михаил Михайлович, женившись на внучке Пушкина графине Софье Меренберг, а позже также поступали и другие великие князья. На престоле оказался бы куда более умный Михаил, и есть все основания полагать, что Россия избежала бы ужасов Гражданской войны.

Бабушка Виктория чётко и уверенно вела свою игру в интересах британской империи. Так, в Кобурге, она периодически по-родственному беседовала *tete-a-tete* то с Аликс, то с Пики. И 8 апреля 1894 г. Николай официально сделал предложение Аликс.

Замечу, что кайзер Вильгельм II практически не имел отношения к этому решению, он вообще прибыл в Кобург за день до предложения цесаревича.

Тот же Боханов писал, что Николай и Аликс «сразу же пошли к королеве Виктории, которая обняла и поцеловала обоих, пожелала счастья»^[17].

Родители жениха были поставлены перед свершившимся фактом. Теперь им оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Ситуация усугублялась тяжёлой почечной болезнью Александра III. После простуды в январе 1894 г. он уже не мог оправиться. Жить после помолвки сына ему оставалось лишь шесть месяцев. И Александр, и Мария понимали это и, скрепя сердце, дали согласие.

После согласия на брак цесаревича Александру III и Марии Фёдоровне ничего не оставалось, как согласиться на брак Сандро и Ксении. Если с Аликс они рисковали судьбой империи, то здесь — лишь личным счастьем дочери. Да и отказывать напористому клану Михайловичей было бессмысленно — Александр чувствовал приближение смерти, и оба царственных супруга ни капли не сомневались, что Николай даст согласие Сандро буквально на следующий день после смерти отца.

День свадьбы Сандро и Ксении был назначен на конец июля. Молодожёны должны были провести свой медовый месяц в имении Ай-Тодор. Адъютант Сандро поручик В.А. Шателен занялся приведением заброшенного дворца в порядок. Вместе с молодожёнами и Шателеном в Ай-Тодоре должны были жить заведующий двором великого князя и две придворные дамы.

В начале мая Сандро и Ксения отправились вместе с Марией Фёдоровной на Кавказ в Аббас-Туман, где медленно умирал сын императрицы Георгий. Там они провели четыре недели, а затем отправились в Петербург.

В середине июня они поднялись на борт императорской яхты «Царевна», плававшей в Финских шхерах. Вид Александра III поразил Сандро и Ксению. Царь утратил свой богатырский облик, сильно похудел и выглядел страшно уставшим. Неделя на «Царевне» пролетела очень быстро. Яхта часто приставала к живописным берегам. Там путешественники устраивали пикники, ловили рыбу, собирали грибы.

Однако 20 июля Сандро и Ксения вернулись в столицу, чтобы посетить выставку приданого, которая была устроена в одной из зал Зимнего дворца.

Вот краткий и неполный перечень приданого:

Платья — утренние для прогулок, послеполуденные, вечерние и парадные.

Пальто — зимние, весенние, летние и осенние.

Меховые пальто и накидки — из горностая, шиншиллы, бобра, норки, каракуля и котика.

Чулки, перчатки, зонтики и горы других предметов, названия и назначения которых жениху не были даже известны.

Несколько столов были завалены дюжинами комплектов белья.

Серебряный столовый набор на 96 персон, золотой туалетный набор из 144 предметов, бесчисленное количество посуды — каждого предмета по восемь дюжин.

Драгоценности — жемчужное кольцо в пять рядов, бриллиантовое, рубиновое, изумрудное, сапфировое; диадемы из рубинов и изумрудов; браслеты из бриллиантов и изумрудов; бриллианты, крепящиеся на платье, и т.д., и т.п.

А в конце залы стоял стол с приданным жениха. Сандро не ожидал, что о нём тоже позаботятся, и был приятно удивлён. Оказалось, что по семейной традиции царь дарил зятю набор белья. Среди вещей жениха оказались четыре дюжины дневных рубах, четыре дюжины ночных и т.д. — всего по четыре дюжины. Особое внимание Сандро привлек ночной халат из серебряной парчи и такие же туфли к нему. Сандро тут же взял халат в руки и сильно удивился:

— Тяжёлый какой!

— Этот халат весит шестнадцать фунтов [6,5 кг], — важно объяснил церемониймейстер.

— Шестнадцать фунтов? Да кто же наденет? — не переставал удивляться великий князь.

Такое невежество сильно смутило церемониймейстера, и он принялся объяснять жениху:

— Ваше высочество, по традиции вы должны надеть этот халат и туфли перед тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены.

Действительно, этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала венчания наряду с ещё более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. И нашему герою не оставалось ничего другого, как вздохнуть и подчиниться — Дом Романовых не собирался

отступать от выработанных веками традиций.

Свадьба состоялась в церкви Большого Петергофского дворца. Церковь эта представляла собой не отдельное здание, а являлась восточным крылом дворца. Внутреннее помещение было мало, в отличие от обычных православных храмов. В церкви имелся большой балкон, где обычно размещались царственные особы и их приближённые. Злые языки утверждают, что Екатерина Великая во время службы тихонько поигрывала в карты на этом балконе.

Лучше всего описал день свадьбы сам жених: «За обрядом одевания невесты наблюдала сама государыня при участии наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были положены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона.

Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна и как все великие княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на её голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на груди.

Наконец мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам государь император вёл к венцу Ксению. Я следовал под руку с императрицей, а за нами вся остальная царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что “хор пел божественно”. Я же был слишком погружен в свои мысли о предстоящем свадебном путешествии на Ай-Тодор, чтобы обращать внимание на церковную службу и пение придворных певчих...

...Мы возвращались во дворец в том же порядке, с тою лишь разницей, что я поменялся местом с государем и шёл впереди под руку с Ксенией.

— Я не могу дождаться минуты, когда можно будет освободиться от этого дурацкого платья, — шёпотом пожаловалась мне моя молодая жена. — Мне кажется, что оно весит прямо пуды. Как бы я хотела поскорее встать из-за стола. Посмотри на папа — он прямо без сил...

Все мы видели, каким утомлённым выглядел государь, но даже он сам не мог прервать ранее положенного часа утомительный свадебный обед.

Только в 11 час. вечера мы могли переодеться и уехать в придворных экипажах в пригородный Ропшинский дворец, где должны были провести нашу первую брачную ночь».

Ропшинский дворец знаменит тем, что стал местом заточения свергнутого императора Петра III. Там же он и был зверски убит Алексеем Орловым со компанией. После этого ни один из Романовых не пожелал

жить в Ропшинском дворце. Вполне допускаю, что выбор именно этого дворца для первой брачной ночи был преднамеренным щелчком по носу настырному зятю.

«Ропшинский дворец и соседнее село были так сильно иллюминированы, что наш кучер, ослеплённый непривычным светом, не заметил маленького мостика через ручей, и мы все — три лошади, карета и новобрачные — упали в ручей. Ксения упала на дно экипажа, я на неё, а кучер и камер-лакей упали прямо в воду. К счастью, никто не ушибся, и к нам на помощь подоспела вторая карета, в которой находилась прислуга Ксении. Большая шляпа со страусовыми перьями Ксении и пальто, отделанное горностаем, были покрыты грязью, мои лицо и руки были совершенно черны. Князь Вяземский, встречавший нас при входе в Ропшинский дворец, как опытный царедворец, не проронил ни слова...

Нас оставили одних... Это было впервые со дня нашего обручения, и мы едва верили своему счастью. Может ли это быть, что никто не помешает нам спокойно поужинать!

Мы подозрительно покосились на двери и затем... расхохотались. Никого! Мы действительно были совсем одни. Тогда я взял ларец с драгоценностями моей матери и преподнёс его Ксении. Хотя она и была равнодушна к драгоценным камням, она всё же залюбовалась красивой бриллиантовой диадемой и сапфирами.

Мы расстались в час ночи, чтобы надеть наши брачные одежды. Проходя в спальню к жене, я увидел в зеркале отражение моей фигуры, задрапированной в серебряную парчу, и мой смешной вид заставил меня снова расхохотаться. Я был похож на оперного султана в последнем акте...

На следующее утро мы возвратились в С.-Петербург для окончания свадебного церемониала, который заключался в приёме поздравлений дипломатического корпуса в Зимнем дворце, в посещении усыпальницы наших царственных предков в Петропавловском соборе и поклонении чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого. На вокзале нас ожидал экстренный поезд».

Через 72 часа пути молодожёны увидят Южную бухту Севастополя. На перроне вокзала их ждал оркестр и морской караул. Пробыв в Севастополе всего несколько часов, их высочества поднялись на борт «Тамары». Через пять часов яхта бросила якорь в Ялте. В Ай-Тодоре молодых ждало крымское солнце, море, чудесные прогулки в тенистом парке, поездки по соседним имениям, то есть всё, о чём они только могли мечтать.

21 сентября 1894 г. в 10 часов утра к перрону Севастопольского

вокзала подошёл царский поезд. Грянуло громкое «ура» почётного караула 49-го Брестского полка, и Александр III нетвёрдым шагом вышел из вагона. За ним появились Мария Фёдоровна, цесаревич, великий князь Георгий Михайлович и греческий королевич Николай Георгиевич. Не задерживаясь в городе, высочайшие путешественники проследовали на пароход «Орёл». В 11 часов утра «Орёл» вышел в море. Через час прошли мыс Херсонес, и началась сильная качка. Тем не менее в 14 часов «Орёл» пришвартовался к ялтинскому молу.

У самого трапа императора встречали Ксения и Сандро. Александр III и Мария Фёдоровна поселились в Большом Ливадийском дворце, а весёлая компания — Ники-цесаревич, Ники-королевич и Гоги Михайлович — устроились рядом, в Малом дворце.

Уже на следующий день к завтраку в Ливадию заявили наши молодые. Четверо юных плейбоев вместе с Ксенией отправились верхом на любимый цесаревичем «plage». Слово «пляж» ещё не вошло в обиход, и Николай в дневнике пишет его по-английски. С пляжа компания вернулась в 4 часа дня. Ксения и Сандро покинули Ливадию лишь поздно вечером.

Цесаревич целыми днями проводил время в обществе сестры и дяди-шурина.

Запись из дневника Николая от 24 сентября: «Завтракали одни по обыкновению с Ксенией и Сандро только. Поехали верхом за Папа и Мама на Эриклик, откуда спустились на ферму и пили молоко, кофе и ели простоквашу. Всё напоминало прежние счастливые годы! Писал и получил два слёзных письма от моей дорогой Аликс, по поводу отмены моего приезда к ней!»

25 сентября: «День был такой же, как вчера. В 11 ч. пошли к обедне: Папа слушал её, как в прошлом году в кабинете Аннана [т. е. дедушки, Александра II. — А.Ш.].

За завтраком играла стрелковая музыка. Смотрели на спуск почтовых голубей, которые полетели в Севастополь. В 2 часа поехали верхом в Ай-Тодор, куда Папа и Мама приехали раньше. Смешно было осматривать апартаменты Ксении в новом доме, в кот. она как хозяйка принимала нас и пила чаем! Она и Сандро выглядят такими счастливыми, что большего и желать нельзя! Душа радуется глядя на них обоих! Но при виде их счастья, невольно думаешь о своём — о том напр., что могло бы быть, если б я тоже женился летом? Были дома в 5 ч.»

27 сентября: «Утром пили кофе, вместо прогулки дрались с Ники каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше. В 2 часа отправились верхом к водопаду; влезали выше второй площадки. Опоздали

к чаю. Сандро и Ксения обедали у себя — провели вечер без них!»

28 сентября: «День был хороший, ветер стихал, хотя пароходы в море здорово качало. После завтрака отправились верхом за Папа и Мама, Ксенией и Сандро в Массандру. Управляющий Шелухин угостил нас земляникой и персиками, орехами и каштанами. Получил два письма от милой дорогой Аликс».

29 сентября: «Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше».

30 сентября: «Тёплый серый день. После breakfast'a прогулялись втроём [с Сандро и Ксенией — А. Ш.] по “горизонталке” и осмотрели внутренность Ориандской церкви. После завтрака отправились верхом на ферму и по большой дороге в Айтодор, через кот. спустились к маяку. Тут Сандро производит раскопки; в их приезд после свадьбы найдено 60 греческих монет».

1 октября: «День стоял чудный. В 11 ¹/₂ Георгий и я отправились в Ай-Тодор к завтраку у Ксении и Сандро... Шателен снимал нас в саду. Сидели у них в салоне; играли с Ксенией на фортепианах. Вернулся в Ливадию в 3 ч. Пошли к морю. Я сидел на камешках со своими невесёлыми думами в голове и тоскою в сердце! Письма, к сожалению, не было!»

И так каждый день. Об отце цесаревич в дневнике упоминает редко и кратко: «Папа проспал более двух часов на балконе», «В 9 ч. он принял ванну» и т.д.

О текущих делах империи в дневнике — ни слова. 5 августа началась Японско-китайская война; в трёхстах вёрстах к югу, в Турции, опять возникла нестабильность, но всё это проходит мимо внимания «сущего младенца».

Царь слабел и почти не мог работать. Вместо него доклады министров читала императрица. Дошло до того, что Мария Фёдоровна водил рукой мужа, когда приходилось подписывать важнейшие документы. После приезда Царской семьи в Ливадию империей управляли Мария Фёдоровна и министры.

10 октября в Ливадию из Германии прибывает «ненаглядная Аликс». Любопытно, что Александр III и Мария Фёдоровна не пожелали дать Алисе специальный поезд, а Ники в такую ерунду не вникал, и принцессе к её крайнему неудовольствию пришлось ехать обычным пассажирским поездом.

И вот уже 12 октября весёлая компания катается по Южному берегу Крыма: «Поехали вчетвером: Аликс, Ксения, Сандро и я к Учансу в

коляске...»

20 октября умер Александр III. Когда Николай вошёл на веранду Ливадийского дворца, Сандро в первый и последний раз увидел в его глазах слёзы. Ники взял друга под руку и повёл вниз в свою комнату. Там они плакали вместе, обнявшись. Николай никак не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что стал императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул Николай. — Что будет теперь с Россией? Я ещё не подготовлен быть царём! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Однако растерянность нового императора длилась совсем недолго. Уже через день он записал в дневнике: «Вчера вечером пришлось перенести тело дорогого Папа вниз, потому что, к сожалению, оно быстро начало разлагаться. Поэтому и утренняя и вечерняя панихиды были отслужены в малой церкви. Слава Богу, милая Мама совсем спокойна и геройски переносит своё горе... Только и делал, что отписывался от туч телеграмм. Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу; Мама, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать её здесь спокойно, пока ещё дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным! Днём ходили к морю — прибой был громадный. Погода потеплела и стала ясная».

Нормальному человеку может показаться чудовищным, как можно, стоя у гроба дорогого любимого отца, думать о том, как бы хорошо обвенчаться до похорон. Но тут я лично не возмущаюсь, мне жалко «сущего младенца». Представляю, как на него нажала «ненаглядная Аликс» вкупе с Сандро, Ксенией, дядюшкой Сергеем и тётушкой Эллой!

27 октября в 8 часов 30 минут гроб почившего императора был вынесен из Ливадийского дворца. Траурная процессия пешком шла до Ялты. Вслед за гробом шла вдова, за ней — Николай и Аликс, чуть поодаль — Александр Михайлович и Ксения. В Ялте гроб был перенесён на шканцы крейсера «Память Меркурия» под тент из огромного Андреевского флага.

Затем «Память Меркурия» под конвоем броненосца «Двенадцать Апостолов» направился в Севастополь. Там гроб перенесли в специальный траурный поезд, который немедленно отошёл на Москву. Через 20 минут туда же пошёл и царский поезд, где находились Николай II, Аликс, Мария Фёдоровна, Ксения и Александр Михайлович.

Перед самой Москвой пассажиры пересели из царского поезда в траурный. Два дня в Архангельском соборе Кремля шло отпевание Александра III. 31 октября в 12 часов траурный поезд отправился с Николаевского вокзала в Петербург. Но уже в Химках поезд остановился, и высокопоставленные особы пересели в царский поезд. Обратная пересадка была произведена утром 1 ноября на станции Обухово под Петербургом. Как видим, удобства Ники были гораздо важнее сыновьей привязанности.

В 10 часов утра 1 ноября поезд прибыл в Петербург. Шествие от Московского вокзала заняло целых четыре часа. Петербуржцы впервые увидели невесту нового императора. «Она пришла к нам за гробом», — шептали суеверные. Не обошлось и без конфуза. Генерал Тренов по привычке скомандовал марширующим за гробом гвардейцам:

— Ряды ровней! Гляди веселей!

На похороны царя прибыли представители всех монархий Европы: король Дании Христиан IX, король Греции Георг I, наследник британской короны принц Альберт Эдвард, князь Черногорский, брат германского кайзера Генрих Прусский, брат австрийского императора эрцгерцог Карл-Людвиг. Опереточное Гессенское герцогство представлял старший брат Аликс Эрнст. Всего присутствовало более ста высочайших особ.

Через неделю после похорон, 14 ноября, состоялась свадьба Николая и Аликс, которую при переходе в православие нарекли Александрой Фёдоровной. По традиции свадьба императора или наследника престола должна была происходить в огромном Исаакиевском соборе. Вполне можно было дожидаться окончания траура по отцу и императору и нормально отметить бракосочетание. Но Аликс была неумолима.

В сложившейся ситуации пришлось устроить бракосочетание в небольшой церкви Спаса Нерукотворного при Зимнем дворце. Ночь перед свадьбой Аликс провела в резиденции сестры Эллы и зятя Сергея — во дворце Белосельских-Белозерских, что напротив Аничкова дворца, в котором остановились Николай II с матерью.

Как прошли свадьба и брачная ночь? Давайте спросим у самого Николая:

«14-го ноября. Понедельник.

День моей свадьбы! После общего кофе пошли одеваться: я надел гусарскую форму и в 11 1/2 поехал с Мишей в Зимний. По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался её туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате. В 10 мин. первого начался выход в большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком! Шаферами у меня были: Миша, Джоржи, Кирилл и Сергей. В Малахитовой

нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мною в карету с русской упряжью с фореитором, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть — едва могли проехать! По приезде в Аничков на дворе встретил почёт, кар. от её Л.-Гв. Уланского н. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы. Обедали в 8 ч. Завалились спать рано, т. к. у неё сильно разболелась голова!»

Глава 9

ХОЗЯИН «СКОТСКОГО ХУТОРА»

Из-за беременности Аликс Николай II очень долго тянул с коронацией. Но вот 3 ноября 1895 г. у императрицы в Царском Селе родилась дочь, названная Ольгой, и 1 января 1896 г. Николай подписал высочайший манифест, объявлявший «всем верным Нашим подданным, что вознамерились Мы, в мае месяце сего года, в первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей, Предков наших, возложить на Себя Корону и воспринять, по святому чину, святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезную Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Фёдоровну».

Не мудрствуя лукаво, Николай согласился на то, чтобы его коронация была повторением торжеств 1883 г. Программа торжеств была по часам расписана на три недели.

Любопытно, что в мае 1895 г. все церемонии впервые снимались на киноплёнку. Организаторы торжеств уже тогда усвоили, что «самым важным из искусств у нас является кино».

6 мая в 17 часов царский поезд прибыл на Николаевский вокзал Москвы. На платформе царя и царицу встретили члены августейшего семейства, в том числе Сандро и Ксения, а также караул Уланского Её Величества полка. Но особой помпы не было. Николай и Александра, эскортируемые офицерами полка, в карете отправились в Петровский путевой дворец (у нынешней станции метро «Динамо»).

7 и 8 мая царь принимал иностранных принцев. Всего их собралось свыше двадцати, был среди них и наследник японского престола. Отдельно были приняты эмир Бухарский и хан Хивинский.

8 мая царь записал в дневнике: «В 9 час. собрались вся фамилия своя и иностранная, чтобы прослушать серенаду, прекрасно спетую 1100 чел. разных хоровых обществ».

9 мая в 2 часа 30 минут дня царь взобрался на кобылу по кличке Норма, подкованную по сему поводу серебряными подковами, и отправился в Кремль. За ним в золочёных каретах ехали мать, а следом жена. За каретами верхом — другие члены фамилии, чины двора, генералы свиты, флигель-адъютанты. Дамы ехали в каретах.

У Иверской часовни на Красной площади процессию встретили депутаты земства и дворянства. В Успенском и Архангельском соборах Кремля царь и обе царицы приложились к мощам и иконам.

Всё время, не переставая, звонили колокола на 1600 московских церквей.

До 18 мая все торжества проходили строго по графику. А на 18 мая на Ходынском поле, где обычно проходили войсковые учения, была назначена раздача народу царских подарков. Подарок сей был более чем скромнен: в ситцевый платочек были завернуты обычная сайка, кусок колбасы, пряник и медная кружка с царским гербом и надписью «1896». Раздавать подарки предполагалось в ста пятидесяти специально возведённых буфетах. Кроме того, предполагалось в десяти павильонах бесплатно разливать вино и пиво всем желающим. Не трудно было догадаться, что русский мужик обязательно отправится за подарком, а главное — выпить «на халяву».

Ещё до начала коронационных торжество Александр Михайлович выразил сомнения в том, что московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович должным образом сумеет организовать праздник. Надо сказать, что Александр Михайлович с Сергеем Александровичем после смерти Александра III из союзников превратились в заклятых врагов.

Вечером 27 апреля во время завтрака в Царском Селе Александр Михайлович прямо спросил царя:

— Ты уверен, Ники, что дядя Сергей понимает трудность ситуации?

Николай ответил нетерпеливо:

— Конечно, да. Пожалуйста, Сандро, постарайся быть справедливым к дяде Сергею.

— Я справедлив, Ники. Но я также помню, как беспокоился в подобной ситуации твой отец. Он лично проверял каждую деталь. Думаешь, легко раздать подарки полумиллиону людей, собравшихся на поле, которое по сути дела и не приспособлено к таким толпам? И ещё. Подумай обо всех этих агитаторах, которые рады будут воспользоваться такой возможностью создать беспорядки.

— Я верю, Сандро, — ответил Ники холодно, — что дядя Сергей знает всё это ничуть не хуже тебя, а то и лучше.

Александр Михайлович не ответил и молчал до конца завтрака.

Вечером 17 мая на Ходынке собралась огромная толпа — не менее полумиллиона человек. Ночь прошла спокойно — кто спал, кто грелся у костров. Но в 6 часов утра по толпе прошёл слух, что буфетчики начали тайно выдавать подарки своим знакомым, и на всех подарков и водки не хватит. Нетрудно представить реакцию толпы, которая ринулась к

павильонам и смела охранявших их две сотни полицейских. Началась Ходынская катастрофа.

Царь записал в дневнике: «До сих пор всё шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле в ожидании начала раздачи обеда и кружки, напёрла на постройки и тут произошла страшная давка, причём, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 1/2 завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка всё время играла гимн и “Славься”.

Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько deputаций и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям дворянства. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello [Густав-Луи Монтебелло — французский посол в России]. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.».

А теперь дадим слово Александру Михайловичу: «Пять тысяч человек было убито, ещё больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое “ура” звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжёлая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

— Ты что, не видишь, Ники, — сказал ему дядя Алексей, — что Михайловичи опять играют на руку радикалам и выступают на стороне революции. А на самом деле просто хотят сделать генерал-губернатором одного из своих.

Мой брат, великий князь Николай Михайлович, ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

— Помни, Ники, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым

пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мёртвых, но ты можешь проявить заботу о их семьях... Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета».

Зачем устраивать пляску на костях? «По соображениям высокой политики», — утверждает Боханов^[18]. Вот уж когда «бумага всё стерпит»! Неужто Франция шла на союз с Россией ради контруана, отплясанного царём с графиней Монтебелло? Да ради захвата Эльзаса и Лотарингии французский посол Луи-Густав Монтебелло был бы готов вместо бала поститься полгода и бить поклоны.

А может, молодой царь расстроился и не знал, что делать? Так тут и думать было нечего, надо было просто следовать многовековой традиции. В случае каких-либо народных бедствий — мора, пожара или потопа — царь-батюшка наказывал виновного боярина, а сам шёл бить поклоны в Троице-Сергиев монастырь. И в этом случае рядом был «виновный боярин» — московский генерал-губернатор, а до Троицы не надо было ходить пешком, как это делали великие князья московские и цари, туда была проложена железная дорога.

Вина великого князя Сергея Александровича была неоспорима. Он не мог не знать, что население Москвы с 1883 г. существенно возросло, что вокруг выросли десятки торгово-промышленных городов, из которых до столицы молено было добраться за час-два на пригородном поезде. Так что устраивать гулянья и раздачу подарков, копируя коронацию Александра III, было попросту преступно. Да и москвичей Сергей довёл до предела. Педофил, педераст и самодур, он правил городом как восточный сатрап. Когда в 1905 г. великого князя разнесло на куски бомбой эсера Каляева, в московских салонах шутили, что Сергей Александрович впервые в жизни раскинул мозгами.

Но, увы, Николай II далее не сделал выговора дяде Сергею. Правда, для приличия было начато расследование, руководить которым царь поручил министру юстиции Н.В. Муравьёву. «Этот министр юстиции сделал расследование, — вспоминает С.Ю. Витте, — которое составляет отдельный маленький том, ныне секретный, имеющийся, меледу прочим, и

в моём архиве. Муравьёв всю эту историю, всю катастрофу, как она произошла, описывает с полной точностью. Но вот насчёт виновности — он эти вопросы обходит или же его объяснения являются крайне субъективными, так как сам Н.В. Муравьёв сделался министром юстиции по протекции великого князя Сергея Александровича; ранее он был прокурором московской судебной палаты и близким человеком к Сергею Александровичу.

Назначение Н.В. Муравьёва производить расследование понималось в Москве как преобладающее влияние великого князя Сергея Александровича. Но влияние это, по-видимому, продолжалось недолго, потому что явилось другое влияние, преобладающее, влияние министра двора; влияние это понималось как влияние императрицы Марии Фёдоровны. Ввиду этого было поручено произвести новое расследование бывшему министру юстиции, весьма почтенному и достойнейшему человеку, который был на коронации обер-церемониймейстером, а именно графу Палену.

Расследования графа Палена я не читал; его заключения мне официально неизвестны, но я несколько раз слышал от графа, что он нашёл, что была виновата главным образом московская полиция и вообще управление Москвою, а не министр двора, т. е., иначе говоря, граф Пален винил московского генерал-губернатора.

Причём, когда он ещё был в Москве и следствие ещё не кончилось, немедленно после катастрофы граф Пален имел неосторожность сказать во дворце, что вся беда заключается в том, что великим князьям поручаются ответственные должности и что там, где великие князья занимают ответственную должность, всегда происходит или какая-нибудь беда, или крайний беспорядок. Вследствие этого против графа Палена пошли все великие князья.

Мне известно, что граф Пален представил по поводу своего расследования подробный доклад государю, а мне известно, что на этом докладе государь написал резолюцию (хотя мне эту резолюцию передавал граф Пален, но я её не помню). Мне известно, что доклад этот с резолюцией государя, которая графа Палена опечалила, находится у него в архиве, в его деревне около Митавы.

В конце концов во всей этой истории, при которой погибло и пострадало около двух тысяч русских людей, оказался виновен один только человек, а именно обер-полицмейстер Власовский, который и был уволен со службы»^[19].

А может быть, Николай II страдал патологической жестокостью, и

либералы не зря после Ходынки дали ему кличку «кровавый»? Действительно, при Николае II было казнено больше людей, чем за всё царствование Романовых от Михаила до Александра III, включая Петра I. Речь идёт о сотнях тысяч людей, из которых казнено по решению суда менее пяти процентов. Остальные были казнены во время революции 1904-1905 гг. и Первой мировой войны по приговорам военно-полевых судов. Причём, русский военно-полевой суд на самом деле был лишь пародией на суд. Решение его писал на коленке какой-нибудь поручик, а то и вообще не составлялось никаких документов. Так что с Николаем и его семейством поступили в подвале дома Ипатьева именно так, как по его приказу были убиты сотни тысяч подданных.

Тем не менее Николай II не был жестоким человеком. Кем же всё-таки он был? Давайте опять спросим у него самого. Николай II во всероссийской переписи лучше всех оценил себя сам: «Хозяин земли русской». Он действительно чуть ли не буквально представлял империю именем, с которого он и его родственники должны кормиться. Николай ни в коем случае не был кровавым тираном, он просто относился к России как к «скотскому хутору», вспомним знаменитый роман Оруэлла.

Лишь сделав такое допущение, можно понять, как царь мог с утра смотреть на сотни трупов на Ходынском поле, а вечером первым пуститься в пляс на балу у французского посланника, который, кстати, был абсолютно уверен, что по случаю катастрофы бал отменят. Ну, по недосмотру прислуги погибла скотина — почему бы и не поплясать. Царь не мог пару дней подождать в Киеве до похорон премьер-министра Столыпина. Мало того, в день похорон Столыпина царь танцевал на балу в Благородном собрании в Севастополе. Ну помер изрядно надоевший слуга, тоже не повод для траура.

Новым премьером стал В.Н. Коковцев, исправный служака, добросовестный чиновник. Но стоило ему выплатить «материальную помощь» какой-то даме по записке императрицы из дворцового фонда, а не украсть из других статей бюджета, так императрица повернулась к премьеру спиной. И бедолаге Коковцеву пришлось продолжать доклад заду императрицы. Риторический вопрос — могла бы позволить себе такое Екатерина Великая с Паниным или Потёмкиным? Для всего мира Коковцев был премьером Великой Империи, а для Алисы — лишь холопом со «скотского хутора».

И титулованные холопы терпели все оскорбления, по крайней мере, до того момента, когда им стало очевидно, что государственный корабль тонет. Первыми начали давать отпор августейшим хамам женщины, начиная от

императрицы Марии Фёдоровны, и кончая обычными светскими дамами. Так, на одном из своих первых петербургских балов Александра Фёдоровна заметила, что у одной из танцующих слишком откровенное декольте. Немедленно была послана фрейлина: «Мадам, Её Величество послала меня сказать вам, что в Гессен Дармштадте не одеваются подобным образом». «В самом деле? — Нашлась молодая женщина, в то же время так одёргивая платье, чтобы декольте стало ещё ниже. — Пожалуйста, передайте Её Величеству, что в России мы одеваемся именно таким образом».

Паша интеллигенция до сих пор издевается над Хрущевым за то, что он запретил танец «буги-вуги». Зато теперь почти никто не помнит, что Николай II потребовал изъять из словаря слово «интеллигенция» и запретил танцевать «неприличный» танец — танго. Ну что ж, эволюция налицо. Павел I запретил вальс, Николай II — танго, а Хрущев — лишь буги-вуги. Любопытно, что бы стало с Николаем, если бы он увидел буги-вуги, да ещё в исполнении московских стилиг?

Многие оправдывают поведение Николая II в первые годы его царствования молодостью, неопытностью. Тот же А. Боханов утверждает: «А кто был готов к царской роли?» Пардон, Николай II вступил на престол в 26 с половиной лет. В этом возрасте Александр Македонский покорил почти все страны античного мира» Александр Невский побил шведов и немцев, Александр I, благодаря своему уму, сумел избавить страну от деспотии и успешно вышел из весьма щекотливого положения с убийством Павла I. Пётр I закончил азовские походы, строил флот и успел провести многие реформы. И капитан Бонапарт в 24 года не шишками кидался под Тулоном.

Пётр, Екатерина, Наполеон, да все выдающиеся монархи всегда оказывались готовыми к принятию престола.

Сейчас куча борзописцев тужится доказать, что Николай II желал постепенных реформ, которые, де, ему мешали проводить революционеры и придворные сплетники.

Увы, у Николая II не было никаких планов вообще, ни либеральных, ни реакционных. Была единственная идея — сохранение собственной власти любой ценой. Всё же реформы от созыва Думы до создания батальонной артиллерии достигались лишь большой кровью. Но кровью пока не царя и его близких, а кровью русских людей — солдат, жандармов и революционеров на полях Маньчжурии, Восточной Пруссии и баррикадах Пресни. Любые самые малые реформы проводились только после полного краха старых законов, указов и уставов.

Ни в экономике, ни в военном деле, ни во внешней политике, ни в

области общественных отношений за 23 года царствования нигде нет определённой линии, далее негативной. Везде метания, зигзаги, шаг вперёд — два шага назад. Такая анархия вовсе не свойственна самодержавной монархии вообще или русской в частности. Пётр I, Екатерина II, Александр I, Николай I, Александры I и II — у всех были определённые планы, своя направляющая во внутренней и внешней политике. Да и к своей власти предшествующие русские самодержцы относились по-другому. Пётр Великий считал себя солдатом, служащим отечеству. Екатерина на склоне лет любила подсчитывать, сколько новых земель она принесла в приданое России, сколько новых городов построила. Александр I часто говорил, что закон превыше его. Эта фраза даже попала в роман «Война и мир». Помните, царя просят простить Денисова за мародёрство — «Я не могу, генерал, и потому не могу, что закон сильнее меня». А на закате лет Александр I заявил: «Отслужил 25 лет России, пора бы и на покой».

Возможно, кому-то из молодых читателей, наслушавшихся сказок о святом мученике Николае II, мои оценки покажутся чересчур резкими. Увы, самую убийственную характеристику себе Николай II дал в своих письмах, резолюциях на докладах, а главное, в дневнике, который он вёл в течение 36 лет, начиная с 1 января 1882 г. Дневник был сугубо личным и показывался разве что жене. Записи эти сохранились. Подлинность их не вызывает сомнений. Что же царь писал в дневнике о военном деле, благо, его этому учили целых пятнадцать лет.

Вот запись от 23 июля 1890 г.: «Был бригадный манёвр. Атаковал кавалергардов эскадроном. Совершили **какой-то** [выделено мной. — А. Ш.] обход и в 8 часов манёвры окончились. Обедали в 9 часов».

Итак, «какой-то» манёвр — выражение, которое годится скорее для прапорщика Задова, чем для гвардейского штабс-капитана и флигель-адъютанта Его Императорского Величества.

Но вот прошло четверть века, нага штабс-капитан уже двадцать лет как Государь Всея Руси, пора бы и поумнеть. 20 августа 1914 г. Николай впервые видит русские линейные корабли принципиально нового типа — дредноуты «Севастополь» и «Гангут». «В 9 1/2 поехал в Петроград и посетил заканчивающиеся линейные корабли — “Севастополь” и “Гангут”. Осмотрел их довольно подробно. Они производят сильное впечатление — палубы чистые, только четыре башни по три 12 орудий в каждой. На обеих работы подходят к концу и рабочих была масса. Григорович угостил хорошим завтраком на яхте “Нева”. Погода была солнечная».

После осмотра чуда авиационной техники — четырёхмоторного гигантского бомбардировщика «Илья Муромец» — никаких комментариев!

А вот как-то показывали по телевидению документальный фильм, где царь в 1915 г. осматривает взятые в крепости Перемышль трофейные австрийские орудия. Видно много интересной техники, в том числе крепостные башенные установки. Такие башни сотнями состояли в крепостях Франции, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и т. п. В России была 1 (одна!) такая башенная установка в крепости Осовец, но её царь никогда не видел. И вот царь с абсолютно равнодушным лицом обходит трофейную технику. Представьте на секунду, как к ней кинулся бы «бомбардир Пётр Михайлов». А голос за кадром слащаво цитирует письмо царя к жене: «Я выкопал штыком цветок и посылаю его тебе».

В дневниках огромное место уделено смотрам, полковым праздникам, униформе и т. п., и никогда не упоминаются прицелы, дальномеры, радиостанции, взрыватели и прочая ерунда.

В книге А. Боханова «Николай II» о Николае сказано: «Прекрасно владел английским, французским и немецким языками, писал очень грамотно по-русски». Заглянем в дневники нашего грамотея. Вот перл в четырнадцать лет: «Пожарные поливали сад, и мы вымочились там», а вот перлы в 26 лет: «Подходя к Севастополю начало покачивать», или «Отвечать приходится на всякую всячину вопросов — так что совсем теряешься и **столку** сбиваешься». Вместо «тетеревов» их величество пишет «тетеревей», и прочая, и прочая. Конечно, грамотность — понятие относительное. Любопытно, с ком в этом отношении Боханов сравнивает Николая? Разве что с самим собой?

Чем дальше читаешь Боханова, тем больше дух захватывает: «Из всех предметов ему [Николаю] особо нравились литература и история. Ещё с детства он стал страстным книголюбом и сохранял эту привязанность буквально до последних дней своего земного бытия. Всегда переживал, если в какой-то день у него не было достаточно времени для чтения. Его пристрастия с годами вполне определились: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов». Поскольку никаких доказательств Боханов, естественно, не приводит, то придётся отослать читателей к дневникам и письмам Николая II. Пусть они попробуют найти там упоминания о Чехове или Лермонтове.

Лично мне не хочется придирается к Николаю. Ну что, он обязан читать классиков? Другой вопрос — не хочешь, не читай, но и другим читать не мешай. Увы, Николай за первые 10 лет царствования палец о палец не ударил, чтобы снять запреты хотя бы со строчки «секретных» произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Достоевского. Первые запрещённые произведения русских классиков открыла народу революция

1905-1907 гг., а окончательно с их творчеством стало возможно познакомиться лишь после свержения Николая II, столь горячо «любившего» классиков.

Почти все знаменитые монархи (Людовик XIV, Екатерина II, Наполеон и др.) были окружены толпой лучших национальных поэтов и писателей и находились в переписке с иностранными писателями и философами. В отличие от них Николай II ни разу не изъявил желания увидеть Л.П. Чехова или Л.Н. Толстого, хотя сделать это было более чем просто.

В 1939 г. в Белграде с помпой было выпущено солидное издание эмигранта С.С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II». «Положение гр. Л.Н. Толстого в дореволюционной России вообще свидетельствует о таком умении самодержавной власти проявить широкую терпимость, которое едва ли присуще многим современным правительствам». Как тут не умиляться, прямо «как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели». А в чём вина Л.Н. Толстого, в чём суть его «преступлений»? Восемидесятилетний старик сидит в глуши, в деревне, пишет о своём понимании мира, мало того, учит непротивлению злу насилием.

Сразу после восшествия Николая II на трон Толстой пишет рассказ «Сон молодого царя», где, не называя имён и даже страны, в иносказательной форме показывает теневые стороны жизни России. Причём всё было написано в предельно почитательном тоне.

«— А как ты думаешь? — спросил молодой царь жену.

— Я думаю не так, — сказала молодая умная женщина, воспитанная в свободной стране. — Я рада этому твоему сну, я думаю так же, как и ты, что ответственность, лежащая на тебе, ужасна. Я часто мучаюсь этим. И мне кажется, что средство снять с себя, хотя не всю, но ту, которая непосильна тебе, ответственность есть очень лёгкое. Надо передать большую часть власти, которую ты не в силах прилагать, народу, его представителям, и оставить себе только ту высшую власть, которая даёт общее направление делам».

Как был наивен Лев Николаевич! «Молодая умная женщина, воспитанная в свободной стране», да ещё дипломированный доктор философии, пугала муженька: «Будь Иваном Грозным». Несколько месяцев потребовалось Толстому, чтобы избавиться от иллюзий в отношении молодого царя. Тем не менее до самой смерти он никогда не призывал к насильственному свержению монархии.

И какую же линию поведения выбрал Николай по отношению к любимому писателю? Произведения графа Толстого запрещены, а

распространители их оказывались за решёткой. Агенты охраны непрерывно наблюдали за Львом Николаевичем ещё со времён Александра II, Николай же возвёл наблюдение на качественно новый уровень. Лев Николаевич теперь освещался как снаружи постоянными посетителями Ясной Поляны, например, репортёром газеты «Русское слово» Иваном Дирллихом (агентурный псевдоним «Блондинка»), так и изнутри — собственной прислугой. Но арестовать писателя Николай не решился — это было его первое поражение на внутреннем фронте. Впервые царь почувствовал своё бессилие. И тут кто-то из советников предложил предать Толстого анафеме, что и было оперативно исполнено. Позже все апологеты Николая II тщательно затушёвывали это событие или, по крайней мере, представляли внутренним делом православной церкви, к которому Николай II не имел никакого отношения. На самом же деле Николай II был главой русской православной церкви. И руководство Синодом, и далее местные церковные власти назначались лично даром. Отлучение Толстого от церкви не могло не быть утверждено царём.

Следует отметить, что действительно Николай читал сравнительно много художественной литературы, но подбор книг был бессистемным. В дневнике он часто путает героев с их авторами. По дневнику или письмам практически невозможно определить его оценку той или иной книги. После посещения театра иногда следовала запись, понравился спектакль или нет. Но и тут трудно определить, чем вызвана положительная или отрицательная реакция. Так, например, запись от 9 июля 1914 г.: «Был хороший недлинный спектакль». Запись через три дня: «Был длинный юбилейный спектакль». Как видим, названия спектаклей не приводятся, а оценка даётся, очевидно, по степени утомляемости Его Величества.

В дневниках царя, его письмах и мемуарах приближённых автор не нашёл и намёка на то, что император читал какие-либо научные труды, за исключением книг по истории древнего мира и средних веков.

В литературе о Николае всегда подчёркивается его увлечение фотографией. Действительно, он очень любил фотографироваться и даже фотографировать сам. Но всё это было на уровне 7—10-летнего ребёнка, который нажимает на кнопку фотоаппарата, дабы запечатлеть своих близких и любимую собачку. Ни о какой художественной фотографии и речи не шло. Николаю и в голову не приходило заняться подбором объективов от длиннофокусного до «рыбьего глаза», растворов, маскирования при печати и т. и., что запросто выполняли тогда любители фотографии, начиная с 12—15 лет. Любимым занятием царя было расклеивание фотографий по альбомам. Вот, возьмём дневник за сентябрь

1914 г.:

1 сентября: «Вечером наклеивал фотографии в альбом». И так почти каждый вечер, до 16 сентября, царь отдавал расклейке фотографий: «Вечером окончил наклейку фотографий в альбом». Несколько дней наклейке мешали важные дела. 5 сентября: «Вечером имели утешение побеседовать с Григорием с 9.45 до 11.30». 14 сентября: «Вечером долго ждали приезда Григория. Долго посидели с ним». Прямо подмывает полностью привести дневник с 1 по 16 сентября 1914 г. — ещё дневные длительные прогулки пешком, а потом, 1 и 2 сентября, на шарабанчике в Баболове, 3 сентября — поездка к матери на Елагин остров, 4-го — после гулянья, катание с сыном на лошади, 5-го — то же самое, 6-го — только гулял, а дальше пошёл дождь. Зато отыгрался 9 сентября — «днём катался с дочерьми на велосипеде. Потом погулял и ездил на байдарке» и т.д. Добавим ещё визиты августейшей родни. А ведь это было начало Первой мировой войны!

А может, у царя был отпуск? Царям-то тоже нужно отдыхать. Но тут если царь от чего и отдыхал, так от развлечений. С 27 марта по 2 июня он отдыхал в Ливадии, с 1 по 7 июля катался на яхте «Штандарт» по Финскому заливу и т. п. А когда же царь царствовал? Да, по часу, но два он уделял делам. 5 сентября: «Чудный ясный день. После прогулки были обычные два доклада. Завтракал и обедал Дмитрий Шереметев (деж.) Гуляли вместе в своём парке и затем катались на пруде».

Резонный вопрос: а где время на подготовку к докладу? И Наполеон, и Сталин заранее подбирали материалы, данные, чтобы понять доклад и дать ему оценку. У них обсуждение доклада могло затянуться на много часов. Николай же обычно молча слушал доклад и изредка делал замечания по незначительным, частным вопросам. Далее Николай II любезно прощался с министром, которому приходилось только гадать, какое решение примет царь по предлагаемым мерам.

Представим на секунду, сколько радости доставило бы борзописцам типа Волкогонова узнать, что Сталин в сентябре 1941 г. провёл хотя бы один день как Николай II в сентябре 1914 г. Как бы этот день был расписан и в прессе и на телевидение. Но, увы, в ставке верховного повеселились первый раз лишь на Новый 1944 год.

Автор не относится предвзято к Николаю, не выбирает отдельные компрометирующие факты. Вся жизнь императора (до 1916 г.), скрупулёзно описанная в его дневниках, представляет собой сплошной праздник. Чуть ли не половину года царь проводит в своих имениях: Ливадии (Крым), Спале (Белоруссия) или катается у берегов Финляндии на любимой яхте

«Штандарт». Что же касается жизни в Царском Селе, то тут можно брать наугад любой год, любой месяц.

Вот записи за май-июнь 1904 г. — идёт тяжёлая война, растёт напряжённость в стране. 17 мая — «Гулял, убил ворону и катался в байдарке». 20 мая — «Поохотился на ворон до обеда». 25 мая — «Гулял долго, убил двух ворон». 27 мая — «Долго гулял и убил двух ворон». 28 мая — «В 10 часов поехал в Царское на новом железнодорожном моторе с Мишей. Очень хорошо видно во все стороны». 2 июня — «Убил двух ворон. Катался в байдарке». 4 июня — «Ездил на велосипеде и убил двух ворон, вчера одну». 5 июня — «Ездил на велосипеде и убил 2-х ворон».

Ну, иногда охота разнообразилась. Вот запись от 8 мая 1905 г.: «Гулял с Дмитрием в последний раз. Убил кошку».

Пальба по воронам и кошкам никоим образом не говорит о жестокости «кровавого царя». Пусть сколько угодно возмущаются экологи и члены общества защиты животных, но есть много вполне нормальных мужчин, которые могут пальнуть по вороне или кошке. Другой вопрос, если умный человек спьяну подстрелил ворону или соседскую кошку, то ему никогда не придёт в голову с гордостью писать об этом в дневнике.

Итак, все письма и дневники последнего царя показывают нам вполне нормального, даже, можно сказать, доброго человека, хотя и не очень одарённого умом. Николай был бы образцовым командиром гвардейского батальона. В гражданской жизни он мог бы стать начальником станции на железной дороге, директором библиотеки, архива. Но волею судьбы он стал императором великой державы.

Глава 10

КАК САНДРО ПОПЫТАЛСЯ СТАТЬ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛОМ

Поступив во флот, наш герой, естественно, не собирался всю жизнь плавать на кораблях по Тихому океану или стать начальником военно-морской базы на Балтике или Черном море. Уже мичманом Александр Михайлович поставил себе цель стать генерал-адмиралом и возглавить Морское ведомство.

Что же это за звание — генерал-адмирал, столь странно звучащее для современного читателя? Раскроем том VII «Военной энциклопедии», выпущенный в 1912 г. Там сказано: «Генерал-адмирал, высший чин во флоте, по табели о рангах стоит наравне с генерал-фельдмаршалом, в I классе; границы власти и влияния этого чина точно в законах не определены».

Звание генерал-адмирала было введено Петром I в 1708 г. Первым генерал-адмиралом был назначен Ф.М. Апраксин, в его функции входило командование Балтийским флотом. 20 декабря 1762 г. генерал-адмиралом был назначен великий князь Павел Петрович, которому в ту пору было восемь (!) лет. Он сохранял это звание пожизненно. Затем должность была вакантна целых 30 лет, а 22 августа 1831 г. император Николай I назначил генерал-адмиралом своего второго сына Константина, которому было 4 года. И, наконец, в 1880 г. генерал-адмиралом стал великий князь Алексей Александрович.

Нетрудно представить, какая чехарда творилась в Морском ведомстве, если права и обязанности главы флота вообще не были определены законами и уставами. Александр Михайлович в воспоминаниях дал портрет последнего русского генерал-адмирала — великого князя Алексея Александровича, «который пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи, хотя его колоссальный вес послужил бы значительным препятствием к успеху у современных женщин. Светский человек с головы до ног, Beau Brummell^[20] и бонвиан, которого баловали женщины, Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в

отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал, как это ни странно, должность генерал-адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания по морским делам, чем у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решительно ничем, что бы не относилось к женщинам или к напиткам, он изобрёл чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед, и после того как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радушный хозяин открывал заседание совета традиционным рассказом об одном случае из истории русского парусного военного флота. Каждый раз, когда я сидел на этих обедах, я слышал из уст великого князя повторение рассказа о гибели фрегата «Александр Невский», происшедшей много лет тому назад на скалах датского побережья вблизи Скагена. Я выучил наизусть все подробности этого запутанного повествования и всегда из предосторожности отодвигался немного со стулом от стола в тот момент, когда, следуя сценарию, дядя Алексей должен был ударить кулаком по столу и воскликнуть громовым голосом:

— И только тогда, друзья мои, узнал этот суровый командир очертания скал Скагена.

Его повар был настоящим артистом, и адмиралы ничего не имели против того, чтобы ограничить дебаты совета пределами случая с «Александром Македонским»».

Алексей Александрович был конкурентом и личным врагом Александра Михайловича, но тем не менее всё сказанное — сущая правда.

Алексей Александрович родился 2 января 1850 г. и в этот же день был зачислен императором Николаем I в Гвардейский экипаж, то есть с рождения был предназначен к морской службе. В 1857 г. великий князь имел уже чин мичмана, а с 1860 г. начал плавать на разных судах во внутренних и заграничных морях под руководством своего воспитателя адмирала Посьета.

13 сентября 1878 г. фрегат «Александр Невский», на котором великий князь служил в чине лейтенанта, возвращался в Россию и потерпел аварию у берегов Ютландии.

В 1870 г. Алексей Александрович совершил путешествие по внутренним водным путям из Петербурга в Архангельск, после чего в должности вахтенного начальника на корвете «Варяг» вернулся морем в Кронштадт.

В 1871-1873 гг. великий князь совершил дальнее плавание на фрегате «Светлана» — в Северную Америку, Японию и Китай, и вернулся в Петербург сухим путём через Сибирь.

По возвращении из плавания Алексей Александрович был произведён в капитаны 1 ранга, назначен исполняющим обязанности командира Гвардейского экипажа, а в феврале 1874 г. он стал командиром фрегата «Светлана».

Одновременно великий князь пребывал членом кораблестроительного и артиллерийского отделений Морского технического комитета (МТК), начал принимать участие в деятельности Морского ведомства.

Во время войны с Турцией 1877-1878 гг. Алексей Александрович в чине контр-адмирала состоял на Дунае начальником всех морских команд и за провод понтонов из Никополя в Систово мимо неприятельских позиций и охранение переправы армии был награждён золотой саблей и орденом Святого Георгия IV степени.

В 1880 г. великий князь был назначен генерал-адъютантом, а следующем году — членом Государственного Совета.

В 1882 г., с восшествием на престол императора Александра III, Алексей Александрович вступил в управление Морским ведомством вместо великого князя Константина Николаевича. В следующем году Алексей Александрович получил звание генерал-адмирала.

Итак, блестящая карьера, не хуже, чем у Бонапарта, но увы, увы... Алексей Александрович годился в лучшем случае на должность вахтенного начальника.

Генерал от инфантерии Н.А. Епанчин описал эпизод из жизни своего отца, начальника Морской академии. Ряд офицеров-двоечников надлежало отчислить из Академии за неуспеваемость. «По докладе третьего списка Великий князь Алексей Александрович спросил моего отца, что можно сделать, чтобы не отчислять их от Академии; отец мой доложил, что это невозможно, так как, по уставу, они должны быть отчислены.

На это Великий князь Алексей Александрович сказал: “Алексей Павлович, ведь мы с вами не авгуры; будем говорить откровенно, неужели из-за того, что эти офицеры не имеют установленных баллов, их надо отчислить от Академии? Вот я никаких этих девиаций, навигаций и пр. не знаю, а я генерал-адмирал”»^[21].

А вот мнение знаменитого кораблестроителя академика А.Н. Крылова: «В 1882 г. вместо Константина на пост генерал-адмирала и главного начальника флота и Морского ведомства был назначен великий князь Алексей Александрович, про которого на вопрос: “Что такое Алексей?” —

острослов Михаил Ильич Кази (долгое время бывший начальником Балтийского завода) ответил: “Семь пудов августейшего мяса”.

За 23 года его управления флотом бюджет возрос в среднем чуть ли не в пять раз; было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров, но это “множество” являлось только собранием отдельных судов, а не флотом»^[22].

Кто-то из августейшей семьи бросил в обиход остроу: «Жизнь дяди Алексея занимают неповоротливые броненосцы и вёрткие дамы!» Нетрудно догадаться, кого в те времена именовали «вёрткими дамами».

В 27 лет у Алексея Александровича был скандальный роман с семнадцатилетней Сашенькой Жуковской, дочерью поэта и воспитателя цесаревича Александра В.А. Жуковского.

В 1871 г. Сашенька забеременела, а взбешённый Александр II отправил непутёвого сына куда подальше — на «Светлане» в трёхлетнее плавание. Алексей писал Сашеньке страстные письма, а во время стоянки фрегата в Марселе, в самом злочном заведении «с дамами» великий князь затеял пьяную драку и был арестован полицией и за хулиганство приговорён к крупному штрафу. Но вместо лейтенанта великого князя Алексея Александровича пришёл лейтенант Е.И. Алексеев^[23]. Но французские репортёры быстро разобрались, кто был законным сыном Александра II, а кто — прилюдным бастрюком.

В Японии Алексей традиционно обзавёлся «походной женой». А 14 ноября 1871 г. в Зальцбурге у Сашеньки родился сын, названный Алексеем. В марте 1884 г. император Александр III по просьбе брата дал мальчику имя и титул — граф Алексей Алексеевич Белевский-Жуковский. Белёвский — по названию имения В.Л. Жуковского вблизи города Белёва. Сам Жуковский был внебрачным сыном помещика Бунича и рабыни-турчанки, которые никакого отношения не имели к Белёвским удельным князьям^[24]. Так Романовы издевались над памятью князей Рюриковичей, присваивая их титулы своим бастардам, а по-русски, бастрюкам.

А ещё до этого императорским повелением от 10 (22) мая 1875 г. Сашеньке было положено пожизненно выплачивать 25 тысяч рублей ежегодно. Примерно так же оплачивались похождения и других великих князей.

Широкий резонанс получила связь великого князя Алексея со своей родственницей, графиней Зинаидой Богарне, герцогиней Лейхтенбергской. Как писала Зоя Беякова: «Сплетничали о *menage royal a trois* [здесь: любовь втрём], о рогоносце-муже герцоге Евгении Лейхтенбергском,

внуке Николая I и правнуке Наполеона. Герцог Евгений неоднократно был бит исполином Алексеем на пороге собственной спальни в доме на Английской наб., д. 44, и тщетно пытался жаловаться Александру III на темпераментного кузена и друга детства. Монарх резко высмеял незадачливого мужа. Евгению оставалось безропотно спать на диване в своём кабинете. Зинаида Дмитриевна каталась с Алексеем по Петербургу в открытом экипаже, откровенно демонстрировала бриллианты, подаренные любовником, а Алексей платил по счетам Зины и её пьяницы-мужа в Европе и в России. Графиня хозяйничала на приёмах в Алексеевской дворце, составляла списки приглашённых по своему усмотрению...

Много шума наделали скандалы из-за попыток Алексея содержать яхту “Зина”, принадлежавшую Лейхтенбергским, на рейде за казённый счёт. Он же выделил яхту “Увалень” для сопровождения “Зины»^[25].

В 1899 г. Зинаида Дмитриевна в расцвете лет умерла от рака. А великий князь Алексей быстро утешился в постели французенки Элизы Балетты, в 1891-1906 гг. выступавшей в составе французской труппы на сцене Михайловского театра.

При таком генерал-адмирале казнокрадство в Морском ведомстве приняло чудовищные размеры. Военная политика велась не в интересах государства, а ради наживы кучки воров и их метресс.

На фоне Русско-японской войны и первой русской революции наши историки как-то не заметили грандиозной аферы, связанной с постройкой морского порта и крепости в Либаве. Казалось, сама природа исключила создание там большой военно-морской базы — низменный песчаный берег, малые глубины, подвижные пески, отсутствие закрытой от ветров якорной стоянки. Не было условий там и для создания сухопутной крепости. Вне линии фортов предполагаемой крепости находились господствующие Гробинские и Капсиденские высоты. Тем не менее проект постройки порта и крепости был утверждён Александром III 30 августа 1892 г. Только постройка крепости должна была обойтись в 15,5 миллиона рублей.

Единственным преимуществом Либавы был незамерзающий порт. Но зато германская граница находилась всего лишь в тридцати вёрстах. Германский флот имел рядом несколько удобных якорных стоянок, а у русского флота к 1892 г. ближайшая крупная военно-морская база была за много сотен миль — в Кронштадте.

С одной стороны, постройка порта и крепости была наглым вызовом Германии, поскольку использование Либавы стало бы целесообразным лишь в ходе наступательных действий на суше и на море. А с другой стороны, это была ловушка для русского флота, который легко мог быть

блокирован даже слабейшим противником. Либавская военно-морская база не годилась для оборонительной войны ни с Германией, ни тем более с Англией.

Наиболее дальновидные военные и сановники предлагали вместо Либавы построить незамерзающий порт на севере вблизи современного Мурманска. Активно поддерживали этот проект адмирал С.О. Макаров и министр финансов С.Ю. Витте. Кстати, в 1894 г. Витте лично ездил осматривать место для порта. Порт на севере (основной вариант места постройки — Екатерининская гавань) имел огромное стратегическое значение. В случае коалиционной войны с Францией против Германии связь с Францией могла обеспечиваться только через северные моря. В случае конфликта с Англией на Екатерининскую гавань могли базироваться русские крейсера, оперирующие на британских коммуникациях в Атлантике.

Но зато строительство порта в Либаве было более удобно большой группе казнокрадов, сплотившихся вокруг тучной фигуры великого князя Алексея Александровича.

Витте позже писал в своих мемуарах: «Когда я пришёл к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особенно благосклонно, и, кроме того, когда он, ещё будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в комитете Сибирской железной дороги, в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: “А где находится вага доклад о поездке на Мурман? Верните мне его”.

Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император ещё в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлён и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) государь сказал мне, что он нашёл доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад, и прежде всего главную мысль доклада — о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем государь говорил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных

устройств в Либаве, так как Либавка представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы, вследствие того что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. Вообще император высказался против этого проекта...

Император Николай II хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане, в Екатерининской гавани, причём Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог...

Прошло месяца 2-3, и вдруг я прочёл в “Правительственном вестнике” указ императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву, и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт портом императора Александра III во внимание к тому, что будто бы это есть завет императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно, да и сам император мне говорил, что покойный император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моём всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архиве императора Николая II) высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек очень близкий к великому князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как великие князья, пользуясь молодостью императора, пользуясь тем, что император только что вступил на престол и, так сказать, ещё не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте император Николай II приехал к великому князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал великому князю о том, что вот генерал-адмирал великий князь Алексей заставил его подписать указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтёт себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала»^[26].

Николай уступил, и строительство Либавского порта продолжалось. Мало того, Николай II издал указ, которым Либавский порт был переименован в порт Императора Александра III.

Буквально в песок уходили миллионы рублей. Только на оборудование

порта ушло свыше 45 миллионов рублей. Общие же расходы подсчитать невозможно, поскольку они шли по разным ведомствам и по десяткам статей. А между тем требовались огромные средства для освоения Дальнего Востока. Либаву строили, экономя на строительстве крепости в Порт-Артуре. Для сравнения приведу состав береговой артиллерии Порт-Артура (перед началом осады) и Либавы.

Береговая артиллерия Либавы и Порт-Артура

Калибр и тип орудий Порт-Артур Либава

280-мм пушки	нет	19
254-мм пушки	5	10
229-мм пушки	12	14
152-мм пушки Кане	20	30
280-мм мортиры	10	20
229-мм мортиры	32	30

Надо ли говорить, какую роль могли сыграть десятки миллионов рублей, потраченные на Либаву, если их своевременно переадресовали бы на Дальний Восток.

Порт-Артур был взят японцами, а 27 июня 1907 г. решением Совета государственной обороны Либавская крепость была упразднена.

25 апреля 1915 г. германские войска с ходу овладели Либавой. В том же году России пришлось начать строительство порта у Мурманска и железной дороги к нему.

Материальные потери, понесённые Россией в результате преступной либавской авантюры, превысили материальный ущерб, связанный с утратой Порт-Артура.

В 1928 г. Либаву посетил американский журналист, который с удивлением бродил по безлюдным кварталам пустых казённых зданий, по развалинам огромной крепости и осматривал огромный порт, вход в который затянуло песком. В своём репортаже о Либаве он провёл аналогию с романом Г. Уэльса «Война миров».

Казалось бы, нашему герою не представляло особого труда скинуть с должности генерал-адмирала «семь пудов августейшего мяса». Александр Михайлович, как и Алексей Александрович, приходился внуком императору Николаю I, но зато он был намного умней, пока не замечен в столь скандальных связях, наконец, он был царским шурином.

Главным козырем Александра Михайловича являлось его влияние на Ники. Они были товарищами в детских и не совсем детских играх. Ники был благодарен шурину за его поддержку в сватовстве Алисы. Наконец, молодой император с первых дней царствования жаждал избавиться от опеки своих дядей, сыновей Александра II.

Умный Александр Михайлович не довольствуется дворцовыми интригами, а впервые в доме Романовых начинает кампанию в прессе, пытаясь завоевать симпатии как морских офицеров, так и всей образованной части общества.

По его указаниям и под его редакцией в 1891 г. издаётся первый отечественный военно-морской справочник «Военные флоты иностранных государств». В красиво оформленной книге имелись большие фотографии боевых кораблей всего мира, включая и Россию. К сожалению, объем текстовой информации был недостаточен для специалистов, но справочник предназначался вовсе не для них. Книга была с восторгом встречена во флоте и в обществе. С новейшими изменениями справочник переиздавался в 1892, 1893, 1895, 1897, 1899, 1901, 1904 и 1906 гг.

Адъютант Александра Михайловича капитан 2 ранга Николай Николаевич Беклемишев начал издавать журнал «Море и его Жизнь». О цели издания сего журнала можно было легко догадаться по первому номеру. На обложке красовалось большое фото Александра Михайловича. Журнал издавался в роскошном переплёте и имел массу иллюстраций. Наряду с научными статьями в журнале публиковались стихи флотских офицеров и даже фантастический рассказ о бое Черноморского флота с двумя английскими эскадрами в Мраморном море.

В 1892-1893 гг. вышло роскошное двухтомное издание большого формата: Г.И. Раде «23 000 миль на яхте “Тамара”. Путешествие великих князей Алексея и Сергея Михайловичей в 1890-1891 гг.».

Наконец, в конце 1895 г. Александр Михайлович составляет докладную записку «О мерах по усилению нашего флота в Тихом океане». Там много дельных мыслей, оправдавшихся позднее прогнозов, но главная идея — несостоятельность морской политики генерал-адмирала.

Александр Михайлович издаёт эту докладную записку и подносит экземпляр императору. Следует заметить, что в феврале-апреле 1896 г.

Александр Михайлович с женой почти ежедневно видится с царём — то они завтракают или обедают у Ники, то Ники едет к Сандро и Ксении; играют в рулетку, карты, «возьтятся на катке» и т.д. Александр Михайлович использует любой повод, чтобы доказать неспособность Алексея управлять флотом. Иногда он говорил часами, ссылаясь на военную историю, экономику и прецеденты в иностранных флотах.

Увы, Ники физически не мог слушать длинные речи, он быстро переставал понимать их суть. В конце концов, царь прерывал приятеля какой-либо шуткой. Как-то Александр Михайлович опешил от неуместной остроты. Тогда Ники едко сказал:

— Сандро, ты как-то уменьшился ростом и потерял силу голоса!

Наконец Сандро заявил в лоб:

— Управлять флотом в стиле восемнадцатого века, как это делает дядя Алексей, нельзя!

Николай наморщил лоб и монотонно проговорил:

— Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебе, Сандро, что он этого не потерпит.

— В таком случае, Ники, ты заставишь его потерпеть. Это твой долг перед Россией.

— Но что я могу с ним сделать?

— Ты ведь царь, Ники. Ты можешь поступить так, как это необходимо для защиты наших национальных интересов.

— Всё это так, но я знаю дядю Алексея. Он будет вне себя. Я уверен, что все во дворце услышат его крик.

— В этом я не сомневаюсь, но тем лучше. Тогда у тебя будет прекрасный повод уволить его в отставку и отказать ему в дальнейших аудиенциях.

— Как я могу уволить дядю Алексея? Любимого брата моего отца! Знаешь что, Сандро, я думаю, что мои дяди правы: за время пребывания в Америке ты там стал большим социалистом.

Николай, по своему обычаю, менял точку зрения чуть ли не ежедневно. Он чувствовал правоту Александра, но не решался уволить генерал-адмирала. Ряд историков утверждают, что он боялся дядю Алексея, другие говорят, что он не хотел обижать любимого дядю. На самом же деле Николай абсолютно ничего не понимал в военно-морских делах и просто не хотел чего-либо менять. Ведёт дела худо-бедно дядя Алексей, ну и пусть, главное, чтобы хуже не было.

Свою роль сыграла и поддержка Алексея Александровича министром финансов Витте. Замечу, что в конце XIX в. министр финансов в России

играл куда большую роль, чем после 1917 г. Витте же тогда был самой сильной политической фигурой. Он прекрасно сознавал, что умственные способности великого князя Алексея Александровича не позволяют ему управлять Морским ведомством, но смертельно боялся и ненавидел великого князя Александра Михайловича.

Из дневника царя: 22 апреля [1896 г.]. Понедельник.

«День стоял серый, но тёплый. За докладом с Чихачовым имел с ним крупный разговор по поводу книжки Сандро “О мерах по усилению нашего флота в Тихом океане”. Он опровергал его доводы, а я их защищал... Гуляли под небольшим дождём. После обеда подарил Аликс именные вещи. К вечернему чаю приехали Ксения и Сандро».

26 апреля.

«Завтракал с нами д. Алексей. Имел с ним окончательное объяснение: он хочет оставить флот и уйти вместе с Чихачовым. Приятное положение для меня!»

В итоге, на беду России, великому князю Алексею Александровичу удалось удержать свой пост. Дело шло к Цусиме.

Глава 11

КАК САНДРО СПРОЕКТИРОВАЛ... ДРЕДНОУТ!

Последние годы уходящего века наш герой проводит на мостиках броненосцев, а главное, участвует в проектировании новых кораблей этого класса. Поэтому от интриг дворцовых и альковных нам придётся перейти к склокам в Морском ведомстве и проблемам военного судостроения. Увы, без этого не обойтись, а я лишь обещаю упростить дело до предела.

Первые броненосцы появились во флотах Англии и Франции в 60-х гг. XIX в. Главной задачей артиллерии броненосца в бою было пробить борт корабля противника. Для этой цели конструкторы создавали всё более мощные орудия, и к началу 80-х гг. их калибр возрос до 413 мм при том, что относительная длина орудия практически не увеличилась, оставаясь в пределах 20—23 калибров. Но к этому времени инженеры научились изготавливать более длинные (в 35 калибров) и прочные стволы. Соответственно, резко увеличилась начальная скорость снаряда. Поэтому инженеры всех стран путём проб и ошибок пришли к единому для всех стран максимальному калибру — 305 мм. Исключение составляют лишь немцы, применявшие калибр 280 мм.

Однако 305-мм пушки унаследовали от монстров 70-х — 80-х гг. XIX в. длительное заряжание — около 20 минут. И вот в самом начале 90-х гг. появились скорострельные 152-мм пушки, которые могли делать 6-7 выстрелов в минуту. Таким образом, за 20 минут одна лёгкая 152-мм пушка делала $6 \times 20 = 120$ выстрелов. Прицельная её дальность стрельбы 152-мм пушки была не меньше чем у 305-мм.

В результате инженеры всех ведущих морских держав пошли на компромисс и начали строить броненосцы с двумя двухорудийными 305-мм башнями по оконечностям и с шестью — четырнадцатью 152-мм орудиями в казематах или в башнях в средней части корабля.

Но вот в 1890 г. англичане заложили два броненосца типа «Центурион» с облегчённым вооружением: четыре 254-мм и десять 120-мм пушек. Зато у них была намного увеличена скорость хода и дальность плавания. Главным предназначением новых броненосцев было гоняться на Тихом океане за русскими броненосными крейсерами. В 1893 г. британцы

заложили ещё один такой броненосец «Ринаул» (четыре 254-мм и десять 152-мм пушек). В 1894 г. вступил в строй «Центурион», и его эксплуатация показала, что он не способен догнать новые броненосные крейсера, а с другой стороны, не может противостоять броненосцам с 305-мм пушками.

Лорды адмиралтейства быстро оценили ситуацию и в 1894-1895 гг. заложили серию из девяти броненосцев типа «Маджестик» (четыре 305-мм и двенадцать 152-мм пушек), а в 1897 г. — серию из шести броненосцев типа «Канонус» с таким же вооружением. С тех пор англичане никогда не строили броненосцы и линкоры с главным калибром ниже 305 мм.

К великому сожалению, Бог послал России тупых адмиралов и ещё более тупых генералов. Если наши дамы в выборе гардеробов ориентировались на Париж, то адмиралы продолжали строить суда на английский манер. Когда до них дошла весть о строительстве «Центуриона», их охватила нечаянная радость — мы будем вместе с просвещёнными мореплавателями переходить от 12 к 10 дюймам. Теперь броненосец станет меньше и дешевле, а сэкономленной части бюджета Морведа всегда можно найти применение.

Горой встали за 10-дюймовые пушки и генералы. Дело в том, что береговая оборона при «проклятом царизме» находилась в ведении русской армии. А наши генералы патологически боялись как гидравлических, так и электрических приводов. Путём несложным расчётов они выяснили, что калибр 254 мм — максимальный для ручных приводов и для старой системы станков. С незапамятных времён в береговой артиллерии стволы орудий были жёстко связаны цапфами со станком, а вот станок откатывался по поворотной раме. От таких громоздких и дурацких систем во всех флотах мира отказались ещё в 80-х гг. и ввели откат по оси орудия — ствол откатывался по люльке, и энергия отката гасилась гидропневматическим компрессором.

В итоге генералы и адмиралы пришли к трогательному единству и уговорили Александра III ввести единую 10-дюймовую пушку для корабельной и береговой артиллерии. Причём, генералы заведомо ввали — никакого единообразия не было ни в станках, ни даже в телах пушек. 10-дюймовые сухопутные пушки имели цапфы для деревянных станков, а морские — не имели цапф. Позже выяснится, что у морских и сухопутных орудий существенно различаются баллистические данные. Но бюрократическая телега пошла-поехала, и остановить её было невозможно.

В конце 1898 г. Александр Михайлович решил вновь послужить на кораблях. Он обратился к Ники, чтобы выяснить настроение дяди Алексея.

«Я надеялся, — вспоминает Александр Михайлович, — что три года

обильных возлияний и общество, хорошеньких женщин заставили генерал-адмирала забыть нанесённую ему обиду.

В ответ на вопрос государя дядя Алексей любезно улыбнулся.

— Наконец-то наш “кавказский мятежник” и сеятель раздора Сандро понял свои ошибки!

— Да, дядя Алексей, — подтвердил Ники, — я не сомневаюсь, что Сандро раскаялся.

— Хорошо! Хорошо! Спасибо за добрые вести! Скажи ему, что я согласен забыть его невозможное поведение три года тому назад. Я назначу его помощником командира судна береговой обороны».

31 января 1899 г. Александр Михайлович был назначен старшим офицером на броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин». Это был небольшой броненосец, вооружённый тремя 254-мм и четырьмя 120-мм пушками. Броненосцы береговой обороны предназначались для защиты побережья, и в конце XIX века их не строила ни одна ведущая морская держава. Кроме России, такие броненосцы строили лишь датчане, голландцы и шведы.

Корабельные 254-мм орудия были спроектированы из рук вон плохо. Каждую последующую пушку наши умельцы с Обуховского сталелитейного завода кое-как переделывали и улучшали. В результате баллистические данные (начальная скорость снаряда и вес заряда) на каждом корабле были свои.

В июле 1899 г. прошли испытания артиллерии «Апраксина». Пушки стреляли относительно терпимо, зато постоянно выходили из строя механизмы башенных установок.

14 августа 1899 г. «Генерал-адмирал Апраксин» вышел в море для перехода в Копенгаген. Свежеющий северный ветер предвещал штормовое плавание. Новый корабль, по отзыву его командира В.В. Линдестрема, показал «прекрасные мореходные качества»: при встречном волнении на бак залетали только брызги, а при попутном — размахи качки не превышали 10° на борт. Машина работала исправно, обеспечив среднюю скорость 11-12 узлов при введённых в действие двух котлах. Утром 16 мая на горизонте показались низменные зелёные берега Дании, а в 14 часов «Апраксин» уже стал на бочку в гавани Копенгагена, застав там императорскую яхту «Царевна», канонерскую лодку «Грозный» и два датских корабля.

22 августа в датскую столицу прибыл на яхте «Штандарт» Николай II с семейством. Стоянка «Апраксина» в столице дружественной державы ознаменовалась многочисленными приёмами и визитами. Унтер-офицеров

и матросов регулярно увольняли на берег. Офицеров «Апраксина» король Дании Кристиан IX по традиции награбил орденами Даннеброга.

14 сентября «Апраксин» покинул гостеприимное королевство и через два дня прибыл в Кронштадт. 21 сентября он окончил кампанию, но не разоружался, чтобы после выполнения достроечных работ направиться в Либаву.

Ехать в скучную Либаву и провести там зиму нашему герою совсем не улыбалось, и Александр Михайлович предпочёл отправиться в Петербург. И не зря. 13 ноября в 3 ч. 30 мин. в штормовую погоду «Апраксин» сел на камни в Финском заливе у юго-восточного берега острова Гогланд. Авария произошла из-за грубой ошибки в счислении корабля. Работы по снятию корабля затянулись до 12 апреля 1900 г. 6 мая «Апраксин» был отведён в Кронштадт, где поставлен в док на ремонт. Ремонт броненосца был закончен к маю следующего 1901 г.

В ходе снятия корабля с камней и его последующего ремонта роль старшего офицера не менее важна, чем чин капитана. Но стоит ли утруждать этим рутинным делом великого князя? И по просьбе царя братец Алёша устраивает братца Сашу командиром черноморского броненосца «Ростислав».

Ростислав числился эскадренным броненосцем. Его водоизмещение составляло 10 140 т против 4126 т у «Апраксина». Зато вооружение было практически такое же, как у броненосцев береговой обороны типа «Ушаков» (четыре 254-мм и четыре 120-мм пушки). У «Ростислава» же было четыре 254-мм и четыре 152-мм пушки. Он строился по типу английского «Центуриона». При этом из-за разгильдяйства чиновников Морведа постройка затянулась на 6 лет. У англичан же броненосцы строились в среднем 2 года! Денег на «Ростислава» бухнули столько же, сколько и на полноценный броненосец с 305-мм артиллерией, а получили... (многоточие заменяет то, что было бы вырезано цензурой).

Скорость хода броненосца на испытаниях оказалась менее 16 узлов, а проведённые в начале апреля 1900 г. стрельбы привели к выходу из строя артиллерии главного калибра. Получился большой конфуз, ищут великого князя, чтобы он принял броненосец, а тут его надо отправлять в капитальный ремонт. Но командующий Черноморским флотом нашёл оригинальный выход: «Ростислав» был назначен в летнее практическое плавание, но стрелять из 254-мм пушек категорически запретили.

И вот самый молодой в российском флоте командир броненосца великий князь Александр Михайлович 1 мая вступает в командование «Ростиславом». Вооружение броненосца бутафорское, но это совсем не

беда — корабль становится прогулочной яхтой.

1 июня 1900 г. на борт «Ростислава» поднялся новый мичман. Событие само по себе ординарное. Но сей мичман был никто иной, как двадцатичетырёхлетний великий князь Кирилл Владимирович, будущий парижский император всея Руси.

Несмотря на наличие на борту «Ростислава» сразу двух великих князей, руководство Морведа решило провести на корабле эксперимент. Впрочем, не исключено, что эксперимент специально там и проводили, чтобы показать, что великие князья занимаются хоть каким-то делом.

«Ростислав» стал первым большим кораблём русского флота, переведённым на нефтяное питание котлов. По сему поводу его высочество великий князь и контр-адмирал Кирилл Владимирович написал в эмиграции: «“Ростислав” был новым судном, но, несмотря на это, — плохим. Как военный корабль он не предполагал наличия особых удобств, но и с практической точки зрения был никудышным. Тихоходный и плохо защищённый, этот корабль обладал единственным достоинством — он был нашим первым военным теплоходом»^[27].

К тому времени уже все крупные корабли мира лет двадцать плавали на жидком топливе, но все они были снабжены паровыми машинами, то есть оставались парходами. Первый же в мире крупный военный корабль — теплоход — судно, оснащённое дизелями, был построен в 1930-х годах («карманный» линкор «Дойчланд»). Но такие тонкости, понятно, выходили за пределы познаний адмиралов российского флота.

Кирилл Владимирович запомнил лишь внешние стороны использования нефтяного топлива. «Но хуже всего было то, что вместо лёгкого дымка “Ростислав” был окутан облаком гари, словно вулкан в момент извержения. Густой и маслянистый дым клубился над кораблём — он проникал повсюду, оседая на наших белых летних кителях. В скором времени всё, что не было чёрным, приобрело именно этот цвет, и на головы инженеров обрушивались одни проклятия. После месяца экспериментирования они более-менее освоили процесс сжигания топлива, и “Ростислав” шёл уже с меньшим столбом дыма в кильватере»^[28].

Первым портом, куда зашёл «Ростислав» в кампанию 1900 г., стала Одесса. Губернатор граф Павел Шувалов устроил великим князьям несколько обедов и представлений. После обильных возлияний Кирилл Владимирович запомнил лишь брандшталмейстера одесской пожарной команды, который разорвал надвое плотное полотенце. «Не удовлетворившись этим, он сложил обе половинки вместе и разорвал их

ещё раз, так что в руках у него оказалось уже четыре полотенца»^[29].

Покинув гостеприимную Одессу, «Ростислав» пошёл в Батум. Там Александр Михайлович и Кирилл Владимирович оставили корабль и отправились в Тифлис, где Сандро показал Кириллу места, дорогие ему по детским воспоминаниям. А затем великие князья направились в Боржом — имение великого князя Николая Михайловича. Николай Михайлович показал гостям свою великолепную коллекцию бабочек, поводил их по живописным окрестностям. Возвращались великие князья на корабль через Тифлис, где они сильно перепили. Спустя сорок лет, Кирилл Владимирович писал: «В Тифлисе я попробовал кахетинское вино. Это очень крепкое белое вино местные жители пьют как воду, но для непосвящённых оно оказывается весьма коварным. Кахетинское принадлежит к тому роду вин, которые хотя и не пьянят, но обладают способностью влиять на двигательные рефлексы. Человек попадает в поистине глупейшую ситуацию: голова ясная, а ноги не идут»^[30].

Из Батума «Ростислав» отправился в Новороссийск. Там великих князей традиционно ждал приём с обедами, речами и тостами. Оба князя отправились в экипаже в Гагры в имение принца Ольденбургского, а затем — в посёлок Абрау-Дюрсо, знаменитые виноградники которого принадлежали царской семье.

Следующая остановка броненосца была в Керчи, где Александр Михайлович и Кирилл Владимирович осмотрели раскопки античного города, которые тогда вели сотрудники «Эрмитажа».

Из Керчи «Ростислав» пошёл в Ялту. Там наши путешественники побывали в Массандровском и Ливадийском императорских дворцах. Как видим, летняя кампания броненосца «Ростислав» мало отличалась от круизных рейсов теплоходов советского времени. Я сам дважды плывал по маршруту Одесса — Батуми на теплоходах «Колхида» и «Армения». Жаль, что с 1991 г. мы лишились столь интересного круиза.

Но вскоре приятное времяпровождение в окрестностях Ялты великим князьям пришлось прервать, поскольку в Севастополь прибыла великая княгиня Ксения Александровна с августейшими детьми. Из Ялты до Севастополя сейчас молено добраться на рейсовом автобусе за час с небольшим, а на тарантасе на дорогу уходило 4-5 часов. Но великие князья сели не в тарантас, а на броненосец. В Севастополе Александра Михайловича радостно встретили жена и дети. Ксения и дети сели на яхту «Тамара» и отправились на ней в Ялту.

21 августа 1900 г. газета «Салгир» писала, что накануне около трёх

часов дня в Ялтинский рейд вошла яхта «Тамара», конвоируемая броненосцем «Ростислав», на котором командиром состоит великий князь Александр Михайлович. На яхте в Ялту изволила прибыть великая княгиня Ксения Александровна с августейшими детьми. С берега Их Высочества отправились экипажами в свой дворец в Ай-Тодоре. Набережная на всём протяжении была переполнена массой публики, приветствовавшей высоких путешественников.

Зачем нужно было броненосцу конвоировать яхту? Что, турки шалили? Да нет, ни один турецкий боевой корабль с 1878-го по 1914 г. не выходил из Босфора. Просто захотелось покуражиться. Для справки: в 1900-1903 гг. большинство кораблей Тихоокеанского флота в Порт-Артуре находились в «вооружённом резерве», то есть стояли на приколе из-за того, что у Морведа не хватало средств на топливо для проведения боевой подготовки в море.

20 сентября 1900 г. мичман Кирилл Владимирович съехал с «Ростислава» и отправился в Петербург, а оттуда — в Германию, в Вольфштартен, к любимой кузине Виктории Мелите. Через несколько дней летняя кампания «Ростислава» закончилась, и Александр Михайлович толже отправился в Петербург, где его ждали более важные дела, чем ремонт броненосца и замена 254-мм орудий.

Весной 1901 г. Александр Михайлович вновь вернулся в Севастополь и вступил в командование «Ростиславом». В апреле 1901 г. во время стоянки в Севастополе на борт броненосца поднялся инженер А.С. Попов. Он прибыл для испытания беспроводного телеграфа. Так «Ростислав» стал первым кораблём Черноморского флота, оснащённых радиопередатчиком. Следует заметить, что Александр Михайлович был очень заинтересован радиостанцией Ионова. В ходе испытаний удалось добиться устойчивой связи броненосца с берегом на дальности до 70 миль.

Осенью 1901 г. «Ростислав» вновь встал на прикол, а Александр Михайлович в отдельном вагоне скорого поезда Севастополь — Санкт-Петербург мчится на север.

По приезде Сандро уговорил царя созвать специальное совещание в Зимнем дворце, где был рассмотрен его план по захвату Царьграда. С участников совещания взяли подписку о неразглашении, но слухи о нём мгновенно распространились по салонам Петербурга. Пошли анекдоты про «князя Ростиславова». Естественно, что братец Алёша выступил против плана Сандро. А с учётом международной обстановки Николай побоялся ввязываться в опасную игру.

Сандро давно понял, что, пока жив братец Алёша, генерал-адмиралом

ему не бывать. Но почему не подчинить себе торговый флот, раз это не удалось сделать с военным? Торговый флот России к тому времени находился в ведении Министерства финансов. При этом точно определить принадлежность нашего морского торгового флота довольно сложно. Российские судоходные компании формально не были государственными организациями, а скорее, их можно отнести к акционерным обществам. Но в правлениях компаний сидели адмиралы, покупка судов, маршруты их движения, тарифы на перевозку грузов и пассажиров жёстко контролировало Министерство финансов империи. В разные годы у судоходных компаний России небольшая прибыль чередовалась с убытками, но все убытки покрывались государственными субсидиями.

Во время пребывания царя в Ливадии Сандро удалось уговорить его создать «Главное управление торгового мореплавания и портов», изъяв это дело из ведения министра финансов Сергея Юльевича Витте, который в этот момент находился в Петербурге и был не в курсе интриги нашего героя.

7 ноября 1901 г. императорским указом великий князь Александр Михайлович был назначен «главноуправляющим» торговым мореплаванием и портами с оставлением в должности командира броненосца «Ростислав». Поскольку основной доход управлению приносили в основном порты, в петербургских салонах хорошо котировался каламбур: «Александр Михайлович снял с Витте порты». В свою очередь Витте в частных разговорах называл нашего героя негодяем и интриганом. Через десять лет он напишет об этом в своих мемуарах.

Должность главноуправляющего соответствовала министерской. Но управлять мореплаванием и портами с мостика броненосца было довольно затруднительно. Тем не менее Сандро ухитрился в июне 1902 г. собрать совещание начальников портов на борту «Ростислава», стоявшего у Тендровской косы. И вот 6 декабря 1902 г. Ники производит Сандро в контр-адмиралы с назначением младшим флагманом Черноморского флота и с зачислением в свиту Его Императорского Величества. Надо ли говорить, что Александру Михайловичу было куда удобнее являться в Совет министров в адмиральском мундире.

В должности главноуправляющего великий князь Александр Михайлович пробыл почти три года, до 17 октября 1905 г., когда Главное управление было включено во вновь образованное Министерство торговли и промышленности под наименованием отделов торгового мореплавания и портов.

За это время Александру Михайловичу удалось во многом

упорядочить законодательство о торговом мореплавании. Началось строительство ряда торговых портов. По предложению великого князя была создана новая пароходная линия, соединявшая наши черноморские порты с Персидским заливом. Увы, она была нерентабельна и держалась на субсидиях правительства.

Александр Михайлович предложил царю проект создания общества для эксплуатации нефтяных промыслов в Баку. Как позже писал великий князь: «Мне без особых трудов удалось доказать, что прибыль, полученная от продажи нефтяных продуктов, легко покрывает расходы по осуществлению широкой программы коммерческого судостроения и даже даст значительный излишек для различных усовершенствований. Это простое и вполне логическое предложение вызвало бурю протестов. Меня обвиняли в желании втянуть правительство в спекуляцию. Про меня говорили, что “социалист”, “разрушитель основ”, “враг священных прерогатив частного предпринимательства” и т.д.».

В своих воспоминаниях Александр Михайлович обошёл вопрос о весьма любопытной афере — строительстве глубоководного канала Рига — Херсон. Заводчиками этого проекта были херсонские помещики Васильчиков и Мейндорф. Эскизный проект разработал германский инженер фон Руктешель. Днепр с Двиной предполагалось соединить на месте заброшенной к тому времени системы каналов в районе Верхней Березины и озера Пелик. Когда Руктешеля просили представить точную карту будущего канала, он отвечал:

— Получим концессию — приступим к изысканиям. Тогда я и представлю карту.

Глубина канала предполагалась в 30 футов, то есть 9,1 м. Для реализации такого полуфантастического проекта требовались огромные средства, которые концессионеры собирались выудить частично у вкладчиков, а большую часть — из казны.

Концессионеры начали шумную рекламу проекта: крупные морские суда свободно будут проходить из Чёрного моря в Балтийское. Бобруйск, Киев и Екатеринослав должны стать крупными морскими портами. Естественно, местные головы (то есть современные мэры) высказывались в пользу канала. Зато министр финансов Витте категорически выступил против.

Тогда концессионеры подключили к этому делу чиновника 5-го класса Ю.С. Карцова, состоявшего при главноуправляющем торговым мореплаванием. В мае 1904 г. Карцов посетил Александра Михайловича в Гатчине, где тот проживал с семьёй во дворце императрицы Марии

Фёдоровны. К идее строительства канала великий князь отнёсся с большим энтузиазмом. Его не смутило ни отсутствие технического проекта, ни то, что дно Днепра и Двины изобиловало каменными перекатами, которые пришлось бы взрывать, ни другие проблемы.

Александр Михайлович обратился непосредственно к Николаю II с предложением дать концессию Васильчикову и Мейндорфу и начать субсидирование работ. Однако революция 1905 г. поставила крест на этой грандиозной афере. Любопытно, что в связи с проектом канала Рига — Херсон профессор Альбицкий — известный специалист по водяным турбинам — предложил взамен его построить у Днепровских порогов электростанцию и шлюзы для прохода судов. Однако ни великий князь, ни концессионеры не пожелали и слушать профессора. Через двадцать с небольшим лет большевики реализуют идею Альбицкого и построят Днепрогэс.

Но мы забежали вперёд и нам пора вернуться к делам флотским и рассказать об участии Александра Михайловича в проектировании отечественных дредноутов. Для читателя, незнакомого с историей, придётся дать небольшие разъяснения.

«Dreadnought», в переводе «Неустрасимый» — название британского корабля, заложенного 2 октября 1905 г., спущенного 10 февраля 1906 г. и введённого в строй 3 декабря 1906 г. Сразу же обращаю внимание читателя на то, сколь быстро строили свои суда англичане. Изюминка «Дредноута» была в том, что он нёс не четыре 305-мм пушки в двух башнях, как все другие британские, французские и русские броненосцы, а десять 305-мм пушек в пяти башнях. Зато у него полностью отсутствовала артиллерия среднего калибра, а для защиты от миноносцев имелось двадцать семь 76-мм пушек. Кроме того, «Дредноут» стал первым в мире большим кораблём, оснащённым паротурбинной установкой. После введения в строй «Дредноута» все существующие броненосцы автоматически стали устаревшими судами. «Дредноут», как ранее «Монитор», дал название классу кораблей. По его типу стали строить броненосцы все великие морские державы.

В «Военной энциклопедии» сказано: «...ещё в 1898 г. Великий Князь Александр Михайлович, при посредстве корабельного инженера Скворцова, разработал проект броненосца в 16 000 тонн, исключительно с 12-дюймовыми орудиями, по своей идее предвосхитивший тип современных дредноутов на целое десятилетие. К сожалению, проект этот не был осуществлён»^[31].

Честно скажу, что я этого проекта не нашёл, не берусь утверждать, что

отказ от него был не только следствием косности наших адмиралов, хотя и косности, и маразма, чего уж греха таить, у них хватало с избытком. Дело в том, что в 1898 г. наши 305-мм пушки имели скорострельность один выстрел за 2-3 минуты. А вести бой бородатые адмиралы собирались на дистанции 2-4, в крайнем случае, 6 км. На таких дистанциях 152-203-мм орудия среднего калибра вражеского броненосца буквально засыпали бы снарядами наш «дредноут».

Поэтому ни Александр Михайлович, ни Дмитрий Васильевич Скворцов не настаивали на своём проекте броненосца с одними 12-дюймовыми пушками.

Зато в январе 1900 г. главный корабельных инженер Петербургского порта Д.В. Скворцов и великий князь Александр Михайлович представили в МТК проект броненосца водоизмещением 14 тыс. тонн с 19-узловой скоростью хода. Вооружение его составляли шестнадцать 203/45-мм пушек в восьми башнях (две — в оконечностях и четыре — по бортам). Кроме того, предусматривалось четыре 152-мм, шестнадцать 75-мм, четырнадцать 47-мм пушек и четыре пулемёта.

Спору нет, броненосец, построенный по проекту Александра Михайловича и Скворцова, стал бы действительно первым в мире дредноутом. И, кстати, по такой схеме — 16 орудий в восьми двухорудийных башнях, две в оконечностях и четыре по бортам — летом 1907 г. немцы заложили четыре дредноута типа «Нассау». Как и броненосец Александра Михайловича, эти дредноуты имели не турбины, а паровые машины тройного расширения. Разница была одна — в калибре орудий главного калибра: у немцев стояли 280-мм пушки. И разница в каких-то 73 мм принципиально меняла дело.

Почему же Александр Михайлович выбрал калибр 203 мм? При этом калибре ещё возможно ручное зарядание. Дальность стрельбы из 203/45-мм орудий даже при угле возвышения 25° была около 15 км, то есть более чем в два раза превышала дистанцию, на которой, по планам наших адмиралов, должны были вести огонь 305-мм орудия.

Но Александр Михайлович и Скворцов не учли развития артиллерии. Появились новые типы прицелов и дальномеров, обеспечивавшие дальность стрельбы на 10-12 км, а позже — на 20 км и более. Улучшилась система подачи боеприпасов, и скорострельность орудий 305-мм калибра достигла 1,5-2 выстрелов в минуту (у англичан). И, наконец, это только русские адмиралы продолжали начинать свои снаряды порохом, англичане же перешли на лиддит, японцы — на шимозу, немцы — на тротил, то есть на взрывчатые вещества, удельная мощность которых в несколько раз

превосходила порох. В сражении в Жёлтом море в 1904 г. и в Цусимском бою в 1905 г. японские фугасные снаряды, начиненные шимозой, наносили страшные повреждения русским кораблям.

Так что «дредноут» Александра Михайловича вряд ли бы выдержал бой с японским броненосцем типа «Микаса».

Обсуждение проекта Александра Михайловича и Скворцова состоялось в апреле 1900 г. в МТК. Адмиралы, юность которых прошла ещё на парусно-паровых кораблях, вооружённых гладкоствольными пушками, не понимали ни преимуществ, ни недостатков «великокняжеского дредноута» и несли околесницу, кто во что горазд. Начальник Главного управления кораблестроения (ГУК) вице-адмирал В.П. Верховский твердил:

— 152-мм пушки наши самые скорострельные, и их надо ставить побольше!

— А не заменить ли нам на оконечностях 203-мм башни на 305-мм? — высказал более здравую мысль капитан 1 ранга А.А. Вирениус.

И пошло-поехало... В конце концов, при голосовании за единый 203-мм калибр по проекту высказались великий князь Алексей Михайлович, вице-адмиралы В.П. Верховский, И.М. Диков, К.К. Де Ливров, Н.И. Скрыдлов. За 305-мм и 152-мм пушки высказались контр-адмирал Д.Г. Фелькерзам и артиллерийский отдел МТК, вице-адмиралы Ф.В. Дубасов, И.Н. Ломен, контр-адмирал Ф.И. Амосов.

Надо ли говорить, что «дядя Алексей» насмерть встал против проекта «великокняжеского дредноута». В итоге проект Александра Михайловича и Скворцова был окончательно отвергнут. Решили строить броненосцы типа «Бородино» (четыре 305-мм и двенадцать 152-мм орудий).

В заключение стоит сказать несколько слов о совместном проекте Александра Михайловича и Скворцова, сданным ими в МТК в 1899 г. Это был проект броненосца береговой обороны водоизмещением в 5985 т, вооружённого шестью 203/45-мм, восемью 75/50-мм и восемью 47-мм орудиями. Орудия главного калибра размещались в двух двухорудийных башнях по оконечностям и двух одноорудийных башнях по бортам.

Глава Морского министерства вице-адмирал А.А. Тыртов 7 января 1900 г. приказал ГУКу выдать наряд Петербургскому порту на постройку броненосца береговой обороны в малом каменном эллинге Нового Адмиралтейства. Броненосцу береговой обороны, строившемуся по великокняжескому проекту, подыскали и название — «Адмирал Бутаков». Однако 14 сентября 1900 г. Тыртов приказал приостановить строительство «Бутакова» из-за нехватки средств. К достройке его так и не приступили.

Для надвигавшейся войны с Японией броненосец береговой обороны «Адмирал Бутаков» был не нужен. Другой вопрос, что он мог вполне пригодиться в 1939-1944 гг. в шхерах в войне с финнами. Но в 1904 г. это была ненаучная фантастика, как в 1980 г. — война с Грузией.

Глава 12

КОНЦЕССИЯ НА РЕКЕ ЯЛУ

О Русско-японской войне к 1938 г. только на русском языке было написано 1000 книг. К настоящему времени эта цифра, как минимум, удвоилась. Да и я, грешный, по сему поводу написал две монографии: «Русско-японские войны 1904-1945» (Минск: Харвест, 2003) и «Падение Порт-Артура» (Москва: АСТ, Ермак, 2003). Поэтому здесь стоит рассказать лишь о роли Александра Михайловича в преддверии и в ходе войны, ограничившись кратким пояснением особенностей этой войны.

Поражение России в Русско-японской войне было вполне закономерно. Причём решающими стали два субъективных фактора: развал системы управления как в стране в целом, так и в армии и флоте, а также глупость и упрямство последнего русского царя.

В первое десятилетие царствования Николая II экономика России находилась на подъёме, быстро рос золотой запас страны. Для Российской империи в это десятилетие сложилась наиболее благоприятная международная обстановка. Франция откровенно стремилась к реваншу за войну 1870 г. и готовилась отнять у Германии Эльзас и Лотарингию. Германия в 1900-1906 гг. ещё не могла и помыслить о войне на два фронта — с Францией и с Россией. Поэтому кайзер Вильгельм II всеми силами пытался перенацелить вектор российских интересов на Дальний Восток и всячески содействовал русской экспансии в Китае.

Англия и Япония в январе 1902 г. подписали союзный договор. Англия обещалась вступить в войну на стороне Японии, если в конфликт между Россией и Японией вмешается третья сторона.

Это был откровенный блеф просвещённых мореплавателей, предназначенный для небогатого умом царя и недоумков с Певческого моста (там располагалось Министерство иностранных дел России). Кто мог вмешаться в конфликт между Россией и Японией? Только Франция или Германия. Кстати, они так и поступили в 1895 г., выступив совместно с Россией против аннексии Японией Порт-Артура.

Ну, предположим, в войну вмешалась Франция. Каковы же были действия Британии? Начать изнуряющую войну на морских коммуникациях с Францией и Россией? Вступить в союз с Германией и

разгромить Россию и Францию? Ну и что бы получили англичане? Абсолютную гегемонию Германской империи во всей Европе, после чего неизбежно последовала бы борьба с Англией за передел колоний. То есть случилось бы то, чего правящие круги Англии боялись более всего и из-за чего они будут вести две мировые войны.

Рассмотрим второй вариант. В войну ввязалась бы Германия, и, соответственно, Британии, имевшей крайне слабую армию, пришлось бы объявить войну двум империям с самими сильными в мире армиями. Результат, однозначно, был бы тот же, что и в первом случае. Францию заставили бы добровольно или силой присоединиться к коалиции двух империй, и через месяц германские и русские войска оказались бы на берегу Ла-Манша.

Увы, и царь, и дипломаты купились на большой британский блеф и не понимали, что они могли творить в ходе Русско-японской войны всё, что угодно, и английские пушки никогда бы не выстрелили по русским кораблям. И даже если бы кто-то на Даунинг-стрит сошёл с ума и начал войну, то общеевропейская война против Англии стала бы для России великим благом. Две великие империи, объединившись в 1904 г. или в 1940 г., могли бы стать повелителями всего мира^[32].

Каковы же были цели российской внешней политики на Дальнем Востоке? Хотите — верьте, хотите — нет, но не было не только целей, но и самой внешней политики.

В общем и целом экспансия России в Китае, в том числе занятие Порт-Артура, строительство КВЖД, введение в Маньчжурию русских войск было оправдано интересами защиты русского Дальнего Востока. Англия и другие государства уже давно пытались сделать Китай своей колонией. Если бы Россия не заняла Порт-Артур, она через несколько лет получила бы сильного и агрессивного противника вдоль всей многотысячекилометровой границы от Байкала до Владивостока, то есть то, что мы имели в 1934-1945 гг.

И надо заметить, что такое развитие событий предсказывали десятки русских генералов, дипломатов и журналистов с 1894 по 1903 г. Разница была лишь в том, что до 1900 г. наиболее вероятным считался захват всего или только Северного Китая Англией, то есть индийский вариант с созданием огромной «туземной» армии, вышколенной британскими инструкторами, которая неизбежно будет выдвинута к русским границам. А с 1900 г. стал преобладать японский вариант, то есть перспектива захвата Маньчжурии Японией.

В итоге России пришлось ввести войска в Маньчжурию. Все ведущие

страны мира были настроены принципиально против превращения Маньчжурии в зависимую от России территорию. Но в то же время воевать против России из-за Маньчжурии была готова только Япония, и больше никто. Как уже говорилось выше, ни одно европейское государство, включая Англию, не желало начинать войну с Россией, что бы ни случилось на Дальнем Востоке. Пусть даже Россия официально аннексировала бы Маньчжурию, дело бы ограничилось десятком нот, в худшем случае — воинственными демонстрациями британского флота.

Запад есть Запад, а Восток есть Восток. Маньчжурия — не Балканы, не Константинополь и не Эльзас с Лотарингией. Так что у России было два выхода: или уйти из Маньчжурии без всяких условий, что означало бы в перспективе потерю Порт-Артура и Владивостока, или придать Дальнему Востоку приоритет перед европейскими делами и сосредоточить там сухопутные и морские силы, существенно превосходящие силы Японии, то есть сделать то, что Сталин сделал в 1938-1941 гг., и заставить Японию поменять вектор своей агрессии с севера на юг.

Увы, Николай II метался из стороны в сторону, так было раньше и так будет до февраля 1917 г.

Любопытно, что русскую политику на Дальнем Востоке определяли не МИД и не Морское или Военное министерства, а все, кому не лень.

Поначалу министр финансов Витте решил создать из Маньчжурии Желтороссию, колонию... Министерства финансов. Нет, я не шучу! Витте построил на месте деревушки Харбин большой русский город Харбин, ставший столицей Желтороссии. Уже в 1899 г. в Харбине жило 14 тысяч русских подданных (речь идёт только о гражданских лицах). КВЖД, а она контролировалась Министерством финансов, имела на Сунгари свою флотилию. Да что флотилия, КВЖД создала собственную армию, первоначально называвшуюся железнодорожной стражей, а потом Заамурской стражей.

«Стража» имела пехоту, конницу и даже артиллерию. Кстати, Витте по ряду причин (в том числе не хотел связываться с великим князем Сергеем Михайловичем, о чём будет сказано позже), не пожелал заказывать 76-мм полевые пушки обр. 1900 г. Путиловского завода, состоявшие на вооружении русской армии, а заказал Круппу 75-мм пушки для армии, pardon, «стражи» Желтороссии.

Естественно, что в России нашлись и другие претенденты на неисчислимые богатства Дальнего Востока. Одну из таких группировок возглавил А.М. Безобразов.

Александр Михайлович Безобразов начал карьеру в кавалергардском

полку, где заимел связи с сильными мира сего. По каким-то тёмным обстоятельствам ему пришлось оставить гвардию и отправиться на гражданскую службу в Иркутск.

29 августа 1896 г. владивостокскому купцу Бринеру удалось приобрести у корейского правительства лесную концессию в районе реки Ялу сроком на 20 лет. Эта концессия распространялась на бассейны двух рек — Тумени и Ялу — вдоль всей Северной Кореи от моря до моря на протяжении около 800 вёрст. Причём на юге она включала важные в военном отношении горные проходы. Держатель концессии получил право строить там дороги, проводить телеграф, возводить здания, содержать пароходы и др., так что становился на весь двадцатилетний концессионный срок фактическим хозяином Северной Кореи. Надежды Бринера собрать капитал для эксплуатации концессий не оправдались, и он задумал концессию продать.

Узнав о поступлении концессии в продажу, Безобразов решил проверить грандиозную аферу и стать мультимиллионером. Своих денег у него, разумеется, не было, и он решил попользоваться казёнными средствами. Но как это сделать? Безобразов к концу 1896 г. уже ушёл из гражданской службы, то есть был частным лицом. Естественно, ему пришлось найти именитых подельников — великого князя Александра Михайловича и графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Граф Воронцов-Дашков служил министром двора и уделов, то есть фактически управлял личными доходами царя. Воронцов-Дашков доложил Николаю II о проекте Безобразова и предложил ему войти в долю.

2 марта 1898 г. новоявленные «концессионеры» подали царю Всеподданнейшую записку, в которой предлагали «перехватить» концессию Бринера, а для осмотра корейских лесов отправить особую экспедицию, которая, не возбуждая толков и дипломатических запросов, всесторонне исследовала бы Северную Корею и подтвердила бы сведения о ее богатствах, доставленные Матютиным. Они писали, что время ещё не ушло, что ещё можно чисто мирным путём овладеть богатствами Кореи, на которые, кроме Японии, уже обратили свои взоры и многие другие державы, что по корейскому закону император Кореи является собственником земельных недр, что поэтому необходимо укрепить его власть, затем организовать при нём управление по образцу российского управления Кабинетским имуществом и тогда заключить с этим учреждением особый арендный договор.

Естественно, что Витте был озабочен происками конкурентов, а кроме того, он понимал, что даже экономическая экспансия в Корею может

привести к войне с Японией. Но министр финансов в отношениях с Александром Михайловичем и другими великими князьями давно взял за правило не вступать открыто в конфликт, а добиваться своего оригинальными ходами. Верный своим принципам, Витте не выступил прямо против концессии, а в докладной записке царю предложил вести дела концессии «в совершенно частном порядке».

Узнав о докладной записке, Безобразов немедленно направился к Александру Михайловичу:

— Ваше императорское высочество, докладная записка министра финансов — это ничто иное, как вежливая форма запрещения. Ведь всем известно, что у нас в России вести какое-либо дело без благосклонного к нему отношения со стороны правительства, безусловно, невозможно^[33].

— Вы, к несчастью, правы, — вспыхнул Александр Михайлович. — Всё наше дело рухнуло, и из всей нашей комбинации ничего не выйдет!

Но успокоившись, Александр Михайлович начал уговаривать своего царственного кузена. В результате Николай II позволил отправить в Северную Корею специальную экспедицию на средства Кабинета Его Величества. Во главе «дела» были поставлены великий князь Александр Михайлович и граф Воронцов-Дашков; непосредственными исполнителями стали А.М. Безобразов, его товарищ по полку отставной полковник В.М. Вонлярлярский и контр-адмирал А.М. Абаза.

Как видим, дело шло как у Остапа Бендера. Создана контора «Рога и копыта», теперь нужно найти подставное лицо — председателя Фунта. Им стал состоявший в Ведомстве императорского двора тайный советник Н.И. Непорожнев. 11 мая 1898 г. в Петербурге с уполномоченным купца Бринера был заключён договор на условную продажу Н.И. Непорожневу лесной концессии на реке Ялу. В конце 1898 г. специальная русская экспедиция исследовала за 94 дня всю Северную Корею. Руководитель экспедиции инженер Михайловский телеграфировал в Петербург: «В Маньчжурии видел много богатств, чудные леса лиственницы и кедра — три миллиона десятин — много золота, серебра, красной меди, железа, угля». Район рек Тумени и Ялу может легко сделаться источником крупных богатств и, следовательно, подспорьем в тех громадных расходах, которые неминуемо потребует наше положение на Дальнем Востоке. Кстати, значительная часть стоимости экспедиции пошла по разным статьям бюджета, а непосредственно Кабинет Его Величества израсходовал на неё и на приобретение самой концессии всего 235 070 рублей.

А концессионеры уже делили будущие доходы. В список от 20 мая 1900 г. было включено 45 концессионеров. Всего должно было быть 400

паёв, из которых 170 — Кабинета Его Величества, то есть царя.

В начале 1902 г. на реке Ялу закипели работы. Для начала для охраны концессии наняли и вооружили несколько сотен китайцев. Затем на реку Ялу отправили «уволенных в запас» сибирских стрелков, число которых постепенно дошло до полутора тысяч человек. Абаза привлёк к участию в концессии и главного начальника Квантунской области генерал-адъютанта Е.И. Алексеева.

Безобразовская авантюра вызвала возмущение как внутри России, так и за её пределами. Так, министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф решительно осудили проникновение в Корею. В ответ Николай II 6 мая 1903 г. произвёл Безобразова в статс-секретари Его Величества.

30 июля 1903 г. Николай II решил создать наместничество на Дальнем Востоке и назначил наместником Е.И. Алексеева. Витте и Ламздорф узнали об учреждении наместничества и назначении Алексеева исключительно из газет. Николай II даже не счёл нужным посоветоваться со своими министрами. Единственное исключение представлял министр внутренних дел В.К. Плеве, который был сторонником наместничества.

Согласно Высочайшему указу от 30 июля 1903 г. в состав наместничеств вошли русский Дальний Восток и Квантунская область, то есть по куску Российской и Китайской империй.

Наместнику вверялось командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками, руководство дипломатическими сношениями по делам Дальневосточных областей с соседними государствами, высшая власть по всем частям гражданского управления в крае, верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоявших в пользовании КВЖД, и ближайшая забота о пользе и нуждах русского населения в сопредельных с наместничеством зарубежных владениях.

«Устроение новой власти вызывалось сложными задачами управления на восточных окраинах империи», — говорилось в указе.

Вместе с наместничеством учреждалась и высшая над, ним инстанция — Особый комитет под Личным председательством Государя Императора, имевший своей задачей «согласовать распоряжения главного начальника на Дальнем Востоке с общегосударственными видами и деятельностью министерств».

Теперь наместничеством могли абсолютно бесконтрольно распоряжаться Николай II, Безбородко, Алексеев и К⁰. Ничего подобного в России не было со времени опричнины Ивана Грозного. Тем не менее 16

августа 1903 г. царь без всяких объяснений сместил Витте с поста министра финансов и поставил на декоративный пост Председателя Комитета министров. На всякий случай Николай II даже не назначил нового министра финансов, а лишь приказал исполнять должность управляющего министерством финансов Э.Д. Плеске — весьма серому и весьма послушному чиновнику. Ламздорфу царь объявил выговор, и тот согнулся в поклоне: «Чего изволите, Ваше Величество».

В конце 1902 г. Александр Михайлович перестал участвовать в работах комиссии по эксплуатации лесной концессии на Ялу. Причин ухода Александра Михайловича было достаточно много. С одной стороны, Безобразов и К^о хотели использовать великого князя в качестве свадебного генерала и не желали выделять ему большой доли доходов. С другой стороны, Александр Михайлович начал понимать, что «дело пахнет керосином».

Как позже напишет великий князь: «Я сел и написал очень резкое письмо министру двора барону Фредериксу, в котором сообщал ему, что слагаю с себя полномочия по руководству делом концессии на Ялу и предсказываю в ближайшем будущем войну с Японией. Я не пожалел слов, чтобы выразить своё крайнее неудовольствие. Я заявил, что, как “верноподданный государя и человек, не утративший здравого смысла, я отказываюсь иметь что-либо общее с планами, которые ставят под угрозу сотни тысяч невинных русских людей”. Фредерикс пожаловался государю. Ники был очень огорчён моими резкими словами и просит меня изменить решение. Я ответил довольно запальчиво “нет”.

Во всяком ином случае уход от дела его главного руководителя делается всегда достоянием гласности, но барон Фредерикс полагал, что если моё разногласие с царём получит огласку, то это может иметь неблагоприятное влияние на ход дела на Дальнем Востоке».

В результате уход Александра Михайловича из концессии остался тайной для общественности. Это привело к многочисленным нападкам в прессе, дошедшим до утверждения, что зять царя был «виновником войны с Японией».

Здесь стоит сделать небольшое замечание о переселенческой политике. Ведь во все времена, начиная с Древнего Рима, военная экспансия на чужие территории обязательно сопровождалась активной переселенческой политикой. Да и в истории России таких примеров более чем достаточно. Вспомним, какую массу людей переселил Потёмкин в Новую Россию за первые десять лет после присоединения Крыма.

С одной стороны, цари и адмиралы прекрасно понимали, что «всерьёз

и надолго» удержаться на Дальнем Востоке без многочисленного русского населения нельзя. Поэтому русское правительство предприняло определённые шаги к поощрению переселявшихся крестьян из Западной Сибири и из центральных областей России на Дальний Восток. Так, для официальных (то есть получивших разрешение начальства) переселенцев в Сибирь был введён льготный тариф на железную дорогу. В Сибири власти за казённый счёт фрахтовали баржи для сплава переселенцев вниз по Амуру. Часть переселенцев даже плыла на илотах.

Но темпы переселения на Дальний Восток были ничтожны — в среднем одна-две тысячи человек в год. В результате к началу XX в. Восточная Сибирь в целом и Приморье в частности были очень слабо заселены русскими.

Что же случилось? Может, крестьяне не хотели ехать в Сибирь? Статистика показывает, «что около одной трети переселенческих семей были на родине безземельными или неё имели весьма скудные земельные наделы, до одной десятины; другая треть была также слабо обеспечена в земельном отношении; и лишь одна треть имела сравнительно удовлетворительные наделы»^[34].

Дело в том, что царское правительство одной рукой помогало переселенцам, а другой — пресекало переселенческое движение. Интересы государства Российского противоречили личным интересам русских помещиков, к которым принадлежала вся русская верхушка. Ведь после отмены крепостного права огромные помещичьи земли стали за гроши обрабатывать батраки из безземельных или малоземельных крестьян. Чем меньше получал батрак, тем большую прибыль получал помещик. А что, если батрак решит двинуть за Урал в поисках «райской земли»? При Александре II и Александре III было издано несколько специальных указов, ограничивавших переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток.

В январе 1900 г. в Морской академии в Петербурге по указанию Николая II была проведена военно-морская игра с целью проверки боевой подготовки русского флота на Тихом океане. Старшим посредником в игре был назначен Зиновий Петрович Рожественский, а посредником по Сухопутной части — генерал Н.А. Епанчин. Среди посредников был и русский военный агент в Японии полковник генштаба Самойлов. Японской стороной командовал адмирал Андрей Андреевич Вирениус, а русской — великий князь Александр Михайлович. Из Главного штаба и Главного Морского штаба для проведения игры были выданы необходимые справки по военной, морской, инженерной и другим частям, а также о пропускной способности Транссибирской магистрали.

Несмотря на то что мероприятие это было организовано по личному указанию Николая II и участники игры собирались два раза в неделю в течение трёх месяцев, их занятия ни разу не посетили ни военный министр генерал Куропаткин, ни морской министр адмирал Тыртов, ни начальник Главного штаба генерал Сахаров.

Великий князь Александр Михайлович в самом начале игры заявил, что он намерен увести нашу эскадру из Владивостока и Порт-Артура на юг, навстречу тем подкреплениям, которые должны были направиться в дальневосточные воды из Балтийского моря, а если удастся, то и из Чёрного.

«Это решение, хотя и обидное для нашего самолюбия, было вполне целесообразным вследствие слабости наших морских сил сравнительно с японскими. Но такое решение давало японцам полную свободу действий на море и возможность производить высадки на наших берегах беспрепятственно. Уже одно это доказывало, что в морском отношении мы в 1900 г. были совершенно не готовы к борьбе с Японией.

Руководители игры решили нашу эскадру не уводить, дабы путём тщательной проверки выяснить, насколько мы действительно слабы в морском отношении на Дальнем Востоке.

Занятия производились весьма серьёзно и тщательно. Замечательно, что адмирал Вирениус, командовавший японской стороной, решил начать военные действия без объявления войны, как это и было сделано японцами в январе 1904 г., ровно через четыре года. Вирениус, так же как и японцы, атаковал ночью русские суда, стоявшие на наружном рейде у Порт-Артура.

Оказалось, что порт этот был так плохо оборудован, что починка повреждённых судов русской эскадры была весьма затруднительна.

Перевозка войск по Сибирскому пути также оказалась затруднительной и медленной, а переправа через Байкал на ледоходах весьма непрактична; выяснилась безусловная необходимость постройки кругобайкальской железной дороги.

После удачного “нападения” на русскую эскадру у Порт-Артура, “японцы” высадились у Дальнего и обложили Порт-Артур; вскоре настал период решительных действий, и в один, как почему-то говорится, прекрасный день адмирал Вирениус объявил посредникам, что он поведёт главную атаку на северный фронт крепости, где у нас, отчасти из-за скалистого грунта, почти не было укреплений достаточной силы, а значительный участок длиной около четырёх вёрст совсем не был подготовлен к обороне и занят ничтожными силами.

Когда адмирал Вирениус объявил о своём решении, посредники

удалились в свою комнату и, обсудив вопрос, решили атаку эту не производить, ибо она, несомненно, окончится победой японцев и падением Порт-Артура из-за недостатков нашей обороны; с другой стороны, исход предприятия в значительной степени зависел от нравственного настроения наших войск, от их упорства, героизма, но эти условия не могут подлежать определённому расчёту на военной игре.

Так окончились наши занятия, и они произвели тяжёлое, гнетущее впечатление на всех участников.

Весь ход игры был напечатан в довольно объёмной секретной книге, где подробно и документально был дан отчёт.

Получился несомненный вывод, что мы совершенно не готовы к борьбе с Японией. Отчёт был “весьма секретный”; вышел он из печати вскоре по окончании игры. Нас он ничему не научил, ибо к началу Японской войны наше положение на Дальнем Востоке в военном и морском отношениях несколько не улучшилось»^[35].

Великий князь Александр Михайлович попытался открыть глаза на положение на Дальнем Востоке любимому кузену Ники. Как он позже писал: «Даже наше близорукое правительство пришло к заключению, что необходимо “что-то” предпринять для того, чтобы успокоить всеобщие опасения. Тогдашний военный министр генерал Куропаткин произвёл “инспекционный смотр” наших азиатских владений. Конечно, он возвратился из командировки и доложил, что “всё обстоит благополучно”. Если ему молено было верить, то наше положение на Дальнем Востоке представлялось совершенно неуязвимым. Японская армия являлась для нас не серьёзной угрозой, а продуктом пылкого воображения британских агентов. Порт-Артур мог выдержать десятилетнюю осаду. Наш флот покажет микадо, “где раки зимуют”. А наши фортификационные сооружения, воздвигнутые на Кинджоуском перешейке, были положительно неприступны.

Не было никакой возможности спорить с этим слепым человеком. Я спокойно выслушал его доклад, с нетерпением ожидая, когда он окончит, чтобы немедленно ехать в Царское Село. “К чёрту церемонии! — думал я по дороге к Ники. — Русский царь должен знать всю правду!”

Я начал с того, что попросил Ники отнестись серьёзно ко всему тому, что я буду говорить.

— Куропаткин — или взбалмошный идиот, или безумец, или же и то и другое вместе. Здравомыслящий человек не может сомневаться в прекрасных боевых качествах японской армии. Порт-Артур был очень хорош как крепость при старой артиллерии, но перед атакой современных

дальнобойных орудий он не устоит. То же самое следует сказать о наших Кинджоуских укреплениях. Японцы снесут их, как карточный домик. Остаётся наш флот. Позволю себе сказать, что в прошлом году, во время нашей “игры” в Морском училище, я играл на стороне японцев и, хотя я не обладаю опытом генералов микадо, разбил русский флот и сделал успешную вылазку у Порт-Артурских фортов.

— Что даёт тебе основание думать, Сандро, что ты более компетентен в оценке вооружённых сил Японии, чем один из наших лучших военачальников? — с оттенком сарказма спросил государь.

— Моё знание японцев, Ники. Я изучал их армию не из окон салон-вагона и не за столом канцелярии военного министерства. Я жил в Японии в течение двух лет. Я наблюдал японцев ежедневно, встречаясь с самыми разнообразными слоями общества. Смейся, если хочешь, но Япония — это нация великолепных солдат.

Ники пожал плечами.

— Русский император не имеет права противопоставлять мнение своего шурина мнению общепризнанных авторитетов.

Я вернулся к себе, дав слово никогда не давать более советов».

Стоит заметить, что великий князь вовсе не был одиноким провидцем. Грядущее поражение в войне с Японией предсказывали многие грамотные офицеры и адмиралы. Так, 8 марта 1900 г. вице-адмирал С.О. Макаров подал в Главный Морской штаб секретную записку «Мнение об организации обороны Порт-Артура». Там, в частности, было сказано: «Сухопутная оборона Порт-Артура 22 версты, местность крайне пересечённая, и на неё назначают лишь 200 орудий, хотя подкомиссия, проектировавшая вооружение Порт-Артура, требовала 447 орудий. Представляется существенная опасность, что бы полумера эта не имела пагубных последствий... Япония прежде всего займёт Корею, а нашему флоту, оперирующему вдали от баз, будет невозможно помешать высадке японцев в каком угодно месте. Заняв Корею, японцы двинутся к Квантунскому полуострову и сосредоточат там более сил, чем у нас. Это будет война за обладание Порт-Артуром. Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке».

Берусь утверждать, что война с Японией была самой предсказуемой в истории. Начну с того, что японцы провели её генеральную репетицию в ходе японо-китайской войны 1894-1895 гг. Японцы внезапно напали на китайцев, нанесли поражение их флоту, взяли Порт-Артур и т.д. Да по-другому и быть не могло. К примеру, наиболее удобное место для высадки в Корею — порт Чемульпо, там японцы высаживались в 1894 и 1904 гг., а

американцы — в 1950 г. И только дебил мог думать, что там не появится японский десант.

Глава 13

ТРУСЛИВЫЕ ФЛИБУСТЬЕРЫ

О войне с Японией в России адмиралы, генералы и министры говорили свыше пяти лет. Но нападение японцев застало всех врасплох. 27 января 1904 г. в 23 ч. 35 мин. по местному времени японские миноносцы атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде без охраны из малых судов и даже без противоминных сетей. Через 10 минут после начала атаки командующий гарнизоном Порт-Артура генерал-лейтенант А.М. Стессель прислал в штаб крепости записку с вопросом: «Что это за стрельба?» В свою очередь запрошенный штабом крепости морской штаб сейчас же сообщил, что производится практическая стрельба — отражение минной атаки.

Вероломные японцы напали на русскую эскадру в самый разгар бала, затеянного в ночь на 27 января по случаю именин Марии — жены адмирала О.А. Старка. Говорили, что бал открыл сам наместник Алексеев вместе с именинницей-адмиральшей.

Рано утром 27 января Алексеев отправил Николаю II донесение: «Всеподданнейше доношу, что около полуночи с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причём броненосцы “Ретвизан”, “Цесаревич” и крейсер “Паллада” получили пробоины; степень их серьёзности выясняется».

Царь получил телеграмму поздно вечером 26 января (разница во временных поясах). В дневнике он записал: «Весь день находился в приподнятом настроении! В 8 час. поехали в театр. Шла “Русалка” очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде “Цесаревич”, “Ретвизан” и “Палладу” и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!»

Через день предводитель бессарабского дворянства Крупенский задал царю вопрос: «Что теперь будет после успеха японцев?» Николай небрежно бросил: «Ну, знаете, я вообще смотрю на всё это как на укусы блохи».

Даже наш хрестоматийный герой командир крейсера «Варяг» капитан

1 ранга Руднев проявил полнейшую беспомощность и бездарность. Он уже 24 января получил сведения о нападении японцев на русские транспортные суда на юге Корейского полуострова и высадке там японского десанта.

Ещё раньше японские агенты прервали телеграфную связь из Чемульпо и Сеула с Россией. Руднев мечется и не знает, что делать. Наконец по его приказу 26 января в 15 ч. 40 мин. канонерская лодка «Кореец» уходит в Порт-Артур с рапортом наместнику Алексееву, где опять же был поставлен вопрос — что делать?

«Кореец» встречает на фарватере отряд японских кораблей, сопровождающих транспорты с десантом. Канонерка подвергается торпедной атаке японских миноносцев, но мины проходят мимо. «Кореец» выстрелами из мелкокалиберных пушек отгоняет миноносцы и возвращается к «Варягу».

«Варяг» и «Кореец» по своей огневой мощи превосходили отряд японских кораблей и могли их потопить вместе с десантом. Но Руднев спокойно наблюдал разгрузку японского десанта в 2,5 км от стоянки «Варяга». Утром, закончив высадку, японские корабли ушли. А десант тем временем без боя овладел корейской крепостью в Чемульпо, пушки которой были направлены на русские корабли. А затем японцы предложили командирам английского, французского и американского стационаров покинуть рейд Чемульпо, так как японская эскадра собирается атаковать русские корабли. Далее всё известно. Руднев идёт с «Варягом» и «Корейцем», чтобы принять бой с многократно превосходящими силами японцев, да ещё на узком фарватере. Там уже находились не три слабых крейсера, а вся эскадра адмирала Урчу. Причём, шансы Руднева на успех гарантированно равны нулю.

Этот выход «Варяга» похож или на попытку самоубийства, или на демонстрацию. В любом случае это действие было осуществлено не с целью нанести ущерб врагу, а с целью оправдаться перед начальством.

Известие о начале войны застало Александра Михайловича с Ксенией в Каннах. 30 января 1904 г. великий князь с супругой прибыли на поезде в Петербург. На следующий день Сандро и Ксения приехали к императору. Вот запись из царского дневника от 31 января: «Имел три доклада. После завтрака опять приходили толпы, в кот. было [много] школьной молодёжи и со стороны и с набережной. Удалось погулять. Ксения и Сандро приехали к нам. Дядя Владимир пил у нас чай. Много занимался. Обедали у Мама. Вечером получил скверное известие о другой гибели: крейсер “Боярин” натолкнулся на нашу подводную мину и затонул. Все спаслись, исключая 9 кочегар. Больно и тяжело!»

Сам великий князь совсем иначе описывает свою встречу с Николаем II: «Я видел Ники в день моего возвращения из Канн в С.-Петербург. Он стоял, угрюмый и расстроенный, в кабинете своего отца у окна в Аничковом дворце. Глаза его были устремлены невидящим взглядом на большие окна. Казалось, он следил за каплями падавшего дождя.

Моё появление смутило его. Лицо подёрнула судорога. Он ждал тяжёлого объяснения, града упреков за прошлое. Я поторопился все его опасения устранить.

— Я пришёл к тебе, Ники, — сказал я спокойно, — чтобы получить у тебя разрешение на отъезд в Порт-Артур. Надеюсь, что ты сочувствуешь моему вполне естественному желанию быть в настоящее время вместе с моими флотскими друзьями.

Лицо его прояснилось.

— Я всецело понимаю тебя, но я не могу отпустить. Ты мне будешь нужен в Петербурге. Я хочу воспользоваться твоим опытом. Ты должен немедленно повидаться с дядей Алексеем и морским министром.

В течение часа я старался ему доказать, что мог бы принести гораздо большую пользу в Порт-Артуре, чем в столице, но государь не соглашался. Я подозревал, что на него повлияли его мать и Ксения, которые не хотели подвергать меня непосредственной опасности.

В тот же день я встретил адмирала Авелана, моего бывшего командира по “Рынде”, превосходного моряка, который, однако, совершенно не подходил для административного поста морского министра. Ни он, ни начальник главного морского штаба адмирал Рожественский не могли мне объяснить, что же теперь произойдёт и каким образом мы с нашими сорока пятью боевыми единицами, составляющими Тихоокеанскую эскадру, сможем одержать победу над японскими судами, построенными на английских судостроительных верфях?

От волнения налитые кровью глаза Авелана лезли буквально на лоб. Рожественский же заявил, что готов немедленно отправиться в Порт-Артур и встретиться с японцами лицом к лицу. Его почти нельсоновская речь звучала комично в устах человека, которому была вверена почти вся власть над нашим флотом. Я напомнил ему, что Россия вправе ожидать от своих морских начальников чего-нибудь более существенного, чем готовности пойти ко дну.

— Что я могу сделать, — воскликнул он. — Я знаю, общественное мнение должно быть удовлетворено. Я также вполне отдаю себе отчёт в том, что мы не имеем ни малейшего шанса победить в борьбе с японцами.

— Отчего вы не думали об этом раньше, когда высмеивали моряков

микадо?

— Я не высмеивал, — упрямо возразил Рожественский. — Я готов на самую большую жертву. Это тот максимум, который можно ожидать от человека.

И этот человек с психологией самоубийцы собирался командовать нашим флотом? Я был глубоко потрясён и, забыв общеизвестные черты характера нашего милейшего генерал-адмирала, отправился к нему. Свидание носило скорее комический характер. Все вооружённые силы микадо на суше и на море не могли смутить оптимизма дяди Алексея. Его девиз был неизменен: “Мне на всё наплевать”. Каким образом должны были проучить наши “орлы” “желтолицых обезьян”, так и осталось для меня тайной. Покончив таким образом со всеми этими вопросами, он заговорил о последних новостях с Лазурного Берега. Что дал бы он, чтобы очутиться в Монте-Карло! Пошли вопросы: видел ли я госпожу М. и понравилась ли мне госпожа Н.? Не соберусь ли я к нему пообедать и вспомнить старое? Его повар изобрёл новый способ приготовления стерляди, представлявший собою величайшее достижение кулинарного искусства, и т.д.».

Замечу, что поначалу многие великие князья пожелали съездить в Маньчжурию поохотиться на «макак». 6 февраля великий князь Павел Александрович (сын Александра II) специально приехал в Царское Село и уговорил Николая II отправить его в Маньчжурию «порезвиться». Правда, позже, по здравому разумению, дядя Павел передумал.

До Порт-Артура добрались лишь братья великие князья Кирилл и Борис Владимировичи. Капитан 2 ранга Кирилл Владимирович через неделю после прибытия был назначен в штаб адмирала С.О. Макарова.

Утром 31 марта 1904 г. броненосец «Петропавловск» взорвался на японской mine. Вместе с броненосцем — командующий флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров, начальник штаба флота контр-адмирал Молас, кроме того, погиб известный русский художник-баталист В.В. Верещагин, а тайнее 29 офицеров и 652 матроса. Спаслись капитан 2 ранга великий князь Кирилл Владимирович, командир броненосца капитан 1 ранга Яковлев, 5 офицеров и 52 матроса. Среди моряков пошли грустные шутки о предметах, которые не тонут.

В тот же день (31 марта) Кирилл вместе с родным братом Борисом сели на личный поезд великого князя Бориса Владимировича и отправились в Харбин. Из Харбина Кирилл отправился в Москву, а затем — в Петербург. 26 апреля 1904 г. Кирилл был принят Николаем II. Как позже писал Кирилл Владимирович: «К моему удивлению он [Николай] не

расспрашивал меня ни о гибели “Петропавловска”, ни об адмирале Макарове, да и вообще не интересовался ходом войны, обходя эту тему молчанием. Разговор ограничился обменом обычных любезностей, которые, как правило, сводятся к расспросам о здоровье и погоде»^[36].

Далее в ходе аудиенции Кирилл попросил царя разрешения на выезд за границу. Получив согласие, он немедленно выехал в Кобург в Германию.

Что же касается великого князя Бориса Владимировича, то он остался в Харбине при Маньчжурской армии, где выполнил важнейшее задание. 30 июля 1904 г. Маньчжурская армия была «осчастливлена» телеграммой царя о рождении наследника Алексея. И великий князь Борис Владимирович отправился в Петербург для «принесения поздравления» Его Величеству. Обрадованный Николай пожаловал своему кузену золотое оружие с надписью «За храбрость» и чин штаб-ротмистра, после чего великий князь Борис Владимирович убыл «за бугор» аж до 1908 г.^[37]

Замечу, что больше никто из нескольких десятков великих князей императорской крови не изъявил никакого желания ехать в Маньчжурию или плыть к Цусиме в составе эскадры Рожественского. А ведь какая весёлая компания собралась на предыдущей войне в 1877 г., когда на Балканы отправились сам царь Александр II, цесаревич Александр, великие князья Николай Николаевич, Алексей Александрович, Владимир Александрович, Сергей Александрович, Константин Константинович и другие. Но японцы — не турки, и все августейшие персоны войну 1904-1905 гг. провели наполовину в своих дворцах на берегах Невы, а наполовину — на столь любимом Лазурном Берегу.

Что же касается нашего героя, то Александр Михайлович вовсе не собирался отправляться на Дальний Восток. Да и чего там делать главноуправляющему торговым мореплаванием? И великий князь занялся исполнением своих непосредственных служебных обязанностей. Дело в том, что русский торговый флот рассматривался правительством в первую очередь как резерв морского флота. Но предоставим слово самому герою: «Моё личное участие в войне 1904-1905 гг. оказалось весьма неудачным. В феврале 1904 г. государь возложил на меня задачу организовать так называемую крейсерскую войну, имевшую целью следить за контрабандой, которая направлялась в Японию. Получив необходимые данные из нашей контрразведки, я выработал план, который был утверждён Советом министров и который заключался в том, что русская эскадра из легковооружённых пассажирских судов должна была наблюдать за путями сообщения в Японию. При помощи своих агентов я приобрёл в Гамбурге у

“Гамбург-Американской линии” четыре парохода по 12 тысяч тонн водоизмещением. Эти суда, соединённые с несколькими пароходами Добровольного флота, составляли ядро эскадры для “крейсерской войны”. Они были снабжены артиллерией крупного калибра и находились под начальством опытных и бравых моряков».

«Никогда не врут столько, сколько на охоте и на войне», — часто говаривал князь Бисмарк, ходивший на медведя вместе с Александром II.

Надо ли говорить, что о японской войне 1904-1905 гг. написано множество вранья. Однако проблему крейсерской войны вообще перевернули с ног на голову. Поэтому здесь придётся остановиться далее на технических мелочах, но мелочах, имевших решающее значение в войне.

В 1902 г. из собственного сырья железной руды Япония была в состоянии выплавить 240 тысяч тонн чугуна и добывала всего 10 миллионов литров нефти. Потребность страны в том же году составила 1850 тысяч тонн чугуна и 236 миллионов литров нефти. Стоимость импорта чёрных металлов и металлоизделий в 1901 г. составила 24 406,5 тысячи иен, нефти и нефтепродуктов — 15 миллионов иен, машин и оборудования для промышленных предприятий — 16,6 миллиона иен, шерсти и шерстяных изделий — 12 миллионов иен. А всего эти четыре вида товаров, имеющих важное значение для военно-экономического потенциала, обходились Японии в 73 006,5 тысячи иен, или 54,1% всей стоимости импорта в 1901 г.

В годы войны почти все тяжёлые орудия были получены Японией из-за рубежа. В 1904-1905 гг. в Японию было ввезено огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки и торпеды, и даже подводные лодки.

С другой стороны, Япония расположена на десятках островов, её береговая линия составляет тысячи миль. Большинство её городов находятся на побережье в пределах досягаемости 152/45-мм пушек Кане. Страна в значительной мере зависит от рыболовства.

Всё это было хорошо известно русским политикам и адмиралам задолго до 1904 г. Прервав морские коммуникации японцев и напав на её побережье, можно быстро поставить на колени империю Восходящего Солнца. Так, кстати, и сделали американцы в 1943-1945 гг. Их надводные корабли и подводные лодки и самолёты действовали по принципу «Sink them all»^[38] и пускали на дно все суда, идущие в Японию или из неё, не взирая на национальность.

Самое интересное, что Россия, по крайней мере с 1855 г., интенсивно

готовилась к крейсерской войне. Правда, не с Японией, а с Англией, то есть с многократно более сильным противником. На русских верфях строились специальные броненосные крейсера, предназначенные для действий на коммуникациях противника. На казённые средства и добровольные пожертвования был создан так называемый Добровольный флот. В мирное время корабли Добровольного флота перевозили грузы и пассажиров, а в военное они должны были использоваться как вспомогательные крейсера (рейдеры) на коммуникациях врага. К концу 1903 г. в составе Добровольного флота насчитывалось 74 парохода водоизмещением от 900 до 15 000 тонн.

Увы, затея использовать торговые суда в качестве вспомогательных крейсеров закончилась полным провалом.

К началу войны в составе Тихоокеанской эскадры были два вспомогательных крейсера «Лена» и «Ангара» — бывшие пароходы Добровольного флота «Херсон» и «Москва». Это были очень крупные по тем временам пассажирские пароходы водоизмещением 10 675 и 12 050 т соответственно. Скорость их составляла около 20 узлов, дальность плавания 5300-5500 миль, а вооружение — шесть 120/45-мм и шесть 75/50-мм пушек.

Как же распорядились ими наши мудрые адмиралы? Кстати, «Ангара» очень понравилась наместнику Алексееву, и тот пожелал обратить её в собственную яхту. Адмирал Старк «взял под козырёк», и «Ангара» стала самой большой яхтой в мире. Естественно, что её отправили не во Владивосток в крейсерский отряд, а держали в Порт-Артуре. Однако в первые месяцы войны блокада Порт-Артура японским флотом была достаточно неплотной, и «Ангара» имела неплохие шансы прорваться в океан. Тем не менее сделано это не было, и 17 октября 1904 г. красавица «Ангара» была потоплена огнём японских мортир. Через полгода японцы подняли корабль и после ремонта ввели в строй под названием «Анегава».

«Лена» к началу войны базировалась на Владивосток. Однако «Лену» тоже долго не выпускали в океан. Поначалу её отправляли в походы с тремя владивостокскими броненосцами крейсерами, где слабовооруженный и небронированный пароход был только обузой. То есть попросту жгли уголь и изнашивали механизмы «Лены» для поддержания морального духа начальства: вот, мол, как нас много.

Далее с «Леной» произошла совсем запутанная история, которая ещё ждёт своих исследователей. Я же не люблю фантазировать и лишь процитирую «Военную энциклопедию», том XIV, изданный в 1914 году: «29 июля 1905 г. [крейсер “Лена”] отправлен совместно с транспортами

“Якут”, “Камчатка” и “Тунгуз” в экспедицию для охраны промыслов в Охотском море. Транспорты отправились Татарским проливом к рандеву в устье Амура, крейсер “Лена” Лаперузовым проливом вошёл в Охотское море, зашёл в Корсаковский пост, оттуда на Тюлений остров, около которого захватил и потопил японскую хищническую [браконьерскую. — А. Ш.] шхуну.

В устье Амура, получив известие о поражении порт-артурской эскадры 28 июля и владивостокской 1 августа, начальник экспедиции и командир крейсера (капитаны 1 ранга Гинтер и Берлинский) донесли о негодности его механизмов, получив разрешение из Владивостока прекратить экспедицию, отправили транспорты в Николаевск-на-Амуре, а сами пошли в крейсерство на торговые пути из Сан-Франциско в Иокогаму. Однако дня за два до предполагавшейся встречи с японскими пароходами, вёзшими артиллерию из Америки, “Лена” свернула с обычного пути и пошла в Сан-Франциско. 29 августа крейсер получил разрешение из Санкт-Петербурга разоружиться, хотя состояние механизмов вполне допускало дальнейшее крейсерство. С окончанием войны “Лена” после частичного очередного ремонта с теми же котлами вернулась во Владивосток, а оттуда в Либаву»^[39].

Комментарии, как говорится, излишни. Можно только сказать, что случись такое в 1941-1945 гг., то господа Гинтер и Берлинский сразу попали бы в руки «злодеев из НКВД», а в 1956 г. были бы посмертно реабилитированы.

А теперь перейдём к «эскадре крейсерской войны», сформированной под личным руководством великого князя Александра Михайловича. Для проведения предполагаемых операций было вооружено шесть вспомогательных крейсеров. В Либаве переоборудовались четыре приобретённых за границей судна — вспомогательные крейсера «Дон», «Урал», «Терек» и «Кубань», в Севастополе — два парохода Добровольного флота «Петербург» и «Смоленск». «Дон», «Урал» и «Кубань» были построены в Германии, а «Терек», «Петербург» и «Смоленск» — в Англии.

«Кубань» имела водоизмещение 12 000 тонн, скорость хода 18,5 узла, вооружение: два 120-мм и четыре 75-мм орудия. Водоизмещение «Дона» составляло 10 500 тонн, скорость хода 19,5 узла, вооружение: два 120-мм, четыре 75-мм и восемь 57-мм орудий. «Урал» также имел водоизмещение 10 500 тонн, скорость хода его была 19 узлов, вооружение состояло из двух 120-мм, четырёх 75-мм и восьми 57-мм орудий. «Терек» водоизмещением 10 000 тонн развивал скорость хода 19 узлов и имел на вооружении два 120-мм, четыре 75-мм и восемь 57-мм орудий. Водоизмещение

«Петербург» было 9460 тонн, скорость хода 19 узлов, вооружение: семь 120-мм, восемь 47-мм и десять 37-мм орудий. «Смоленск» водоизмещением 12 050 тонн развивал скорость до 20 узлов и был вооружён восемью 120-мм, семью 75-мм и четырьмя 47-мм орудиями.

Для крейсеров Балтийского флота районом проведения операций был определён Атлантический океан (у северо-западного побережья Африки, островов Зелёного Мыса и Гибралтарского пролива). Черноморские крейсера должны были оперировать в южной части Красного моря и у восточного побережья Африки.

20 июня 1904 г. «Петербург», а 22 июня «Смоленск» под флагами Добровольного флота вышли из Севастополя. Благополучно пройдя проливы и Суэцкий канал, они вошли в Красное море. Здесь пароходы подняли военно-морские флаги и начали установку артиллерии, спрятанной до этого в трюмах. Вспомогательным крейсерам (по классификации российского флота крейсерам 2 ранга) ставилась задача останавливать в южной части Красного моря, в районе островов Джебель-эт-Таир (Таир), Зубейр (Зебеир) и Зукар (Цукур), грузовые суда и досматривать их на предмет наличия на борту военной контрабанды. Поиск, досмотр и задержание судов нейтральных государств предполагалось производить на основании данных, полученных из Главного морского штаба через специальных агентов, работу которых возглавлял контр-адмирал в отставке П.И. Пташинский.

В 10 ч. 15 мин. 30 июня у острова Малый Ханиш «Петербург» остановил английский пароход «Малакка». Для проверки документов на пароход сошла призовая партия. На борту «Малакки» была обнаружена военная контрабанда: около двухсот стальных плит, мостовые части, электрический кран, стальные валы, телеграфная проволока, машины, назначение которых в документах не указывалось, а также спирт, консервы, галеты, кислоты и прочий груз, отмеченный в документах как «разное». Груз был адресован в Кобе, Иокогаму и Моджи. В итоге пароход был арестован, и призовая партия решила отвести его в Либаву.

До 15 июля «Петербург» и «Смоленск» арестовали в Красном море ещё три парохода с грузом военной контрабанды. Помимо этого 2 июля «Смоленском» был остановлен для осмотра германский пароход «Принц Генрих». Призовая партия изъяла с парохода всю почту, адресованную в Японию, и отпустила «Принца Генриха» по назначению.

7 июля английский посол в Петербурге передал российскому МИДу ноту британского правительства, в которой указывалось на незаконность захвата парохода «Малакка», якобы не имевшего на борту контрабандного

груза. 10 июля в Петербурге состоялось совещание по поводу захвата этого парохода. До принятия решения арестованным пароходам было передано приказание оставаться в Суэце.

Одиннадцать министров и представителей правительства под председательством генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича рассмотрели вопросы, связанные с проходом через Босфор и Дарданеллы русских вспомогательных крейсеров и задержанием ими в Красном море иностранных пароходов. Мнения участников совещания разделились. Министр иностранных дел Ламздорф предлагал освободить арестованные пароходы, и если приказ о прекращении крейсерства запоздает и аресты судов некоторое время будут продолжаться, то их, по мнению министра, не следует признавать. По вопросу прохода вспомогательными крейсерами черноморских проливов Ламздорф отметил необходимость решения вопроса о статусе Добровольного флота и заметил, что «не стоило коммерческие суда обращать на полпути в военные». В заключение он сообщил, что англичане не возражают против совместного осмотра «Малакка», однако если захваченные пароходы не будут освобождены, то разрыв дипломатических отношений между Англией и Россией неизбежен.

Ламздорфа поддержал министр финансов В.Н. Коковцев, считавший, что вопрос об использовании судов Добровольного флота в качестве крейсеров должен решаться в мирное время. Если же до начала боевых действий суда не были включены в списки военного флота, то в ходе войны допустимо их использовать только в качестве транспортов.

Военно-морское начальство отстаивало правомерность своих действий. Генерал-адмирал ссылался на аналогичный случай с пароходом Добровольного флота «Москва» во время боевых действий в Китае. В 1900 г., следуя на Дальний Восток, «Москва» также прошла черноморскими проливами и подняла военно-морской флаг в Красном море, но никакого протеста со стороны англичан, тогда союзников России, не последовало. Алексей Александрович отметил также, что решительность Великобритании объясняется принадлежностью «Малакка» к обществу «Peninsular and Oriental Steam Navigation Co» — самой влиятельной компании, «акционерами которой состоят почти все влиятельные в Англии лица, не исключая короля».

Великий князь Александр Михайлович сказал, что фактом освобождения арестованных пароходов Россия только признает неправомерность своих действий, а эти пароходы с грузом военной контрабанды всё равно будут отправлены в Японию.

Профессор международного права подполковник И.А. Овчинников напомнил, что англичане вначале заявили об отсутствии на «Малакка» военного груза, а затем свели все свои претензии к тому, что суда Добровольного флота не имели права проходить Босфор и Дарданеллы. Овчинников справедливо полагал, что при положительном для России решении вопроса о правомочности прохода черноморских проливов «Петербургом» и «Смоленском» вопрос об освобождении арестованных судов отпадает сам собой.

Но на следующий день после этого совещания, 11 июля, граф Ламздорф явился к Николаю II и уговорил его прекратить все крейсерские операции и освободить все арестованные суда. Собственно, долго уговаривать царя не пришлось, он был сильно занят более важными делами. Увы, я не шучу и даже не сгущаю краски. Вот запись из царского дневника 11 июля: «Ольга получила подарки по случаю своих именин. В 11 час. с нею и Татьяной поехал к обеду. На Ферме был большой завтрак. Принял гр. Ламздорфа по вопросу о захваченных нами пароходах в Красном море. Катал Аликс в кресле и ездил на “Гатчинке” в море. Погода стояла великолепная, море наконец успокоилось. В 7 1/2 поехали к Ольге и Пете, у них был семейный обед. В 10 час. отправились покататься. За чаем по обыкновению читал вслух интересные статьи Краснова в “Рус. Инвалиде”».

Александр Михайлович описывает разговор с царём о действиях вспомогательных крейсеров следующим образом: «Получив вызов по телефону, я поспешил в Царское Село и застал Ники и министра иностранных дел в полном отчаянии. Дядя Алексей и адмирал Авелан тут же сидели в креслах с видом напроказивших детей, пойманных за кражей сладкого. В роли «дурного мальчишки», соблазнившего их на этот поступок, оказался я, и все стремились возложить на меня всю ответственность за происшедшее. Ники, казалось, забыл, что идея «крейсерской войны» родилась в его присутствии, и он выразил тогда своё полное согласие на её осуществление. Теперь он требовал объяснений.

— Какие же объяснения? — воскликнул я, искренно удивлённый. — С каких пор великая держава должна приносить извинения за то, что контрабанда, адресованная её противнику, не дошла по назначению? Зачем мы послали наши крейсера в Красное море, как не с целью ловить контрабанду? Что это, война или же обмен любезностями между дипломатическими канцеляриями?

— Но разве, Ваше Высочество, вы не понимаете, — кричал министр иностранных дел, впавший, по-видимому, в окончательное детство, — как

мы рискуем тем, что нам будет объявлена война Великобританией и Германией. Разве вы не понимаете, на что намекает Вильгельм в своей ужасной телеграмме?

— Нет, не понимаю. Более того, я сомневаюсь, знает ли сам германский император, что он хотел выразить своей телеграммой. Мне ясно только одно: он по обыкновению ведёт двойную игру. Друг он нам или не друг? Чего же стоят его рассуждения о необходимости объединения всех белых перед лицом жёлтой опасности?

— Вы видите, — продолжал кричать министр иностранных дел, — Его Высочество совершенно не отдаёт себе отчёта в серьёзности создавшегося положения. Он даже старается оправдать действия своей эскадры.

«Своей эскадры»... Я взглянул на адмирала Авелана и дядю Алексея. Мне казалось, что они будут достаточно мужественны, чтобы опровергнуть этот вздор, но они оба молчали. Таким образом, я оказался в роли зачинщика, а они в роли детей, которых направили на ложный путь.

— Сандро, я принял решение, — сказал твёрдо Ники. — Ты должен немедленно распорядиться, чтобы эскадра освободила захваченные в Красном море пароходы и в дальнейшем воздержалась от подобных действий.

Я задыхался от унижения. Я думал об офицерах и команде наших крейсеров, которые так гордились тем, что им удалось совершить, и ожидали поощрения. Передо мною мелькнуло ненасытное лицо Вильгельма, который торжествовал победу. А мои бывшие друзья в Токио? Как будет смеяться старый хитрован граф Ито!

В обычное время я подал бы в отставку и отказался от всех моих должностей, включая пост начальника Главного управления портов и торгового мореплавания. Но великий князь не имел права покидать своего государя в тяжёлое время. Подавив горечь, я подчинился».

Увы, в дневниках Николая II всего этого нет. 12 июля 1904 г. царь не встречался с великим князем. А вот запись от 13 июля: «Утром погода разъяснилась. Имел два доклада. Завтракал Петюша, только что приехавший от Николаши из Першина. [Имение великого князя Николая Николаевича в Тульской губернии]. Катал Аликс долго. Возился с собаками у моря. Мама, Ксения и Сандро обедали у нас и просидели до 10 3/4».

Как видим, не было никакого патетического объяснения в присутствии брата Алёши, Ламздорфа и Авелана, а был длинный приятный вечер с августейшими дамами. Зная нравы семейства Романовых, крупный разговор о крейсерах в присутствии Александры Фёдоровны, Марии

Фёдоровны и Ксении Александровны в любом случае не мог иметь места.

Как бы то ни было, великий князь Александр Михайлович отдал приказ о прекращении крейсерских операций и освобождении всех арестованных судов, уведомив об этом агента в Суэце контр-адмирала Пташинского и В.Н. Ламздорфа, который официально сообщил об этом министру иностранных дел Великобритании.

Между тем 9 июля англичане ввели в Красное море броненосный крейсер и два миноносца для обеспечения прохода своих торговых судов. Английский крейсер мог вдребезги разнести наши вспомогательные суда, но это означало бы войну, на которую Британия никогда бы не пошла. Просвещённые мореплаватели блефовали и добились своего, благо, нервы у графа Ламздорфа и у самого императора оказались хуже, чем у самой истеричной смольнянки.

Получив приказы генерал-адмирала и управляющего Морским министерством адмирала Авелана, «Петербург» и «Смоленск» зашли в порт Дар-эс-Салам, погрузили уголь и 2 сентября через Красное море и Суэцкий канал направлялись в Либаву, куда прибыли: «Петербург» — 27 сентября, а «Смоленск» — 30 сентября 1904 г.

Одновременно с севастопольскими крейсерами в Атлантике действовала балтийская группа вспомогательных крейсеров («Дон», «Урал», «Терек» и «Кубань»).

16 июля крейсера «Дон» и «Урал» в сопровождении миноносцев «Рьяный» и «Прочный» вышли из Либавы и направились в Атлантический океан. Достигнув мыса Скаген, миноносцы повернули назад, а крейсера, выйдя в Северное море и обогнув Великобританию с севера, направились на юг. До 26 июля крейсера шли вместе, но затем на параллели Лиссабона они разделились: «Урал» пошёл к Гибралтару, а «Дон» — к северо-западным берегам Африки. По прибытии в назначенные районы корабли приступили к выполнению поставленной задачи.

Первым судном, которое осмотрел «Урал», был английский пароход «Скотин», остановленный на подходах к Гибралтару 30 июля. «Скотин» пытался избежать досмотра и уйти в территориальные воды Испании, но после третьего предупредительного выстрела вынужден был остановиться. Призовая партия, высаженная на пароход, не обнаружила там военный контрабанды, и «Скотин» был отпущен.

5 августа «Урал» зашёл в испанский порт Виго, откуда донёс о результатах своих действий. Здесь же русский агент вручил командиру крейсера телеграмму за подписью адмирала Авелана с приказом возвращаться в Либаву. Командир корабля, объявив испанским властям о

том, что он направляется для продолжения крейсерства в Средиземное море, 7 августа покинул порт Виго и пошёл на юг, а затем резко изменил курс на север и 13 августа благополучно прибыл в Либаву.

За время своего крейсерства «Урал» осмотрел двенадцать пароходов и ни на одном из них не обнаружил военной контрабанды. После осмотра все пароходы были отпущены.

Крейсер «Дон», направившийся к северо-западному побережью Африки, действовал неудачно. Из-за неисправности котлов он не мог развивать нужной скорости, а поэтому держался в стороне от обычных путей следования торговых судов. За своё сорокадневное крейсерство он не задержал и не осмотрел ни одного парохода. По прибытии 24 августа в Либаву «Дон» был поставлен на ремонт.

По возвращении крейсеров «Урал» и «Дон» в базу им на смену должны были выйти «Кубань» и «Терек». Но «Кубань» при выходе из дока получила повреждения и поэтому не смогла выйти в море, так что «Терек» 12 августа под командованием капитана 2 ранга К.Л. Панферова вышел один. Миноносцы «Рьяный» и «Прочный» сопровождали «Терек» до мыса Скаген, а затем вернулись в Либаву.

За время крейсерства в районе Гибралтарского пролива «Терек» осмотрел пятнадцать пароходов, четырнадцать из которых были английскими. Но поскольку ни на одном контрабанды обнаружено не было, все пароходы пришлось отпустить. 13 сентября «Терек» благополучно вернулся в Либаву.

На этом, как сообщал в своём докладе начальник Главного морского штаба, «крейсерские операции судов особого назначения прекратились». Сделано это было по настоянию вице-адмирала Рожественского, который считал, что действия русских вспомогательных крейсеров на пути следования 2-й Тихоокеанской эскадры могут осложнить её движение на Дальнем Востоке. Все вспомогательные крейсера, действовавшие на коммуникациях (за исключением «Дона», который находился в ремонте), были включены в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, к которой они присоединились уже на пути её следования на Восток.

25 ноября 1904 г., когда 2-я Тихоокеанская эскадра находилась на пути к острову Мадагаскар, в Главном морском штабе было получено донесение от русского агента в Берлине полковника Шебека об отправлении из Гамбурга на немецком пароходе «Самбия» 329 орудий для Японии. По приказанию управляющего морским министерством для задержания «Самбии» был послан вспомогательный крейсер «Урал», находившийся в то время в районе Дакара. 2 декабря «Урал» вышел на поиск германского

парохода. В течение нескольких дней «Урал» крейсировал на подходах к Гибралтару, но «Самбию» не обнаружил. Это был последний выход русских вспомогательных крейсеров для действий на океанских коммуникациях противника до прибытия их на Дальний Восток.

С прибытием 2-й Тихоокеанской эскадры на театр военных действий вице-адмирал Рожественский решил использовать вспомогательные крейсера для обеспечения прорыва своей эскадры через Корейский пролив. Замысел Рожественского сводился к тому, чтобы действиями вспомогательных крейсеров на коммуникациях противника у Тихоокеанского побережья Японии и южной части Жёлтого моря отвлечь часть сил японского флота из Корейского пролива и тем самым облегчить прорыв эскадры во Владивосток. Согласно предписанию № 380 от 30 апреля 1904 г. крейсера «Кубань» и «Терек» должны были действовать в районе между островами Синок и Иокогама, а «Урал» и «Рион» — в южной части Жёлтого моря. Перед крейсерами ставилась задача, «не стесняясь, топить» все пароходы, на которых будет обнаружена военная контрабанда.

8 мая, когда 2-я Тихоокеанская эскадра подходила к островам Рюкю, от неё отделился крейсер «Кубань», а 9 мая — «Терек». Крейсера направились к Тихоокеанскому побережью Японии. «Днепр» и «Рион» отделились от эскадры 12 мая и, отконвоировав транспорты, посланные Рожественским в Шанхай, направились для действий на коммуникациях противника в южной части Жёлтого моря.

23 мая крейсер «Терек» перехватил английский пароход «Анкона», вёзший пять тысяч тонн риса в Японию. Груз был признан контрабандой, пароход решили затопить, а 73 человека английской команды доставили на «Терек». В машинное отделение «Анкона» заложили пиропатроны, но взрыв их не дал никакого эффекта. Тогда капитан 2 ранга К.Л. Панферов приказал сделать несколько залпов. Всего выпустили двадцать два 120-мм, 76-мм и 57-мм снаряда, и в 11 ч. 50 мин. «Анкона» после внутреннего взрыва и пожара затонул.

8 июня был обнаружен датский пароход «Принцесса Мария». Призовая партия нашла на пароходе около 3,5 тысячи тонн стали и железа для Японии. Пароход было решено затопить, хоть это казалось и не совсем этично, ведь он носил имя русской вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны — бывшей датской принцессы. Тем не менее в трюмах парохода заложили два 18-фунтовых подрывных патрона и открыли кингстоны. Но, несмотря на все принятые к затоплению меры, «Принцесса Мария» пошла на дно только на следующий день в 13 ч. 50 мин.

Всего за время крейсерства «Терек» досмотрел несколько десятков

пароходов, но потопил только два из них.

16 июня «Терек» зашёл для пополнения запасов угля и продовольствия в голландский порт Батавия (современная Индонезия). Однако погрузка угля затянулась, и через 24 часа «по требованию голландской администрации “Терек” был вынужден разоружиться». Так врал капитан. Но как подобную чушь могут повторять сейчас наши горе-историки? Ну, послал бы капитан 2 ранга К. А. Панферов администрацию к известной матери, а пока голландцы переводили бы и соображали, чья именно мама имеется в виду, крейсер закончил бы погрузку и ушёл. Неужели Голландия открыла бы огонь по «Тереку» и объявила бы России войну? Просто капитану очень захотелось отдохнуть в тропиках аккуратно до самого конца войны. После заключения мира, 17 октября г., «Терек» ушёл во Владивосток, а 10 января г. хорошо отдохнувший экипаж учинил «революционное выступление».

Крейсер «Кубань» находился до 23 мая 1904 г. на путях сообщения противника, идущих к Иокогаме, но не обнаружил ни одного парохода и только на пути следования к Сайгону осмотрел два парохода, но за отсутствием военной контрабанды отпустил их. Далее крейсер «Кубань» зашёл в порт Сайгон, получил там уголь и отправился на Балтику.

Крейсер «Рион», действовавший в южной части Жёлтого моря, задержал и осмотрел несколько пароходов. На двух из них (германском транспорте «Тетортос» и английском «Шилуриум») призовая партия обнаружила военную контрабанду. После того, как с задержанных транспортов были сняты команды, они были затоплены вместе с грузами.

Крейсер «Днепр» в ста милях от Гонконга потопил английский пароход «Сент-Кильдти» с грузом военной контрабанды.

Таким образом, четыре русских вспомогательных крейсера, действуя на коммуникациях Японии в Тихом океане, в течение двух недель потопили пять пароходов с военной контрабандой, а несколько транспортов осмотрели и отпустили.

Давно вошёл в моду афоризм: «История не терпит сослагательного наклонения». Лично я понимаю его следующим образом. Историк обязан оценивать, насколько удачны были те или иные решения монарха или военачальника. И если они были неверны, то показать возможные альтернативные решения. А вот моделировать дальнейший ход событий истории в случае принятия альтернативного решения не стоит, поскольку тогда учёный-исследователь превращается в автора «фэнтези», столь модных в наши дни.

Я берусь утверждать, что Александр Михайлович, используя лишь

пароходы Добровольного флота и старые суда Балтийского флота, мог поставить Японию на колени. Другой вопрос, что я не собираюсь рассуждать на тему «а потом...».

В своё время Пётр Великий сказал, что для успешного ведения войны нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги. Кстати, на Западе эту фразу приписывают нескольким полководцам XVII в. У России были деньги, и деньги огромные, на порядок больше, чем у Японии.

О том, что у России были необозримые людские ресурсы, и говорить не приходится. Другое дело, что новобранец из Тамбовской губернии, доставленный на борт крейсера, ещё не моряк. А на вспомогательные крейсера эскадры Александра Михайловича и гнали резервистов, как с торговых судов, так и от сохи. Между тем в России имелись два источника, откуда можно было получить тысячи хорошо подготовленных матросов и офицеров. Это старые корабли Балтийского и все суда Черноморского флота.

К 1904 г. в составе Балтийского флота состоял ряд кораблей (формально они считались броненосцами береговой обороны) постройки 60-70-х гг. XIX в., которые уже не представляли никакой боевой ценности. Орудия главного калибра этих броненосцев стали опасны только для их прислуги, а не для противника. Речь идёт о броненосцах «Первенец», «Кремль», «Чародейка», типа «Адмирал Грейг» (4 единицы); устаревших крейсерах 1 ранга «Князь Пожарский», «Минин», «Генерал-адмирал», «Герцог Эдинбургский»; устаревших крейсерах 2 ранга «Азия», «Африка», «Вестник» и других.

Молено было взять часть экипажей и снять торпедные аппараты с ряда малых миноносцев Балтийского флота, которые были не способны идти на Дальний Восток.

Огромный запас личного состава и вооружения для войны на Дальнем Востоке представлял Черноморский флот. Вопрос о поставке боевых кораблей Черноморского флота на Дальний Восток эпизодически поднимался, но всерьёз не рассматривался из-за возможных дипломатических осложнений с Англией и Турцией.

В конце концов, молено было взять и расчёты 152/45-мм пушек из береговых крепостей. Таким образом, обученных матросов и артиллеристов с избытком хватило бы и на два десятка рейдеров. Естественно, что каждый матрос должен был знать, что за каждое потопленное вражеское судно он получит много денег, а особо отличившееся дворянство — и следующие чины. В свою очередь, за трусость в бою и интернирование корабля в

иностранным порту без достаточных оснований виновных должен был ждать суд с единственным исходом — виселицей!

Тем не менее ни один из перечисленных кораблей Балтийского и Черноморского флотов не был отправлен на Тихоокеанские эскадры или вспомогательные крейсера. И всё из-за исключительной тупости и упрямства Его Императорского Величества. «Не круто ли сказано?» — возмутится читатель, насмотревшийся телепередач о святом Николае. Увы, дело так обстояло не только с моряками.

В самом начале войны Николай официально заявил, что он не возьмёт на Дальний Восток ни одного солдата из западных военных округов. И это при том, что с Германией на тот момент были идеальные отношения. Гвардию посылать в Маньчжурию тоже никто не собирался. Кто же будет охранять батюшку-царя и палить в народ 9 января? Объявлять всеобщую мобилизацию Николай тоже не пожелал. Вместо этого в первой половине 1904 г. последовали шесть частных мобилизаций. Затем последовало ещё несколько мобилизаций. Все они коснулись внутренних губерний России.

В результате против отборных и прекрасно вышколенных японских дивизий были отправлены резервные. Причём, военачальникам предписывалось отправлять в части первых явившихся. Таковыми оказались исполнительные и степенные «бородачи» 35—43 лет, прибывшие в присутствие сразу по получении повестки. Молодые запасные, как правило, загуливали и являлись через несколько дней, когда штатные нормы оказывались заполненными. «Бородачи» ушли на гражданку 10-15 лет назад, в армии они изучали винтовку системы Бердана и полевые пушки образца 1877 г. и первый раз увидели винтовку Мосина и трёхдюймовку образца 1900 г. уже в Маньчжурии.

Несколько слов стоит сказать об артиллерии. Мобилизованные части по плану должны были получить устаревшие полевые пушки образца 1877 г. — лёгкую, конную и батарейную. Эти орудия находились в резервных и запасных батареях. Но начальство решило отправить в Маньчжурию новые трёхдюймовки. А все пушки образца 1900 г. были или в гвардии, или в войсках западных военных округов. Тогда какой-то умник в Петербурге нашёл выход — забирать пушки из артиллерийских бригад западных округов. Причём, брали не целиком бригаду, а из шести батарей бригады четыре отправляли на Дальний Восток, а две оставляли в западных округах.

В результате ряд дивизий западных округов остались без артиллерии^[40], а на восток поехали отдельные батареи, из которых уже на месте кое-как сколачивали артиллерийские бригады. Надо ли говорить, что

боеспособность корпусов в Маньчжурии, состоявших из дивизий «бородачей» и «с бору по сосенке» собранных батарей, была существенно ниже, чем у дивизий, состоявших к началу войны на Западе.

Аналогичный маразм был и в морской артиллерии. Почти все пушки на крейсерах эскадры Александра Михайловича были закуплены в 1904 г. за границей у различных фирм Франции и Англии — Шнейдера, Гочкиса, Армстронга и др. Так, к примеру, за пушки крейсера «Терек» было уплачено 287 тысяч золотых рублей. Почему Александр Михайлович не обратился к фирме Круппа, исправно снабжавшей Россию лучшими в мире сухопутными и корабельными орудиями с 1860 г., совершенно непонятно. Единственное логическое объяснение — Гочкис и Армстронг платили «комиссионных» гораздо больше, а что касается Шнейдера, то мы о нём позже поговорим особо.

Главное же то, что в России было пруд пруди морских орудий. Поскольку речь идёт о вспомогательных крейсерах, я ограничусь рассказом лишь об артиллерии среднего калибра. В 1891 г. в русском флоте были приняты французские орудия системы Кане^[41]: 152/45-мм, 120/45-мм и 75/54-мм патронные пушки. Кроме того, 152/45-мм пушки Кане были приняты на вооружение береговой артиллерии.

152/45-мм и 120/45-мм установки были палубными тумбового типа. Монтаж и демонтаж их проводили легко и быстро. В годы Гражданской войны и белые, и красные производили монтаж 152-мм пушек на мобилизованные суда и бронепоезда за 1-2 суток.

К маю 1904 г. 152/45-мм пушек Кане было более чем достаточно. Это и новые пушки, изготовленные Обуховским и Пермским заводами. Это пушки кораблей Черноморского флота «Потёмкин», «Кагул», «Очаков», «Три Святителя» и др. Наконец, десятки 152-мм пушек Кане можно было взять в береговых крепостях — Кронштадте, Либаве, Севастополе и др. Береговые 152-мм пушки Кане отличались от корабельных мелкими деталями. К примеру, сейчас на крейсере «Аврора» в Петербурге большая часть 152-мм пушек — это пушки сухопутных крепостей, но вряд ли во всём СНГ найдётся хоть дюжина специалистов, способных отличить их от рядом стоящих там корабельных пушек.

Но, увы, из-за тупости царя и его адмиралов ни одна пушка не была снята с броненосцев Черноморского флота, строившихся кораблей и береговых батарей. Всё тот же гонор и апломб!

Да что вспомогательные крейсера! На многих кораблях 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр стояли древние 152/35-мм пушки, имевшие скорострельность в 12 (!) раз ниже, чем у 152/45-мм пушек Кане. Обе

системы имели одинаковые весогабаритные характеристики, и замена их заняла бы сутки-двое. Так наши крейсера и броненосцы и погибли в Цусиме вместе со старыми пушками, стрелявшими дымным порохом.

Вспомогательные крейсера «Лену» и «Ангару», а также эскадру Александра Михайловича следовало бы вооружить восемью-двенадцатью 152/45-мм пушками Кане каждый. Как видим, они были в наличии, а не хватило, купили бы германские 15-см пушки. Ах, как легко автор командует задним числом. Увы, нет: и англичане, и немцы именно так собирались вооружить свои вспомогательные крейсера и сделали это на практике в 1914-1918 гг. и в 1939-1945 гг.

Любопытный пример. Наш крейсер «Дон» до покупки был пассажирским пароходом «Фюрст Бисмарк» в германской судоходной компании НАРАГ. При этом в случае войны он должен был войти в состав германского ВМФ. Для него уже заранее было изготовлено и хранилось в порту вооружение: восемь 150-мм, четыре 120-мм, восемь 88-мм, две 57-мм пушки и 14 пулемётов. А наши умники вооружили «Дон» двумя 120-мм, четырьмя 75-мм и восемью 57-мм пушками, то есть уменьшили его огневую мощь более чем в 6 раз с учётом того, что 75-мм и 57-мм пушки годились только для отражения атак миноносцев.

Тот же «Дон» с германским вариантом вооружения имел абсолютное превосходство перед любым неприятельским вооружённым пароходом, да и перед многими лёгкими крейсерами Японии. Наконец, он мог достаточно эффективно обстреливать японские прибрежные города.

Теперь перейдём к вопросу, где должны были действовать вспомогательные крейсера из эскадры Александра Михайловича? Нашим узколобым дипломатам казалось, что операции русских крейсеров в Красном море и в Атлантике, если они будут соответствовать международным конвенциям, будут с пониманием встречены морскими державами Европы. Как молено было не учесть менталитет европейца? Запад есть Запад, Восток есть Восток. Что норма на Востоке, никогда не может быть допущено на Западе. Те же англичане в Индии в 60-х гг. XIX в. вождей враждебных племён привязывали к жерлам пушек и разрывали на части холостыми выстрелами, а в 70-х годах в Афганистане заживо сжигали людей, подвешенных на цепях к перекладине. Да и наш генерал Ермолов на Кавказе мог повесить за ноги вождя горцев. Ну и что? А попробовал бы кто такое проделать в ходе какой-нибудь войны XIX в. в центре Европы?

И в Атлантике, и в Красном море из двадцати судов дай Бог одно следовало в Японию. Поэтому нашим крейсерам приходилось или

обыскивать всё подряд корабли, или работать по наводке портовой агентуры. В первом случае это приводило к серьёзным протестам Англии и далее Германии, а во втором — было крайне неэффективно.

Действовать нужно было только в Тихом океане. Командир судна, захваченного далее в 500 км к юго-востоку от Японских островов, не мог утверждать, что он шёл в Испанию или в Чили. Причём, пока наши большие рейдеры разбирались бы с крупными транспортными судами, малые рейдеры могли у самого побережья Японии прервать каботажное судоходство японцев, уничтожать их рыболовецкие суда, высаживать диверсионные группы для уничтожения заводов, железных дорог и других стратегических объектов.

Наконец, по каким-то неведомым причинам наши адмиралы даже не планировали вести активные минные постановки. Морских мин в России было в несколько раз больше, чем у японцев, и в придачу наши мины имели лучшие тактико-технические данные. Но вот японцы постоянно вели активные минные постановки у Порт-Артура и Владивостока, а у наших адмиралов ума не хватило.

Почему можно было ставить мины у Владивостока, но нельзя было ставить у Нагасаки и других больших японских портов? А ведь такие минные постановки вполне могли парализовать связи Японии с Европой и Америкой.

Александр Михайлович и наши адмиралы считали, что вспомогательный крейсер (рейдер) в обязательном порядке должен иметь большую скорость хода, от 19 узлов и выше. Но далее во Вторую мировую войну ряд германских рейдеров имели скорость 15-16 узлов, а в Первую мировую войну у немцев успешно действовал рейдер, переделанный из... парусного судна!

К 1904 г. в строю на Балтийском флоте находились броненосные крейсера:

«Владимир Мономах»*^[42], вступил в строй в 1883 г., водоизмещение 6000 т, вооружение: 5 — 152/45, 6 — 120/45-мм орудий;

«Дмитрий Донской»*, вступил в строй в 1885 г., водоизмещение 6200 т, вооружение: 6 — 152/45-мм, 10 — 120/45-мм орудий;

«Адмирал Нахимов»*, вступил в строй в 1887 г., водоизмещение 8300 т, вооружение: 8 — 203/35-мм, 10 — 152/35-мм орудий;

«Адмирал Корнилов», вступил в строй в 1889 г., водоизмещение 5377 т, вооружение: 14 — 152/35-мм орудий;

«Память Азова», вступил в строй в 1890 г., водоизмещение 6734 т, вооружение: 2 — 203/35-мм, 13 — 152/35-мм орудий.

Имелось и несколько судов меньшего тоннажа, но вполне годившихся в рейдеры. Это яхта «Алмаз», построенная в 1903 г. Её водоизмещение составляло 3885 т. Вооружение в Цусиме состояло из четырёх 75/50-мм и восьми 47-мм пушек, но в 1915 г. она несла семь 120/45-мм пушек и четыре гидросамолёта.

Яхта «Полярная Звезда» 1891 г. постройки водоизмещением 4000 т. К 1904 г. была императорской яхтой, но проектировалась как «яхта-крейсер» и по проекту должна была нести после мобилизации восемь 152/35-мм, четыре 9-фунтовые и шесть 47-мм пушек, а также два торпедных аппарата.

Яхта «Штандарт», вошедшая в строй в 1896 г. Водоизмещение её 5500 т. К 1904 г. была императорской яхтой. В 1930-х гг. большевики переделали яхту в минный заградитель. Её вооружили четырьмя 130/55-мм пушками, семью 76-мм зенитными установками 34К и четырьмя 45-мм пушками. Запас мин — 516 образца 1908 г.

В 1904 г. профессор Военно-морской академии по кафедре стратегии Н.Л. Кладо неоднократно обращался по инстанциям с предложением о превращении императорских яхт в крейсера. Отчаявшись, он даже написал об этом статью в газете «Новое Время», за что был немедленно отправлен под арест.

Замечу, что царь-батюшка и его многочисленная августейшая родня в случае ухода «Полярной Звезды» и «Штандарта» на Дальний Восток не остались бы без морских прогулок. Только на Балтике в строю были яхты «Царевна» (678 т), «Стрела» (290 т), «Марево» (51 т) и «Александрия» (544 т). Однако в ходе войны никто более не посмел и заикнуться о мобилизации «Штандарта» и «Полярной Звезды».

Естественно, что все старые пушки можно было буквально за неделю заменить 152-мм пушками Кане.

Наконец, на Балтийском флоте имелись броненосцы «Александр II» и «Николай I», введённые в строй в 1891-1893 гг. Водоизмещение их составляло 9244 и 9600 тонн, вооружение: две 305/30-мм, четыре 229/35-мм, восемь 152/35-мм пушек, а также несколько бесполезных 65-, 47- и 37-мм пушек. Скорость хода броненосцев достигала 14,5-15 узлов, дальность плавания — до 4000 миль при нормальном запасе угля. Кстати, эти броненосцы специально строились для войны в океане, а «Николай I» несколько лет успешно проплавал в Тихом океане. Менять 305-мм башни этих броненосцев было достаточно тяжело, но остальная артиллерия легко снималась, что и было сделано в 1905 г. на «Александре II». На нём к двум старым 305-мм пушкам добавили одну 203/45-мм, десять 152/45-мм и десять 120/45-мм пушек. Имея такое вооружение в сочетании с толстой

броней, броненосец мог смело дать бой любому японскому броненосному крейсеру или двум-трьём лёгким крейсерам.

А как должны были заправляться топливом наши рейдеры? Ещё в 70-х — 80-х гг. XIX в. было много сил и средств потрачено на создание секретных угольных станций в Тихом океане, но при Николае II все эти работы тихо прикрыли. Но и это не беда. В Тихом океане есть тысячи небольших островов. В любом порту мира можно было зафрахтовать пароход-угольщик и отправить его по официальным документам в Гонконг, на Гавайи, в Сантьяго или к чёрту на кулички. А на самом деле он дойдёт до какого-либо необитаемого или населённого туземцами атолла. Там его немногочисленная команда будет есть кокосы и бананы, купаться с голыми островитянками и ждать русский рейдер. Наконец, был порт Владивосток и десятки удобных гаваней в Приморье, на Камчатке и Сахалине. Германские угольщики открыто снабжали топливом эскадру Рождественского во время всего её плавания. Почему же они не могли потихоньку снабжать наши рейдеры?

Но, думаю, заходить на тихоокеанские атоллы нашим корсарам пришлось бы нечасто. В основном их снабжали бы углём англичане и японцы. Ведь на каждом захваченном пароходе тоже должен быть уголь. На море волнение мешает перегрузке угля? Так можно обождать. Если призовое судно велико, оно само может взять на буксир рейдер. Наконец, можно и захваченное судно, находящееся в хорошем состоянии, обратить в рейдер и отправить в автономное плавание.

Ещё раз повторяю, всё вышесказанное — не авторские фантазии, а просто пересказ того, что делали южноамериканские рейдеры в 1861-1864 гг. и немцы в 1914—1918 гг. и в 1939—1943 гг. Замечу лишь, что 15-см пушки KL/45, установленные на германских рейдерах (по 6 орудий) в 1939-1943 гг., не превосходили по своим баллистическим данным русские 152/45-мм пушки Кане. Скорость хода рейдеров была 14-16 узлов (у русских вспомогательных крейсеров в среднем больше). Всё же достижения техники (дальняя радиосвязь, радары, авиация и т.д.) пошли только во вред рейдерам.

А к 1904 г. радиостанции на торговых судах были большой редкостью, да и дальность их действия составляла 50-100 миль. Японский флот был на порядок слабее английского. И, наконец, условия базирования у русских рейдеров к 1904 г. были несравненно лучше, чем у немцев в 1939-1943 гг.

Возникает вопрос, почему же русские не действовали в 1904-1905 гг. так, как американцы и немцы? Ответ один — полнейшая разруха в головах министров, адмиралов, а главное, у царя-батюшки. Из-за этого иного

исхода войны и быть не могло.

Авторская оценка японской войны в принципе мало расходится с точкой зрения самого Александра Михайловича. Он писал: «Эпизод с “крейсерской войной” причинил мне громадное разочарование. Я надеялся, что Ники оставит меня в покое, перестанет рассчитывать на мою помощь и спрашивать моих советов. Но я ошибся. Моё мнение опять понадобилось. Начинался новый кошмар. Мы сидели в Царском с Ники, дядей Алексеем и Авеланом и обсуждали новый важный вопрос. Нам предстояло решить, должны ли мы утвердить план адмирала Рожественского, который предлагал отправить наши военные суда на Дальний Восток на верную гибель?»

Сам адмирал не питал каких-либо надежд на победу. Он просто думал о том, что надо “чем-нибудь удовлетворить общественное мнение”. Наш флот и тысячи человеческих жизней должны быть принесены в жертву невежественным газетным “специалистам по морским вопросам”. Эти последние открыли недавно существование некоторых технических морских терминов, вроде “боевой коэффициент”, “морской тоннаж” и т. п., и старались ежедневно доказать в газетных столбцах, что японцев можно пустить ко дну соединёнными силами наших Тихоокеанской и Балтийской эскадр.

Ники объяснил нам причину совещания и просил нас всех искренно высказать своё мнение по этому вопросу.

Дядя Алексей ничего не мог сказать и имел гражданское мужество в этом признаться. Авелан говорил много, но не сказал ничего путного. Его речь была на тему “с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться...”. Рожественский блеснул ещё раз основательным знанием Нельсона. Я говорил последним и решил не церемониться. К моему величайшему удивлению, было решено последовать моему совету и наш Балтийский флот на верную гибель в Тихий океан не посылать.

В течение двух недель всё было благополучно, но к концу второй недели Ники снова изменил своё мнение. Наш флот должен был всё-таки отправиться на Дальний Восток, и я должен был сопровождать государя в Кронштадт для прощального посещения наших кораблей. По дороге в Кронштадт я снова пробовал высказать свою точку зрения и встретил поддержку в лице весьма опытного флаг-капитана императорской яхты “Штандарт”. Государь начал снова колебаться. В душе он соглашался со мною.

— Дай мне ещё раз поговорить с дядей Алексеем и Авеланом, —

сказал он, когда мы переходили на яхту адмирала. — Дай мне поговорить с ними с глазу на глаз. Я не хочу, чтобы твои доводы на меня влияли.

Их заседание длилось несколько часов. Я же в роли “enfant terrible” [“ужасного ребёнка»] нашего флота ожидал их на палубе.

— Ваша взяла, — сказал Авелан, появляясь на палубе. — Мы приняли неизменное решение эскадры на Дальний Восток не посылать.

“Неизменность” решения Ники продолжалась десять дней. Затем он в третий и последний раз переменял своё решение: наши суда, матросы и офицеры должны быть всё-таки принесены в жертву на алтарь общественного мнения.

14 мая — в десятую годовщину коронации — наш пикник в Гатчине был прерван прибытием курьера от Авелана: русский флот был уничтожен японцами в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен».

Тут Сандро немного ошибся — большой пикник был не 14-го, а 15 мая. Из царского дневника: «Утро стояло великолепное. Были у обедни и завтракали со всеми. К 2 часам приехал Сандро на своём моторе. В 2 1/4 сели в него и ровно через час прибыли к финскому домику за Гатчиной. Мама с другими приехала туда. Был очень хороший пикник, несмотря на тёплый дождь. К 5 час. погода поправилась. Сделал большую прогулку пешком. Обед был вкусный из приготовленных только любительских блюд. В 9 3/4 Сандро отвёз нас на Балтийский вокзал. Приехали домой к 11 час.».

Обратим внимание, царь уже знал о бое, но ничего не записал об этом в дневнике. Лишь на следующий день появляется: «Ездил верхом, гулял и катался в байдарке. Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом — всё насчёт наших потерь и полное умолчание о их повреждениях. Такое неведение ужасно гнетёт!»

Но вернёмся к мемуарам великого князя: «Если бы я был на месте Ники, то немедленно отрёкся от престола. В цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя. Он должен был бы признаться, что у него не доставало решимости осознать все неизбежные последствия этого самого позорного в истории России поражения».

Замечу, что Сандро не одинок в своём поведении. Многие великие князья, сановники и генералы тоже понимали, что система управления разваливается, что Россию ждут поражения. Они пытались объяснить ситуацию Николаю, заранее зная полную бесполезность оного. А далее... умывали руки. На юридическом языке это называется «преступное бездействие».

Глава 14

МИННЫЕ КРЕЙСЕРА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА

Как уже говорилось, о русско-японской войне написано свыше 1000 книг. А с 1990 г. появилась масса новых исследований, написанных широким спектром авторов от адмиралов до «любителей». Но, увы, никто не попытался подсчитать, во сколько обошлись стране «фэнтези» наших адмиралов. Речь идёт о закупке военной техники за рубежом. Были вбуханы миллиарды золотых рублей на заведомый хлам, и литые отдельные образцы техники оказались боеспособны, но и те не были использованы в войне.

Как уже говорилось, война могла быть выиграна действиями наших рейдеров, но сделано это не было. Можно было, наконец, купить у стран с второразрядными флотами (Южная Америка, Италия и др.) несколько более-менее современных броненосцев и крейсеров и усилить ими 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Все остальные заказы военно-морской техники были абсолютно бессмысленны. Тут достаточно было задать элементарный вопрос, как доставить покупаемые суда на Дальний Восток. Посылать их вслед за эскадрой Рождественского Морское ведомство не решалось, а отправлять мелкие суда во Владивосток по железной дороге было бессмысленно. Такие суда могли сыграть роль в обороне порта, но не способны были достичь берегов Японии. Захват же Владивостока не входил в планы японцев.

Исход войны с Японией могла решить армия, но при условии выполнения ряда жёстких мер.

Во-первых, надо было резко увеличить пропускную способность Транссиба. Для этого требовалось перебросить туда паровозы и вагоны из других регионов, а при необходимости закупить их в Германии, Швеции и других странах. Направить на Транссиб железнодорожные части и мобилизовать окрестное население на строительство второго пути, различных запасных путей и т.д.

Во-вторых, в Маньчжурию следовало посылать только боеспособные части — гвардию, дивизии Варшавского военного округа и т.д.

В-третьих, в состав дивизий должны были быть введены гаубицы калибра 105-122 мм, полковые орудия, а за неимением таковых горные

пушки калибра 76,2-105 мм. В состав рот необходимо было ввести пулемёты. Кроме того, должны были быть созданы тяжёлые артиллерийские бригады из 152-мм гаубиц и мортир.

И, наконец, в действующей армии необходимо было внести строжайшую дисциплину. За отступление без приказа виновные должны были немедленно предаваться военно-полевому суду и т.д.

Всё это было сделано у нас в 1941 г., а во французской армии — в 1914 г. Между прочим, заградотряды с пулемётами впервые ввёл не Сталин, а генерал Брусилов. Естественно, что наряду с кнутом должен был быть и пряник. За успешный бой сыпать горстями георгиевские кресты, давать очередные чины, раздавать «премиальные» прямо на позиции и т.д. В случае победы над Японией каждый солдат должен был получить большой надел земли.

Увы, ничего этого сделано не было. Купить «за бугром» гаубицы, не говоря уж о пулемётах, было на два порядка легче, чем подводную лодку или эсминец. Денег, как уже говорилось, было больше чем достаточно. Но генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович и Арткомитет ГАУ были категорически против создания полковой артиллерии и тормозили приобретение гаубиц.

Зато Морское ведомство стало собирать 4-ю Тихоокеанскую эскадру. В её состав должны были войти броненосцы «Слава», «Император Александр II», крейсера «Адмирал Корнилов» и «Память Азова», а также восемь 350-тонных миноносцев из числа заказанных по довоенным проектам. Командовать этим «2-м отдельным отрядом судов Тихого океана» 16 мая 1905 г. был назначен контр-адмирал Н.А. Беклемишев.

В Германии Морвед заказал десять эсминцев типа «Капитан Юрасовский», которые вошли в строй лишь после окончания войны.

В апреле 1904 г. фирма «Флинт и К⁰» (Нью-Йорк) предложила Морведу продать серию «лодок береговой обороны», фактически это был прообраз торпедных катеров. Их водоизмещение составляло 35 т.

Бесшумные двигатели развивали скорость 20 узлов. Вооружение состояло из одного поворотного 450-мм торпедного аппарата и одной 47-мм пушки. 19 августа 1904 г. Морвед подписал контракт на закупку десяти лодок на общую сумму полтора миллиона рублей (640 тыс. долларов). Лодки также прибыли в Россию после окончания войны.

В 1905—1905 гг. было построено на отечественных верфях семь подводных лодок и закуплено за границей семнадцать подводных лодок. Все они были не боеспособны и годились в лучшем случае для проведения экспериментов и обучения личного состава.

Потеря «Варяга», «Корейца» и других кораблей в первые же дни войны всколыхнула патриотически настроенную часть русского общества и вызвала у многих людей желание материально помочь нашему флоту. В газетах появились сообщения о многочисленных денежных пожертвованиях на нужды флота, инициатором которых стал известный учёный-востоковед С.С. Абамелек-Лазарев.

Инженер Н.Н. Перцов пожертвовал 40 тыс. рублей, князь Л.М. Кочубей — 10 тыс. и т.д. В редакции газеты «Новое Время», организовавшей сбор средств, приходили и анонимные пожертвования: семья Л. — 5000 руб., «капитан» — 25 руб., «француженка, искренне любящая Россию» — 10 руб. и т.д.

Без всякого сомнения, деньги давали патриоты России, но, увы, не очень разбиравшиеся в военном деле. Ещё неизвестно, как бы сложилась мировая история, если бы эти деньги пошли на закупку за Рубенсом пулемётов и гаубиц.

И, надо сказать, что нашлись и тогда трезвые головы, которые говорили о бессмысленности игр в кораблики. Газета «Гражданин» ещё в начале февраля 1904 г. писала: «...вы даёте деньги на фантастическую затею, потому что создать флот на добровольные пожертвования и в короткий срок невозможно».

6 февраля 1904 г. Николай II «во всегдашнем своём желании идти навстречу патриотическим и благим начинаниям русского общества», повелел учредить «Комитет по усилению военного флота» и разрешить повсеместный сбор пожертвований. В состав комитета вошло 117 человек под председательством великого князя Александра Михайловича. Комитету разрешалось организовывать повсеместный сбор добровольных пожертвований и предоставлялось право «входить в соглашения с ведомствами относительно употребления приобретённых им судов для военных целей». К 1 февраля 1905 г. на счёт комитета поступило около 13 млн 275 тыс. рублей.

В связи со строгим нейтралитетом, объявленным всеми европейскими государствами и Америкой, «комитету пришлось отказаться от надежды приобрести что-либо готовое за границей и поневоле остановиться на необходимости приступить к сооружению судов по специальному заказу России».

Выбор пал на минные крейсера водоизмещением 500 тонн, обладавшие, как считалось, более высокими боевыми возможностями, чем входившие в состав флота 350-тонные миноносцы, в том числе и улучшенной мореходности.

Для постройки первых четырёх минных крейсеров был использован разработанный германской фирмой «Вулкан» проект корабля, который в целях секретности называли «паровой яхтой», водоизмещением 500 тонн. Вся техническая документация была без лишней огласки переправлена в Россию. В заключённом 13 марта 1904 г. контракте с судостроительным заводом «Ланге и сын» постройка четырёх «паровых яхт» оценивалась в 2 976 440 рублей. Срок сдачи кораблей определялся: 1 января, 1 февраля, марта и 1 апреля. Одновременно «крайне спешно и секретно» заводу «Вулкан» были заказаны котлы, механизмы, штевни и другое оборудование на сумму млн 012 200 рублей. Таким образом, эсминцы фактически собирались в Риге из частей, изготовленных в Германии.

Учитывая пожелания тех, кто сделал наибольшие вклады (помещик Орлов-Давыдов — 400 тыс. рублей, офицеры и солдаты воинских частей — 350 тыс. рублей, кочевые турхменцы Ставропольской губернии — 330 тыс. рублей, Казанское земство — 300 тыс. рублей) первые четыре минных крейсера позже получили названия «Украина», «Войсковой», «Турхменец» и «Казанец». 21 сентября 1904 г. была спущена на воду «Украина», а 12 ноября — «Войсковой».

Как мы уже знаем, Александр Михайлович терпеть не мог братца Алёшу и находился в неприязненных отношениях с руководством Морведа. Поэтому, действуя через царя, а часто и «явочным порядком», великий князь добился почти полной независимости своих действий в качестве председателя Комитета. Ему удалось добиться от Ники беспрецедентного в истории русского флота решения — создания «Отдельного практического отряда, назначенного для испытаний минных крейсеров и сдачи их затем в Морское министерство». Командовал отрядом, естественно, сам Александр Михайлович и подчинялся непосредственно царю.

Надо ли говорить, что сразу же между Комитетом и Морведом началась настоящая война. Александр Михайлович с пеной у рта доказывал: «Народ собрал деньги на постройку судов, а вы требуете дополнительных расходов на министерством же выдуманные вещи — радиостанции, запасные гребные винты и т.д.». Адмирал Авелан вежливо возражал: «Ваши корабли в казну не приняты, а поэтому средство в бюджете министерства на их содержание не предусмотрено».

В конце концов дело дошло до того, что Александр Михайлович издал... великокняжеский рескрипт № 16 от 4 апреля 1905 г. с требованием оплатить заказы по двум обширным (по 100 и более пунктов) ведомостям «запасных частей главных и вспомогательных механизмов», а также «инструментов и других предметов по машинной части».

Различными способами великому князю удавалось выудить из Морведа то десятки, а то и сотни тысяч рублей.

В январе 1905 г. в строительство минных крейсеров ворвалась большая политика. Влияние революционных событий в России на ход войны общеизвестно и выходит за рамки настоящего исследования. Я лишь остановлюсь на одном событии — 9 января 1905 г., которое справедливо считается началом Первой русской революции.

9 января 1905 г. около трёхсот тысяч рабочих по призыву попа Гапона вышли на манифестацию и двинулись к Зимнему дворцу с намерением передать царю петицию, составленную Гапоном и его единомышленниками. Демонстрация была расстреляна гвардейскими полками. Погибло, по разным данным, от 130 до 2000 человек (дело в том, что убитые были похоронены полицией тайно ночью). 9 января стало каноническим событием нашей истории и описано в сотнях изданий. При этом в дореволюционных левых и советских изданиях уверяли, что «Николай кровавый» решил учинить расправу над народом, дабы запугать его. Соответственно, в эмигрантской и послеперестроечной литературе доказывалось обратное — царь и министры, де, не хотели кровопролития, и рабочие, мол, сами виноваты.

Мы же опять обратимся к дневнику царя. Запись 9 января: «В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых».

Пардон! А что произошло бы в случае подхода рабочих к Зимнему дворцу? Ну, вышел бы второразрядный чиновник и объявил бы, что царь-батюшка уехал в другой город (он действительно проживал не в Петербурге, а в Царском Селе), принял бы петицию и заявил бы, что, де, царь на неделе приедет и во всём разберётся. Далее рабочим не оставалось ничего иного, как тихо или с пением «Боже, царя храни...» разойтись. Предположим фантастический вариант — несколько десятков экстремистов кинулись бы громить дворец. Вот тогда против этой кучки людей и следовало применить оружие. И в этом случае всё русское общество и европейская пресса единодушно поддержали бы действия властей.

У царя и охраны был и другой очень простой путь предотвратить шествие рабочих 9 января. Кто такой Георгий Гапон? Студентом третьего курса Духовной академии Гапона пригласили служить священником и законоучителем в Ольгинском доме для бедных общества Синего Креста, но вскоре изгнали за «высокомерие, распущенность и нечистое ведение денежных дел». Оставшегося без гроша попики осенью 1902 г. пригласили

на Фонтанку, 16 в Департамент полиции, где его принял начальник Особого отдела полковник Зубатов.

Гапон получил место священника при петербургской пересыльной тюрьме. Кроме того, 100 рублей в месяц ему регулярно выплачивал Департамент полиции. С ведома своего начальства Гапоном создаётся «Собрание русских фабрично-заводских рабочих». Позже высшие чины полиции оправдывались, что, де, Гапон перед шествием 9 января вышел из повиновения и организовал это шествие в инициативном порядке. Предположим, что это так. Но что делают разведки и контрразведки всего мира, когда агент выходит из повиновения? Правильно. Убирают его. Достаточно было передать расписки Гапона и прочую документацию «творческой интеллигенции» или рабочим, чтобы труп попа оказался в Неве или в Мойке, а день 9 января в Петербурге ничем бы не отличался от воскресенья, скажем, 16 и 23 января.

И коммунисты, и монархисты предпочитают замалчивать факт сопровождения колонн манифестантов на первом этапе шествия конными полицейскими. Ну, прямо как в самых демократических странах — полиция охраняла разрешённую демонстрацию. Между прочим, позже эти полицейские попали под пули солдат-гвардейцев, и среди них были убитые и раненые.

Так что события 9 января были не следствием патологической жестокости Николая II, а следствием бардака, заведённого им в управлении Российской империей. Каждое ведомство вело свою политику в своих собственных интересах.

Любопытно, что никто из историков не обратил внимания на военно-технический аспект событий 9 января. В каких конкретно рабочих стреляли наши доблестные гвардейцы? Большинство рабочих были с Путиловского завода, и непосредственным поводом для шествия было ущемление прав рабочих администрацией одного завода. Кроме того, в шествие приняли участие рабочие Петербургского Металлического, Обуховского и других оборонных заводов.

Между работой тыла в годы Великой Отечественной и Русско-японской войны есть огромная разница. В первом случае на оборону работала вся страна, а во втором — десяток петербургских заводов и несколько отдельных заводов в других районах страны (один в Туле, один в Перми и т.д.). Как уже говорилось, финансовое положение России к февралю 1904 г. было прекрасным. С началом войны русские военные агенты носились по всему миру и кидали буквально налево и направо миллионы золотом. Сколько, к примеру, получил известный авантюрист

«французскоподданный» Базиль Захаров за пушки Виккерса и снаряды к ним, которые так и не попали в Маньчжурскую армию? Для «оказания помощи Порт-Артуру» какие-то умники купили в Германии тридцать шесть 8,8-см пушек с 25 тысячью снарядов к ним и двадцать 10-мм пулемётов, а для перевозки этого оружие купили пароход «Ангальт». За всё было уплачено 2,5 миллиона рублей. Всю войну сей пароход простоял на Филиппинах. И таких эпизодов можно привести не один десяток.

Казалось бы, при таких тратах на войну не грех удвоить, а лучше утроить жалованье рабочим на десятке оборонных заводов и организовать там трёхменную работу^[43]. Но Николай II был хозяином «скотского хутора» и считал, что соседям-хуторянам надо за всё платить, а его собственная «скотина» должна работать «за так». Мало того, реальная зарплата рабочих упала на 60-70% в связи с вызванным войной подорожанием продовольствия.

В результате беспорядков 9 января и последовавших затем забастовок рабочих был поставлен крест на многих военных заказах. Так, например, мощные 122-мм полевые гаубицы образца 1904 г. Путиловский завод планировал сдать в марте-апреле 1905 г., а из-за забастовок и к 1 января 1906 г. не сдал ни одной гаубицы.

Война 1904-1905 гг. стала первой войной за тысячелетнюю историю России, когда значительная часть общества сочувствовала противнику.

Перед войной министр внутренних дел В. К. Плеве говорил: «Нам нужна меленькая победоносная война». И действительно, после нападения японцев повсеместно возникали, как и в предыдущих войнах, патриотические манифестации. 27 января 1904 г. царь записал в дневнике: «В 4 часа был выход в Собор через переполненные залы к молебну. На возвратном пути были оглушительные крики “ура”! Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъёма духа и негодования против дерзости японцев». Но на сей раз до «единодушного подъёма духа» было далеко.

Узнав о войне, профессор Петербургских высших женских курсов предложил устроить молебны о даровании победы. Курсистки же немедленно созвали сходку, на которой единогласно отказались от участия в молебне. Мало того, несколько курсисток послало поздравительную телеграмму... Микадо.

В Баку армянскими революционерами была брошена бомба в армянское духовенство, служившее молебен о победе русского оружия. Результат: двое убитых и несколько раненых.

Поздравительный адрес японскому императору направила и группа

петербургских студентов-путейцев. В конце концов, Министерство внутренних дел России категорически запретило служащим телеграфа принимать приветственные телеграммы в адрес японского правительства, а имена «подписантов» велело сообщать в местные жандармские управления.

В своих донесениях в Департамент полиции руководители жандармских управлений Бессарабской, Витебской и Могилёвской губерний фиксировали «радостное возбуждение» населения в связи с известиями о военных неудачах. В одной из витебских гимназий, когда учитель рассказал о нападении японцев, гимназисты встали с мест и закричали: «Да здравствует Япония!»

В чём же дело? Почему наша левая молодёжь так симпатизировала Японии? Увы, и курсистки, и путейцы знали о Японии не больше чем о папуасах в Новой Гвинее или готтентотах в Африке, о витебских же гимназистах и горячих кавказцах я вообще не говорю.

Всех их «допёк» самодержавный строй, доведённый неспособным Николаем до абсурда.

Как реагировал Александр Михайлович на «кровавое воскресенье»? В его «Воспоминаниях» об этом нет ни слова. Зато любопытные сведения содержатся в «Воспоминаниях» Ю.С. Карцова, того самого, который лоббировал аферу с каналом Рига — Херсон.

Через три дня после «кровавого воскресенья» действительный статский советник (что соответствовало чину генерал-лейтенанта в армии или вице-адмирала во флоте) Карцов был приглашён Александром Михайловичем к себе во дворец. Там собрались, кроме великого князя, принц П.А. Ольденбургский, адъютант великого князя В.А. Шателен, С.В. Рухлов, бывший товарищ Главноуправляющего торговым мореплаванием, статс-секретарь Государственного совета, М.П. Домерщиков, бывший прокурор Санкт-Петербургского суда, позже он вёл юридические дела великого князя, и некий Белов (инициалы и чин которого установить не удалось). Как видим, все присутствовавшие принадлежали к ближайшему окружению Александра Михайловича.

Собрание открыл Рухлов:

— Господа, нам не надо бояться народного представительства...

Суть длинной и полной недомолвок речи сводилась к тому, что царь после событий 9 января должен издать манифест, который бы вводил «народное представительство» в России. Таким образом, он был первым вариантом Манифеста 17 октября 1905 г.

Все собравшиеся, за исключением Карцова, с энтузиазмом поддержали

идею создания манифеста. Принц Ольденбургский хлопал в ладоши, и Александру Михайловичу пришлось далее унять его: «Ну, ладно, Петя, ладно...» Что же касается Карцова, то он писал воспоминания в эмиграции, когда быть левым было немодно, да и небезопасно. Так что и Карцов вряд ли выступил против.

Без всякого сомнения, попытка заставить Николая II издать манифест в январе 1905 г. был личной затеей Александра Михайловича. Но он слишком опередил время, и его затея провалилась. Само по себе совещание по этому вопросу, проведённое в великокняжеском дворце, с юридической стороны являлось заговором, и его участники могли оказаться в Шлиссельбурге, а по условиям военного времени попасть под военно-полевой суд.

Вскоре у «судостроителя» Александра Михайловича появился новый противник — бунтующий рабочий класс, которому плевать было не только на великокняжеские рескрипты, но и на Высочайшие повеления. «9 января» всколыхнуло всю страну. Через три дня около тысячи демонстрантов прорвались на территорию завода «Ланге и сын». По их требованию завод прекратил работы. Люди проникли и на некоторые из строящихся и достраивавшихся кораблей. Вахтенные на «Украине» были не в силах им помешать, и в общей неразберихе корабли, помимо задержки работ, не досчитались и некоторых запасных частей механизмов. Позже следствие не обнаружило похитителей, но под большим подозрением в «покраже» цветного металла оказались сами вахтенные.

В целом демонстрации и забастовки на несколько месяцев задержали ввод в строй эсминцев «Отдельного практического отряда».

Однако нет худа без добра. Революция преподнесла и большой подарок Александру Михайловичу, выбросив из Морского ведомства брата Алексея.

22 ноября 1904 г. разразился грандиозный скандал в Михайловском театре. Публика освистала метрессу генерал-адмирала Балетту. Богато одетые мужчины и женщины кричали: «Вон из театра!», «На тебе кровь наших матросов!» Последнее относилось к дорогому бриллиантовому ожерелью балерины, которое в высшем свете Петербурга прозвали «Тихоокеанский флот».

Накануне падения Порт-Артура, в ночь с 6 на 7 декабря 1904 г., толпа пришла громить Алексеевский дворец — официальную резиденцию Алексея Александровича. Полиция разогнала толпу, и дело ограничилось разбитыми стёклами во дворце.

После Цусимского боя великий князь уже нигде не мог появиться

публично, боясь издевательств и оскорблений. Ему в лицо кричали: «Князь Цусимский», не боясь обвинений в оскорблении царской фамилии.

Из дневника царя от 30 мая 1905 г.: «Сегодня после доклада дядя Алексей объявил, что он желает уйти теперь же. Ввиду серьёзности доводов, высказанных им, я согласился. Больно и тяжело за него, бедного! Был занят почти до 4 час. Гулял. Погода стояла отличная. Обедал Петя. Покатались втроём».

2 июня 1905 г. Алексей Александрович был официально уволен от должности Главного начальника флота и Морского ведомства. Одновременно Николай II отправил личное письмо дяде: «...в продолжении 24 лет, Ваше Императорское Высочество посвящали труд развитию наших вооружённых морских сил и подготовке личного состава... Ныне, уступая настойчиво возобновлённой просьбе Вашей, Я согласился уволить Вас от управления флотом и Морским ведомством.

Расставаясь с Вашим Императорским Высочеством, как Главным начальником флота и Морского ведомства, Я сохраняю Вам звание Генерал-адмирала и выражаю Вам мою искреннюю благодарность за все понесённые Вами труды.

Пребываю к Вам навсегда неизменно благосклонный и сердечно любящий Вас Николай, 2 июня 1905 г. Царское Село».

Это письмо фактически закрывало Александру Михайловичу путь на должность генерал-адмирала.

Алексей Александрович уехал в любимый Париж и лишь изредка навещался в Петербург. Скончался он в Париже 1 ноября 1908 г., сохранив до последнего дня звание генерал-адмирала. Нового генерал-адмирала в русском флоте уже не будет.

Поскольку законных детей у «дяди Алёши» не было, то императорским указом от 10 января 1909 г. его имущество было разделено между великими князьями братьями Владимиром и Павлом и племянником Михаилом Александровичем. Балетте выдали «на бедность» 150 тысяч франков, купили ей земельный участок и заплатили все её долги.

А теперь вернёмся к «эскадре» Александра Михайловича. Строительство эсминцев задерживалось не только из-за революционных событий, но и из-за разгильдяйства Его Императорского Величества. Летом 1905 г. Николай II несколько недель тянул с утверждением названий кораблей. А из-за отсутствия названий эсминцы нельзя было включить в состав флота и назначить командиров. Впервые в истории российского флота корабли спускались на воду безымянными.

Не выдержав, морской министр 23 сентября поручил Главному

Морскому штабу «спросить свиты Его величества контр-адмирала Нилова, последовало ли высочайшее указание» о том, какие именно названия из числа предложенных ранее оказались удостоены утверждения. И, если выбор всё ещё не произошёл, «просить адмирала Нилова возможно ускорить решение этого вопроса».

Только 5 октября 1905 г. великий князь Александр Михайлович нашёл нужным уведомить Главный Морской штаб о состоявшемся императорском выборе. Об этом, оказывается, он 29 сентября был извещён начальником «военно-походной канцелярии». Государю «благоугодно было избрать следующие названия: “Сибирский стрелок”, “Пограничник”, “Уссуриец”, “Забайкалец”, “Амурец” и “Охотник”». Ещё через пять дней после высочайшего разрешения включили эти корабли и в списки флота.

Самое интересное, что царь был совсем не против строительства эсминцев на добровольные пожертвования. Наоборот, появление красавцев-кораблей с чуть-чуть отклонёнными к корме дымовыми трубами и мачтами, с высокими крейсерскими полубаками и полуютами, с заострёнными, как клинок, форштевнями, напоминавшими скорее океанские паровые яхты, произвело благоприятное впечатление на Николая. Так что задержка с выбором названий, увы, элементарное разгильдяйство.

15 августа 1905 г. пять первых эсминцев или, как их называли до 27 сентября 1907 г., минных крейсеров собрались на Петергофском рейде.

15 августа царь записал в дневнике: «На фоне Петергофа выделялись пять белых минных крейсера, построенные на народные пожертвования. Они пришли днём с Сандро с моря».

На следующий день в 10 часов утра Николай II поднялся на борт минного крейсера (эсминца) «Украина». Его сопровождали жена Александра Фёдоровна, мать Мария Фёдоровна, великие княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна, последняя была с мужем принцем Петром Александровичем Ольденбургским. У трапа императора приветствовал Александр Михайлович. Выслушав рапорт, Николай сказал: «Я благодарен тебе, Сандро, за всё сделанное тобой. Сегодня я назначаю тебя младшим флагманом Балтийского флота». Напомню, что великий князь по-прежнему был контр-адмиралом и младшим флагманом Черноморского флота, на котором не появлялся уже несколько лет.

«Украина» в сопровождении четырёх эсминцев отправилась в финский порт Биорке. Из царского дневника: «Погода была чудная. Пройдя Большой рейд, дали полный ход 24 узла и прилетели туда в 12.45. Пересели на

“Полярную Звезду”. Завтракали с командирами. В 3 ¹/₄ пошли на яхте обратно и к 6 час. бросили якорь в Кронштадте. В 7 ч. были дома».

Пять дней эсминцы простояли на Петергофском рейде. И вот наконец 21 августа в 15 часов показался «электрический» катер Николая II. Император вновь осмотрел эсминцы. Из дневника царя: «Море было как зеркало, и солнце отлично припекало. Вернулись домой к чаю. В 7 час. был большой обед Шаху. Вечер провели на Знаменке».

На следующий день в высочайшем приказе по Морскому ведомству говорилось, что император «изволил остаться совершенно довольным как постройкой судов, так их быстрым ходом и стройностью движений». За это начальнику отряда свиты его величества контр-адмиралу его императорскому высочеству великому князю Александру Михайловичу объявлялась Высочайшая благодарность, а командирам и офицерам всех пяти кораблей — монаршее благоволение. Командам от царя было пожаловано: кондукторам флота по 10 рублей, боцманам по 5 рублей, унтер-офицерам по 2 рубля и рядовым по 1 рублю. «Особенную благодарность» император изъявлял Комитету по усилению флота на добровольные пожертвования и «всем лицам, принимавшим участие в создании этих судов и в проектировании и вооружении их».

Надо ли говорить, что ни Сандро, ни командиры эсминцев и не подумали доложить императору, что к испытаниям вооружения кораблей даже не приступали. Да и вообще, шестнадцать эсминцев, построенные на добровольные пожертвования, были с самого начала устаревшими кораблями.

Как уже говорилось, для войны с Японией они и не поспевали, и достраивать их на Дальнем Востоке не представлялось никакой возможности. Так хоть построили бы настоящие боевые корабли, а не яхты! При достаточно большом водоизмещении (630-750 т) вооружение их было более чем слабым: две 75-мм и шесть 57-мм пушек и три торпедных аппарата. Как показала Русско-японская война, 75-мм пушки были слабы даже при действии по миноносцам. А 57-мм пушки были закуплены у фирмы Тонкие трёх разных типов: длиной в 40, 50 и 58 калибров. Патроны орудий не были взаимозаменяемы, все пушки имели разные баллистические данные. Объединяло все три пушки одно — эффективность огня, близкая к нулю.

Наконец, скорость эсминцев (25-26 узлов) тоже оставляла желать лучшего. Во всех странах мира начали строить суда с турбинными установками, вспомним тот же «Дредноут». Эсминцы же с турбинными

установками легко давали 32-35 узлов.

Увы, это не мнение автора. Из «Докладной записки исполняющего должность Главного инспектора минного дела контр-адмирала М.Ф. Лощинского председателю Морского технического комитета»^[44]: «Осмотрев минные крейсера “Пограничник” и “Донской казак”, я пришёл к выводу... (Суть записки Лощинского: в качестве эсминцев (минных крейсеров) эти суда не годятся, а их молено использовать как малые минные заградители и канонерские лодки).

...Опыт японской войны указывает, что в боевом смысле в настоящем их виде суда эти имеют сравнительно слабую артиллерию, чтобы иметь в этом отношении перевес перед миноносцами вообще, снабжены сильным минным вооружением, которым вследствие громоздкости, а следовательно, и видимости самого судна никогда не будут пользоваться и, наконец, из-за перегрузки будут обладать меньшим ходом и ничтожною остойчивостью (на “Донском казаке” и других его Sister ship всего 11 дюймов) и, следовательно, неудовлетворительными морскими качествами. Наконец, на судах этого типа нельзя не только иметь постоянных, как настаивает Генеральный штаб, но даже и съёмных приспособлений для постановки мин.

Дабы получить из этих судов полезные боевые единицы, полагал бы необходимым:

1. Снять минное вооружение, то есть аппараты для мин Уайтхеда и все к ним принадлежности, и особенно громоздкую железную дорогу для подачи этих мин.
2. Снять кормовые мостики, так как носовых для управления вполне достаточно.
3. Понизить румпель и жилое помещение и через это дать место в более пониженном положении для приспособлений постановки мин заграждения. Благодаря этой мере приспособления будут постоянные, и оно будет способствовать понижению центра тяжести этих судов.
4. Заменить 75-мм орудия как нецелесообразные для борьбы против миноносцев орудиями в 120 мм».

Руководство Морведа не пожелало снимать с эсминцев торпедные аппараты, зато все бесполезные «пукалки» в 1910 г. были сняты, а взамен установлены по две 102/60-мм пушки. Позже на некоторых эсминцах установили ещё по одной такой же пушке.

В годы Первой мировой войны эсминцы-«добровольцы» ни разу не использовали свои торпедные аппараты, а применялись в качестве минзагов и канонерских лодок. В 1919 г. четыре «добровольца» были

отправлены через систему каналов на Волгу и Каспий, где они использовались в качестве канонерских лодок. Причём три из них вывели из боевого состава флота лишь в 1949 г.

Осенью 1905 г. эсминцы стали на зимовку, а великий князь выехал с семьёй в Крым, в Ай-Тодор.

Сразу после прибытия великокняжеской четы в своё имение из Севастополя была прислана рота солдат для охраны Ай-Тодора. Крым был охвачен революционным брожением. Почта, телефон и телеграф бастовали. В своих мемуарах Александр Михайлович не зря подчёркивает этот факт: «Мы ходили с кислыми лицами, дети были подавлены. Телефонное сообщение с Севастополем было прервано забастовкой. То же самое происходило с почтой. Отрезанный от всего мира, я проводил вечера, сидя на скамейке около Ай-Тодорского маяка и мучительно ища выхода из создавшегося положения.

Чем больше я думал, тем более мне становилось ясным, что выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны. Первое решение привело бы Россию неизбежно к социалистической республике, так как не было ещё примеров в истории, чтобы революции останавливались на полдороге. Второе — возвратило бы престиж власти. Но во всяком случае положение прояснилось бы. Если Ники собирался сделаться полковником Романовым, то путь к этому был чрезвычайно прост. Но если он хотел выполнить присягу и остаться монархом, он не должен был отступать ни на шаг перед болтунами революции. Таким образом, было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлёт императорского штандарта. Как самодержец всероссийский, Николай II не мог допустить никакой иной эмблемы на верхушке шпиля Царскосельского дворца.

Полторы тысячи миль отделяли Петербург от Ай-Тодора. Ещё большее расстояние отделяло моё мировоззрение от колеблющейся натуры императора Николая II. 17 октября 1905 года после бесконечного совещания, в котором приняли участие Витте, великий князь Николай Николаевич и министр двора Фредерикс, государь подписал Манифест, весь построенный на фразах, имевших двойной смысл. Николай II отказался удовлетворить силы революции — крестьян и рабочих, но перестал быть самодержцем, который поклялся в своё время в Успенском соборе свято соблюдать права и обычаи предков. Интеллигенция получила наконец долгожданный парламент, а русский царь стал пародией на английского короля — и это в стране, бывшей под татарским игом в год приятия Великой хартии вольностей. Сын императора Александра III

соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и тайных агентов департамента полиции.

Это был конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!

Как только телеграфное сообщение с Петербургом восстановилось, я немедленно телеграфировал Ники, прося об отставке от должности начальника Главного управления портов и торгового мореплавания. Я не хотел иметь ничего общего с правительством, идущим на трусливые компромиссы, и менее всего с группой бюрократов, во главе которой встал Витте, назначенный российским премьер-министром».

Увы, великий князь в очередной раз лукавит. Ну, не было телефонной связи с Севастополем? Так туда из Ай-Тодора два-три часа пути верхом или в коляске. Можно было самому съездить или казачка послать, и то и на ближайшем рынке все новости узнать. Всё дело в том, что в октябре-ноябре 1905 г. в Севастополе происходило восстание матросов, апофеозом которого стал расстрел 15 ноября береговой артиллерией и броненосцами восставшего крейсера «Очаков». А тут контр-адмирал, несколько лет прослуживший на Черноморском флоте, сидит в своём имении в 30 км от Севастополя и попивает с женой чай с малиновым вареньем. Нетитулованный адмирал за такое поведение гарантированно вылетел бы из флота, без права ношения мундира.

Что касается Главного управления портов и торгового мореплавания, то, как уже говорилось, оно было расформировано в два отдела — портов и мореплавания. Оба отдела вошли в состав министерства торговли и промышленности. Понятно, что там «свадебный генерал» был совсем не нужен.

Как видим, Александр Михайлович представляет себя крайним реакционером в 1905 г. Но тогда возникает резонный вопрос: а зачем уезжать из Петербурга в добровольную ссылку в Ай-Тодор? Попросту умный Сандро решил отсидеться где-нибудь на краю империи и посмотреть, что же будет. Правда, Крым осенью 1905 г. был не самым тихим уголком. Но, с другой стороны, где было лучше? Финляндия была готова восстать, во Владивостоке восстание, в Новороссийске провозглашена местная республика.

Весь же процитированный пассаж из мемуаров, это «ля-ля» для иностранной публики, мало знакомой с ситуацией в России. Сгоряча наш герой ляпнул про британскую Великую хартию вольностей, принятую в 1215 г., когда на Руси и в Европе о татарах никто слыхом не слыхивал. А

где больше было демократии в тот год — на Руси или в Англии — можно и поспорить. В Новгороде, Пскове, Полоцке и даже в Киеве продолжало существовать народное вече, повсеместно было право отъезда бояр от князя, а крестьян от бояр и т.д. И все русские вольности были отняты не татарами, а двумя свирепыми Иванами и не менее свирепым Василием III. Позже за оное дело взялась «монголо-немецкая Гольштейн-Готторпская династия», как справедливо называл Романовых в 60-х гг. XIX в. князь Рюрикович, потомок смоленских князей Пётр Владимирович Долгоруков.

В начале зимы Александр Михайлович вместе с семьёй прибывают в Петербург. 30 января 1906 г. Александр Михайлович с женой посещают Александровский дворец и пьют чай с Николаем II. Сандро и Ксения поселяются в Гатчинском дворце. Оттуда езды всего пару часов до Царского Села, но Ники теперь не балует Сандро приглашениями. 22 февраля Сандро завтракал с императором, но больше его не приглашают в Царское Село до 27 апреля.

27 апреля 1906 г. Александр Михайлович принимает участие в грандиозном представлении — открытии 1-й Государственной Думы. В этот день рано утром Николай II вместе с женой, матерью, братом Михаилом, Александром Михайловичем и Ксенией сел на яхту «Петергоф» в Петергофе и отправился в Петербург. Яхта пришвартовалась к причалу Петропавловской крепости. Там около часа императорская чета молилась у могилы Александра III. Оттуда яхта перешла к Зимнему дворцу. Из царского дневника: «Завтракали в 11 1/2. В час и $\frac{3}{4}$ начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочёл приветственное слово. Госуд. Совет стоял справа, а Дума слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на «Александрю», пошли обратно. Приехали домой в 4 1/2. Занимался долго, но с облегчённым сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались».

Как видим, Николай не был ни подавлен, ни особенно расстроен, хотя это расписывали его правые и левые биографы. Церемония происходила в том же зале, в котором одиннадцать лет тому назад Николай просил представителей земско-городского съезда забыть о «бессмысленных мечтаниях». Царь был в форме полковника Преображенского полка, обе царицы — в белых русских сарафанах и жемчужных кокошниках на головах, великие князья и сановники — в мундирах с лентами и орденами, дамы сияли созвездиями бриллиантов.

Разительным контрастом было одеяние депутатов Думы. Из 478

депутатов 1-й Думы кадетов было 176 человек, октябристов — 16, беспартийных — 105, крестьян-трудовиков — 97, социал-демократов (меньшевиков) — 18, а остальные принадлежали к беспартийным либералам и националистам (поляки, кавказцы и др.). Замечу, что Ленин настоял на бойкоте Думы большевиками, и их там не было.

В толпе депутатов фракки соседствовали с пиджаками, сюртуки — с простыми косоворотками, крестьянскими свитками, восточными халатами, малороссийскими жупанами и польскими кунтушами. Увидев всю эту компанию, министр двора Фредерикс достаточно громко сказал: «От таких всего можно ожидать».

Дворцовый комендант подумал об этом ещё раньше и разместил в соседней зале караул Преображенского полка, готовый в любой момент прийти на выручку царю.

Николай важно взошёл на трон. Фредерикс открыто подал ему шпаргалку, по которой царь прочитал речь, состоящую исключительно из общих фраз. Смысл её был один — будьте паиньками и занимайтесь мелочами, «памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе нрава».

Во время церемонии вдовствующая императрица Мария Фёдоровна сохраняла очаровательную улыбку, одаривая ею всех депутатов. Зато лицо и шея Александры Фёдоровны покрылись яркими красными пятнами, а глаза её излучали гнев и ненависть.

Как позже писал Александр Михайлович: «Мы слушали стоя. Мои близкие сказали мне, что они заметили слёзы на глазах вдовствующей императрицы и великого князя Владимира. Я сам бы не удержался от слёз, если бы меня не охватило странное чувство при виде жгучей ненависти, которую молено было заметить на лицах некоторых наших парламентариев. Мне они показались очень подозрительными, и я внимательно следил, чтобы они не слитком близко подошли к Ники.

— Я надеюсь, что вы начнёте свою работу в дружном единении, вдохновлённые искренним желанием оправдать доверие монарха и нашей великой Родины. Да благословит вас Господь!

Таковы были заключительные слова речи государя. Он читал свою речь звонким, внятным голосом, сдерживая чувства и скрывая свою горечь.

Затем раздались крики “ура” — громкие там, где находились члены Государственного совета, слабые, где были члены Думы, — и похороны самодержавия были закончены. Мы переоделись и возвратились в Петергоф».

С конца мая Александр Михайлович вновь командует эскадрой миноносцев. Причём, большую часть времени он проводит на судне «Алмаз», прикомандированном к отряду. «Алмаз» — полукрейсер, полуяхта, предназначенная для прогулок «особ» по Тихому океану. Но поскольку японцы отменили подобные путешествия, «Алмаз» без дела болтался на Балтике.

Несмотря на открытие Думы, обстановка в стране в целом и особенно на Балтике накалялась. Вдоль самого берега у Петергофа, где в тот момент находился царь, были вырыты окопы, которые занял Преображенский полк. Другие части защищали Петергоф с суши. Недалеко от Петергофа на всякий случай дежурил германский миноносец без флага и с замазанным краской названием. И это были совсем не лишние предосторожности.

17 июля в море восстал крейсер «Память Азова», а 19-20 июля произошло восстание в Кронштадте.

Любопытно, что главные кронштадтские начальники загодя бежали в Петербург. Александр Михайлович последовал за ними. Эсминец доставил его в Петербург, а оттуда он уже на автомобиле (железная дорога бастовала) доехал до Гатчины, где его ждала жена. А вот как запомнил это наш герой: «Однажды пришло известие из Гатчины о том, что один из моих сыновей заболел скарлатиной и находится в тяжёлом состоянии. Я должен был немедленно выехать.

— Я вернусь при первой же возможности, — обещал я своему помощнику. — Вероятно, на следующей неделе.

Эта “следующая неделя” так никогда и не наступила. Через три дня я получил от моего денщика, остававшегося на “Алмазе”, записку, что экипаж крейсера готов восстать и только ждёт моего возвращения, чтобы взять меня заложником.

— Я глубоко огорчён, Сандро, но в данном случае тебе не остаётся ничего другого, как подать в отставку, — решил Ники. — Правительство не может рисковать — выдать члена императорской фамилии в руки революционеров.

Я сидел за столом напротив него, опустив голову. У меня более не было сил спорить. Военные поражения, полная неудача всех моих усилий, реки крови и — в довершение всего — мои матросы, которые хотели захватить меня в качестве заложника. Заложник — такова была награда за те двадцать четыре года, которые я посвятил флоту. Я пожертвовал всем — моей молодостью, моим самолюбием, моей энергией — во славу нашего флота. Когда я разговаривал с матросами, я ни разу в жизни не возвышал голоса. Я радел о их пользе пред адмиралами, министрами, государем! Я

дорожил популярностью среди флотских команд и гордился тем, что матросы на меня смотрели как на своего отца и друга. И вдруг — заложник!!!

Мне казалось, что я лишусь рассудка. Что мне оставалось делать? Но вдруг пришла мысль. Ведь под предлогом болезни сына я мог уехать за границу!

— Ники, — начал я, стараясь говорить убедительно, — ты знаешь, что Ирина и Фёдор больны скарлатиной. Доктора находят, что перемена климата могла бы принести им большую пользу. Что мы скажешь, если я уеду месяца на два за границу?

— Конечно, Сандро...

Мы обнялись. В этот день Ники был благороден. Он даже не подал вида об истинных причинах моего отъезда. Мне было стыдно пред самим собою, но я не мог ничем помочь. “Я должен бежать. Должен бежать”. Эти слова, как молоты, бились в моём мозгу и заставляли меня забывать об обязанностях пред престолом и Родиной. Но всё это потеряло для меня смысл. Я ненавижу такую Россию».

Александр Михайлович, как, впрочем, и любой мемуарист, достаточно тенденциозен, но не буду с ним полемизировать. Главное, что он с семьёй в сентябре 1906 г. оказался в милой сердцу Франции.

Глава 15

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В БИАРРИЦЕ

В 1906 г. во Франции оказалось подавляющее большинство августейшего семейства Романовых. Среди них был и отец нашего героя, Михаил Николаевич, и братья Михаил, Николай и Сергей.

Александр с Ксенией и шестерыми детьми поселились в роскошной вилле «Эспуор» в городе Биарриц на самом берегу Бискайского залива, недалеко от Байонны. От виллы до испанской границы было всего 20 км. Вместе с великокняжеским семейством прибыли три няни, учительницы английского и французского, гувернантка, фрейлина великой княгини, адъютант, пять камеристок и четыре лакея. Ко времени приезда Сандро в Биарриц, там уже в «Отель де Палэ» жила великая княгиня Ольга, родная сестра Ксении.

Наш герой — великолепный рассказчик, и я вновь предоставлю ему слово: «В первое же утро после нашего приезда, изнывая от томительной сентябрьской жары, с лицами, распухшими от укусов moskitov, мы устремляемся на плац и зарываемся в носок. Сердца наши поют. Мы сбежали из России, и я думаю, что мы никогда не вернёмся.

Напротив нашей виллы расположена площадка для гольфа. Я с увлечением начинаю учиться этой игре. Я никогда раньше в неё не играл, но теперь отдаюсь ей всей душой — ещё и потому, что ничто в ней и в её правилах не напоминает мне о России. Мы быстро входим в жизнь биаррицкого общества. Мы встречаем много людей, устраиваем завтраки, обеды, играем в покер, бридж, ездим на пикники...

...Я покинул Россию без тени сожаления. Я так измучен событиями последних лет, я так глубоко чувствую, что Россия на краю гибели, и никто, и ничто не в силах изменить фатальный ход событий.

В Биаррице дышится легко. Если бы я мог, я остался бы здесь навсегда. Я отгоняю совестью эту соблазнительную мысль, я стараюсь заглушить её голосом души, чувством долга, во мне постоянно идёт напряжённая борьба: русский вопрос, Россия, мои житейские разочарования последних лет, моё бессилие помочь, спасти родину и кровная преданность ей восстают против человеческого, мелкого желания отдыха, покоя и счастливой жизни среди своей семьи...

...Сначала мы собирались прожить тут три месяца, но я уговорил Ксению остаться. Приближалось Рождество с новыми развлечениями. Ирина и Фёдор окончательно понравились. Детей приглашают на ёлки. Мы все, взрослые и дети, веселимся и наслаждаемся простотой, лёгкой жизнью, я отгоняю мысли о России, я живу, как живут сотни тысяч людей, всецело отдаваясь удовольствиям и развлечениям.

Это было наше самое весёлое Рождество за двенадцать лет. Никаких дворцовых приёмов, обменов визитами с людьми скучными и напыщенными, никаких ограничений. Обычный человеческий праздник, который мы проводим с детьми и друзьями.

Потом наступил охотничий сезон, пикники на природе и обеды в Биаррице в атмосфере интимной раскованности, лёгкой усталости и приятной возбуждённости. Наши друзья всегда вели подобный образ жизни, а для нас он был в диковинку. Каждое утро я спешил к окну, чтобы удостовериться, что мы ещё тут и отделены тысячами миль от царских дворцов, Государственного совета, министров и родственников...

...Я поймал себя на том, что с интересом смотрю на женщин. Это стало для меня открытием: все двенадцать лет супружеской жизни я видел только одно женское лицо — Ксении. Меня стали интересовать светские знакомства, казавшиеся ранее скучной обязанностью. Я увлекался застольными беседами более, чем допускал строгий этикет. Я провозглашал тосты и завязывал новые знакомства».

Будучи истинным джентльменом, Александр Михайлович никогда и нигде не раскрывал имена своих возлюбленных. Но одну из участниц его приключений легко вычислить — это великая княгиня Ольга, дочь Александра III. О ней Сандро лишь скороговоркой упоминает в «Воспоминаниях»: «Ольга, сестра Ксении, приехала в Биарриц раньше нас и живёт в “Отель де Палэ”». Чувствуется, что ему приятно вспоминать об Ольге, но дальше ничего говорить нельзя.

Вообще, жизнь второй дочери Александра III полна тайн, разгадать которые, видимо, так и не удастся. Как писал о ней шведский историк Стаффан Скотт: «...девочка росла совершенно сорвиголовой, похожей на мальчишку и того типа, который едва ли после отрочества превращается в прекрасную бабочку.

Наоборот, в юные годы Ольга была некрасива; на сохранившихся фотографиях она похожа на добрую, смиренную и грустную лошадь. Рядом с ней на снимках её миловидная сестра Ксения своим видом будто говорит: “Это Ольга, мы сёстры и немного похожи, но я надеюсь, разница видна невооружённым глазом”».

Вступление Ольги в брак в 1901 г. было окутано тайной. Вдовствующая императрица и Николай II, с одной стороны, требовали от членов августейшей фамилии достойных по происхождению и состоянию супругов, а с другой — никого не принуждали к насильственному браку. Но вот девятнадцатилетнюю великую княжну Ольгу выдают против её воли за принца Петра Александровича Ольденбургского. Сей принц был потомком Георга-Людвига Ольденбургского, двоюродного дяди Петра III. Он поступил на службу к племяннику, и его дети и внуки жили в России. Они считались родственниками Романовых, но ничем особенным в истории не отличились.

Соответственно, династическим этот брак нельзя было считать даже при большом приближении. Пётр был старше Ольги на 14 лет. Принц был глуп, что ясно читается на его физиономии. К 38 годам при таком-то родстве он всего лишь командовал пехотным батальоном, зато прославился на весь Петербург в качестве игрока и кутилы. И, наконец, он... абсолютно не интересовался женщинами, предпочитая им мальчиков.

Почему же Ольгу выдали за принца? Не знаю, и никто не знает. Надо полагать, великая княжна натворила нечто такое, что её пришлось выдавать замуж! Правда, детей у неё от принца не было. Брачную ночь жених провёл за игорным столом с приятелями-офицерами. «За пятнадцать лет нашего брака принц Ольденбургский и я ни разу не состояли в супружеских отношениях!» — писала Ольга пятьдесят лет спустя.

Любопытно, что Ольга была второй великой княжной из семейства Романовых, наказанной принудительным замужеством за принцем Ольденбургским. В 1809 г. за принца Петра-Фридриха-Георга Ольденбургского выдали великую княжну Екатерину, дочь Павла I.

После Аустерлица, Фридланда и Тильзита положение Александра I стало довольно шатким, а рядом была умница и красавица сестра, которую уже почти открыто в высшем свете звали Екатериной III. Юная красавица пошла по стопам Жозефины Богарне и для начала положила в свою постель «первую шпагу страны» — князя Петра Багратиона. Генералы Бонапарт и Багратион были одинаково храбры на поле боя, но если первый прикидывался простаком в большой политике, то второй оказался попросту дураком. В результате Багратион был направлен на Дунай, причём, не командовать армией, а состоять там без должности, а Екатерину выдали замуж. Через некоторое время молодожёны были отправлены в ссылку в Тверь, где принц стал исполнять должность генерал-губернатора.

В отличие от своей троюродной прабабки Екатерины великая княгиня Ольга осталась жить в Петербурге. Она первой из великих княгинь начала в

одиночестве выходить на прогулку. До неё великие княгини и княжны обязательно шли в сопровождении достойных кавалеров. Впрочем, одиночество было условным. Ольга прогуливалась со своими любимыми собаками — борзой и пуделем, чуть поодаль от неё шла придворная дама, а за придворной дамой следовал великокняжеский автомобиль с шофёром. Но всё же Ольга гуляла в одиночестве.

А в Биаррице великая княгиня «оторвалась». Надо ли говорить, что Сандро как раз нужна была такая компаньонка. Стала ли она любовницей нашего героя? Вполне возможно, при таком образе жизни обоих. Но серьёзного увлечения тут быть не могло, уж слишком много рядом было иных соблазнов. И уж этого никогда не скрывал Александр Михайлович: «Мне начала нравиться одна дама, которая часто бывала на нашей вилле. Она была очаровательно и неагрессивно умна, но без налёта внешнего блеска и коктейльного остроумия. Её испанские и итальянские предки наградили её солидной культурой и научили её, что утончённость — враг добросовестности. В странах английского языка я бы побаивался и избегал такого человека. В романских странах, однако, она была восхитительна.

Мы часто оставались вдвоём. Она никогда не говорила: “Я не хочу этого, я хочу того”. Она не строила из себя очаровательного котёнка; она понимала, что я только что избежал полного краха. Лучшего спутника я бы себе не нашёл. Если бы кто-нибудь спросил меня в первый месяц нашего с ней знакомства: “Ты её любишь?”, я бы ответил: “Конечно, нет”. Но она мне очень нравится. Я восхищаюсь ею, но любовью это не назовёшь. Любовь — это как удар молнии, и исчезает она так же внезапно. А нежность остаётся и, дай ей время, достигает лучших результатов”.

Сказать по правде, я мог бы сохранить полный контроль над собой, если бы захотел. Но предпочёл не захотеть. Возможно, мною двигало любопытство. Так или иначе, я стал нажимать не на тормоз, а на скорость. Я был готов изведать горечь на дне своего бокала.

Я сравнивал свои чувства к Ксении с тем, как я относился к этой новой женщине, и сравнение сбивало меня с толку. Я не мог понять, кто мне нужен больше. Одна олицетворяла всё лучшее в моём характере, другая давала возможность избавиться от прошлого напряжения и ужаса. Надо было выбирать. Но сама мысль о необходимости выбора была мне отвратительна. Я был отцом шестерых детей и ожидал в ближайшие недели рождение седьмого».

Весной 1907 г. в Биарриц приезжает «дядя Берти» — английский король Эдуард VII. Берти был женат на Александре Датской, дочери «общеевропейского тестя» короля Кристиана IX, которая приходилась

родной сестрой вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. Александр Михайлович на редкость тепло отозвался о своём дальнем родственнике: «Ксения была племянницей его жены, королевы Александры, и наши отношения всегда отличались большой теплотой даже тогда, когда Британия поддерживала Японию во время войны с Россией. Король Эдуард поселился в “Отель де Палэ”. Местное население относилось к нему с особою теплотою, сам он, приехав инкогнито, наслаждался свободной жизнью в Биаррице, быстро завоевав всеобщие симпатии.

Король — удивительный человек, с ярко выраженной личностью и большим обаянием. Мы часто встречались, и я ни секунды не скучал в его обществе. Чем бы мы ни занимались — играли в бридж, сидели за обеденным столом или практиковались в гольфе — всё выглядело иначе под влиянием его личности. Я в своей жизни знавал многих императоров, королей, президентов и премьер-министров, и он всех превосходил ясностью ума и достоинствами государственного деятеля. Ничего удивительного, что кайзер Вильгельм ненавидел его.

Простота его манер и мягкая доброта, с которой он общался с самым мелким гостиничным служащим, была совершенно естественной и ничуть не походила на выпученную фамильярность мультимиллионеров и политиков. Ему не было нужды говорить себе: “Дай-ка я скажу пару фраз младшему носильщику, чтобы он на всю жизнь запомнил мою милостивую благосклонность”. Он действительно симпатизировал этому парнишке, как он симпатизировал всем, кто собственным трудом зарабатывал себе на жизнь.

Я никогда не завидовал силе и мощи Британской империи, её богатству и месту под солнцем, но я всегда завидовал масштабу её правителей. Королева Виктория, король Эдуард VII, Георг V и нынешний принц Уэльский — в какой ещё стране могли родиться на протяжении четырёх поколений такие монархи?!»

Увы, мемуары нашего героя во многом являются лишь ширмой для прикрытия истинных событий. Шарм короля, его остроумие и игра в гольф были совсем не главными в его отношениях с русским великим князем. Начну с того, что Берти был такой же «плейбой», как и Сандро. Имея законную семью, он обзаводился и «параллельными» супругами. В 1877 г. он вступил почти в официальную связь с Лилли Лэнгтри, а через двадцать лет сменил её на Алису Кеннель, которая была на 27 лет моложе Берти. Обе красотки имели законных мужей, но одного интересовало лишь виски, а другого — деньги. Кроме того, у Берти были десятки мимолётных романов. Отметим, что пуританская страна вполне лояльно относилась к ловеласу,

когда он был принцем Уэльским и когда стал королём. Кстати, в старой доброй Англии такое поведение монарха было нормой и ранее.

Но вот «нынешнему принцу Уэльскому», о котором с восхищением пишет Александр Михайлович, правящие круги не простили связи с «золушкой» Уоллис Уордфильд. В январе 1936 г. скончался от простуды Георг V, и на престол взошёл под именем Эдуарда VIII его сын принц Уэльский. Однако премьер-министр Болдуин, большинство парламентариев и пресса подняли невыносимый вой по поводу неприличного поведения короля и вынудили его в декабре 1936 г. отречься от престола.

Увы, связь с Уоллис, бывшей женой американского миллионера, была лишь поводом для устранения короля. Зато как понравилась красивая сказочка о несчастном короле тупому английскому обывателю! Но что кивать на Англию, и у нас сейчас такие сказочки, пересказанные по телевидению и в глянцевах журналах, вызывают не меньшее умиление. На самом же деле Эдуард VIII решил править страной, а не быть «боровом, поставленным на откорм». Но хуже всего то, что он решил вступить в союз с Германией, чего, естественно, британская буржуазия простить ему не могла. После отречения Эдуард получил титул герцога Виндзорского. До самой своей смерти в 1972 г. Эдуард жил с Уоллис под надзором британских спецслужб, а в годы войны фактически находился в заточении на Багамских островах. При этом герцог Виндзорский, которому не давали и шагу ступить без разрешения тюремщиков, числился... губернатором Багамских островов. Эдуард получил хороший урок британской морали и демократии.

Но вернёмся в 1907 г. в Биарриц, где Берти и Сандро просиживали часами за бургундским и бриджем. Но их отношения не ограничивались выпивкой, спортом и женщинами. Тут Александр Михайлович вновь лукавит в своих мемуарах. Начну с того, что обе титулованные особы были масонами высших градусов. Эдуард стал великим магистром английских масонов ещё в 1874 г., будучи принцем Уэльским. Правда, он сложил с себя полномочия в 1902 г. после вступления на престол.

Что же касается Александра Михайловича, то он стал масоном ещё в конце XIX в. вместе со всеми своими братьями. О русских масонах XIX-XX вв. написаны сотни книг, но достоверной информации, содержащейся в них, хватит лишь на тоненькую брошюрку. Эти ребята не оставляли после себя резолюций, протоколов съездов и конференций, списков членов президиумов, центральных комитетов, что было свойственно тогда социалистическим партиям. Всё делалось исключительно «под ковром»,

решения принимались устно. Любопытно, что никто из серьёзных историков не оспаривает принадлежность Александра Михайловича к масонам, но и ничего путного не может сказать о его деятельности на этом поприще.

Если верить справочнику А.И. Серкова «Русское масонство 1731-2000», Александр Михайлович в 1910 г. стал «достопочтимым мастером ложи Карма». Ложа функционировала в 1910-1919 гг. по шведскому (розенкрейцерскому) уставу рыцарей-филаретов.

Лучший знаток масонства начала XX в. Нина Берберова пишет: «...дела тайного общества розенкрейцеров, где главой был, как известно, вел. кн. Александр Михайлович»^[45].

Хорошо сказано: «как известно». Видимо, она очень много знала о деятельности великого князя, но упоминает о нём вскользь. Но даже отдельные фразы весьма любопытны: «Близко к мартинистам стояли филареты. Их русская ложа к 1890 г. была основана в Париже (в доме № 70 по улице Эдгар Кино). Она вела своё происхождение от оккультного общества 18 века. Известно, что эта ложа имела дело, главным образом, с потусторонним миром. В 1898 г. она распространилась и на Швейцарию, и немного позже имела успех в России, где вел. кн. Александр Михайлович, брат Георгия и впоследствии автор воспоминаний, был заядлым спиритом. Ему было явление духа сирийского провидца Алкахеста, предсказавшего великому князю революцию и то, что он сядет на престол вместо Николая»^[46].

Тут интересно не столько увлечение Сандро спиритизмом, столь характерное для высшего света Петербурга, сколько серьёзные размышления о короне уже в 1905-1907 гг.

В своих беседах два высокопоставленных масона не могли не коснуться направления внешней политики России после японской войны. Россия оказалась на перепутье — с кем идти дальше? С союзной Францией, которая предала её в ходе войны, или с Германией, которая активно помогала ей в борьбе с японцами?

Началась «дипломатия яхт». 10 июля 1905 г. в финских шхерах недалеко от порта Бьёрке встретились две яхты — «Полярная Звезда» и «Гогенцоллерн». Поздно вечером Николай II и Вильгельм II на борту «Гогенцоллерна» подписали секретный договор.

Эмигрантский историк Ольденберг в 1939 г. писал: «Бьёркский договор устанавливал взаимное обязательство для России и для Германии оказать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой

статьёй указывалось, что Россия предпримет шаги для привлечения Франции к этому союзу. Договор должен был вступить в силу с момента ратификации мирного договора между Россией и Японией. Остриё договора было явно направлено против Англии...

Бьёркский договор, как союз материковых держав против Англии — вполне соответствовал тем воззрениям, которые Государь неоднократно высказывал, начиная с весны 1895 г. Но в данный момент он имел ещё одно, гораздо более непосредственное значение. Государь подготовлял возможность продолжения войны с Японией»^[47].

11 июля царь записал в дневнике: «Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведённых с Вильгельмом часов!»

Но, увы, профранцузское лобби в Петербурге добилось того, что договор был денонсирован царём. Мало того, сам факт подписания и денонсации договора остался в секрете. Разумеется, речь идёт о народах Европы, британские же спецслужбы были хорошо информированы о Бьёркском свидании двух императоров.

21 июля 1907 г. Николай II нанёс ответный визит кузену Вильгельму, прибыв на яхте в порт Свинемюнде. На сей раз свидание императоров прошло с большой помпой, но оказалось политически бессодержательно.

Есть все основания полагать, что провал переговоров в Свинемюнде был предreshён не в последнюю очередь в тихих беседах двух масонов в Биаррице. Там между лошадьми и женщинами обсуждались судьбы Европы, готовилось создание Антанты.

18 (31) августа 1907 г. на яхте, стоявшей в четырёх вёрстах от полуострова Гангут, Николай II и британский посол Артур Никольсон подписали соглашение о разграничении сфер влияния двух стран в Персии, Афганистане и Тибете. Причём, Россия пошла на гораздо большие уступки, чем «коварный Альбион».

28 мая (10 июня) 1908 г. в Ревель прибыла королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении внушительной британской эскадры. После салюта от борта яхты отвалил баркас, на котором находилась королевская чета — Эдуард VII и Александра Датская. На борту яхты «Полярная Звезда» их приветствовали Николай II и Александра Фёдоровна. Зная пристрастие русского императора к униформам и различным регалиям, Берти произвёл Ники в чин адмирала британского флота. Царю преподнесли красивый мундир и морскую саблю образца 1827 г., чем несказанно порадовали нашего самодержца. В ходе королевского визита было на высшем уровне согласовано создание Антанты — союза, направленного против Германии.

Надо ли говорить, что в мемуарах Александра Михайловича нет ни слова о дипломатической активности дяди Берти. Наоборот, в 1907-1908 гг. великий князь старательно пытается доказать, что он вне политики, причём, чем больше он это делает, тем меньше ему верится: «Императрица Мария Фёдоровна тоже решила посетить Барриц. Она приехала в отдельном поезде в сопровождении фрейлины Озеровой и князя Шервашидзе, и её приезд стал ещё одним большим событием для Биаррица.

Императрица поселяется в тех же комнатах “Отель де Палэ”, откуда только что выехал король Эдуард. Она радуется, что она с нами, ей нравятся наши друзья и наш образ жизни.

Я заказываю большой автомобиль фирме “Делоннэ-Бельвиль” в соответствии с размерами нашей семьи: восемь мест внутри и два около шофёра. Я сам управляю им, так как хорошо знаю местность.

Наступает май, лучшее время года в Биаррице. Ещё не жарко, масса цветов, поспевают ягоды, но мы должны уезжать.

Мыдвигаемся в путь вместе с императрицей. Происходит несколько официальных встреч по дороге. Близ Парижа императрицу приветствует французский президент А. Фальер, и наконец мы в России — в Гатчине.

Здесь в конце июня 1907 г.] рождается Василий, наше седьмое дитя. Он так слаб, что доктора боятся, что он не выживет, и приходится срочно вызывать священника, чтобы окрестить новорождённого, на этот раз без всякой торжественности. Но Василий, однако, обманул мрачные прогнозы докторов: он женился недавно в Нью-Йорке на княжне Голицыной.

Чтобы сохранить лицо, я остаюсь в России до начала осени.

После Гатчины мы живём в Петергофе, затем в Крыму. Я бываю повсюду, делаю визиты и исполняю свои обязанности. Ники и его министры рассказывают мне о серьёзности политического положения. Вторая Дума состоит из открытых бунтовщиков, которые призывают страну к восстанию.

Ники вынужден отправить их по домам и назначить новые выборы, второй раз за одиннадцать месяцев. Люди хвалят твёрдость Столыпина. “Он чудесный, не правда ли?” — спрашивают меня на каждом углу. “Да”, — отвечаю я механически. Меня совершенно не интересует ни их новый премьер-министр, ни вся эта заваруха. Все мои мысли — в Биаррице. Теперь я её люблю. Я гулял по паркам Ай-Тодора, прикидывая, понравились бы ей климат и природа Крыма.

— Уже уезжаете? — спрашивали меня друзья. Да будь у меня развязаны руки, они бы меня вообще тут не увидели!»

Возникает риторический вопрос, а зачем Александр Михайлович летом 1907 г. отправился в Россию? Чтобы проводить любимую тещу? Чтобы «сохранить лицо»? Нет, причины эти явно неуважительные для человека, у которого «все мысли в Биаррице». Во второй половине 1907 г. Александр Михайлович в очередной раз пытается занять сильную позицию у трона и в очередной раз терпит фиаско. Ему лишь удаётся комбинация с созданием Антанты, благо, этого хотели и Лондон, и Париж, масонские ложи по эту и ту стороны границы, новый министр иностранных дел Извольский и др. Однако премьер Столыпин не захотел делить свою власть с Александром Михайловичем. Столь же решительно были настроены и адмиралы, они принципиально были против возвращения великого князя во флот. Забегая вперёд, скажу, что 22 июня 1909 г. Ники сделал подарок Сандро и произвёл его в вице-адмиралы с назначением генерал-адъютантом Его Императорского Величества. Но, увы, и тогда великий князь не получит никакой должности в военно-морском флоте, ему никогда больше не дадут под командование далее портового буксира.

Люди, подобные Александру Михайловичу, могут быть востребованы лишь в критические моменты истории, когда нужен лидер с радикальной программой, готовый осуществить её любой ценой. Сандро упустил момент в 1905 г., и сейчас он никому не был нужен в России. Ему оставалось вновь отправиться «за бугор».

«Проведя лето в Крыму, мы уходим с императрицей на “Полярной звезде” в непродолжительное плавание, посещаем Норвегию, Данию, а затем я с Ксенией еду в Баден-Баден, чтобы навестить отца. Мы находим его в хорошем виде. Он немного может ходить, и голова его свежа. Он счастлив нашему приезду, особенно Ксении, которую так обожает.

Отец хочет вернуться на зиму на Французскую Ривьеру. Мы все отправляемся туда. Отец по полезной дороге, мы в автомобиле через Швейцарию. Моя сестра Анастасия (герцогиня Мекленбург-Шверинская) и брат мой Михаил, находившийся “в изгнании”, встречают нас в Каннах. Анастасия поразительно красива — её появление в обществе вызывает повсюду восхищение. Михаил живёт со своей морганатической женой и двумя дочерьми (теперь леди Милфорд-Хейвен и леди Зия Вернер) на вилле “Казбек”, которая является штаб-квартирой их бесчисленных друзей. В Каннах, как и в Биаррице, идёт лёгкая, беспечная жизнь, в которую я окунаюсь с головой, хотя ещё два года назад такое времяпрепровождение меня бы взбесило. Предвкушение встречи с любимой женщиной полностью изменило мой характер. Никакой работы, никаких обязанностей, только гольф, развлечения и поездки в Монте-Карло, где

Анастасия играет с большим азартом. После Канн идёт Венеция, затем Рим.

Мы нагрязнули в “Гранд-отель” в Риме всей семьёй, и администрация отеля не хотела верить тому, что все эти мужчины, дамы, дети, няньки в формах и без оных, прислуга, воспитатели и т. п. принадлежат к одной и той же семье русского великого князя. Если бы нашёлся ещё один такой великий князь, администрации пришлось бы строить второй отель.

Моя подруга держит слово и приезжает в Рим точно в тот день, как мы договорились несколько месяцев назад. В нашей программе — поездка в Венецию, классический город всех любовников. Кто не влюблён, пусть едет во Флоренцию, где его одиночество будет гармонично соответствовать вечноморозящему дождю. Но я-то был влюблён! Мы оба хорошо знали Венецию — моё первое знакомство с этим романтическим городом состоялось ещё в 1872 году. Мы бродили по дворцам любвеобильных средневековых герцогов, как будто мы потеряли и нашли друг друга ещё несколько веков назад.

“Увидимся снова в Биаррице. И скоро!”

После Рима мы должны ехать в Биарриц. Наши сундуки уже уложены и счета оплачены, как вдруг мой сын Дмитрий начинает жаловаться на головную боль. “Скарлатина”, — диагностируют врачи. Ксения и шестеро детей отправляются в Биарриц. Я остаюсь с Дмитрием. Вчерашний любовник превращается в сиделку. Осложнения, обычно сопровождающие скарлатину, выражаются у Дмитрия болезнью уха.

В течение четырёх недель я сижу у постели сына, предаваясь горестным размышлениям. Мне бы следовало понять, что его болезнь — это мне знак; я же ничего не понимал и мечтал о Биаррице. Если бы Дмитрий не понравился, со мной могло случиться что угодно. А потом почти всё и случилось.

В Биаррице с прошлого года ничего не изменилось. Те же развлечения, те же лица, те же безумства, за которыми следуют угрызения совести. Я всё больше схожу с ума и не могу больше таиться от Ксении. Рассказываю ей все. Она тихо сидит, слушает, потом начинает плакать. У меня тоже слёзы. Она вела себя как ангел. Сердце её было разбито, но даже такую ужасную правду она предпочла лжи. Мы со всех сторон обсудили ситуацию и решили оставить всё по-прежнему ради детей. Мы навсегда остались друзьями и стали друг другу даже ближе после такого испытания. Вся добродетель — на ее стороне, вся вина — на мне. Она проявила себя как великая женщина и замечательная мать».

Глава 16

«ОТЕЦ РУССКОЙ АВИАЦИИ»

Утром 26 июля 1909 г. в отеле в Биаррице Александр Михайлович как обычно просматривал газеты. В этот день все они начинались с сенсации: тридцатилетний француз Луи Блерио на самолёте своей конструкции 25 июля перелетел пролив Ла-Манш. Пробежав заметку, великий князь отбросил газеты, вскочил и начал быстро ходить по гостиной.

Наш герой, естественно, читал и про облёт Сантосом Дюмоном Эйфелевой башни и про рекордный полёт Вильбура Райта, который в декабре 1908 г. ухитрился пролететь без посадки 124 км. Но именно полёт Блерио показал ему обозримые возможности летательных аппаратов тяжелее воздуха. В первую очередь великий князь подумал о применении аэропланов во флоте и в армии.

Александра Михайловича охватило радостное возбуждение — это «его Тулон». Он потерпел неудачу стать генерал-адмиралом, в управлении торговым флотом, в строительстве новых кораблей, а здесь он непременно возьмёт реванш. «Я стану во главе воздушного флота», — твёрдо решил великий князь.

Тут я волей-неволей должен сделать маленькое отступление, дабы ответить на возмущение читателей: «Разве в России не было своих самолётов к лету 1909 г.? А как же первый в мире самолёт капитана 1 ранга А.Ф. Можайского?» Да, действительно, пилотируемый самолёт Можайского осенью 1884 г. ненадолго оторвался от земли и тут же накренился и сломал крыло. Но самолёт Можайского имел паровой двигатель, и уже одно это делало его модернизацию абсолютно бесперспективной. А дальше были различные проекты летательных аппаратов тяжелее воздуха Е.П. Сверчкова, В.В. Татаринова и т.д. Увы, ни один из этих аппаратов так и не полетел. Так что наша авиация ведёт свою родословную исключительно от первых французских «этажерок».

Однако первым, кто занялся французской диковинкой, был не Александр Михайлович, а великий князь Пётр Николаевич. Как и большинство великих князей, Пётр Николаевич начал свою карьеру в лейб-гвардейском Преображенском полку. Императорским повелением от 11 сентября 1904 г. он был назначен генерал-инспектором по инженерной

части. Таким образом, Пётр Николаевич фактически стал начальником инженерных войск в империи. К тому времени в состав наших инженерных войск входили не только сапёрные части, телеграфные части (телеграф, телефон, радио), но и воздухоплавательные части. Эти части были сформированы в 90-х гг. XIX в. На вооружении их состояли аэростаты и дирижабли.

Большую часть своего времени Пётр Николаевич, как и положено великому князю, проводил во Франции. В феврале 1908 г. он лично наблюдал полёты Анри Фармана и решил, что аэроплан должен быть принят на вооружение воздухоплавательных частей Инженерного ведомства.

И вот в апреле 1908 г. царю был представлен доклад Главного инженерного управления (ГИУ), где говорилось: «В настоящую минуту они ещё не делают очень больших перелётов, не поднимаются на большую высоту и вообще пока ещё непригодны для военных целей, но в будущем их роль в военном деле должна быть громадна, и потому, несомненно, они будут введены в снаряжение армий».

В Париж был командирован помощник начальника воздухоплавательного отдела ГИУ капитан С.А. Немченко, который совершил несколько полётов в качестве пассажира на самолёте, пилотируемом Вильбуром Райтом.

Райт предложил Немченко продать Инженерному ведомству десять своих аэропланов и лично приехать в Россию для обучения наших лётчиков. За всё американец просил 200 тысяч рублей.

Предложение было рассмотрено руководством ГИУ в присутствии великого князя Петра Николаевича. Начальник воздухоплавательного парка генерал А.М. Кованько заявил: «Аппараты Райта непригодны для службы в Инженерном ведомстве и не стоит на них тратить столь большую сумму. Если мне выделят 75 тысяч рублей и моторы, то силами воздухоплавательного парка будет построено пять аэропланов». Тогда Пётр Николаевич пошёл на компромисс и предложил заказать во Франции шесть аэропланов разных систем, а воздухоплавательному парку приказал построить аэропланы военного типа не менее чем на трёх пассажиров. Для этой цели воздухоплавательному парку отпустили на первое время 14 тысяч рублей.

В апреле 1908 г. Немченко закупил семь авиационных двигателей различных типов (мощностью от 35 до 55 л. с.) для строительства в России аэропланов.

Весной 1909 г. офицеры-воздухоплаватели капитан М.В. Агапов,

штабс-капитаны Б.В. Голубов, Б.Ф. Гебауер и А.И. Шабский приступили к проектированию аэропланов. Поскольку полёты предполагалось проводить в Гатчине, то эти самолёты получили название «гатчинские конструкции».

Всего строилось семь самолётов. Два (конструкции Шабского и Гебауера) были испытаны в декабре 1909 г. и потерпели аварии при разбеге. Остальные самолёты даже не испытывались.

Тем временем русские крепости, за состояние которые в первую очередь отвечало ГИУ, пришли в полный упадок. В феврале 1909 г. начальник Генерального штаба генерал Сухомлинов подписал заключение, где говорилось, что «сохранение крепостей в таком состоянии... было бы изменой». В итоге 6 февраля 1909 г. великий князь Пётр Николаевич «по болезни» был освобождён от должности генерал-инспектора инженерных войск с назначением почётным членом Николаевской инженерной академии.

Больше среди великих князей охотников лезть в авиацию не нашлось, и наш герой не имел конкурентов. Но у него не было не только денег, но и своего ведомства, откуда можно было бы их качать. Разумеется, свои кровные денежки тратить на «этажерки» мог только дурак. И тут Александр Михайлович вспомнил, что из более 20 миллионов золотых рублей, собранных на строительство флота, осталась какая-то сумма.

И вот Александр Михайлович 12 января 1910 г. обратился через печать к жертвователям денег с вопросом, можно ли остаток в 880 тысяч рублей использовать для создания отечественного воздушного флота. Любопытный момент: в обращении говорилось о 880 тысячах, а в 1931 г. Александр Михайлович писал о двух миллионах рублей. Куда же делись оставшиеся 1,2 миллиона?

Наш герой умел и писать, и говорить: «То, к чему стремились в продолжение столетий, и что считалось достижимым в далёком будущем, совершилось на наших глазах; не может быть сомнений, что воздух побеждён, что будущее принадлежит воздушным кораблям... Следя за поразительными успехами полётов аппаратов тяжелее воздуха, я пришёл к глубокому убеждению, что в недалёком будущем та страна, которая первая будет обладать воздушным флотом, будет непобедима в будущей войне... Горе той стране, которая не готовится к войне, которая не прилагает всех усилий стать сильнее внешних врагов!.. Нельзя медлить ни минуты... Насколько трудно построить флот дредноутов в России, настолько легко создать воздушный флот. Я глубоко убеждён, что не пройдёт и десяти лет, как водяной флот станет ненужным; бороться ему с воздушным не под силу, смысл его существования пропадёт. Воздух принадлежит нам. Нет

проливов, запирающих все наши моря; есть простор, который нам так необходим. Я не сомневаюсь, что, принявшись энергично за создание воздушного флота, мы не только догоним, но и перегоним наших соседей... Германия первая оценила огромное значение воздушного флота и к осени текущего года будет иметь 24 воздушных корабля, а главное — опытный личный состав... Россия должна иметь воздушный флот. В противном случае нам грозит полное поражение»^[48].

Естественно, большинство жертвователей положительно отнеслись к идее Александра Михайловича. Как писал наш герой: «Через неделю я начал получать тысячи ответов, содержащих единодушное одобрение моему плану. Государь также одобрил его.

Я поехал в Париж и заключил торговое соглашение с Блерио и Вуазеном. Они обязались дать нам аэропланы и инструкторов, я же должен был организовать аэродром, подыскать кадры учеников, оказывать им во всём содействие, а главное, конечно, снабжать их денежными средствами. После этого я решил вернуться в Россию. Гатчина, Петергоф, Царское Село и С.-Петербург снова увидят меня в роли “нарушителя спокойствия”.

Ники улыбался. Военно-морской министр решил, что я сошёл с ума. Военный министр генерал Сухомлинов затрясся от смеха, когда я заговорил с ним об аэропланах.

— Я вас правильно понял, Ваше Высочество? — спросил он меня между двумя приступами смеха. — Вы собираетесь применить эти игрушки Блерио в нашей армии? Угодно ли вам, чтобы наши офицеры бросили свои занятия и отправились летать через Ла-Манш, или неё они должны забавляться этим здесь?

— Не беспокойтесь, Ваше Превосходительство. Я у вас прошу только дать мне несколько офицеров, которые поедут со мною в Париж, где их научат летать у Блерио и Вуазена. Что же касается дальнейшего, то хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

Государь дал мне разрешение на командировку в Париж избранных мною офицеров, хотя, по его словам, даже великий князь Николай Николаевич не видел в моей затее никакого смысла.

Первая группа офицеров выехала в Париж, а я отправился в Севастополь для того, чтобы выбрать место для будущего аэродрома».

Почему великий князь выбрал Севастополь? Причин две — благоприятные климатические условия Крыма, а главное, подальше от Гатчины, где велись полёты аэропланов инженерного ведомства. Первоначально в качестве помещения для лётной школы было выбрано здание Яхт-клуба в Севастополе, а в качестве аэродрома — Куликово поле,

которое ранее использовалось как стрельбище.

Севастопольская школа открылась 11 ноября 1910 г. После торжественного молебна великий князь обошёл строй аэропланов. Их было пока немного — два «Фармана» с моторами «Гном» по 50 л. с., три «Блерио», два «Антуанетта» с мотором «Лизани» в 25 л. с.

Начальником авиашколы назначили капитана 2 ранга В.Н. Кедрина. В качестве инструктора пригласили знаменитого русского лётчика М.Н. Ефимова.

14 ноября опять же в присутствии Александра Михайловича начались полёты. В 9 часов утра инструктор Ефимов на «Фармане» летал с учениками лейтенантом Подгурским — 13 минут, капитаном 2 ранга Кедринным — 18 минут, подполковником Макутиным — 14 минут. У инструкторов штабс-капитана Матыевича-Мадиевича и поручика Руднева до обеда дело не ладилось — моторы плохо работали, было сделано по несколько пробных подъёмов, но из-за остановки моторов приходилось тотчас спускаться. После обеда инструктор М.Н. Ефимов летал с учениками капитаном 2 ранга Кедринным — 15 минут, лейтенантом Подгурским — 15 минут, подполковником Макутиным — 20 минут. Инструктор Е.В. Руднев летал на «Фармане» с учениками корнетом Бахмутовым, поручиком Виктор-Берченко и штабс-капитаном Быстрицким.

Мне не хочется ни умалять, ни преувеличивать роль Александра Михайловича в создании и работе Севастопольской школы. С одной стороны, его положение и энергия преодолевали различные бюрократические преграды, все высшие военные и гражданские чины вставали на вытяжку перед великим князем. Но, с другой стороны, его руководство школой было номинальным, он редко вникал в технические вопросы, не выдвигал новых идей и т.д. И, как всегда бывает, когда автомобиль с великим князем уезжал в направлении Байдарских ворот, а оттуда — в любимый Ай-Тодор, офицеры и рядовые облегчённо вздыхали.

Зима 1910/1911 гг. в Крыму выдалась суровая. В декабре 1910 г. выпал снег, и взлетать с Куликова ноля стало невозможно. Кто-то сострил насчёт «гатчинской погоды». Но начальник школы твёрдо заявил: «Учиться летать только в благоприятных условиях — всё равно что учиться плавать в штилевую погоду».

А почему бы вместо колёс не использовать лыжи? Сказано — сделано. Первым взлетает лётчик Пиотровский на «Блерио». Но, увы, 25 лошадиных сил двигателя не хватило для того, чтобы оторваться от земли. Следующим летел Кедрин на «Соммере». Полёт прошёл удачно, но сильный боковой ветер затруднил посадку. Левая лыжа самолёта при посадке сломалась,

нилот получил серьёзные ранения.

В связи с ранением Кедрина в марте 1911 г. на должность начальника школы был назначен подполковник Генерального штаба С.И. Одинцов, установивший в 1910 г. всероссийские рекорды дальности (Санкт-Петербург — Таганрог), продолжительности (40 часов и 3 минуты) и высоты (6400 м) полёта на сферическом аэростате в 1437 куб. м.

В ходе полётов выяснилось, что Куликово поле неудобно в качестве лётного поля. Его с трёх сторон окружали жилые постройки, а с четвёртой — глубокий овраг. Один из самолётов зацепился за телеграфные провода и совершил аварийную посадку.

В «Воспоминаниях» Александр Михайлович писал: «...осенью 1909 г. я приобрёл значительный участок земли к западу от Севастополя и заложил первую русскую авиационную школу». Тут память явно отказала великому князю. Новое место для лётного поля и авиашколы было найдено лётчиками Ефимовым и Седовым в Мамашайской долине за небольшой речкой Качей в 15 вёрстах от Севастополя. Там была основана знаменитая Качинская авиашкола, которую с 1911 г. по 1991 г. окончили десятки тысяч наших лётчиков. Кстати, в Качинской авиашколе перед Великой Отечественной войной учился и Василий Сталин.

16 апреля 1909 г. был произведён первый в России опыт взаимодействия авиации с флотом. Во время манёвров Черноморской эскадры (в манёврах участвовали броненосцы «Иоанн Златоуст» и «Ростислав», крейсера «Намьят Меркурия» и «Кагул», миноносцы «Свирепый», «Строгий», «Стремительный» и «Сметливый») над кораблями, вышедшими на рейд, отрабатывали программу взаимодействия с флотом три аэроплана. Аэроплан, пилотируемый Макеевым, вылетев на рейд, сделал круг над кораблями и, имитируя разведку обстановки, повернул назад. Затем аэропланы, пилотируемые М.Н. Ефимовым (на высоте 1500 м) и Макеевым (на высоте 600 м), имитировали охрану эскадры с воздуха; аэроплан, пилотируемый лейтенантом Дыбовским, выполнял функции связного.

Личный состав школы принял активное участие в киевских манёврах 1911 г. и варшавских манёврах 1911-1912 гг.

19 марта 1911 г. Александр Михайлович предложил военному министру Сухомлинову проект «Положения о авиационной школе», согласно которому школа должна была состоять из двух частей — в Севастополе и в Гатчине. При этом в Севастополе должны учиться 20 офицеров и 60 нижних чинов, командированных Военным ведомством. Офицеры учатся шесть месяцев, а нижние чины — двенадцать месяцев. В

Гатчинской школе должны учиться 10 офицеров и 20 нижних чинов. Из лётного состава обеих школ на время манёвров сухопутных войск создаются временные авиационные отряды, а в случае мобилизации формируются боевые авиационные отряды.

Военный министр утвердил Положение, и Александр Михайлович таким образом получил под начальство обе авиационные школы. К апрелю 1912 г. в школах состояло 55 самолётов. В 1911 и 1912 гг. было закуплено за границей и построено в России 77 самолётов.

Сам Александр Михайлович периодически участвовал в манёврах, но основным его местом пребывания оставалась Франция. О новых приключениях нашего героя речь пойдёт позже, а здесь я лишь замечу, что иногда и за границей он занимался авиационными делами. Так, по инициативе великого князя летом 1911 г. в Париже на двухместном аэроплане «Блерио» установили радиопередатчик системы лейтенанта Л. Тучкова. В. Дыбовский вместе с Тучковым провели несколько полётов с радиопередатчиком и удачно осуществили радиообмен с землёй. 4 октября 1911 г. лейтенант В. Дыбовский доложил великому князю о ходе испытаний. По его расчётам, аппарат Тучкова мог обеспечить связь на 50-70 вёрст.

Мне не хотелось бы, чтобы роман об Александре Михайловиче превратился в 1-й том истории отечественной авиации, поэтому я попытаюсь лишь обозначить роль великого князя в дальнейшем развитии авиации, поскольку отечественные историки до 2005 г. включительно старательно обходили его участие в создании нашей авиации.

Любопытно, что первые авиационные отряды у нас получили не полевые войска, а сухопутные крепости. Причём Александр Михайлович был горячим сторонником такого решения вопроса. Первые авиационные отряды, позже переименованные в роты, были созданы в Александровской крепости (Варшава), Осовце, Брест-Литовске и других западных крепостях. К августу 1914 г. появились проекты подземных забетонированных убежищ (капониров) для самолётов, и в ряде крепостей началось их строительство.

Александр Михайлович не забывал родной Кавказ, и по его указаниям к апрелю 1914 г. был создан Карский авиаотряд. Замочу, что Карс находится на высоте 1764 м от уровня моря, возникали определённые трудности при эксплуатации несовершенных аэропланов.

В апреле 1914 г. великий князь Александр Михайлович обратился через печать к населению России с призывом для сбора пожертвований на нужды воздушного флота. В обращении говорилось: «Но подлежит сомнению, что если мы не приложим всех усилий на развитие уже

начатого, мы потеряем то место (второе в мире), которое в отношении воздушного флота занимаем на сегодня и отстанем от наших соседей. Опасность положения ясна, допустить того нельзя, и я снова считаю долгом обратиться с призывом о пожертвовании на воздушный флот».

В годы войны вся авиация была подчинена великому князю Александру Михайловичу, за исключением эскадры воздушных кораблей, которая была непосредственно подчинена Ставке, то есть великому князю Николаю Николаевичу. В эскадру входили четырёхмоторный бомбардировщик «Илья Муромец» и небольшое число одномоторных самолётов, в числе которых были истребители С-16 конструкции Игоря Сикорского, которых на Русско-Балтийском заводе построили 18 штук. Александр Михайлович затеял большую склоку, пытаясь изъять их из эскадры. Получив 3 февраля 1916 г. уведомление о готовности всех С-16 от начальника Военной авиационной приёмки генерала Вернандера, Александр Михайлович потребовал от начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева: «разрешено ввиду того, что эскадра ещё не приступила к боевой работе, послать в 7 и 11 армии аппараты Сикорского 16, являющиеся ныне наиболее быстроходными. В противном случае дальнейшая разведка станет невозможной». Требования великого князя поддержал и командующий Северным фронтом генерал Л.Н. Куропаткин. Зная, что по штатам эскадры для самолётов С-16, приданных боевым отрядам воздушных кораблей, специальных лётчиков не полагается, он требовал отправить истребители из эскадры на фронт, в район Якобштадта, с лётчиками «муромцев». Однако 6 марта 1916 г. генерал М.В. Алексеев запретил использовать эскадренные истребители С-16 отдельно от «муромцев». В конце концов Александру Михайловичу оставили шесть самолётов С-16.

Узнав об изобретении Глебом Котельниковым парашюта, Александр Михайлович публично высказался: «Парашют в авиации — вещь вредная, так как лётчики при малейшей опасности будут спасаться на парашютах, предоставляя самолёты гибели». Великому князю удалось на несколько месяцев оттянуть введение парашютов в русскую военную авиацию. Но, в конце концов, это пришлось сделать из-за больших потерь лётного состава в первые два года войны.

Подробный рассказ о руководстве великим князем военной авиацией в 1914-1916 гг. представляет интерес лишь для историков авиации, а мы попробуем дать общую оценку его деятельности.

Итак, был ли Александр Михайлович «отцом русской авиации»? Без особой натяжки я говорю — да! Действительно, без доли юмора ему можно

даровать сей титул. И если бы за это взялся другой великий князь или генерал, дела обстояли бы гораздо хуже.

В слабости же нашей авиации виноват не столько Александр Михайлович, сколько российская система управления вооружёнными силами, косность мышления правительства и военных. И эта косность, хотя и в меньшей степени, была присуща и нашему герою.

При создании отечественной авиации повторилась та же история, что и при строительстве паровых кораблей перед Крымской войной. Вместо того чтобы строить заводы, способные производить мощные паровые машины, их заказывали за рубежом. То, что сердце самолёта — «пламенный мотор», не понимали ни Александр Михайлович, ни другие наши генералы. В итоге подавляющее большинство русских самолётов летало на маломощных импортных моторах.

В ходе войны ни количественно, ни качественно наша авиация не могла сравниться с германской. Если к началу войны русская военная авиация численно немного превосходила германскую (263 машины против 232), то в 1916 г. соотношение кардинально изменилось — 360 машин против 1604 у немцев.

Русский истребитель С-16 имел полётный вес 676 кг, мотор «Гном» мощностью 80 л. с., максимальную скорость 120 км/ч, вооружение — один пулемёт.

Германский истребитель «Юнкере» J-2, созданный в 1916 г., имел полётный вес 1160 кг, максимальную скорость 205 км/ч, один пулемёт. В следующем 1917 г. был создан J-3, развивавший скорость 240 км/ч.

С-16 набирал высоту 3 км за 40 минут, а германский истребитель «Фоккер» D-8 — 4 км за 11 минут.

Хвалёный бомбардировщик «Илья Муромец» только последнего выпуска (1916 г.) имел взлётный вес 5500 кг, бомбовую нагрузку до 500 кг. Четыре мотора «Бедмор» мощностью по 160 л. с. каждый позволяли ему развивать максимальную скорость 137 км/ч. (У более ранних моделей скорость была от 80 до 120 км/ч.) Дальность полёта составляла 540 км. Германский бомбардировщик «Linke-Hofmann» R1 имел взлётный вес 12 300 кг, бомбовую нагрузку 8 тонн, четыре мотора «Даймлер» по 260 л. с., максимальную скорость 132 км/ч.

В 1917 г. германские ночные бомбардировщики стали совершать налёты на Лондон. Наши же авиаторы могли только мечтать о таких машинах. Несмотря на все усилия Александра Михайловича, превосходство в воздухе в течение всей войны было на стороне немцев.

Глава 17

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ И ДВЕ ЕГО СТРАСТИ

В «Воспоминаниях» Александр Михайлович почти не касается деятельности своего брата Сергея, хотя братья всегда находились в прекрасных отношениях, а в 1914-1917 гг. тесно сотрудничали в военных и политических делах. Александру Михайловичу крайне невыгодно говорить о ряде военных и политических авантюр, в которых был замешан брат. Нам же придётся поподробнее познакомиться с Сергеем и его увлечениями, благо, они оказали роковое влияние на судьбу Российской империи.

Этими увлечениями стали руководство артиллерией империи и Матильда Кшесинская. Как ни странно, но делами Военного ведомства в России начала управлять балерина.

Матильда Кшесинская родилась 19 августа 1872 г. по старому стилю или 1 сентября по новому, в местечке Лигово в 13 вёрстах от Петербурга, где её родители снимали на лето дачу. Отец её Адам-Феликс Кшесинский служил танцовщиком в императорских театрах на вторых ролях, где обычно исполнял польские танцы краковяк, мазурку и т.д. Мать Матильды до свадьбы также была балериной. Как писала сама Кшесинская в «Воспоминаниях»: «У моих родителей было четверо детей, из которых один умер в младенческом возрасте. Трое из оставшихся в живых пошли на сцену. Моя старшая сестра Юлия была очень красива и великолепно исполняла характерные танцы; она выступала под именем Кшесинской 1-й. Её считали гордостью театра и всегда давали лучшие роли. Мой брат Юзеф был очень талантлив и считался ведущим танцовщиком». Но почему-то ряд современных авторов, включая Балязина, считают, что у Кшесинских было 13 детей.

Естественно, что Матильда, согласно семейной традиции, поступила в Императорское театральное училище. Замечу, что Матильда росла умной и развитой девочкой. О таких А.П. Чехов писал, что они «с двенадцати лет научились не замечать этих несносных мужчин».

О своих увлечениях Матильда вскользь упоминает в «Воспоминаниях»: «Четырнадцатилетней девочкой я стала кокетничать с молодым англичанином Макферсоном. Я не была в него влюблена, но мне

нравилось флиртовать с красивым и элегантным юношей». В итоге «англичанин напрочь забыл о своей невесте. После этого я стала получать от него любовные письма и цветы. Но очень скоро это развлечение мне надоело. И всё же его свадьба с этой девушкой расстроилась. Это был первый грех, который я взяла на душу».

23 марта 1890 г. в Императорском театральном училище состоялся выпускной спектакль, на котором присутствовали Александр III и другие члены августейшей фамилии. После спектакля состоялся торжественный обед. Александр III усадил Кшесинскую рядом с собой, пожелал ей быть «украшением и славой нашего балета». С другой стороны от Матильды он посадил своего наследника — Ники (будущего Николая II), и при этом, улыбаясь, сказал: «Смотрите, только не флиртуйте слишком».

Ники правильно воспринял совет отца, но несколько минут думал, как начать разговор. «Перед каждым прибором стояла обычная белая кружка. Наследник престола посмотрел на неё и, обращаясь ко мне, спросил:

— Наверняка дома вы не пьёте из таких кружек?»

Так начался роман.

Следует заметить, что в те времена Императорский балет представлял нечто вроде коллективного гарема для семейства Романовых. Гораздо проще перечислить великих князей, не имевших актрисок любовниц, чем наоборот. Иногда романы затягивались, и у многих великих князей создавались вторые семьи. Так, у великого князя Константина Николаевича с балериной Линой Кузнецовой было пятеро детей, получивших фамилию Князевы. У великого князя Николая Николаевича (старшего) от балерины Екатерины Числовой было четверо детей, получивших фамилию Николаевы. Великий князь Николай Николаевич был главнокомандующим русской армии на Балканах в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Бездарный полководец, он стал героем офицерских анекдотов типа: «Вещий Олег взял Константинополь и прибил щит к его воротам, а Николай Николаевич хотел прибить к воротам Стамбула панталончики Числовой, да турки не дали» и др.

Далее знаменитая Анна Павлова имела роман с великим князем Борисом Владимировичем.

Тут я сделаю маленькое отступление. Сейчас развелось много «интеллигентов-образованцев», которые с высоты своего образования (как-никак закончили советские вузы), брезгливо морщась, любят говорить: зачем собирать сплетни и копаться в чужой личной жизни? Увы, пороки или даже маленькие слабости сильных мира сего очень часто оборачиваются бедствием или даже катастрофой для миллионов людей. А

что касается балеринок и их бастрюков, то они не только не стеснялись своих походов, но и писали мемуары, давали интервью. Западные историки даже составили генеалогические древа для Числовых-Николаевых и К° [\[49\]](#).

Юные гвардейские плеябои великий князь Сергей Михайлович (внук Николая I) и его сослуживцы по полку — Воронцов и Шереметев — организовали «картофельный клуб». Во Франции такой «картофель» называли «клубничкой». Вскоре в «картофельный клуб» вступает и наследник престола, будущий император Николай II. В его дневнике появляются частые упоминания о походах за «картофелем».

Малечка Кшесинская оказалась вкусной картофелиной, и роман с цесаревичем Николаем затянулся на несколько лет.

Надо отдать должное Кшесинской — роман романом, а театр театром. Она постепенно становится одной из звёзд русского балета.

В 1892 г. Матильда на сцене Мариинского театра уже танцует главные роли. 17 января 1893 г. она танцевала Аврору в «Спящей красавице» и удостоилась похвалы от самого Петра Ильича Чайковского.

Увы, роман с наследником не перешёл в роман с императором. За несколько недель до смерти императора Александра III 7 апреля 1894 г. цесаревич Николай был помолвлен с принцессой Алисой Гессенской. Матильда была в отчаянии: «Что я испытала в день свадьбы государя, могут понять лишь те, кто способен действительно любить всею душою и всем своим сердцем и кто искренне верит, что настоящая, чистая любовь существует». Но утешение пришло немедленно в лице товарища Николая по «картофельному клубу» великого князя Сергея Михайловича. Кшесинская написала в мемуарах: «Много лет спустя я узнала, что Ники просил Сергея следить за мной».

Великий князь Сергей Михайлович был красивым высоким блондином и большим оригиналом. В огромном отцовском дворце он любил ездить на велосипеде по анфиладам комнат, в 1914-1917 гг., находясь при Ставке верховного главнокомандующего, с большим увлечением занимался разведением овощей. Сергей Михайлович в глазах Кшесинской обладал двумя большими достоинствами — во-первых, ему подчинялись все Императорские театры, а во-вторых... мы скажем чуть позже.

Для Сергея Михайловича Кшесинская стала поистине роковой женщиной. Он любил её всю жизнь и до последнего дня носил подаренный ею золотой медальон.

Казалось, Кшесинская должна быть счастлива. Но, увы, она начинает новый роман в свой бенефис 13 февраля 1900 г. по случаю десятилетия

пребывания её на сцене Мариинского театра. Её избранник — великий князь Андрей Владимирович, внук Александра II. Кстати, Андрей Владимирович был на 6 лет моложе балерины.

А как же великий князь Сергей? Истерики, драмы? Нет, ничуть не бывало. Помните, у Толстого: «Элен представилась новая ещё в её карьере задача: сохранить свою близость отношений с обоими, не оскорбив ни одного. То, что показалось бы трудным или даже невозможным для другой женщины, ни разу не заставило задуматься графиню Безухову». Матильда переплюнула Элен Безухову. Она не только сохранила обоих любовников. Элен, как помните, умерла от аборта, а Кшесинская 18 июня 1902 г. родила сына Владимира сразу от двух великих князей. Так, по крайней мере, она уверила их обоих. Сергей Михайлович до последней минуты жизни считал ребёнка своим.

Значение Кшесинской в театре непрерывно растёт. И, наконец, 15 апреля 1901 г. окончательно решается вопрос — кто хозяин Мариинского театра. Кшесинской поручается ведущая роль в балете «Камарго», где она должна была танцевать в пышной юбке с фижмами. Матильда решила, что при её маленьком росте фижмы ей не пойдут. Однако директор театра запретил изменять утверждённый костюм. Матильда побежала к Николаю II. Вопрос о фижмах был решён Высочайшим повелением. Директор театра князь Волконский (между прочим, Рюрикович, потомок удельных рязанских князей) вынужден был уйти в отставку, а вместо него директором был назначен Владимир Теляковский. Но и ему пришлось несладко. Вот что Теляковский писал в дневнике 3 января 1907 г.: «Матильда Кшесинская, не служа уже в труппе, продолжает не только распоряжаться в балете, но и нагоняет страх на начальствующих лиц вроде балетмейстера и главного режиссёра. Какой же может быть порядок в подобной труппе и что это за яд — сожительство артисток с великими князьями!»

15 ноября 1910 г.: «Неужели это театр, неужели это искусство и неужели этим я руковожу? Все довольны, все рады и прославляют необыкновенную, технически сильную, нравственно нахальную и циничную, наглую балерину, живущую одновременно с двумя великими князьями и не только этого не скрывающую, а, напротив, вплетающую и это искусство в свой вонючий, циничный венок людской падали и разврата».

12 декабря 1910 г.: «Сегодня во время представления Крупенскому надо было видеть Кшесинскую. Когда он стучал к ней в уборную, то вел. кн. Сергей Михайлович, который был там, спросил, кто это, женщина или

мужчина, и, узнав по голосу, что это Крупенский, сказал: «Крупенскому можно». Когда Крупенский вошёл, то увидел Кшесинскую в одной рубашке перед сидящим великим князем. Чистая идиллия!!! Всё, всё просто».

Бедная мать-одиночка становится богатейшей женщиной России. Уже в 1895 г. Кшесинская покупает загородный двухэтажный дворец в Стрельне. Балерина капитально отремонтировала дворец и даже построила собственную электростанцию. «Многие мне завидовали, так как даже в императорском дворце не было электричества», — с гордостью отмечает Кшесинская.

Балерина, её современница, рассказывала: «О её доме в Стрельне ходили легенды. Сколько юных танцовщиц, начинающих дебютанток прошли через этот дворец! Балерин собирали в огромном зале... Гасли свечи, в темноте открывались двери, и толпа молодых великих князей радостными жеребцами врывалась в комнату — это называлось “Похищение сабинянок”. “Живые картины” продолжались до утра в бесконечных комнатах, где уединялись похитители и похищенные».

Во дворце в Стрельне шла большая карточная игра, там раздавались концессии, ворочали миллионами. На день рождения Матильды в Стрельне накрывались столы на тысячу персон. И ради такого праздника даже менялось железнодорожное расписание.

Весной 1906 г. Кшесинская покупает участок земли на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы и заказывает проект дворца архитектору Александру фон Гогену. К началу 1907 г. двухэтажный дворец закончен. Его длина 50, а ширина 33 метра. О дворце писали — всё было построено и обставлено по желанию и вкусу Кшесинской: зал — в стиле русский ампир, салон — в стиле Людовика XVI, спальня и уборная — в английском стиле и т.д. Стильную мебель поставил известный французский фабрикант Мельцер. Люстры, бра, канделябры и всё прочее, вплоть до шпингалетов, было выписано из Парижа. Дом с прилегающим садом — маленький шедевр фантазии Матильды Кшесинской. Вышколенные горничные, французский повар, старший дворник — георгиевский кавалер, винный погреб, конные экипажи, два автомобиля и даже коровник с коровой и женщиной-коровницей. Любила Матильда попить молочка. Был, разумеется, и большой зимний сад.

Маленький штрих из личной жизни Матильды. Вот для неё снимается «прекрасная дача в Нижнем Мисхоре», и она едет в Крым. Внешне это выглядит как выезд высочайшей особы. «Мне пришлось закупить весь спальный вагон, уплатив полную стоимость билетов. Людей со мной ехало

много: горничная, камердинер Вовы и два его гувернёра, Щедрин и Пфлюгер, мой лакей и два повара. Всего нас было девять человек, а по приезде мы нашли ещё одного работника для кухни. Он оказался таким милым, что мы потом забрали его в Петербург», — как писала сама Кшесинская в «Воспоминаниях».

Хорошие мамы под Новый Год водят детей на представления — «ёлки». Матильда же была очень хорошей мамой и для любимого Вовы устраивала «ёлки» на дому. Вот, например: «В тот год я пригласила известного клоуна Дурова с его дрессированными зверями, которых привезли ко мне в дом. Среди них был даже огромный слон».

В 1912 г. Кшесинская за 180 тысяч франков покупает виллу «Ялам» на Лазурном Берегу на юге Франции. На вилле был двухэтажный дом, рядом — котельная, гараж с комнатой шофёра и прачечная. Но это показалось Матильде слишком скромно, и в 1912-1914 гг. рядом возводится большой дворец, а старый двухэтажный дом отдаётся для гостей (2-й этаж) и прислуги (1-й этаж).

Откуда такие деньги у Матильды? Годовое жалованье балерины до 1903 г. составляло 5 тысяч рублей, а затем — 8 тыс. рублей. А в феврале 1917 г. Малечка бежала из дома, прихватив первые попавшиеся драгоценности. В Кредитном банке их оценили в два миллиона рублей, то есть жалованье за 400 лет беспорочной службы балерины, и то Кшесинская считала, что её сильно надули.

Так неужели Кшесинская полностью разорила двух великих князей? Увы, нет. Начало XX в. — это не галантный XVIII в., где лихой гвардеец, а то и истопник за ночь с императрицей получал тысяч пять крепостных или целый городишко типа Шклова. Последние Романовы были предельно скупы. Скупость Александра III и Николая II граничила с патологией. После многомесячного знакомства с Распутиным царь впервые дал ему... 20 рублей!? Старец презрительно отказался и больше никогда ни копейки не получил от царя. Внук Николая I — Николай Константинович — в 1874 г. нарушил традицию дома Романовых и подарил своей метрессе певице Фании Лир небольшую часть фамильных драгоценностей и за это был без суда и следствия пожизненно сослан Александром II вначале в Сибирь, а затем в Ташкент. Там его и застала революция. 10 марта 1917 г. в Ташкенте на торжественном митинге Николай Константинович закончил свою речь словами: «Да здравствует революция!» Многолюдная толпа скандировала его слова.

В феврале 1918 г. великий князь умер от пневмонии. В холодный дождливый день по улицам Ташкента шла траурная процессия: впереди

несли гроб, увитый кумачом, следом шли вооружённые красноармейцы, рабочие, обыватели. Оркестр «выдувал медь»: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Николай Константинович стал единственным членом семейства Романовых, умершим в революционные годы своей смертью.

Но вернёмся к Матильде. Как видим, бриллианты, экипажи, электростанции и дворцы Матильды не куплены на деньги наследника или великих князей.

Вот теперь и время рассказать о втором достоинстве великого князя Сергея Михайловича — он руководил не только Театральным обществом и Императорским русским балетом. К сожалению, одновременно с балетом Сергей вместе со своим отцом руководил всей русской артиллерией, то есть был генерал-инспектором артиллерии. Современники острили: «Мы имеем прекрасный балет и отвратительную артиллерию».

В качестве генерал-инспектора артиллерии Сергей Михайлович подчинялся лишь отцу, пребывавшему в Ницце, и своему приятелю Ники. Правда, приказом № 664 по Военному ведомству все генерал-инспекторы были подчинены военному министру, но это осталось лишь на бумаге. Фактически до 1917 г. Сергей был независимым удельным князем в Военном ведомстве.

Было бы ошибкой сказать, что великий князь Сергей кардинально изменил развитие нашей артиллерии. На самом деле он продолжил дело своего отца и его советников.

После поражения России в Крымской войне Александр II обратился за помощью в перевооружении артиллерии к малоизвестной тогда германской фирме Круппа. История сотрудничества России с фирмой Круппа, к сожалению, до сих пор представляет белое пятно в истории. Я же скажу коротко — Крупп создал российскую нарезную артиллерию. В свою очередь Россия идеями своих артиллеристов и миллионами золотых рублей создала империю Круппа.

С известной долей упрощения сотрудничество России и Круппа можно представить по следующей схеме. Артиллерийский комитет ГАУ разрабатывал проект орудия и направлял его Круппу. Там проект дорабатывался, создавались рабочие чертежи, и по ним изготовлялся опытный образец орудия. Далее опытный образец испытывали на полигоне у Круппа в присутствии представителей нашего ГАУ. В отдельных случаях вторичные испытания проводились на Волковом поле — полигоне ГАУ под Петербургом. Далее следовал заказ на серийное производство орудий заводу Круппа, и одновременно крупповская документация и даже полуфабрикаты орудий (трубы, кольца, замки и т.д.) поступали на русские

казённые заводы — Обуховский^[50], Пермский^[51] и Санкт-Петербургский орудейный. В некоторых случаях Крупп не получал заказа на серийное производство, а его начинали сразу на русских заводах. В любом случае, при Александре II серийное производство пушек в России начиналось через несколько месяцев, а то и недель после окончания испытаний опытного образца Круппа. Следует заметить, что наши инженеры Обуховского завода не просто копировали изделия Круппа, а дорабатывали их. В подавляющем большинстве случаев в серию на ОСЗ шли орудия с лучшими тактико-техническими характеристиками, чем серийные орудия Круппа.

Так полнились русские системы орудий образца 1867 г. (до 1878 г. они назывались «прусской системы»). Это были не орудия, принятые на вооружение в 1867 г., как считает большинство наших историков, а орудия с каналом образца 1867 г.^[52]

В 1877 г. Крупп предложил России новую систему нарезов канала ствола. У нас ее назвали системой образца 1877 г. Орудия образца 1877 г. стреляли снарядами с двумя модными поясками, а позже и со специальным центрирующим утолщением. Фактически это был современный нам тип орудий. Снарядами от орудий образца 1877 г. можно стрелять и из некоторых современных орудий (с 1-процентной глубиной нарезки).

В 1891 г. император Александр III заключил военный союз с Францией. Позже наши и французские историки по разным конъюнктурным причинам исказили суть этого договора. Это был союз, равно направленный как против Германии — злейшего врага Франции, так и против Англии, агрессивно настроенной как против России, так и против Франции. Однако правящие круги Франции постепенно выхолостили антибританскую направленность договора и превратили его из-за некомпетентности Николая II исключительно в антигерманский договор. Мало того, Франция фактически предала своего союзника в ходе Русско-японской войны 1904-1905 гг. Причём Франции не было никакой нужды посылать своих солдат для войны с Японией. Вполне было бы достаточно от мобилизовать свой флот и сосредоточить свои эскадры на Атлантическом побережье Франции, дабы исключить британское вмешательство в Русско-японскую войну. Если бы Франция дала совместно с Германией гарантию России, что в случае вмешательства Англии в войну она будет иметь дела с двумя великими государствами Европы, то Россия могла бы легко покончить с Японией, объявив неограниченную крейсерскую войну^[53].

Замечу, что ни одно франко-русское соглашение с 1891 г. по 1914 г. не

ограничивало русско-германское военное сотрудничество. Тем не менее Россия, получавшая от Круппа лучшие в мире артсистемы, с 1891 г. начинает ориентироваться на Францию, позорно разбитую крупповскими пушками в 1870 г.! И дело тут не в соглашениях, а в личной инициативе генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича, проживавшего в Ницце, и генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, тоже проводившего полжизни в Париже со своими многочисленными метрессами.

После 1895 г. (то есть после воцарения Николая II) русская сухопутная артиллерия ставится в полную зависимость от Франции. И дело не только в том, что Круппа заменила фирма Шнейдера, производившая менее качественные орудия. Ни Крупп, ни германское правительство никогда не вмешивались в раздачу военных заказов русским заводам, а тем более в стратегию и тактику русской армии, справедливо считая это прерогативой русских властей. А вот фирма Шнейдера, заключив контракт с военным ведомством России, обязательно оговаривала, что столько-то лет такая-то пушка системы Шнейдера будет изготавливаться исключительно на Путиловском заводе, или вообще будет изготавливаться только на этом заводе.

Почему же Шнейдер так возлюбил этот завод? Да потому, что Путиловский завод — единственный русский частный артиллерийский завод, все же остальные артиллерийские заводы с 1800 по 1914 г. принадлежали казне. Надо ли говорить, что правление Путиловского завода было слитком тесно связано с фирмой Шнейдера.

Великий князь Сергей Михайлович и Кшесинская совместно с руководством фирмы Шнейдера и правлением Путиловского завода организовали преступный синдикат. Формально в России продолжали проводиться конкурсные испытания опытных образцов артиллерийских систем, на которые по-прежнему приглашались фирмы Круппа, Эрхардта, Веккерса, Шкода и другие, а также русские казённые заводы Обуховский и Санкт-Петербургский орудийный. Но в подавляющем большинстве случаев победителем конкурса оказывалась фирма Шнейдера.

Автор лично изучал в архивах Военно-исторического музея отчёты о конкурсных испытаниях орудий. В угоду великому князю Сергею Михайловичу комиссия часто шла на подлог. К примеру, вес орудий Шнейдера подсчитывался без башмачных поясов и ряда других необходимых элементов, а орудий Круппа — в полном комплекте. В отчёте писалось, что орудие Шнейдера легче и подлежит принятию на вооружение, но фактически в боевом и походном положении оно было

тяжелее своего крупновского аналога.

Что же касается самодержца всероссийского, то занятый мундирами, пуговицами, значками и ленточками, к гаубицам он особого интереса не проявлял.

Но и на этом не кончились бедствия русской артиллерии. Французское правительство через фирму Шнейдера, Сергея, Матильду и ряд других агентов влияния в Санкт-Петербурге навязало российской артиллерии свою доктрину. По французской доктрине будущая война должна быть манёвренной и скоротечной. Для победы в такой войне достаточно иметь в артиллерии один калибр, один тип пушки и один тип снаряда. Конкретно это означало, что армия должна была иметь 76-мм дивизионные пушки, которые могли стрелять только одним снарядом — шрапнелью. Действительно, к концу XIX в. во Франции и других странах были созданы эффективные образцы шрапнелей.

Шрапнельным огнём одна 8-орудийная русская батарея могла в считанные минуты полностью уничтожить пехотный батальон или даже полк кавалерии. Именно за это в 1914 г. немцы прозвали трёхдюймовку «косою смерти». Но насколько эффективной шрапнель была по открытым живым целям, настолько же слабой она была при поражении целей, сколько-нибудь укрытых. Это сразу же выяснилось в ходе Русско-японской войны, и ГАУ было вынуждено заказать 3-дюймовые фугасные гранаты за рубежом и начать разработку отечественной мелинитовой гранаты, которая была принята на вооружение в 1907 г. В известной мере русскую армию в Маньчжурии спасли устаревшие батарейные пушки образца 1877 г. и 6-дюймовые полевые мортиры образца 1883 г.

Французская доктрина одного калибра, одной пушки и одного снаряда была бы очень хороша в эпоху наполеоновских войн при стрельбе по сомкнутым колоннам пехоты и кавалерийским лавам. Стоит отметить, что сами французы, интенсивно развивая дивизионную артиллерию, не следовали теории трёх единств. Они не забывали и о тяжёлой артиллерии, огромные средства шли и на перестройку крепостей.

После поражения в войне с Японией военное ведомство вынуждено было внести коррективы во французскую стратегию молниеносной войны. В первую очередь ГАУ занялось полевой артиллерией. В состав дивизионной артиллерии были введены 122-мм (48-линейные) гаубицы образцов 1909 г. и 1910 г. В России была создана тяжёлая полевая (корпусная) артиллерия, в состав которой вошли 152-мм полевые гаубицы образца 1910 г. и 107-мм пушки образца 1910 г. Обратим внимания, все эти образцы орудий были созданы фирмой Шнейдера. Но с изготовлением 122-

мм гаубицы Шнейдер запоздал, и на конкурс 1907 г. его гаубица не попала. Поэтому среди 122-мм гаубиц Круппа, Эрхардта, Обуховского и Путиловского заводов был принят на вооружение образец Круппа, который под названием «48-линейная полевая гаубица обр. 1909 г.» был запущен в серийное производство.

Сергею Михайловичу это явно не понравилось в связи с тем, что Матильда строила новый дворец в Петербурге и покупала дворец на Лазурном Берегу. Деньги были нужны, и через несколько месяцев на вооружение принимается 122-мм гаубица Шнейдера (обр. 1910 г.), которая, по меньшей мере, не имела никаких преимуществ по сравнению с гаубицей Круппа. В итоге артиллерия получила две конструктивно различные системы, выполнявшие одну и ту же задачу.

Что же касается батальонной и полковой артиллерии, то её не было и в помине. Для горной артиллерии была принята трёхдюймовая (76-мм) горная пушка образца 1909 г. системы Данглиза.

О пушке Данглиза расскажу поподробнее. В 1893 г. греческий полковник Данглиз составил проект 75-мм горной разборной пушки и представил его греческому военному министерству. Министерство отказало Данглизу, и около 10 лет проект лежал под сукном.

В начале 1908 г. представители фирмы Шнейдера подсунули великому князю Сергею, находившемуся во Франции на очередном «отдыхе», пушки Данглиза. Генерал-инспектору пушка очень понравилась, и он решил принять её на вооружение. Но хитрый Сергей решил соблюсти все формальности, и военное ведомство объявило конкурс.

Конкурентов у пушки Данглиза оказалось двое. Первым конкурентом была пушка Обуховского завода, созданная на базе 3-дюймовой пушки образца 1904 г. Замечу, что горные пушки образца 1904 г. серийно выпускались 4 года, и наладить производство модернизированного варианта было делом нескольких недель. Вторым конкурентом была 3-дюймовая горная пушка фирмы «Шкода». Образцы «Шкоды» имели меньший вес, существенно меньшую длину отката и намного большую начальную скорость. Остальные характеристики были одинаковы.

Кроме того, образец пушки «Шкода» имел неразъёмный ствол, а Шнейдера — разъёмный (то есть перед стрельбой его надо было собирать). Система «Шкода» имела пружинный накатник, а Шнейдера — гидравлический. У пушки Шнейдера был в полтора раза больший откат, что особенно неудобно в горах, а главное, гидропневматические накатники, ещё не производившиеся в России.

Догадайтесь с трёх раз, какую пушку предпочёл генерал-инспектор

артиллерии? Правильно угадали. Дурные и чванливые чехи столь увлеклись высокими тактико-техническими данными своей пушки, что никак не могли войти в финансовое положение Сергея Михайловича и Матильды Феликсовны.

25 февраля 1909 г. Сергей обратился к царю с просьбой принять на вооружение 3-дюймовую пушку Шнейдера с большим количеством дефектов и недоделок. На следующий день Ники подмахнул Высочайшее повеление о принятии её на вооружение под названием 3-дюймовой горной пушки образца 1909 г. В приказе же по Военному ведомству, где объявлялось об этом Высочайшем повелении, было скромно добавлено, что производство её откладывается до окончательного утверждения чертежей оной пушки и лафета.

Надо ли говорить, что в тексте договора военного ведомства со Шнейдером стояло обязательство производить пушку только на Путиловском заводе. Контракт на изготовление 212 таких пушек был заключён с Путиловским заводом 22 апреля 1909 г., но сдача пушек началась лишь летом 1911 г.

Забегая вперёд, скажу, что в Красной Армии была принята на вооружение 76-мм горная пушка образца 1938 г., созданная по образцу чешских пушек системы «Шкода» с пружинным накатником и т.д.

Куда более худшая ситуация сложилась в русской тяжёлой артиллерии. Германские и французские генералы прекрасно понимали, что огонь магазинных винтовок и пулемётов, а также пушечная шрапнель вынудят сменить тактику ведения боя. Пехота перестанет ходить плотными колоннами, как на Бородинском поле, а зароется в окопы. А чтобы оттуда её выковырнуть, потребуется не лёгкая полевая, а тяжёлая артиллерия.

В Германии, Франции и Англии в 1900-1914 гг. создаются мощные артиллерийские системы. Вынужден был ими заняться и Сергей. Так, в мае 1906 г. ГАУ объявило конкурс на разработку тяжёлых орудий для русской армии и разослало тактико-технические требования, предъявляемые к этой арт-системе. В конкурсе было предложено участвовать русским заводам — Обуховскому, Путиловскому и Пермскому; английским — Амстронга и Виккерса; немецким — Круппа и Эрхардта; австро-венгерскому — «Шкода»; шведскому — «Бофорс» и французским — «Сен-Шамон» и Шнейдера.

Конкурс этот был бутафорией. Фаворит — фирма «Шнейдер» — был известен заранее. Понятно, что активность других заводов была очень слабая. Тягаться на равных попыталась лишь фирма Крупп, создавшая лучшие в мире артсистемы большой и особой мощности.

В середине 1909 г. фирма Шнейдера посылает в Россию свою 152-мм (6-дюймовую) осадную пушку. В октябре того же года и Крупп посылает свой образец 152-мм осадной пушки.

Любопытно, что прибывшую последней пушку Круппа начали испытывать на Главном артиллерийском полигоне (ГАП) 11 ноября 1909 г., а пушку Шнейдера — лишь 1 мая 1910 г. Видимо, шли доработки системы.

При одинаковом снаряде пушка Круппа показала лучшие баллистические данные. Меткость обеих пушек одинакова.

У пушки Круппа зарядание было возможно лишь при углах возвышения $+35^\circ$, а дальше нельзя было открыть затвор, так как казённая часть «уходит между станинами». У пушки Шнейдера максимальный угол возвышения $+37^\circ$, далее казённая часть ударяется о грунт. Здесь надо отметить недобросовестность комиссии — из пушки Круппа можно стрелять и выше, чем $+35^\circ$. При этом лишь при углах до $+35^\circ$, а у пушки Шнейдера вообще нельзя стрелять при углах больше $+37^\circ$.

В походном положении обе системы возились отдельно. В боевом положении пушки стреляли с колёс, но на колёса пушки Круппа надевали башмачные пояса, а у пушки Шнейдера под колёсами были специальные подкладки.

Интересно, что пушку Круппа возили и в нераздельном положении. Без башмачных поясов на колёсах систему в нераздельном положении восьмёрка лошадей тянула плохо, а при надетых башмачных поясах — удовлетворительно. Зато пушку Шнейдера возили только в раздельном положении.

Возку через препятствия (брёвна и рельсы) пушка Круппа прошла успешно, а пушка Шнейдера получила сразу три поломки и была отправлена на ремонт.

Заключение комиссии представляло собой издевательство над здравым смыслом. После всего сказанного обе системы оказались якобы равноценны, но предлагалось принять систему Шнейдера, поскольку её вес меньше. И тут же, не моргнув глазом, комиссия предлагала внести изменения в систему Шнейдера, приводившие к увеличению её веса более чем на 250 кг. В конечном итоге серийные пушки Шнейдера весили больше, чем пушка Круппа.

Итак, на вооружение была принята пушка Шнейдера, получившая название «6-дюймовая осадная пушка обр. 1910 г.».

Традиционно фирма Шнейдера потребовала ввести серийное производство пушек только на Путиловском заводе — Сергей и Матильда возражений не имели. 5 июня 1912 г. был подписан контракт с

Путиловским заводом на изготовление пятидесяти шести 152-мм пушек образца 1910 г. по цене 48 тыс. рублей за штуку. Первый экземпляр должен быть поставлен заказчику (ГАУ) в течение 12 месяцев со дня контракта, остальные — в течение 22 месяцев со дня принятия 1-го экземпляра.

Первая пушка, изготовленная на Путиловском заводе, была доставлена на ГАП 25 июня 1914 г., не через 12, а через 24 месяца, но дельцам Путиловского завода всё сходило с рук.

Первые 4 пушки были отпущены в войска в феврале 1915 г, а к 1 января 1917 г. с завода было отправлено всего лишь 33 пушки заказа 1912 г. При этом заказы Военного ведомства остальных лет и заказ Морского ведомства на те же пушки от 30 июня 1914 г. были не выполнены вообще.

Совсем уже забавная история произошла с 9-дюймовой (229-мм) мортирой. В 1906-1909 гг. наши генералы из ГАУ долго сидели и, наконец, выработали тактико-технические требования на 9-дюймовую осадную мортиру, которые были разосланы ряду иностранных заводов.

На предложение ГАУ откликнулся только завод Круппа, который изготовил опытный образец мортиры и выслал его в Россию в июне 1912 г.

В конце 1912 г. — начале 1913 г. 229-мм мортира Круппа прошла испытания на ГАП. Мортира стреляла с колёс, на которые были надеты башмачные пояса.

Согласно заключению комиссии по испытаниям: меткость мортиры удовлетворительная, устойчивость мортиры при стрельбе удовлетворительная. «Сошник норовит вылезть вверх при плотном грунте». В целом мортира испытания выдержала.

Но, увы, Шнейдер так и не сумел создать удовлетворительного образца 9-дюймовой мортиры, и под нажимом Сергея Артиллерийский комитет ГАУ постановил: «вводить в осадную артиллерию орудия 9-дюймового (229-мм) калибра не следует», и что достаточно, мол, орудий 203-мм и 280-мм калибров.

Как это понимать? Три года генералы из Арткома вырабатывали тактико-технические требования на 9-дюймовую мортиру, а она оказалась совсем не нужна? А зачем тогда те же генералы во главе с Сергеем в 1915 г. настояли на заказе в Англии сорока четырёх 9,2-дюймовых (234-мм) мортир Веккерса? Замечу в скобках, что англичане взяли деньги за 44 мортиры, но сроки все сорвали и к 25 ноября 1917 г. поставили лишь 4 орудия, а дальше появился хороший повод вообще прекратить поставки. Тем не менее 234-мм английские мортиры успешно использовались в Первой мировой и советско-финской войнах.

В 1908 г. ГАУ разработало техническое задание на проектирование

203-мм осадной и крепостной гаубицы, которая должна была заменить 8-дюймовую лёгкую пушку и 8-дюймовую лёгкую мортиру.

С конца 1912 г. по март 1913 г. на ГАП прошли конкурсные испытания опытных образцов 203-мм гаубиц Виккерса, Круппа и Шнейдера. Все три гаубицы допускали стрельбу полным зарядом без всяких платформ прямо с грунта в пределах 0° ; $+40^\circ$, а гаубица Круппа даже с 0 до $+60^\circ$. Для стрельбы с мягкого грунта имелись специальные приспособления: Виккерса — деревянные подкладки под колёса; Круппа — колёсные башмачные пояса; Шнейдера — добавочные уширенные стальные колёсные обода и подкладки под колёса. У гаубицы Шнейдера добавочные обода не обеспечивали лафетные колёса от врезания в мягкий грунт. Поэтому было рекомендовано отказаться от этих ободов и перейти на башмачные пояса.

Комиссия, конечно, предложила выбрать гаубицу Шнейдера, хотя гаубица Круппа существенно превосходила гаубицу Шнейдера по начальной скорости, дальности и углу возвышения. По воле великого князя Сергея Михайловича и красотки Матильды генералы записали в заключение явную глупость (а может, и издевательство над Сергеем), что большой угол возвышения 60° у крупповской гаубицы не нужен, так как «это орудие не назначается для разрушения прочных бетонных построек». Получается, что 203-мм гаубица предназначалась для разрушения окопов и деревянных изб!

В конце 1913 г. гаубица Шнейдера была принята на вооружение под названием «8-дюймовая осадная и крепостная гаубица обр. 1913 г.». Согласно Положению военного совета от 19 июня 1914 г. заказ на 32 гаубицы решено дать Путиловскому заводу. Контракт с заводом был заключён 9 сентября 1914 г. Общая стоимость гаубиц составила 2 352 тыс. рублей.

После первых недель манёвренной войны войска враждующих сторон укрылись в окопах, и началась позиционная война. Русская армия не имела орудий калибра более 152 мм. Русские военные агенты рыскали по свету и хватали за огромные деньги всё, что попадалось под руку от вполне приемлемых 203-мм гаубиц Виккерса до абсолютно негодных 203-мм японских гаубиц обр. 1912 г. А Путиловский завод набрал столько заказов, что не мог выполнить и половину их. Национализация завода в 1915 г. ситуацию не изменила. В результате к 1 января 1918 г. было изготовлено лишь несколько полуфабрикатов, из которых нельзя было собрать даже одну 203-мм гаубицу.

В 1906-1909 гг. ГАУ выработало тактико-технические требования к

280-мм мортирам^[54] (гаубицам). Согласно этим требованиям вес снаряда должен быть 344 кг, начальная скорость 259 м/с при дальности 6,4 км. Таким образом, повторилась история с 9-дюймовой лёгкой мортирой и 8-дюймовой лёгкой пушкой — опять дальность стрельбы тяжёлой артиллерии должна быть меньше, чем у полевых орудий. Тактико-технические требования ГАУ на 280-мм мортиру были разосланы нескольким иностранным заводам.

8 декабря 1910 г. фирма Круппа направила в ГАУ вполне резонный ответ: «Соответствующее русским требованиям тяжёлое орудие навесного огня с досягаемостью 6 или 7 вёрст, по современным взглядам на действие тяжёлой артиллерии, уже не может считаться достаточным. В артиллерийских кругах других великих держав от таких орудий требуется досягаемость действительного огня 8-10 км, что должно считаться обоснованным ввиду тактических условий занятия позиции, действия огня и подвоза снарядов для таких батарей. Именно тяжёлые орудия навесного огня должны быть в состоянии направлять свой губительный огонь против самых могущественных крепостных сооружений — бетона и брони, будучи сами по возможности защищены от огня крепостных орудий... Едва ли будет возможно подвезти к фронту любой крепости, вооружённой дальнобойными пушками, тяжёлую навесную батарею и обеспечить её питание снарядами, если атакующая батарея вследствие своей недостаточной дальнобойности будет вынуждена занимать позиции в 6-7 вёрстах от главной оборонительной линии... Поэтому и явилось столь острое желание обзавестись крупными дальнобойными орудиями навесного огня, которые по возможности оставались бы вне досягаемости прицельного огня крепостных орудий... Этому требованию в полной мере удовлетворяет наша 28-см гаубица, сообщающая снаряду в 340 кг начальную скорость 340 м/с при досягаемости свыше 10 000 м. Такое большое повышение баллистических качеств по сравнению с действием требуемой мортиры, стреляющей лишь на 6-7 вёрст, должно считаться замечательным. Мы создали систему, во всех отношениях удовлетворяющую требованиям, предъявленным к средствам атаки в смысле превосходства над средствами обороны и быстрой готовности к действию... Гаубица наша имеет колёсный лафет и может быстро переходить из походного положения в боевое и обратно. Её перевозка может быть совершена и по плохим дорогам с помощью башмачных колёсных ободов и при механической тяге. Наши испытания дали в этом отношении очень хорошие результаты».

Эта 28-см гаубица была испытана в 1911 г. на заводе Круппа в

присутствии командированных в Германию генералов Дурляхера и Забудского. Результаты испытаний были рассмотрены комиссией при Арткоме лишь 13 марта 1912 г. Главные данные гаубицы Круппа в общем значительно превосходили требования ГАУ от 11-дюймовой мортиры, за исключением веса орудия в боевом положении.

Круппу предложили бесплатно доставить систему в Россию для испытания на ГАП. Крупп просил купить его гаубицу, как это уже было сделано в отношении 280-мм мортиры Шнейдера и 28-см мортиры Рейнского завода. ГАУ отказалось купить гаубицу Круппа, даже не пожелав испытать эту мощнейшую артсистему, да ещё и стрелявшую с колёсного лафета.

28 апреля 1909 г. Артком постановил заказать Рейнскому заводу опытный образец 28-см мортиры Эрхардта. За мортиру было уплачено 87 750 рублей. В октябре 1913 г. 28-см мортиру Эрхардта доставили в Россию. Эта мортира была легче 28-см мортиры Круппа, но уступала ей в дальности стрельбы на 4,5 км.

Стрельба велась с колёс. Колёса металлические со спицами. При стрельбе на колёса надевались башмачные пояса или под них подкладывалась лёгкая металлическая платформа. В походном положении система перевозилась на трёх повозках.

Испытания 28-см мортиры Эрхардта на ГАП выявили неустойчивость системы при стрельбе на малых углах возвышения, лопались цепи снарядного подъёмника и был отмечен ряд других мелких недостатков. Это было явной придижкой — 280-мм мортира и не должна стрелять при малых углах возвышения. (И британские, и французские мортиры больших калибров вообще так не стреляли). Меткость германской мортиры была признана удовлетворительной.

Но уже известным причинам ГАУ предпочло мортиру Шнейдера образцам Круппа и Эрхардта.

В результате французских интриг и деятельности французской марионетки великого князя Сергея Михайловича, а также глупости военного министра Сухомлинова и самого Николая II русская армия осталась без тяжёлой артиллерии. В годы войны с большим трудом удалось создать несколько батарей тяжёлой артиллерии, используя старые русские орудия образца 1867 г. и 1877 г., небольшое число орудий, закупленных в Англии, США и Японии, а также 12-дюймовые морские гаубицы образца 1915 г. Своевременное же принятие на вооружение 203-мм, 229-мм и 280-мм германских орудий и запуск их в серийное производство на русских заводах, но с помощью германских фирм, могло

существенно изменить ход боевых действий на Восточном фронте в 1914-1917 гг.

Благодаря Сергею и Матильде русские казённые артиллерийские заводы после Русско-японской войны остались почти без заказов Военного ведомства. Обуховский завод перенёс это сравнительно легко, так как с 1907 г. он получал большие заказы от Морского ведомства. Петербургский оружейный завод Военного ведомства получал заказы периодически, но мощности завода были крайне малы, кроме того, он был зажат соседними строениями и не мог расширяться. Руководство ГАУ и Орудийного завода с 1907 г. неоднократно поднимало вопрос о переносе завода в другое место и его модернизации, но Николай II постоянно отказывал им.

Хуже пришлось мощнейшему пермскому Орудийному заводу, которому с 1906 по 1914 г. Военное ведомство не заказало ни одного орудия. И это в преддверии войны! Завод выполнял небольшие заказы на артиллерийские снаряды, на болванки для стволов пушек для петербургского Орудийного завода и т.д. Если бы завод находился в Петербурге, то бунт рабочих был бы неминуем. Но завод был расположен в сельской местности в деревне Мотовилиха, и рабочие с мая по октябрь расходились по окрестным деревням на свои земельные участки, а зимой подхалтуривали на заводе, выполняя случайные заказы. Кстати, такая же ситуация возникла на заводе и в 1922-1925 гг., но с 1926 г. завод был загружен на полную катушку.

Вмешательство Матильды в артиллерийские дела вызывало ярость императрицы Александры Фёдоровны и зависть Распутина. В 1916 г. во время «угольного голода» британский посол Бьюкенен был возмущён, увидев, как солдаты разгружали уголь из военных грузовиков у дворца Кшесинской. Начальник ГАУ А.А. Маниковский открыто писал в служебном документе генералу Барсукову: «Противно до такой степени, что требуется огромное усилие воли, чтобы терпеть ... Но ведь всегда терпению есть предел».

Возможно, кому-то из читателей экскурс в историю нашей артиллерии покажется скучным. Но, увы, отсутствие тяжёлой артиллерии привело Россию к поражению в Первой мировой войне. А, кроме того, чем кроме цифр и фактов я мог ответить Александру Михайловичу, представившему в мемуарах почти идеальный образ брата: «По сравнению с Сергеем Михайловичем брат мой Николай Михайлович был прямо оптимистом! Последний, по крайней мере, предлагал лекарства и верил в реформы. Настроение Сергея было прямо безнадежным. Живя в непосредственной близости от государя, Сергей видел, как приближается катастрофа.

— Не трать время, Сандро, пытаясь открыть царю глаза. Возвращайся к своей работе и моли Бога, чтобы у нас не произошло революции ещё в течение года. Армия находится в прекрасном состоянии. Артиллерия, снабжение, технические войска — всё готово для решительного наступления весной 1917 года. На этот раз мы разобьём немцев и австрийцев, если, конечно, тыл не свяжет свободу наших действий. Немцы могут быть спасены только в том случае, если спровоцируют у нас революцию в тылу. Они это прекрасно знают и стремятся добиться своего во что бы то ни стало. Если государь будет поступать и впредь так, как он делал до сих пор, то мы не сможем долго противостоять революции.

Я вполне доверяю Сергею. Его точный математический ум не был способен на необоснованные предположения. Его утверждения основывались на всесторонней осведомлённости и тщательном анализе секретных донесений.

Наш разговор происходил в маленьком огорожке, который был разведён позади квартиры Сергея.

— Это меня развлекает, — смущённо объяснил он.

Я понял и позавидовал ему. В обществе людей, помешавшихся на пролитии крови, разведение капусты и картофеля служило для моего брата Сергея отвлекающим средством, дающим какой-то смысл жизни».

Увы, это только слова. Александр Михайлович не привёл ни одного факта, подтверждающего столь высокую оценку действий Сергея.

Я же в защиту Сергея могу сказать только то, что он не был исключением в тогдашнем военном руководстве России. А масштабы его афер были столь ведшей лишь из-за его великокняжеского титула и близости Матильды к царю. В подтверждение приведу пример ещё одной аферы, связанной с артиллерией. В начале 1912 г. ряд дельцов (генерал-лейтенант В.М. Иванов, действительный статский советник П.И. Балинский) вошли в контакт с правлением британского концерна «Виккерс». Затем они предложили царскому правительству построить огромный частный пушечный завод с участием фирмы «Виккерс». Читатель уже знает, что оружейный завод в Петербурге и Мотовилихинский завод крайне нуждались в капитальных вложениях и заказах, а Обуховский завод полностью выполнял заказы Морского ведомства. Никакой особой нужды в строительстве нового пушечного завода попросту не было. Тем не менее, дельцам удалось уговорить руководство Морского ведомства, ну а Николай II, не мудрствуя лукаво, подмахнул соответствующее Высочайшее повеление.

Огромный завод решили построить в Царицыне. Согласно контракту

завод должен быть к 1 сентября 1915 г. уже вести производство морских орудий калибра от 130 до 406 мм. А до этого срока фирма «Виккерс» должна была поставить в Россию двадцать четыре 356/52-мм пушки, предназначенные для установки на линейные крейсера типа «Измаил». Цена одного орудия составляла 185 тысяч рублей.

И вот в конце августа 1915 г. в Царицын приехала комиссия. Их взгляду предстали несколько недостроенных цехов, два-три десятка станков и т.д. В докладе комиссии говорилось, что на сооружение орудийного завода израсходовано свыше 20 миллионов золотых рублей, «но не может быть и речи об использовании его для нужд фронта». Куда там до Иванова и К⁰ какому-нибудь Корейко с его химической артелью и маленькой электростанцией в виноградной республике?

Правда, англичане всё-таки поставили 16 из 24-х обещанных 356/52-мм пушек, но девять их было некуда, поскольку Адмиралтейский завод даже не приступил к производству башенных установок для этих пушек. Начальник ГАУ русской армии генерал-лейтенант А.А. Маниковский писал о царицынской афере: «Предприятие это имело определённую конечную цель: под видом заказа заводу, предполагаемому к постройке, получить замаскированный крупный заграничный заказ на орудия и только отделку этих орудий производить в России»^[55].

Замечу, что великий князь Сергей Михайлович почти ничего не имел с этой аферы. Единственно, что мне удалось узнать, что Сергей ухитрился по дороге из Англии переадресовать на родной Путиловский завод несколько десятков станков, закупленных для Царицынского завода.

Благодаря условиям военного времени, в том числе цензуре, правительству удалось скрыть масштабы «царицынской Панамы»^[56]. Но с заводом что-то надо было делать, и 17 февраля 1916 г. в Морском министерстве был рассмотрен вопрос о национализации Царицынского завода или, как тогда говорили, «приёме в казну». Любопытно, что совет министров высказался за секвестр, то есть конфискацию завода. Но тут наши господа-концессионеры и фирма «Виккерс», которая неведомыми путями стала обладателем 25% акций, подняли страшный вой. Британский посол сделал предложение Николаю, и тот согласился выкупить завод. Царицынским заводом стала управлять... Комиссия по определению цены «завода» под началом полковника П.В. Филлипова. Пока считали, сколько кому платить, грянули Февральская, а затем и Октябрьская революции.

Но в Царицыне при большевиках завода по-прежнему не было. В годы Гражданской войны там полукустарным способом производился малый

ремонт орудий, бронепоездов, автомобилей и мотоциклов.

Любопытно, что в 1914-1917 гг. Обуховский завод, принадлежавший Морскому ведомству, без каких-либо проблем начал производство 356/52-мм пушек (однотипных с английскими, но лучшего качества) и изготовил опытный образец 406/45-мм пушки. Эти работы были приостановлены в связи с революцией, но они показывают, что Обуховский завод мог выполнить любые заказы нашего флота, и никакой нужды в Царицынском заводе не было.

При советской власти Царицынский завод, переименованный в «Баррикады», пришлось строить почти с нулевого уровня, и лишь в начале 30-х гг. он сдал первую 122-мм пушку, а к 1939 г. завод «Баррикады» приступил к изготовлению 406-мм пушек для линкора «Советский Союз».

Когда воруют наверху, автоматически начинают воровать и подчинённые, до унтеров и боцманов. Вот, например, Ижорский казённый завод изготавливал корабельную броню по цене 4 руб. 40 коп. за пуд, а Морское министерство отдало заказ Мариупольскому частному заводу по цене 9 руб. 90 коп. за пуд (газета «Утро России» за 26 сентября 1906 г.) И это при лучшем качестве ижорской брони! Государственный контролёр обратил внимание на такую крупную разницу в цене. Но из министерства был получен ответ, что «заказ уже состоялся и не может быть отменен». Когда 2-я Тихоокеанская эскадра ушла в поход на Дальний Восток, ряду петербургских заводов были выданы заказы на запасные котлы, которые предполагалось установить на корабли эскадры по прибытии во Владивосток взамен испорченных в пути. Последняя часть котлов была закончена и подготовлена к отправке во Владивосток по железной дороге, когда пришло известие об уничтожении нашего флота в Цусимском проливе. Но чиновники Морского ведомства приказали всё же отправить во Владивосток котлы для уже потопленных броненосцев.

Мелкие сошки по примеру начальства тоже зря время не теряли. С судов, стоявших на ремонте, нижние чины быстро тащили и продавали медные изделия. В Либаве полиция случайно обнаружила продажу частным лицам за 80 рублей водолазного аппарата, стоившего около 1000 рублей.

Глава 18

ПОЧЕМУ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НЕ СТАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

Некий отставной бравый солдат сидел в трактире «У чаши» за «марьяжем» и, побивая трефового короля козырной бубновой семёркой, воскликнул: «Семь пульек, как в Сараеве!»

Действительно, сама по себе ситуация была анекдотична. Эрцгерцог Карл Фердинанд, племянник престарелого австрийского императора Франца Иосифа I, устроил провокационную поездку в город Сараево, где выступил с угрозами в адрес Сербии. Сербские террористы решили убить Фердинанда. Эрцгерцог и его жена были очень толсты, так что все «семь пульек» из револьвера гимназиста Гаврилы Принцыпа попали в цель.

Надо сказать, что родственников Франца Иосифа убивали постоянно. Его единственный сын Рудольф в 1889 г. застрелился со своей любовницей в охотничьем замке Майерлинг, а по другой версии их застрелили.

Любимый брат Франца Иосифа Максимилиан решил стать... мексиканским императором. Однако новым подданным он пришёлся не по вкусу, его поймали и расстреляли.

10 сентября 1898 г. итальянский анархист Луиджи Луккени проткнул напильником жену Франца Иосифа Елизавету Баварскую.

Тем не менее австрийскому императору и в голову не приходило из-за брата или жены объявлять войну Мексике или Италии.

И тут дело кончилось бы анекдотом, и мы никогда бы не узнали о дальнейших похождениях бравого солдата, если бы...

Увы, австрийским генералам и группе банкиров захотелось после Боснии и Герцеговины присоединить к своей лоскутной империи ещё и Сербию. Замечу, что от южной границы Сербии до Дарданелл всего 300 км, а до Эгейского моря — только 50 км.

Французы уже сорок с лишним лет мечтали о реванше за 1870 г. и жаждали отторгнуть от Германии Эльзас и Лотарингию.

Англичане боялись за свои колонии, страдали от конкуренции мощной германской промышленности, а пуще всего опасались быстрого усиления

германского Военно-морского флота. Германские линкоры имели лучшую артиллерию, броню и живучесть, чем британские, а по числу дредноутов обе страны должны были сравняться к 1918-1920 гг.

Германия желала обуздать французских реваншистов и с вожделием поглядывала на огромные британские колонии, над которыми «никогда не заходило солнце».

Таким образом, в 1914 г. война отвечала насущным интересам всех великих европейских держав.

А как же Россия? Ведь ещё в 1768 г. в начале Русско-турецкой войны граф Григорий Орлов заявил: «Если война целей не содержит, так это вообще не война, а... драка. Тогда и кровь проливать не стоит». Через полвека прусский генерал Карл Клаузевиц сформирует эту мысль более чётко: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Но дело в том, что у Николая II не было вообще никакой политики ни в экономике, ни во внутренних делах, ни в отношениях с другими государствами. В любом вопросе его поступки определялись не какой-то правильной или неправильной стратегией, а были лишь реакцией на текущие события и определялись влиянием тех или иных лиц, оказавшихся рядом с императором в нужный момент.

Спору нет, Франция стала союзницей России в 1893 г. в царствование Александра III, и к заключению договора «суций младенец» не имел никакого отношения. Но «царь-миротворец» заключил союз с Францией не только против Германии, но и против Англии. Об этом почему-то изволили забыть практически все наши историки. На самом же деле в 80-е и 90-е гг. XIX в. Франция несколько раз была на грани войны с «владычицей морей».

Русские эскадры не зря легли уголь в Средиземном море. Наши и французские адмиралы неоднократно отрабатывали на штабных и корабельных учениях совместные действия против британской средиземноморской эскадры.

Надменный Альбион оказался в крайне затруднительном положении — все государства Европы оказались против него. И, надо сказать, не без основания. Англия была тогда международным жандармом, лезла в любые спорные вопросы от Европы до Центральной Африки и Дальнего Востока.

Как уже говорилось, в ходе Русско-японской войны Англия фактически воевала на стороне Японии^[57]. Франция предала свою союзницу и заняла позицию враждебного нейтралитета, то есть её правительство трактовало спорные положения международного права в интересах Японии.

После войны Николай II вступил в союз со злейшим врагом России

Англией. Российские министры начали готовиться к войне с Германией. Замечу, что у нас нашлись умные люди и слева, и справа, предостерегавшие царя от авантюры. Ещё в феврале 1914 г. видный государственный деятель, бывший министр внутренних дел Пётр Николаевич Дурново подал Николаю II обширный доклад. «Дурново писал, что чисто оборонительный франко-русский союз был полезен: “Франция союзом с Россией обеспечивалась от нападения Германии, эта последняя — испытанным миролюбием и дружбою России от стремлений к реваншу со стороны Франции, Россия необходимостью для Германии поддерживать с нею добрососедские отношения — от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканах”.

Это равновесие было нарушено англо-русским сближением. Австрии было бы легко осуществить свои балканские планы во время японской войны и революции 1905 года, но тогда Россия “ещё не связала своей судьбы с Англией”, и Австро-Венгрия вынуждена была упустить момент. Наоборот, с англо-русского соглашения 1907 г. начались осложнения для России.

Дурново указывал, что даже победа над Германией не дала бы России ничего ценного: “Познань? Восточная Пруссия? Но зачем нам эти области, густонаселённые поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управиться?..” Галиция? Это рассадник опасного “малоросского сепаратизма”. А “заключение с Германией выгодного торгового договора вовсе не требует предварительного разгрома Германии”. Наоборот, в случае такого разгрома, “мы потеряли бы ценный рынок”. К тому же Россия попала бы в “финансовую кабалу” к своим кредиторам-союзникам. Германии также война не нужна; она сама могла бы отторгнуть от России только малоценные для неё, густонаселённые области: Польшу и Остзейский край. “Немецкая колониционная война идёт на убыль. Недалёк тот день, когда Drang nach Osten отойдёт в область исторических воспоминаний”.

Дурново далее предсказывает такой ход событий, если бы дело дошло до войны: Россия, Франция и Англия с одной стороны, Германия, Австрия и Турция — с другой. Италия на стороне Германии не выступит: она даже может присоединиться к противогерманской коалиции, “если жребий склонится в её пользу”. Румыния также будет колебаться “пока не склонятся весы счастья”. Сербия и Черногория будут против Австрии, Болгария — против Сербии. Участие других государств “явится случайностью”, хотя Америка и Япония — враждебны Германии и на её стороне, во всяком случае, не выступают.

“Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи — будем надеяться, частичные — неизбежными окажутся и те или другие недочёты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнётся с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надёжного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся далее предвидению”»^[58].

Как реагировал на сей доклад император? Спрятал в стол, в самый дальний ящик. А может, он в чём-то обиделся на Вильгельма? Тоже нет. Царь исправно ездил в Германию к любимому кузену и прочим родственникам. В 1913 г. для России на верфи «Шихау» были заложены два крейсера «Адмирал Невельский» и «Граф Муравьёв-Амурский»^[59].

Однако давление со стороны британской разведки, французских масонов, русских заводчиков и банкиров, тесно связанных с англо-французским капиталом, оказалось сильнее и родственных уз, и здравого смысла.

Формальным поводом для вступления в войну была защита братьев-славян. Да, это был неплохой пропагандистский лозунг — русская душа склонна к состраданию, особенно когда это касается слабых и убогих. Но братья-славяне были, увы, ненадёжными союзниками и проявляли любовь к матушке России лишь тогда, когда это было им выгодно. Вспомним, как братья-славяне передрались между собой в 1912 г., как Болгария в обеих мировых войнах воевала против России, дважды предоставляла свою территорию для агрессии против Югославии: первый раз — Гитлеру, а второй — НАТО.

«А как же проливы? — спросит эрудированный читатель. — Неужели Россия могла допустить, чтобы они попали под контроль Австро-

Венгрии?». Ну, начну с того, что захват проливов Австрией или Германией не меньше светил Англии и Франции, и они были готовы воевать за них с тевтонскими варварами даже без России.

Уже в ходе войны Англия и Франция пообещали России Константинополь, а сами заключили тайный сепаративный договор, по которому взаимно обещали никаким образом проливы России не отдавать.

Мало того, и Лондон, и Париж вынашивали планы раздела Российской империи после разгрома Германии. Отъёму подлежали Привисленский край, Прибалтика, Финляндия, а по возможности и Украина, и Кавказ.

Первый раз в истории Россия воевала не за присоединение к себе каких-то территорий, а за собственное расчленение! И царя, развязавшего такую войну, у нас посмели назвать святым!

Возникает вопрос, а что если по каким-то причинам союз с Германией не состоялся? Был ли какой-то альтернативный путь? Был! Россия должна была воевать с Германией, так как это планировалось ещё при Николае I и Александре II.

Вступив в 1825 г. на престол, Николай I решил прикрыть западную границу империи, построив там ряд новых крепостей, которые в сочетании со старыми, должны были образовать три линии обороны. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье.

Все большие крепости Царства Польского во второй половине XIX в. были связаны между собой шоссейными и железными дорогами. Кроме того, между крепостями была установлена телеграфная и телефонная (кабельная) связь.

Во вторую линию западных крепостей входили (с севера на юг): крепость II класса Динамюнде (с 1893 г. Усть-Двинск, в 1959 г. вошла в черту г. Рига), крепость II класса Ковно, крепость II класса Осовец и крепость I класса Брест-Литовск.

В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск и Динабург.

С помощью фирмы Круппа в России в 70-х — 80-х гг. XIX вв. была создана лучшая в мире осадная и крепостная артиллерия. Эти превосходные оценки — не моё личное мнение. Три линии русских западных крепостей назвал сильнейшими в мире... Фридрих Энгельс, который занимался не только политикой, но и военным делом и считался в последнем большом авторитетом. Кстати, он был большим русофобом, так что зря хвалить наши крепости он, думаю, не стал бы.

Но вот на престол вступает Николай II, и все работы по укреплению

западных крепостей прекращаются. А между тем на Западе в области тяжёлой артиллерии и фортификации происходит новая революция.

В 90-х гг. XIX в. во всех развитых странах на вооружение принимаются длинноствольные пушки, стреляющие бездымным порохом. Кардинально меняется и вид станка, ствол откатывается не вместе со станком, а по оси канала, а энергия гасится гидравлическим тормозом отката, затем гидропневматический накатник возвращает ствол на место.

В русском флоте в 1891-1894 гг. были приняты 75-305-мм пушки с длиной ствола в 40-45 калибров и с откатом по оси канала, а в 1907—1910 гг. — длиной в 50 калибров. Зато в осадной и крепостной артиллерии к 1914 г. не было ни одной современной тяжёлой пушки. Все без исключения орудия были образца 1867 г. или 1877 г. Максимальный калибр их составлял 152 мм, максимальная длина ствола 22 калибра.

До 1880 г. артиллерийские снаряды во всём мире снаряжались чёрным порохом. Но в конце 70-х гг. XIX в. были созданы более мощные взрывчатые вещества.

Любопытно, что в России первыми в боевых условиях применили пироксилин... народовольцы. В апреле 1881 г. офицеры Главного Артиллерийского управления предложили принять на вооружение русской армии цилиндрический пироксилиновый снаряд конструкции Николая Кибальчича. Но с военным министром случилась истерика: «Как это я поднесу на подпись царю Высочайшее повеление о принятии на вооружение снаряда, которым разнесло его незабвенного батюшку?!»

В итоге первые стрельбы 6-дюймовыми и 11-дюймовыми снарядами, начиненными пироксилином, были проведены Морским и Военным ведомствами России в 1886-1888 гг. Результатом этих опытов стало решение ГАУ о принятии на вооружение 8-дюймовых и 9-дюймовых пироксилиновых снарядов. Однако первые заказы на такие снаряды были даны заводам Горного ведомства лишь в 1892 г. Эти заводы изготавливали корпуса снарядов, а сам пироксилин до 1896 г. импортировался из Англии и Германии. Лишь в мае 1893 г. приступили к работе мастерские по производству пироксилина при Охтинском пороховом заводе.

В 1886 г. француз Э. Тюрнен создал мощное взрывчатое вещество на основе пикриновой кислоты, получившее во Франции название мелинит. Близкие к нему взрывчатые вещества получили в разных странах названия: лиддит (Англия), шимоза (Япония) и др.

В 1904-1905 гг. японцы широко применяли мелинитовые снаряды как на суше, так и на море. А у нас во флоте 98 процентов составляли снаряды, начиненные порохом, а в армии имелось лишь небольшое количество

мелинитовых снарядов калибра 152 мм.

По результатам Русско-японской войны «Комиссия по применению взрывчатых веществ и снаряжению» (организационно входила в состав ГАУ) в феврале 1907 г. решила имеющиеся снаряды, начиненные пироксилином и порохом, переснарядить тротилом.

Артиллерийский комитет ГАУ санкционировал переснаряжение. Однако генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович отказался это делать, утверждая, что якобы только на изготовление тротила уйдёт 2,5 миллиона рублей. Замечу, что это сравнительно небольшая сумма для Военного ведомства. Дворец Кшесинской, построенный в 1907-1908 гг., стоил гораздо дороже.

В общем, денег на новые снаряды не нашлось, и в 1910 г. великий князь Сергей Михайлович решил, что «снаряды к устаревшим артиллерийским системам останутся в боекомплектах вплоть до снятия с вооружения самих орудий».

Сергей и руководство Военного ведомства, не желая переснаряжать снаряды с пироксилина тротилом, потихоньку приказали возобновить производство... пироксилина, чтобы заменить в снарядах старый пироксилин на новый.

Появление фугасных снарядов, начиненных мелинитом и тротилом, вызвало резкое увеличение калибра осадных гаубиц и мортир. При стрельбе снарядом, начиненным порохом, оптимальным калибром нарезных орудий было 152-203 мм. Дальнейшее же увеличение калибра лишь незначительно увеличивало фугасное действие снаряда. Теперь же ситуация резко изменилась: тротил имел во много раз большее фугасное действие, чем порох.

В Австро-Венгрии в 1898 г. принимаются на вооружение 240-мм мортира М.98, 240-мм пушка М.16, 305-мм мортиры М.11 и М.16, 380-мм гаубицы М.16 и, наконец, 420-мм гаубица L/15.

В Германии в 1912 г. принимаются на вооружение 305-мм гаубицы L/17, а 1909 г. — 420-мм гаубица L/16, в 1912 г. — 420-мм мортира I.R, и т.д.

Тяжёлая артиллерия создаётся и в других странах.

Мало того, к 1914 г. в Германии была создана и запущена в серийное производство целая система миномётов. Германские миномёты, подобно классическим орудиям, были снабжены противооткатными системами. Боевой вес 17-см миномёта составлял 525 кг, а 25-см — 660 кг. В походном положении миномёты весили 819 кг и 955 кг соответственно и легко перевозились парой лошадей. 17-см миномёт стрелял 54-кг снарядом на

дальность 768 м, а 25-см миномёт — 97-кг снарядом на 563 м.

Тяжёлых орудий не было только в России. Самое интересное, что проектов сверхмощных орудий было более чем достаточно. В 1904 г. в Порт-Артуре в инициативном порядке наши офицеры спроектировали несколько типов миномётов. Десятки их были применены в боевых условиях и показали отличные результаты. Но 1 августа 1914 г. в русской армии не было ни одного миномёта.

Забавно, что за неимением лучшего Военное министерство в апреле 1915 г. заказало пятьдесят 6-фунтовых медных мортирок Кегорна на деревянных станках и по 500 штук чугунных сферических гранат к ним. Заказ был выполнен Петроградским заводом Шкилина. (Барон Кегорн спроектировал свою мортиру в 1674 г.!)

Забегая вперёд, скажу, что в 1915-1916 гг. германские самолёты разбрасывали над расположением русских войск листовки с карикатурами, где деловитый кайзер мерил сантиметром калибр огромного 800-килограммового фугасного снаряда, а Николай II мерил член Григория Распутина. Спору нет, тевтонский юмор грубоват, но, увы, всё было правдой — к августу 1914 г. наша тяжёлая сухопутная артиллерия не имела снарядов весом более 41 кг, то есть наши снаряды были в 20 раз меньше, чем германские.

Для защиты от тяжёлых тротильных снарядов крепости западноевропейских государств, начиная с 90-х гг. XIX в., оделись в бетон. В крепостях Франции, Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и других стран были установлены многие сотни бронированных артиллерийских башен среднего и крупного калибра. Башни находились под углублённым бетонным блоком с толщиной перекрытия 3-4 м.

В наших крепостях бетонные сооружения применялись редко. Орудия стояли открыто за земляными валами, почти как в Белогорской крепости, описанной Пушкиным в «Капитанской дочке».

С 1906 по 1913 г. царь несколько раз то приказывал разоружать крепости на западных границах, то начинал их укреплять. За годы правления Николая II осадная артиллерия пришла в столь ужасное состояние, что в 1910-1911 гг. она была... вообще упразднена. В 1911 г. великий князь Сергей Михайлович предложил царю план создания тяжёлой артиллерии с началом в 1917 г. и концом в 1921 г.! Крепостную артиллерию собирались перевооружить с орудий образца 1838 г., 1867 г. и 1877 г. на современные орудия к 1931 г.

12 марта 1914 г. в бульварной газете «Биржевые ведомости» появилась хвастливая статья «Россия хочет мира, но готова к войне». В ней многие

узнали стиль военного министра Сухомлинова. Однако это не была его личная инициатива. Министр предварительно показал статью Николаю II, тот одобрил и приказал напечатать в целях «конспирации» в частной газете. Однако солидные газеты отказались публиковать её, вот и пришлось ограничиться «Биржевым вестником».

Современники и позднейшие историки издевались над бахвальством Сухомлинова. Но самое любопытное, что Россия действительно была готова к войне. Впервые в истории войн Россия имела полностью укомплектованную полевую артиллерию. Полевых пушек у нас было больше, чем у немцев: 7112 против 5500, да ещё союзная Франция имела 4500 пушек. Армия мирного времени в России достигала 1360 тысяч человек, у Германии — 801 тысяча, у Франции — 766 тысяч.

Но Россия была готова к войне... с Наполеоном, а никак не с кайзером. В 1914-1915 гг. конные лавы и густые колонны наступающей пехоты стали анахронизмом. Дело решали пулемёты, траншейная (батальонная) артиллерия, а главное, крепости и тяжёлая артиллерия.

Как уже говорилось, у Николая был шанс победить в мировой войне, если бы он вёл её, исходя из реальных соотношений сил и средств, а также не превращая своих солдат в «паровой каток», работающий на интересы союзников.

Кто мешал царю следовать по стопам отца, деда и прадеда — усиливать три линии крепостей, а главное, соединить эти крепости между собой? Замечу, что это не моя идея, она основана на опыте двух мировых войн. С 1900 г. ряд офицеров ГВИУ предлагали построить такие укрепленные районы. Военное министерства с ними согласилось. Были разработаны рабочие чертежи, но из-за бюрократических проволочек к 1 августа 1914 г. к строительству укреплений только приступили, да и то не везде.

Как уже говорилось, Германия сама предоставила России образцы своих лучших тяжёлых орудий. Их испытали на Главном артиллерийском полигоне и послали... Один только простаивавший без дела в 1907-1914 гг. Пермский завод мог изготовить сотни тяжёлых орудий калибра 203-305 мм.

Наконец, после Русско-японской войны Морское ведомство располагало сотнями устаревших пушек калибра 47-305 мм, как снятых с кораблей и отправленных на лом, так и хранившихся в арсеналах. Морвед неоднократно из разных побуждений пытался сбыть их Военному министерству, но получал отказ. Между тем эти пушки устарели лишь для морских сражений и могли ещё десятилетиями служить в укрепрайонах.

Наконец, можно было разоружить морскую крепость Владивосток.

Ведь в случае войны с Германией на стороне Антанты нападение Японии на союзницу Англии было исключено. В береговых крепостях Балтийского и Чёрного морей имелось огромное количество устаревших тяжёлых орудий, которые также могли быть переданы в укрепрайоны.

Наконец, в 1909-1911 гг. были полностью разоружены две большие морские крепости — Либава и Керчь. Используя сотни орудий этих крепостей, можно было соорудить огромный укрепрайон. Но, увы, пушки частично рассовали по другим береговым крепостям, а большую часть сдали на лом или складировали.

Пусть читателя не вводит в заблуждение термин «устаревшая пушка». Действительно, морские береговые и корабельные орудия, изготовленные до 1905 г., имели низкую скорострельность и малую дальность стрельбы — 8-15 км и, соответственно, были малоэффективны для действий по морским целям в 1914-1918 гг. Но в крепостях и укрепрайонах большая скорострельность и не требовалась. Снимаемые с вооружения флота в 1907-1914 гг. пушки были, без преувеличения, шедевром технической мысли по сравнению с ружьём образца 1877 г., 1867 г. и 1838 г., которые стояли в наших крепостях.

Расположив свои армии за тремя линиями крепостей, Россия могла стать той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине^[60]. А потом, когда «тигры» изрядно потрепали бы друг друга, Россия могла бы начать большую десантную операцию в Босфоре. Единственный для нас шанс взять проливы мог возникнуть лишь в разгар войны.

А захватив проливы — единственную достойную России цель в войне, — Николай II мог бы выступить и в роли миротворца, став посредником между воюющими державами. Даже если бы Антанта отказалась от переговоров и добилась бы капитуляции Германии, обессиленная Франция никогда не пошла бы на войну с Россией, даже ради Константинополя.

Но, увы, всё случилось наоборот. Французские и английские войска держались на линии укреплений между французскими крепостями (один Верден чего стоит) и были готовы драться до последнего солдата, естественно, русского и германского.

С началом войны буржуазная пресса, несмотря на все рогатки цензуры, начала кампанию по дискредитации царского правительства, которое ввязалось в войну, не подготовив к ней армию. Честно говоря, все эти упреки были справедливы. Однако сделанные выводы были, мягко говоря, несерьёзны. Никакое «правительство народного доверия» не могло улучшить ситуацию на фронтах.

Ну, предположим, Николай II согласился бы на создание правительства, ответственного перед Думой. Начались бы чехарда, метания из стороны в сторону. Результатом подобного эксперимента могло быть лишь резкое ухудшение положения наших войск.

Одновременно либеральная пресса создала ещё один миф, что, мол, фронт держится в основном на усилиях частных лиц, на военной продукции, изготовленной на частных заводах, на лазаретах, организованных различными меценатами, и т.д. Разоблачение этого мифа очень актуально и сейчас, в XXI в.

Мы до сих пор не разобрались, какую Россию мы потеряли в 1917 г. Раньше историки и писатели мазали её ровным чёрным цветом, а сейчас их детки и внуки, брызгая слюной, перекрашивают её в розовые тона. Я неё человек нудный, беру справочное издание «Россия 1913 год» (СПб: Блиц, 1995), открываю страницу 101 и читаю, что на 1913 г. казённых железных дорог было 46 284 версты, а частных — 22 086 вёрст. Причём почти все магистральные железные дороги были казёнными. Значительная часть частных железных дорог обслуживала частные же заводы, в ряде мест железнодорожные ветки были проложены в имения и т.д. На казённых железных дорогах процент участков с двойной колеёй был значительно выше, чем на частных, — 30,5 и 13% соответственно.

Но это все полбеда. Обратимся к динамике развития железных дорог в России. После бума частных железных дорог в 70-х — 80-х годах XIX века начался обратный процесс. Казённых железных дорог стали строить больше, почти все магистральные частные дороги были национализированы.

Морской транспорт, включая каботажное мореплавание, на 90 процентов контролировался государством, точнее, уже хорошо нам известным Главным управлением мореплавания.

Сухопутные дороги Российской империи находились в ведении, главным образом, Министерства путей сообщения и Министерства внутренних дел.

Практически весь ВПК царской России к 1894 г. принадлежал казне. Морскому ведомству принадлежали Обуховский сталелитейный, Адмиралтейский, Ижорский сталелитейный и другие заводы. Военное ведомство владело системой заводов, именованных арсеналами — Санкт-Петербургский, Московский, Брянский, Киевский и т.д.; оружейными заводами — Тульским, Сестрорецким и др. Горное ведомство владело Олонецкими заводами (в районе Петрозаводска), а также созвездием Уральских заводов.

Давайте хотя бы бегло оценим динамику развития тяжёлой промышленности России. В 60-х — 70-х гг. в начале царствования Александра II произошла приватизация нескольких заводов, в том числе Севастопольского морского завода, было создано несколько новых больших частных заводов — Обуховский, Александровский и др. Но через несколько лет началась их национализация. Тот же Севморзавод перешёл в казну, Обуховский и Александровский заводы были слиты и тоже стали казёнными.

В царствование Николая II военную продукцию выпускал лишь один большой частный завод — Путиловский, но мы уже знаем подноготную коммерческих успехов этого завода.

Автор более двадцати лет в инициативном порядке работал в военных архивах страны. Изучение материалов, связанных с производством военной техники, убедило меня в полнейшей неэффективности капиталистического способа производства в России. Ни пушек (кроме Путиловского), ни винтовок частные заводы не производили, но ГАУ для западных крепостей России периодически заказывал лафеты (станки) и различные механизмы частным заводам Варшавы, Риги, Гельсингфорса и т.д. Стоимость заказов была в полтора-два раза выше, чем на Санкт-Петербургском оружейном заводе, в арсеналах и на других казённых предприятиях. Время изготовления было в два-четыре раза больше.

Наконец, я лично видел десятки дел, когда невыполненные военные заказы «прощались» частным заводам по прошествии двух-десяти лет. По закону в таких случаях должны были начаться штрафные санкции, вплоть до конфискации всего частного предприятия. Но, увы, я ни разу не нашёл сведений о таких санкциях.

Зато когда я работал с документами о покупке кораблей и орудий за рубежом, то создавалось впечатление, что там существовал какой-то иной капиталистический строй. Цены и качество их продукции не уступали нашим казённым заводам, а зачастую всё было дешевле и лучше.

Так после Крымской войны срочно потребовалось воссоздать флот. Казённые заводы не могли выполнить все заказы, и пришлось построить несколько фрегатов, корветов и клиперов на частных верфях Франции, Америки и Финляндии, в последнем случае их владельцами были как русские, так и финны. Так вот построенные «за бугром» суда плавали в два-три раза дольше, чем тот хлам, которые построили наши подданные — как русские, так и финские воры.

Первая мировая война стала манной небесной для русских капиталистов. Обратимся к монографии начальника ГАУ в 1914-1917 гг.

генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76-мм шрапнель стоила на казённом заводе 9 руб. 83 коп, а на частном — 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64%. 76-мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. соответственно; 122-мм граната — 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152-мм граната — 42 руб. и 70 руб. и т.д.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Как уже говорилось, наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патриотических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных халтурных миномётов и бомбомётов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Всё это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 миномётов, от которых отказались войска.

С 1989 г. у нас расплодилось множество историков и писателей, которые с пеной у рта доказывают, что большевики нанесли предательский удар в спину нашей армии, украли у России победу и т.д. Тезис такой совсем не нов, его широко использовала фашистская пропаганда с 1923 г. — социалисты и коммунисты устроили в 1918 г. революцию и украли у Германии победу. Следует признать, что во многом это верно для Германии, но для России подобный тезис является полнейшей чушью.

В 1918 г. в Германии началось массовое производство танков, противотанковых ружей и пушек, 88-мм и 105-мм зенитных орудий и т.д. Задел германских учёных и конструкторов оказался столь велик, что на его базе к 1939 г. было создано большинство типов вооружения вермахта.

Надо ли говорить, какой задел был у немцев в военной технике в 1945 г.! что почти двадцать лет использовали специалисты США, СССР, Франции и других государств.

А какой огромный задел был у нас в 1945 г. и 1991 г.!!! И что оставила нам в наследство царская Россия? О ситуации в авиации мы уже знаем. На фронтах к февралю 1917 г. не было ни одного зенитного орудия. А для стрельбы по самолётам использовались 76-мм полевые пушки на специальных самодельных установках. Не было ни одного танка не только в железе, но и в проекте. В России не было изготовлено ни одного серийного ручного или крупнокалиберного пулемёта, ни одного тяжёлого орудия калибра свыше 152 мм, не считая стационарных береговых орудий.

Железнодорожных артиллерийских установок в России было целых...

две. Башенных крепостных установок — одна, да и то она была захвачена немцами в Осовце. И т.д., и т.п.

На западе в 1917-1918 гг., чтобы прорвать германскую оборону в 5-10 км на участке шириной 5-15 км, союзники сосредотачивали несколько тысяч орудий, включая тяжёлые железнодорожные установки, а также сотни танков.

Нетрудно догадаться, что если бы в 1917 г. не было революции и весь народ слепо бы верил в царя-батюшку, то без тяжёлой артиллерии и танков прорвать германские позиции далее на незначительную глубину можно было, лишь завалив их горами трупов.

Те же либеральные историки, которые льют слёзы об украденной в 1917 г. победе, не моргнув глазом, утверждают, что в 1944-1945 гг. Красная Армия победила вермахт числом, большой кровью и т.д. Между тем плотность огня германских войск в обороне в 1918 г. и в 1944 г. отличалась ненамного. А насколько германский солдат стоек в обороне, показали бои 1917-1918 гг. на западе и 1944-1945 гг. на востоке.

Но в 1944-1945 гг. позиции наших войск прикрывали тысячи самолётов, тяжёлые пушки стояли в несколько рядов на участках прорыва, небо закрывалось огненными стрелами знаменитых «катюш», перед пехотой шли толстобронные ИСы и КВ... И всё равно в наших наступательных операциях 1944-1945 гг. потери Красной Армии исчислялись сотнями тысяч.

Как же наша армия могла без штурмовиков, танков, «катюш» и тяжёлой артиллерии от Риги и Барановичей дойти до Берлина в 1917-1918 гг.? Увы, это ненаучная фантастика. Я уже не говорю о том, что союзники уже в 1915-1916 гг. договорились не только лишить Россию плодов её победы, но и расчленить её саму.

В годы мировой войны Россия не имела способных руководителей — ни министров, ни генералов.

Столь резкое суждение не связано с авторскими симпатиями или антипатиями. Дело в том, что подавляющее большинство царских сановников и генералов сделали карьеру в гвардии.

1825 год стал переломным годом в истории нашей гвардии, после чего началась её полнейшая деградация. Пусть планы декабристов представляли собой утопию, но это были наиболее умные и талантливые люди страны.

Место декабристов заняли в основном карьеристы и недалёкие люди. Важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху. Вспомним, в «Войне и мире» пожилой полковник говорит Николаю Ростову: «Гусары должны

рассуждать как можно меньше».

Начальство сделало всё, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жёстко очерчен: уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Рассказывая о быте русской гвардии конца XIX в., романисту нет нужды напрягать фантазию. Всё уже хорошо описано очевидцами. Но словам биографа Николая II историка Грюнвальда, состоявшего в своё время в этой гвардии, разница между Преображенским полком и другими прославленными полками заключалась в том, что преображенцы были меньше известны своими попойками, а больше увлекались лошадьми и женщинами, слыли самыми отменными знатоками уставной службы и отличались безукоризненной выправкой на парадах.

А вот как описывал времяпровождение своих однополчан В.Н. Обнинский: «Пили зачастую целыми днями, допивались к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик-буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал её водкой или шампанским, и стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась».

Характерный пример гвардейца — граф Вронский из «Анны Карениной». Собственно, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для несения охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона.

В 1880-1900 гг. произошла настоящая революция в военном деле. Введены магазинная винтовка Мосина, унитарные патроны и противооткатные устройства в артиллерии; дымный порох заменяется бездымным; снаряды вместо чёрного пороха снаряжаются пироксилином; появляется автоматическое оружие от пистолетов до пулемётов и автоматических пушек. Всё это проходило мимо гвардейских офицеров. Ну, прикажут изучить винтовку Мосина или 12-см гаубицу Круппа, изучат досконально, не прикажут — никто ими и не поинтересуется.

Можно ли представить себе семнадцатилетнего корнета или прапорщика гвардии, который не ходил бы на балы, в оперу, не волочил бы за дамами, не играл в карты, не пил, а сидел бы ночи напролёт за трудами Руссо, кодексом Юстиниана, писал трактаты по баллистике и

историю Корсики. Да такой и минуты бы не продержался в гвардии. Да, впрочем, и из армии его бы вытурили за того же Руссо.

Алексей Вронский как человек мне лично симпатичен, и, думаю, большинство современных дам от него в восторге. Но задумаемся на секунду о его дальнейшей карьере. После гибели Анны Толстой отправляет Вронского добровольцем на войну в Болгарию. После вступления в войну России в 1877 г. он немедленно вернётся на царскую службу. Если Алексей не будет убит (вероятность чего не превышает 20%), то уже в 80-х гг. он станет полковником. В 1905 г. граф Вронский положит дивизию под Мукденом или Ляоляном, а в 1914 г. — корпус под Танненбергом.

А вдруг его покалечит на войне или болезнь заставит сменить военную службу на статскую? Вообразите, какой из него получится действительный статский советник или министр!

Увы, это не авторские предположения. У знатного гвардейца не было иного пути, разве что сопьётся...

Неудачи в ходе боевых действий 1904-1905 гг., 1914-1915 гг., а также участие в карательных операциях 1905-1907 гг. непоправимо подорвали престиж не только гвардейских, но и армейских офицеров. Вот любопытная большая красивая книга «Краткая летопись 6-й конно-горной батареи 1807—1907 гг.» (Вильно, 1907). Там несколько глав с описанием войн, где участвовала сия батарея: 1812-1815 гг. — война с Наполеоном; 1831 г. — подавление польского восстания; 1849 г. — подавление венгерского восстания; 1905 г. — боевые действия в Таврической губернии. Батарея действовала повзводно: 1-й взвод прошёл с боями 1200 вёрст, 2-й взвод — 1000 вёрст. 1-й взвод выпустил столько-то снарядов, 2-й взвод — столько-то.

А теперь риторический вопрос — как должно было вести себя малороссийское селянство спустя 13 лет, изловив парочку «золотопогонников»?

Уже через несколько часов после расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации гвардейскими полками разъярённая толпа на Невском переворачивала сани с господами офицерами и начинала их нещадно бить.

В феврале-марте 1917 г. расправы над офицерами вершили не большевики. У них железное алиби — они находились в Женеве, Нью-Йорке, «во глубине сибирских руд» и т.д. Это творили солдаты и матросы, одуревшие от ненужной им войны, идиотской муштры и желавшие мира, земли и воли.

И в годы гражданской войны господ офицеров резали не только большевики, но и махновцы, григорьевцы, белофинны, петлюровцы и т.д.

Красная армия много лет страдала от отсутствия офицерских званий, погон и т.д. Но вводилось это с огромным трудом из-за ненависти народа к одному только слову — «офицер-золотопогонник».

Да, по-человечески жалко десятки тысяч офицеров военного времени — бывших гимназистов, реалистов, семинаристов, учителей и т.д., убитых только за то, что они надели ненавистную народу форму. Также жалко, как и мальчишек из гитлер-югенда, в 1945 г. раздавленных нашими танками и сожжённых адским огнём наших «катюш». Но, увы, такова жестокая правда истории.

Другой вопрос, что у наших гвардейцев был выход. Они могли пойти по стопам своих дедов и прадедов, которые в 1762 г. и в 1801 г., спасая Россию, не побоялись испачкать перчатки в крови придурков, ведших империю к катастрофе. А наутро господ офицеров ждал ликующий Петербург. Шампанское было распродано всё ещё с утра. На Невском не били, а качали гвардейцев. Барышни-аристократки, забыв всякий стыд, кидались целовать офицеров. А впереди решительных поручиков ждали Чесма, Очаков, Крым, Эйлау, Бородино и Париж!

Первая мировая война никогда не была и не станет отечественной войной. Так что зря политики и их кукловоды-олигархи тратят денежки на перенесение костей «героев» 1914-1917 гг. и 1918-1922 гг., на установку им памятников, на финансирование заказных изданий «а ля Боханов».

Глава 19

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Как рыба гниёт с головы, так и все великие империи начинали разлагаться со столицы. Вспомним Рим IV в., Константинополь начала XV в. Нечто подобное происходило и в Петербурге в 1912-1914 гг. Понятно, что лучше современника об этом никто не скажет: «В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнажёнными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки. Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, не виданной ещё роскоши столицы, неподалёку от Петербурга, на необитаемом острове.

В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кровавым и возбуждающим процессам. Всё было доступно — роскошь и женщины. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражён дворец»^[61].

Это писал граф Алексей Николаевич Толстой. А теперь обратимся к воспоминаниям нашего героя: «Всё в Петербурге было прекрасно. Всё говорило о столице российских императоров.

Золотой шпиль Адмиралтейства был виден издали на многие вёрсты. Величественные окна великокняжеских дворцов горели пурпуром в огне заката. Удары конских копыт будили на широких улицах чуткое эхо. На набережной жёлтые и синие кирасиры на прогулке после завтрака обменивались взглядами со стройными женщинами под вуалями. Роскошные выезды с лакеями в декоративных ливреях стояли перед ювелирными магазинами, в витринах которых красовались розовые жемчуга и изумруды. Далеко за блестящей рекой с перекинутыми через воду мостами громоздились кирпичные трубы больших фабрик и заводов. А по вечерам девы-лебеди кружились на сцене Императорского балета под аккомпанемент лучшего оркестра в мире.

Первое десятилетие XX в., наполненное террором и убийствами,

развинтило нервы русского общества. Все слои населения империи приветствовали наступление новой эры, которая носила на себе отпечаток нормального времени. Вожди революции, разбитые в 1905-1907 гг., укрылись под благословенную сень парижских кафе и мансард, где и пребывали в течение следующих десяти лет, наблюдая развитие событий в далёкой России и философски повторяя поговорку: “Чтобы дальше прыгнуть, надо отступить”.

А тем временем и друзья, и враги революции ушли с головой в деловые комбинации. Вчерашняя земледельческая Россия, привыкшая занимать деньги под залог своих имений в Дворянском банке, в приятном удивлении приветствовала появление могущественных частных банков. Выдающиеся дельцы Петербургской биржи учли все выгоды этих общественных настроений, и приказ покупать был отдан.

Тогда же был создан знаменитый русский “табачный трест” — одно из самых больших промышленных предприятий того времени. Железо, уголь, хлопок, медь, сталь были захвачены группой петербургских банкиров. Бывшие владельцы промышленных предприятий перебрались в столицу, чтобы пользоваться вновь приобретёнными благами жизни и свободой. Хозяина предприятия, который знал каждого рабочего по имени, заменил дельный специалист, присланный из Петербурга. Патриархальная Русь, устоявшая перед атаками революционеров 1905 г., благодаря лояльности мелких предпринимателей отступила перед системой, заимствованной за границей и не подходившей к русскому укладу.

Это быстрое изменение форм собственности в стране, далеко опередившее её промышленное развитие, положило на бирже начало спекулятивной горячке. Во время переписи населения Петербурга, устроенной весной 1913 г., около 40 тысяч жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров.

Адвокаты, врачи, учителя, журналисты и инженеры были недовольны своими скучными профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность делать десятки тысяч рублей на марже купли-продажи двухсот акций “Никополь-Мариупольского металлургического общества”.

Выдающиеся представители петербургского общества включали в число приглашённых видных биржевиков. Офицеры гвардии, не могшие отличить до сих пор акций от облигаций, стали с увлечением обсуждать неминуемое поднятие цен на сталь. Светские денди приводили в полное недоумение книгопродавцов, покупая у них книги, посвящённые сокровенным тайнам экономической науки и толкованию смысла

ежегодных балансов акционерных обществ. Светские львицы начали с особым удовольствием представлять гостям на своих журфиксах “прославленных финансовых гением из Одессы, заработавших столько-то миллионов на табаке”. Отцы церкви подписывались на специальные финансовые издания, и обитые бархатом кареты архиепископов виднелись вблизи бирж.

Провинция присоединилась к спекулятивной горячке столицы, и к осени 1913 г. Россия из страны праздных помещиков и недоедавших мужиков превратилась в страну, готовую к прыжку, минуя все экономические законы, в царство отечественного Уолл-стрита!

Будущее империи зависело от калибра новых загадочных пришельцев, которые занялись судьбой её финансов. Каждый здравомыслящий финансист должен был сознавать, что, пока русский крестьянин будет коснеть в невежестве, а рабочий ютиться в лачугах, трудно ожидать солидных результатов в области развития русской экономической жизни. Но близорукие дельцы 1913 г. были мало обеспокоены отдалённым будущим. Они были уверены, что сумеют реализовать за наличные все ими приобретённое до того, как грянет гром...»

Замечу, что великий князь никогда не читал Алексея Толстого, а граф далее не знал о «Воспоминаниях» Александра Михайловича. Тем не менее они представили нам одну и ту же картину всеобщего разложения и затишья перед бурей.

Ну что ж, воспользуемся затишьем и поговорим пока о родственниках Александра Михайловича. Занятые морскими и авиационными затеями нашего героя, а также проблемами большой политики, мы совсем забыли Бимбо — его старшего брата. Между тем Александр Михайлович называл Николая Михайловича «самым радикальным и самым одарённым членом семьи».

Чтобы не сердить родителей, Бимбо с отличием оканчивает военное училище. А тут подоспела Русско-турецкая война 1877-1878 гг. Подпоручик великий князь Николай Михайлович едет бить турок. За участие в боях он получил чин штабс-капитана и орден святого Станислава IV степени.

А после войны Николай Михайлович рядовым участником отправляется в экспедицию по изучению фауны и флоры Средней Азии, возглавляемую известным геологом И.В. Мушкетовым. Вернувшись из экспедиции, он продолжает свои исследования по энтомологии Кавказа, собрав громаднейшую коллекцию в 25 тысяч бабочек и самостоятельно открыв три бабочки, неизвестных ранее науке. Одну из этих бабочек

(точнее, её подвид) он окрестит по латыни: «Collas Olga Romanof», дав ей имя матери, которой к тому времени уже не было в живых.

Под редакцией Николая Михайловича в 1891-1892 гг. выходит прекрасно иллюстрированное девятитомное издание «Мемуары о чешуекрылых», уникальное и сегодня, а сам великий князь становится почётным председателем Императорского русского географического общества.

Статус великого князя позволяет Бимбо часто путешествовать, посвящать большую часть своего времени науке и одновременно делать военную карьеру. Он оканчивает Академию Генерального штаба. В 1894 г. флигель-адъютант великий князь Николай Михайлович назначается командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, дислоцированного в Грузии.

Па нервом же смотре Николай Михайлович обратился к солдатам:

— Ребята, я счастлив, что получил ваш старый боевой полк. Смолоду я привык любить и уважать доблестную кавказскую армию, в ряды которой я несказанно рад вернуться!

Самым большим достижением в довольно серьёзной военной карьере Николая Михайловича следует считать его назначение в 1897 г. командующим знаменитой Кавказской Гренадерской дивизией, как назвал её в поздравлении сыну великий князь Михаил Николаевич — «первой по назначению во всей нашей доблестной армии». Эта должность была последней в послужном списке великого князя. Своё военное поприще он покидает в 1901 г. в чине генерал-лейтенанта.

Личная жизнь у Николая Михайловича не сложилась. Впервые, ещё в юности, он надолго и пылко влюбился в свою двоюродную сестру принцессу Викторину Баденскую. Император Александр II был категорически против этого брака, и в 1881 г. Викторину выдали замуж за шведского наследного принца. В 1907 г. он вступит на престол под именем Густава V Адольфа, а Виктория станет королевой.

Бимбо и Виктория встречались несколько раз в Италии, даже в бытность её королевой, но с годами пылкость чувства угасла, осталась только тёплая дружеская привязанность с её стороны.

В Париже Николай Михайлович влюбился в Амалию, правнучку герцога Филиппа Орлеанского. Но, увы, противодействие отца и Александра III вновь помешали вступить ему в брак. Любопытно, что и до этой любовной интриги Николая Михайловича в русской гвардии прозвали «Филипп Эгалитэ». Дело в том, что Филипп, герцог Орлеанский, был родным братом короля Луи XVI и в 1789 г. вместо эмиграции решил стать

революционером. Он отказался от титула и принял фамилию Эгалитэ (что по-французски значит «равенство»). Но, увы, новая фамилия не спасла Филиппа от якобинского террора. В 1793 г. его голова попала под нож гильотины.

Затем Николай встретил княгиню Елену Михайловну Барятинскую, супругу адъютанта своего отца, князя А.В. Барятинского, и совершенно потерял голову! Как писала Светлана Макаренко: «Княгиня Елена Михайловна, опытная светская львица, чьё имя годами не сходило и со страниц столичных газет и ... с уст “злоречивого бомонда обеих столиц”, жила в разъезде с мужем, одна воспитывая тяжелобольного сына. Вскоре её имя тихо исчезло с газетных полос светской хроники и стало прочно связываться с именем Великого князя Николая Михайловича. Они всюду появлялись вместе, дружили с одними и теми же людьми, читали одни и те же книги, даже художников любили одних и тех же! В своём Петергофском дворце княгиня Барятинская — Великий князь называл её просто Nelly — собрала уникальную коллекцию западноевропейской портретной живописи, в которой было около десятка портретов кисти Ф. Винтерхальтера.

Николай Михайлович был очень предан княгине Елене Михайловне, но отношения между ними были несколько странными: даже после того, как княгиня овдовела и могла уже стать хотя бы морганатической супругою Великого князя, она не сделала никаких шагов для того, чтобы изменить свою судьбу и судьбу любимого ею страстно человека! То ли из боязни занять в его сердце недостаточно много места, ведь на первом всегда были коллекции и научные изыскания, то ли оттого, что в её собственном сердце всепоглощающая любовь к единственному сыну занимала слишком большое пространство? Никто не может здесь ни о чём судить.

Николай Михайлович не стал ни к чему принуждать княгиню, ни в чём никогда её не упрекнул, и лишь в своём горьком, исповедальном разговоре с Л.Н. Толстым сказал однажды, что “истинных минут счастья в его жизни было, на самом деле, слишком мало!”

Он завещал вернуть княгине Барятинской после своей смерти все её вещи и подарки, и даже письма, но этот пункт завещания также не был исполнен: князь пережил любимую женщину на целых пять лет!

После смерти своего сына в 1910 г., княгиня Барятинская долго болела, жила замкнуто, уединённо, поблизости от Михайловского дворца Великого князя, и не принимала почти никого, кроме него и близких родных. Княгиня скончалась 26 марта 1914 г. Николай Михайлович сделал об этом

лаконичную пометку на последнем листке письма княгине к нему и в тот же день приказал переплести свою личную с нею переписку в красивый альбом с тяжёлыми золотистыми застёжками. В нём более тысячи писем. Разумеется, он не издан и тихо пылится в архивах, ожидая своего часа»^[62].

С годами Николай Михайлович всё больше и больше времени проводил в архивах. В 1901 г. выходит в свет его труд «О Долгоруких, сподвижниках Александра Первого в первые годы его царствования», имевший невероятный успех. Затем последовали «Граф Павел Александрович Строганов (1774-1817). Историческое исследование эпохи Александра Первого» в трёх томах, вышедших в Петербурге в 1903 г. В 1905-1914 гг. издаётся семитомник «Дипломатические отношения России и Франции по донесениям императоров Александра и Наполеона. 1808-1812 годы».

Понятно, что успех монографий Николая Михайловича в основном был обусловлен его свободным доступом в архивы. Русские императоры, включая Николая II, тщательно скрывали от народа его историю. Любого другого автора за подобные исторические изыскания сразу же упекли бы «в места не столь отдалённые» по статье «оскорбление августейшей фамилии». Но Николай Михайлович сам принадлежал к одной фамилии.

Монография Бимбо, посвящённая императору Александру I, была полностью лишена фамильного, да и просто верноподданнического пиетета, зато была весьма объективна. Николай Михайлович первым из отечественных историков прямо объявил Александра I соучастником убийства своего отца императора Павла I.

Как писала Светлана Макаренко: «Столь серьёзная, увлекательно написанная книга с обширным списком указанных источников, сделала её настоящей драгоценностью для исследователей. Она была по достоинству оценена читателями и привлекалась даже в качестве оправдательной улики во время судебного процесса над писателем Дмитрием Мережковским, закончившим и издавшим почти в то же время свой исторический роман “Павел Первый”».

Дмитрия Сергеевича Мережковского ретивые судьи, с подачи цензурного комитета, обвинили в непочтении, “дерзостном неуважении к Верховной власти”.

Судом указывалось также на недопустимость “непочтительных выражений (устаами графа Палена) в адрес монарха”. Для доказательства исторической правдивости романа Дмитрия Мережковского адвокатами, в качестве “алиби”, весьма неожиданно, был привлечён труд Николая Михайловича “Император Александр Первый”. Защита обратила внимание

судей на то, что великий князь Н.М. Романов, представитель царствующего рода, считает Александра Первого сознательным участником заговора против отца, то есть подходит к образу монаршей особы гораздо строже, чем писатель Мережковский, который считал Александра Первого лишь марионеткою в тисках чужой воли (Палена, Зубова и других). Мережковский и его издатель были тотчас оправданы судом, а цензурный арест на книгу полностью снят»^[63].

К великому сожалению, для исторической науки Николай Михайлович был крайне ревнив к своим изысканиям и старался не допускать в государственные архивы других исследователей.

Великокняжеский титул открывал Николаю Михайловичу доступ не только в государственные, но и в частные архивы России и Европы. Так, в ходе работы над биографией императрицы Елизаветы Алексеевны, согласно перечню используемых работ, Николай Михайлович неоднократно обращался в богатейшую библиотеку Зимнего дворца, собранную несколькими поколениями российских императоров, в архивы Берлина, Бадена, Дармштадта и Карлсруэ — родины Елизаветы Алексеевны. Сохранились ого письма директору карлсруйского архива Г. Обзору и библиотекарю Р. Гримму, к которым он обращается по вопросам приобретения копий или подлинников писем императрицы к её сестре, маркграфине Амалии Баденской, к близким и друзьям.

Николай Михайлович единственный из великих князей, кто вёл переписку с Львом Толстым. Его Ново-Михайловский дворец часто служил выставочным залом художников — друзей великого князя или местом солидных съездов историков-архивистов. Первый такой съезд состоялся в 1914 г., незадолго до начала войны.

В 1893 г. в Париже Николай Михайлович вступает в масонскую ложу Биксио^[64]. Великий князь стал вторым русским членом ложи, первым же был Иван Сергеевич Тургенев. Николай Михайлович стал масоном высокого градуса. Деятельность его в ложе покрыта завесою тайны, равно как и деятельность всех других «братьев». Отношение великого князя к братьям из Биксио хорошо показано в письмах Николая Михайловича из Петропавловской крепости в 1918 г. к своему другу французскому историку Массону: «Будьте так добры, напомните обо мне моим дорогим друзьям из Биксио. Быть может, лучшее, что было у меня в жизни, было моё общение с друзьями из Биксио, и в тяжёлые минуты ожидания ареста и, вероятно, казни у меня есть только одно утешение — воспоминание о братьях, за которое я благодарю их».

В начале мировой войны Николай II отправил Николая Михайловича в штаб командующего Юго-Западным фронтом. Конкретной задачи он там не получил, зато вскоре накатал докладную записку императору: «К чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут её конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдётся без крупных волнений и беспорядков, когда самые страсти уже улягутся, а вероятий на это предположение много, особенно если правительство будет по-прежнему бессмысленно льнуть в сторону произвола и реакции».

Ещё один старший брат нашего героя Георгий был во многом бледной копией Николая Михайловича. Он также отдал дань военной службе, но вскоре занялся живописью. Формально он имел оправдание — болезнь колена, что поставило крест на его карьере кавалериста. В 1900 г. Георгия Михайловича женили на греческой принцессе Марии, дочери короля Георга I и Ольги Константиновны. Таким образом, Мария приходилась жениху двоюродной племянницей. Поди разберись в казуистике церковных марьяжных разрешений и запретов!

Мария не любила мужа, хотя и родила ему двух дочерей. Весной 1914 г. она отправилась в Англию, а начавшаяся мировая война стала для неё хорошим поводом не возвращаться к мужу в Россию.

Великий князь Георгий Михайлович тоже стал масоном, но вступил не в ложу Биксио к брату Николаю, а в ложу мартинистов. Кстати, эта ложа в России была реанимирована двумя шарлатанами — Папюсом и Филиппом, предшественниками Распутина при дворе Николая II. Ходили слухи, что и сам Николай II был мартинистом, но вышел из ложи после явления Григория Ефимовича.

В феврале 1914 г. дочь Александра Михайловича Ирина вышла замуж за князя Феликса Феликсовича Юсупова. Наши историки, я уж не говорю об обывателях, считают семейство Юсуповых самым богатым и знатным в России. Первое утверждение верно, а насчёт второго молено и поспорить.

На Руси издавна были лишь две законные княжеские династии — Рюриковичи и Гедиминовичи. В допетровской Руси московские правители не имели наглости производить в князья безродных персоналий за любовные утехи или иные деяния. Но зато с удовольствием присваивали княжеский титул предводителям или, как сейчас сказали бы, «полевым командирам» сотни-другой кочевников, приходивших на службу в Москву. Бояре зло острили: «Придёт татарин зимой, его жалуют шубой, а летом —

князем».

Так на службу к молодому Ивану Грозному прибыл некий мурза Юсуф, назвавшийся ногайским ханом. Никакими документальными данными об этом Юсуфе историки не располагают, кроме того, что он умер в 1556 г. Зато Ф.Ф. Юсупов в своих воспоминаниях возводит родословную Юсуфа непосредственно к пророку Мухамеду.

Потомки Юсуфа крестились, обрусели и получили фамилию Юсуповы. От них-то и пошли несколько ветвей князей Юсуповых.

В конце XVI в. в разрядных книгах упоминаются какие-то дворяне (боевые холопы) Сумароковы. От них и вели свою родословную несколько ветвей Сумароковых. Генерал от артиллерии Сергей Павлович Сумароков в августе 1856 г. выдал свою дочь Елену за Феликса Николаевича Эльстона, и сразу же новоявленный зять императорским указом был возведён в графское достоинство с присвоением ему фамилии Сумароков. Хотя, как известно, на Руси, как и во всей Европе, жена принимала фамилию мужа, а не наоборот. Да и кто такой Николай Эльстон? Увы, это второй подпоручик Киж. Феликс Николаевич Эльстон был бастардом, то есть по-русски бастрюком, неизвестно кем и от кого прижитым. Сам Ф.Ф. Юсупов в эмиграции писал о нём коротко и неясно: «Мой дед [по отцу] Феликс Эльстон умер задолго до женитьбы родителей. Его называли сыном прусского короля Фридриха-Вильгельма и графини Тизенгаузен». Понятно, что никаких достоверных данных, подтверждавших это, не было.

У Феликса и Елены Сумароковых родился сын Феликс. И вот Феликс Феликсович по примеру своего отца вступает в выгодный брак с Зинаидой, дочерью князя Николая Борисовича Юсупова. По законам Российской империи, вступая в брак, княжна теряла свой титул и принимала титул и фамилию мужа. Тем не менее Николай Борисович обратился к царю с просьбой о передаче после своей смерти нрава наследования титула и имени Юсуповых своему зятю Ф.Ф. Сумарокову-Эльстону. Император Александр III удовлетворил просьбу князя своим высочайшим указом от 10 июля 1885 г. Таким образом, после смерти князя Николая Юсупова (19 июля 1891 г.) его зять получил право называться князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон с правом передачи титула по наследству старшему сыну.

Так будущий зять Александра Михайловича получил самую длинную в России фамилию Юсупов-Сумароков-Эльстон.

В 1883 г. в семье Юсуповых родился первенец Николай. Затем три года подряд Зинаида рожала по младенцу мужского пола, но они сразу умирали. 11 (24) марта 1887 г. Зинаида разрешилась ещё одним мальчиком, которого

по отцу и деду назвали Феликсом. Чтобы не путать с отцом, впоследствии его будут звать Феликсом Феликсовичем младшим.

Неудачные роды у крайне впечатлительной матери сделали младшего сына её кумиром.

Летом 1886 г. в имении Архангельское при таинственных обстоятельствах умирает младшая сестра Зинаиды Татьяна Юсупова. По официальной версии она утонула, купаясь в старице Москвы-реки. Однако в 1918 г. окрестные крестьяне, разграбившие её могилу, обнаружили вместе с ней останки младенца. Видимо, Татьяна, не будучи замужем, умерла при родах. Ходили слухи, что она была влюблена в какого-то Павла. Во всяком случае, после смерти Татьяны все страницы её дневника, относившиеся к последним месяцам жизни, были вырваны.

В 1908 г. в семье Юсуповых случилась новая трагедия. Весной у 28-летнего Николая Юсупова начался роман с девятнадцатилетней графиней Мариной Александровной Гейден. Однако графиня уже имела жениха — капитана конной гвардии графа Арвида Мантейфеля.

В апреле 1908 г. графиня Гейден получила звание фрейлины при императорском дворе. 23 апреля состоялась свадьба Марины и Мантейфеля, а ночь накануне она провела с Николаем в отдельном кабинете фешенебельного ресторана на Невском.

После свадьбы молодые отбыли в Париж. Но спустя несколько дней Марина писала Николаю Юсупову письмо с просьбой приехать. Николай объявил матери, что желает послушать Шаляпина, гастролировавшего в Париже, и через двое суток поселился в уютном номере гостиницы «Meurice», заранее заказанном для него Мариной. Предусмотрительная Марина снимает там же ещё один номер для своей матери. Мужу она объясняет, что хочет пожить несколько дней у мамы, ну а поселяется, естественно, у Николая.

Но вскоре влюблённым надоело сидеть взаперти в гостинице, и они начали посещать театры, выставки и дорогие рестораны. Лишь тогда туповатый Арвид заметил у себя ветвистые олени рога. Старик граф Эрнст Мантейфель потребовал от сына вызвать соблазнителя на дуэль.

В конце концов, Арвид вызвал Николая на дуэль. Однако секундантам удалось решить дело миром, благо, стреляться не желали обе стороны. Секунданты сочли повод для дуэли незначительным, и состоялось перемирие.

Марине пришлось с мужем отправиться в Петербург. Но тут вмешались господа офицеры конногвардейского полка и потребовали капитана Мантейфеля в Красное Село, где дислоцировался полк, для

объяснений. Там суд чести полка вынес решение о необходимости дуэли. Командир полка Хусейн Келбани, хан Нахичеванский, представил дело на рассмотрение царю, и Николай II дал разрешение на поединок.

Мы ещё в детстве из романов Дюма узнали, как сурово карались участники дуэлей при Луи XIII и Луи XIV. Согласно указу Петра Великого за дуэль полагалась смертная казнь. Наследники Петра за дуэль не казнили, но разжалование, ссылка или заключение в крепость на несколько месяцев, а то и лет было нормой. А тут наш святой царь буквально заставляет молодого человека идти на смерть или стать убийцей!

Теперь у Арвида не было выбора. Ранним утром 22 июня 1908 г. противники прибыли на лужайку Крестовского острова в имении князя Белосельского. По решению полкового суда дуэль должна была состояться на пистолетах на расстоянии пятнадцати шагов, три выстрела каждый.

Отсчитав шаги, противники встали напротив друг друга. Раздалась команда «Стрелять!», и одновременно громыхнули два выстрела. Николай выстрелил вверх, а Мантейфель — в Юсупова. Николай получил смертельную рану в бок и скончался на месте дуэли.

Весь Петербург сочувствовал семье Юсуповых. На следующий после дуэли день на панихиду по Николаю прибыли большинство августейших особ, находившиеся в столице: греческая королева Ольга Константиновна, греческий принц Николай, великие княгини Мария Павловна, Елена Владимировна, Елизавета Маврикиевна, Мария Георгиевна, Ксения Александровна, великие князья Владимир Александрович, Константин Константинович, присутствовали и Николай, Георгий и Александр Михайловичи.

После смерти Николая Феликс остался единственным наследником огромного состояния Юсуповых. И сразу же за ним начали охоту дочери и маманьки не только в Москве и Петербурге, но и в Париже и Лондоне. При этом ни дочек, ни мамочек не смущали слухи о «нетрадиционной ориентации» Феликса.

В своих воспоминаниях Ф.Ф. Юсупов пытается свести свои увлечения лишь к страсти переодеваться в женские платья. По его версии к переодеванию его склонила «простая» девушка Поля, жившая в Петербурге недалеко от них. В её крошечной квартирке они и «проводили вечера в компании со студентами, артистами и весёлыми девицами».

В отличие от родительского дома, «созданного для балов и приёмов», «скромная Поленькина гостиная с самоваром, водкой и закуской означала свободу и веселье». Именно Поля первой предложила Феликсу переодеться в женское платье: «В два счёта она одела и раскрасила меня так, что и

родная мать не узнала бы». В таком необычном наряде Феликс вместе с братом и весёлой компанией студентов впервые отправился слушать цыган. «Прежде я не слыхал цыган, — вспоминает Юсупов. — Вечер стал для меня открытием. Знал я, что хорошо поют, но не знал, что так чарующе. Понял я тех, кто разорялся на них. А ещё я понял, что в женском платье могу явиться куда угодно... Поленька наряжала меня умело: все её платья шли мне необычайно».

Как писала Елизавета Красных, биограф семьи Юсуповых: «Николай всячески поощрял переодевания брата. Так, вместе являлись они на маскарады в Париже, перед одним из которых переодетый Феликс покорило сердце короля Эдуарда VII. Николая это очень забавляло и в насмешку над чопорным «высшим обществом» он спровоцировал младшего брата попробовать себя певицей в кабаре “Аквариум” в Петербурге. Организовав двухнедельный ангажемент, Николай и Полина обеспечили Феликса платьем-хитом из тюля. Из всех воспоминаний современников только в воспоминаниях самого Феликса сохранилось описание этой авантюры, которая потом неоднократно ставилась ему в укор в подтверждение его извращённого вкуса и многократно цитировалась.

Первое выступление прошло блестяще, и азартные молодые Феликс, Николай и Поля, насмехаясь, перебирали многочисленные записки и цветы. Веселью сумасшедшей троицы не было предела, но трюк с переодеванием вскоре был раскрыт и безвестная певица исчезла с афиш “Аквариума” после семи выступлений. Поведение детей возмутило родителей, но, несмотря на скандал дома, Николай и Феликс не отказывались от своего увлечения костюмированными балами. Во время одного из них Феликс, переодетый женщиной, был приглашён четырьмя молодыми офицерами на ужин в известный петербургский ресторан “Медведь”. Устроившись в отдельном кабинете, под цыганскую музыку и шампанское один из разгорячённых офицеров сдёрнул маску с прекрасной незнакомки. Изловчившись, испугавшийся Феликс, оставив шубу, бросился бежать на улицу, на извозчике помчался на Поленькину квартиру: “И полетела ночью в ледяной мороз юная красавица в полуголом платье и бриллиантах в раскрытых санях. Кто бы мог подумать, что безумная красотка — сын достойнейших из родителей!”»^[65].

По Петербургу циркулировали слухи о связи Феликса Юсупова с великим князем Дмитрием Павловичем (1896-1918), внуком императора Александра II. Какие-то намёки на сей счёт проскальзывали и в письмах Феликса к матери. «Если портсигар не найдут, то надо сделать следствие, потому что я знаю *наверно*, что его найдут в доме. Вели осмотреть ванную.

Вчера Дм. Павл. [великий князь Дмитрий Павлович] опять хотел сделать пи-пи в мою ванную, и у нас из-за этого произошла драка. Может быть, в это время портсигар и завалился куда-нибудь”. В память об этом случае долгое время в переписке княгини Юсуповой с сыном Великого князя звали “Портсигар”»^[66].

С юных лет Феликс увлекался спиритизмом. Ещё при жизни брата они с Николаем вызывали духов и, по признанию самого Феликса, «наблюдали вещи удивительные». Продолжалось это до тех пор, пока массивная «мраморная статуя не сдвинулась и рухнула» перед остолбеневшими братьями. И тогда братья дали друг другу обещание дать знак с «того света», когда один из них умрёт первым, тому, кто останется жив. Обещание это вскоре забылось, но зимой 1908/1909 г. этот случай вспомнился. В одном из своих краткосрочных посещений особняка на Мойке среди ночи неведомая сила подняла Феликса с постели и заставила пойти к комнате Николая, запертой со дня его смерти. «Вдруг дверь открылась, — вспоминает Феликс. — На пороге стоял Николай. Лицо его сияло. Он тянул ко мне руки... Я бросился было навстречу, но дверь тихонько закрылась! Всё исчезло».

Феликс был вхож в скандальную компанию Марии Головиной, более известной как Мунька. Видимо, Мунька и познакомилась в 1909 г. Феликса с Григорием Распутиным. Через 50 лет Феликс так описывал эту встречу: «Открылась дверь из прихожей, и в залу мелкими шажками вошёл Распутин. Он приблизился ко мне и сказал: “Здравствуй, голубчик”. И потянулся, будто бы облобызать. Я невольно отпрянул. Распутин злобно улыбнулся и подплыл к барышне Г., потом к матери, не чинясь, прижал их к груди и расцеловал с видом отца и благодетеля. С первого взгляда что-то мне не понравилось в нём, даже оттолкнуло... Манеры его поражали. Он изображал непринуждённость, но чувствовалось, что втайне стесняется, даже трусит».

Феликс признавал, что «странный субъект» произвёл на него «неизгладимое впечатление», но, несмотря на все уговоры Муньки прислушиваться к словам Распутина, не пожелал продолжить с ним знакомство.

В 1908 г. Феликс Юсупов несколько раз посетил царскую чету в Царском Селе. Николаю, а ещё более Александре не нравились увлечения Феликса, но сказать об этом прямо не позволяли ни этикет, ни тогдашние приличия. Поэтому Александра Фёдоровна важно заявила:

— Всякий уважающий себя мужчина должен быть военным или придворным.

На что Феликс рискнул возразить:

— Военным быть не могу, потому что война мне отвратительна, а в придворные не гожусь, потому что люблю независимость и говорю то, что думаю. Я вижу своё призвание в разумном управлении именьями и многочисленными землями, заводами. Правильное управление всем — тоже своего рода служба Отечеству. А служу Отечеству — служу Царю!

Лицо царицы покрылось большими красными пятнами.

— А Царь и есть Отечество! — вскричала она.

В этот момент вошёл Николай II, и Александра Фёдоровна заявила ему:

— Феликс — законченный революционер!

Как писал в своих воспоминаниях Юсупов: «Государь ничего не ответил, да и сама императрица не могла не признать, что кому как не ей знать, что не все мужчины созданы для государственной службы».

В конце концов, чтобы «не дразнить гусей», Феликса отправили в Лондон, где он поступил в Оксфордский университет. Но чтобы не быть связанным ученической дисциплиной, Феликс предпочёл стать вольнослушателем.

В Лондоне Юсупов близко сошёлся с семьёй опального великого князя Михаила Михайловича. Феликс писал матери: «Пишу тебе, только что вернувшись с завтрака от гр. Торби. Миш-Миш не было, он на охоте. После завтрака мы поехали на выставку русских художников. Очень интересная. Так было приятно поговорить по-русски. Дети гр. Торби говорят отвратительно, по-моему, это очень стыдно. Мальчик удивительно хорошо рисует и у него прямо страсть бегать по галереям... Гр. Торби в этот раз была гораздо любезнее и просила меня почаще приезжать и привозить товарищей. В следующий term [семестр (англ.)] она хочет устраивать танцевальное утро, чтобы обучать своих детей».

Обратим внимание, сын пишет матери только о младшем двенадцатилетнем Михаиле, как-то забывая о пятнадцатилетней Надежде и восемнадцатилетней Анастасии. Между тем «танцевальные утра» устраивали совсем не для мальчика.

Прошло несколько недель, и Феликс вновь пишет маме: «Завтракал у Lady Ripon с королём Португалии, Марией Павловной [великая княгиня Мария Павловна старшая], Еленой с мужем [великая княгиня Елена Владимировна и принц греческий Николай] и т.д. Елена мне сказала, что со всех сторон ей говорят, что мы помолвлены с Торби, но что пока не объявляют. Ждут, чтоб я окончил Оксфорд. Как глупо!»

То, что последняя фраза лучше всего запоминается, юный Феликс

догадался задолго до Штирлица. Но маму-то не проведёшь! И теперь честолюбивая Зинаида Николаевна грудью встала против романа сына с дочками Миш-Миша. Неперспективные невесты семье Юсуповых не нужны. А непутёвого сына надо срочно женить, поскольку его поведение рождает всё новые и новые сплетни и анекдоты. В Европе есть десятки принцесс без места, которые с радостью «выскочат» за самого богатого русского князя. Но они также бесперспективны и бедны, кроме того, в этом случае Феликс будет скорей всего жить в Европе вдали от матери.

Поэтому Зинаида Николаевна желала выдать сына за какую-нибудь из русских великих княжон. Естественно, речь не шла о тех, отцы которых попали в опалу, как бедный Миш-Миш. Но к 1910 г. ситуация сложилась так, что свободных великих княжон практически не осталось. Правда, у самого царя было четыре дочери в возрасте от 16 до 19 лет. Но Николай II и Александра неприязненно относились к семье Юсуповых. Да и вообще, дочь императора выдать за князя со спорной родословной?..

И, наконец, Зинаида Николаевна прекрасно знала, что Алиса Гессенская является носителем гемофилии, и не желала иметь внука-гемофилика.

В итоге единственной кандидатурой оказался пятнадцатилетняя Ирина, дочь великого князя Александра Михайловича и Ксении. По законам Российской империи ни Ирина, ни шестеро её братьев не могли носить титула великий князей, а являлись лишь князьями (княжной) императорской крови. Тем не менее породниться с внучкой императора Александра III было крайне лестно для семьи Юсуповых.

С 1910 г. сын и мать Юсуповы начинают сложную и многоходовую охоту на княжну Ирину. Ситуация облегчалась тем, что Юсуповы были хорошо знакомы с Александром Михайловичем и его братьями. В юности Сандро был увлечён Зинаидой Николаевной. В Крыму у Юсуповых было три имения — в Кореизе, Коккозе^[67] и Балаклаве. В Балаклаве Юсуповы практически не бывали, предпочитая Кореиз и Коккоз. Именно Кореиз был приобретён в 1867 г. у князей Мещёрских. Там был выстроен огромный красивый дворец и разбит роскошный сад, украшенный фонтанами и скульптурами в духе итальянского Возрождения. По воспоминаниям Феликса Юсупова младшего, «количество статуй, им купленных, невозможно представить. Нимфы, наяды и богини показывались из-за всех кустов и баскетов: всё было наполнено мифологией».

Имение выходило к морю, включало в себя виноградники, многочисленные хозяйственные постройки и т.д. Хозяин вложил в него большие деньги и, по общему мнению, имение Кореиз было самым

богатым и ухоженным в Крыму имением после императорских.

Замечу, что Юсуповский дворец в Кореизе очень нравился Сталину, и он останавливался там не менее двух раз: в ходе Ялтинской конференции 1945 г. и в 1947 г. перед походом на крейсере «Молотов».

Имение Кореиз прилегало к имениям Ай-Тодор и Харакс, принадлежавшим великим князьям Александру и Георгию Михайловичам. Соседи часто посещали друг друга, причём не обязательно в экипажах, но и в пеших прогулках.

Не только Михайловичи, но даже сам царь с семейством периодически наведывался к Юсуповым в Коккоз, расположенном в 17 км от моря, за горным массивом Яйла. Дворец в Коккозе, построенный по проекту знаменитого ялтинского архитектора Н.П. Краснова, отражал архитектурные приёмы Бахчисарайского дворца. Дворец и парк украшали многочисленные фонтаны, из которых до наших дней сохранился только один — «Голубой глаз». Кстати, так переводится слово «коккоз».

Семья Александра Михайловича и Юсуповых сблизил неприянь к царской чете и особенно к Александре Фёдоровне. Рост влияния при дворе Распутина сильно тревожил обе семьи. В январе 1912 г. великая княгиня Ксения Александровна записала в дневнике: «Все уже знают и говорят о нём и ужас какие вещи про него рассказывают, т. е. про А(ликс) и всё, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю — всё тот же разговор — и в Аничкове вечером, и за обедом я рассказывала всё слышанное. Чем всё это кончится? Ужас!»

В октябре 1910 г. Феликс пишет матери: «Забыл сказать, что у Torbi [графиня Торби — жена великого князя Михаила Михайловича] я видел последнюю фотографию дочери Ксении Александровны. Какая она красивая». Действительно, в шестнадцать лет Ирина была чертовски хороша. Любопытно, что отвечает Зинаида Николаевна: «Получила твоё письмо после завтрака у Торби. Будь с ними очень осторожен, т. к. ты знаешь, почему тебя зовут. Я рада, что фотография И.А. [Ирины Александровны] тебе понравилась. *Верь* моему чувству. Я знаю, что говорю, когда хвалю её».

Между тем Сандро и Ксения прочили брак Ирины с каким-либо принцем, желательно наследственным. Слухи об этом доходили и до семейства Юсуповых и чрезвычайно волновали маму и сына. Основных претендентов на руку Ирины было двое — греческий принц Христофор, пятый сын короля Георга I и Ольги Константиновны, и принц Уэльский Альберт Эдуард. Последний кандидат был самым интересным для Александра Михайловича. Читатель уже знает, как Сандро восхищался

принцем. Можно только гадать, куда пошла бы мировая история, если бы в 1936 г. Ирина Михайловна вошла на британский престол вместе со своим мужем королём Эдуардом VIII. Но, увы, по разным обстоятельствам дело до брака Ирины с иностранным принцем так и не дошло.

Интересно, что Феликс, часто общаясь с Александром Михайловичем и его женой, не был лично знаком с Ириной. Кстати, Феликс и его мать довольно зло отзывались как о Сандро, так и о Ксении. Так, в начале октября 1911 г. Феликс писал матери из Парижа: «Из театра поехали ужинать в Caffe de Paris. Как раз перед нами сидел Александр Михайлович со своей дамой [В свете ходили слухи о любовнице-американке великого князя] и Ксения Александровна со своим англичанином [В свете ходили слухи о недвусмысленных отношениях великой княгини с неким англичанином господином F]. Это прямо непонятно, как можно так афишироваться. У Ксении вид ужасный, цвет кожи совсем земляной. Её англичанин очень красив и замечательно симпатичен, а американка так себе, очень банальное лицо, но зато чудные белые зубы. Почти рядом с нами сидел Борис Владимирович [великий князь] с целым гаремом кокоток. Александр Михайлович на старости лет с ума спятил. Когда мы все вышли на улицу, он бросился на Дмитрия Павловича и меня, схватил нас за руки, и мы бешено начали крутиться на тротуаре при общем удивлении публики и прохожих»^[68].

В следующем 1912 г. Феликс ехал в экспрессе «С.-Петербург — Париж» вместе с Александром Михайловичем, Ксенией и Ириной. Супруги были «удивительно любезны» за завтраками и обедами в вагоне-ресторане, однако Ирина там не показывалась. Сын немедленно написал о своём вояже матери и получил ответ: «Очень рада, что весело было ехать, но жалею, что она [Ирина] не была с Вами. Но крайней мере познакомились бы раз и навсегда!»

Следует заметить, что «охота» на Ирину не очень отвлекала Феликса от иных потех. О зиме 1912/ 1913 г. он позже написал «Чуть не каждый вечер мы [вместе с великим князем Дмитрием Павловичем] уезжали в автомобиле в Петербург и веселились в ночных ресторанах у цыган. Приглашали поужинать в отдельном кабинете артистов и музыкантов. Частой нашей гостьей была Анна Павлова. Весёлая ночь пролетала быстро, и возвращались мы только под утро»^[69].

А в марте 1913 г. в салонах Петербурга заговорили о романе Феликса и Зои Стекл, дочери титулярного статского советника, камергера Александра Эдуардовича Стекла. Ситуация усугублялась ещё и тем, что родители Зои

дружили с великой княгиней Ксенией Александровной.

Между тем Феликсу удалось познакомиться с Ириной и даже завязать с ней переписку. Скандал с семейством Стекл не входил в планы Феликса и Зинаиды Николаевны из-за близости их к великой княгине Ксении Александровне. Поэтому Феликс был вынужден быть милым с семьёй Стекл и не давать поводов для компрометирующих разговоров. Встречи с семьёй Стекл были неминуемы из-за частых встреч с Ксенией Александровной и Александром Михайловичем, которые были с Феликсом «по-прежнему очень милы».

Чтобы выйти из щекотливого положения, Феликс вновь едет в Лондон. Тем временем Зинаида Николаевна зорко следит за семейством Александра Михайловича. Она сообщает сыну в Лондон, что великий князь Дмитрий Павлович начал слишком часто наносить визиты в семью Александра Михайловича. Феликс принимает решение вернуться в Петербург через Крым.

Приехав в Петербург, Феликс быстро оценил сложившуюся ситуацию и написал матери в Москву: «По приезде в Петербург сейчас же телеграфировал графине [графиня Комаровская — воспитательница великой княжны Ирины Александровны]. Назначили быть в 5 часов, остался полтора часа. Всё по-старому, очень были рады меня видеть [родители Ирины]. Планы [на лето] ещё не решены, может быть, едут в Англию, а может, Ирина поедет в Гатчину. Ещё раз было сказано родителями, что, в принципе, не имеют ничего против, но что без согласия Бабушки [вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны] ничего нельзя сделать, а Бабушка пока молчит. Говорят, что она выжидает, её план таков. На её второго сына [великого князя Михаила Александровича] поставили крест, на внука (сына её старшего сына) рано или поздно тоже будет поставлен крест. Заместителем его может быть только мой лучший друг Д [великий князь Дмитрий Павлович]. Конечно, выгоднее быть в таком случае его женой, чем женой кого-нибудь другого».

И Феликс, и его мать слишком хорошо воспитаны, а кроме того, не исключено, что письмо могло попасть в руки жандармов. Поэтому стоит повнимательнее прочесть его и выудить суть: Юсуповы прекрасно понимают, что великий князь Михаил не может быть наследником, что цесаревич Алексей неизлечимо болен гемофилией. О царе нет ни слона, но в аристократических кругах давно уже считали, что «суший младенец» не может долго процарствовать. И в такой ситуации Феликс и Зинаида спешили сделать свою игру.

Вскоре состоялось объяснение соперников (любовников?), и Феликс

пишет матери: «С Дм. Павл, у нас по-прежнему дружеские отношения. Он мне откровенно рассказал про своё посещение со всеми подробностями, а также, что Мария Фёдоровна хочет, чтобы Ир. вышла замуж за него, но он думает, что Ир. его не любит, а любит меня, то противиться не будет».

Через много лет Феликс Юсупов так описал принятое в этом разговоре решение: «Теперь решать предстояло Ирине. Мы с Дмитрием обещали друг другу никоим образом не влиять на решение её».

Наконец Феликс решает сыграть ва-банк и наносит визит Александру Михайловичу.

Юсупов прибыл в половине пятого, вся семья пила чай. Сначала побеседовали о погоде, о загранице и т.д. Когда дети ушли, Феликс прямо приступил к делу. Для начала он рассказал о ситуации с Зоей Стекл. Объяснения Юсупова были приняты супругами без возражений. И вот тогда-то Феликс спросил в лоб:

— Наши отношения с Ириной Александровной были исключительно дружеские. Но сейчас, по крайней мере, с моей стороны, они изменились. Если Ваши Высочества имеют в этом случае что-либо против, то не лучше ли сразу прервать все отношения?

Ксения страшно покраснела, но через секунду взяла себя в руки, и они вместе с мужем твёрдо заявили, что будут только рады, если всё это случится. Немного подумав, Александр Михайлович добавил:

— Во всяком случае, не торопитесь, пусть Ирина хорошенько окрепнет и время нам покажет, если ваше чувство правда сильное или нет. Надо ещё переговорить с императором и императрицей Марией Фёдоровной. В Лондоне, когда мы все там будем, то молено будет, не разглашая, решить этот вопрос в принципе.

На этом разговор был окончен. Великокняжеская чета тепло простилась с Феликсом.

Игра была слишком тонкая, чтобы спешить. И Феликс в очередной раз садится в поезд и отправляется в Лондон. Но, как всегда, он не мог на несколько дней не остановиться в Париже.

А тем временем Зинаида Николаевна, воспользовавшись приездом в Москву великокняжеской четы, нанесла им визит. Разговор сразу перешёл на марьяжную тему. И вдруг совсем некстати заявился великий князь Дмитрий Павлович.

Как 28 мая 1913 г. писала сыну Зинаида Николаевна: «Они его пересидели, и разговор продолжался. Мать не отрицает, что Бабушка за Дмитрий Павловича, но говорит, что Она против Феликса ничего иметь не будет, раз Ирина о другом слышать не хочет! Мы расстались очень

трогательно, и они оба не скрывали настояния Ирины. Завтракали у нас на следующий день. Ирина страшно конфузилась и была более чем молчалива! Вид у неё ужасно хрупкий, я этого боюсь. Чего я тоже очень боюсь, это того, что будет с твоими отношениями с Дмитрием, т. к. я уверена в его двуличности! Он делает всё возможное, чтобы заинтересовать Ирину, и от неё не отходит! Родители даже этим озадачены! Мне кто-то говорил о нём: «Очень вероломный и притворный», и я начинаю думать, что это так. Боюсь его рокового мундира! Прямо страшно!»

Роковой мундир страшил Зинаиду, потому что великий князь Дмитрий Павлович был шефом полка Конной гвардии, где до недавнего времени служил граф Арвид Мантефель, убивший на дуэли её сына Николая. Предчувствия Зинаиды Николаевны по отношению к Дмитрию в скором времени подтвердились, и в начале июня она возмущённо писала сыну: «Ты знаешь, что Дмитрий был у Бабушки и говорил о своих чувствах к Ирине? Я нахожу, что это прямо гадость с его стороны, и более чем когда-либо убеждена, что его роль фальшивая, двуличная и предательская по отношению к тебе».

Получив письмо, Феликс делает ответный выпад против Дмитрия и прямо пишет Ирине Александровне: «Глубоко возмущён поведением Дмитрия. Как это подло и нечестно. Меня тоже сердит, что из-за этого Вы имеете неприятности. Получивши моё письмо, телеграфируйте мне, сколько Вы останетесь в Париже и когда приедете в Лондон. Я с нетерпением жду Вашего приезда, и даже Лондон мне в тягость без Вас. Я бы давно уже приехал в Париж, но не знаю, как посмотрят на это Ваши родители. Приехать тайно, всё равно узнают и видеться с Вами будет трудно. Императрица Мария Фёдоровна у Lady Ripon увидела мою фотографию, взяла её, долго рассматривала, понесла её Королеве Александре, и они долго о чём-то разговаривали. Вообще, она мною интересуется и с многими про меня говорит. Я думаю, это хороший знак».

Вскоре Феликс получил важного союзника в своём сватовстве к Ирине. 28 июля 1913 г. в Лондон прибыла великая княгиня Елизавета Фёдоровна, сестра императрицы. Из письма Феликса к матери: «Дорогая Мама, видел великую княгиню, которая в восторге быть в Лондоне. Я поехал её встретить на вокзал, но опоздал на 5 минут, т. о. поезд пришёл раньше, чем его ждали. Она отыскала какой-то удивительный поезд, приходящий в 7 ч. утра. Когда я вернулся домой, то сейчас же ей телефонировал узнать, когда могу её видеть. Она подошла к телефону и страшно смеялась и балаганила, видно, что она так довольна быть в Лондоне после стольких лет».

Елизавета Фёдоровна с начала века была очень близка к семье

Юсуповых. Но сейчас она была монахиня, и пристало ли настоятельнице женского монастыря разъезжать по Парижу, Лондону, «балаганить» и заниматься марьяжами?

Мать ответила сыну: «Верю, насколько Елизавета Фёдоровна рада быть в Лондоне и как она этим наслаждается, забывая, что ей теперь всё равно, где быть! Как всё это преувеличено и фальшиво! Мне иногда её глубоко жаль!»

В середине июля 1913 г. семья Александра Михайловича приезжает в Лондон. Феликс традиционно докладывает матери: «Вчера завтракал в Ритце с родителями, Ириной и англичанином [близкий друг Ксении Александровны]. Очень странное впечатление производит этот господин. Он себя, по-моему, держит очень развязно, хотя довольно симпатичный. Во время завтрака он несколько раз напоминал великой княгине всё то, что она должна была купить для Ирины. Он очень о ней заботился, но ей это неприятно, и за завтраком она всё время краснела. После завтрака я их отвёз в гостиницу, а вечером поехал с ними в театр, англичанин тоже был. Всё очень странно. Великая княгиня всё время с ним ездит вдвоём, и он у них всё время сидит. Сегодня были с Ириной в музее. Много говорили. Она решила бесповоротно, даже если бабушка будет против, настоять на своём. У неё очень утомлённый вид и я думаю, что жизнь родителей не может не быть ей заметна».

Мать делает строгий выговор сыну: «Сейчас пришла твоя телеграмма, где ты говоришь, что вы были в театре и что все на Вас смотрели! По-моему, это глупое положение! Не имея согласия Бабушки, показываться публично. Можно видеться сколько угодно, не ставить себя на положение женихов. Где находится Бабушка? Если она с тобой не познакомится теперь, то это очень дурной знак!»

Сын отвечает: «Только что вернулся от великой княгини Елизаветы Фёдоровны, которая уезжает завтра в Киль на неделю, затем в Россию... Мы с ней много говорили про меня. Она мне дала очень хорошие советы, за которые ей очень благодарен. С Ириной мы видимся каждый день и несколько раз в день. Вчера у меня был Александр Михайлович, посидел немного, а затем мы с ним поехали встречать Мими Игнатьеву, которая приехала на несколько дней. Мы с ним очень подружились и у нас отношения совсем, как между товарищами. Вчера обедали троём: он, Ирина и я, затем поехали в оперу. Они все себя ведут, как будто всё между нами решено, а вместе с тем Бабушка молчит. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна ничего не могла узнать, только когда она спросила Марию Фёдоровну, скоро ли Ксения Александровна уезжает, то та подмигнула

многозначительно глазом и сказала: “Пусть останется подольше, это очень хорошо”. Вот и всё, что она могла узнать. Завтра мы все едем на целый день за город в моём автомобиле. *Toute la sainte famille* [всё святое семейство (фр.)]. Ксения Александровна ещё похудела и вид у неё отчаянный. Он [Александр Михайлович] совсем с ума сошёл и с утра до поздней ночи танцует. Во вторник мы с ним даём большой ужин с танцами».

Действительно, в те годы великий князь Александр Михайлович сходил с ума по вошедшему в 1912 г. в моду в Париже аргентинскому танцу танго. Николай II же считал сей танец аморальным и запретил его. На частных вечеринках в России всё равно студенты и курсистки танцевали танго. Но за публичное исполнение этого танца где-нибудь на балу в Петербурге офицер мог с треском вылететь из полка, а то и вообще из армии без права ношения мундира. Лишь после отречения Николая II Александр Михайлович впервые открыто танцевал танго на балу в Киеве.

Замечу, что Зинаиду Николаевну, смотревшую сквозь пальцы на «нетрадиционные» похождения сына, крайне возмущало поведение Александра Михайловича и особенно его любовь к танго. В письме от 14 июля 1913 г. наряду с наставлениями сыну в марьяжной игре Зинаида резко высказывается о будущем свате: «Я думаю, что можем быть завтра, 3-го, ты как-нибудь встретишь Бабушку, а может быть, и нет, что также возможно! Вызвать тебя она не может, так как это было бы равносильно объявлению, но встретить, как будто случайно, было бы более чем естественно, и меня удивляет, что она не пожелала тебя видеть! Значит, у неё на душе всё ещё эта мысль не улеглась, и она надеется, что, авось, переменится и будут новые впечатления. Это мне очень не нравится по отношению к тебе, и я советую об этом серьёзно подумать. Мне тоже не нравятся товарищеские отношения с отцом. Это ни к чему. Он очень хитёр и очень изменился к худшему за последние годы, так что я опять повторяю, будь осторожен и не выдавай зря, не доверяй ему чересчур! Всё это очень грустно, но что же делать, приходится говорить печальную правду, когда её видишь, а его я знаю насквозь и поперёк! Ужин с танцами мне тоже не нравится! Во-первых, это эксплуатация твоего кармана, во-вторых, эти поганые танцы меня возмущают! (танго)... Говорят, что порядочные женщины в Лондоне не допускают этого безобразия у себя! Здесь, в *Kurhaus*, запрещено танцевать неприличные танцы полицией! Это какая-то болезнь, и я нахожу, что надо быть ненормальным, чтобы пускаться в пляс, как это делают “родители”! Великий князь Георгий Михайлович очень остроумно говорит, что новые танцы ни что иное, как “хлыстовские радения”! Это, говорят,

чёрт знает что! Мне обидно думать, что Ирину также привлекают туда, и нахожу, что пора отрезвиться. Жизнь не для того нам дана, чтобы превращать её в какую-то вакханалию! Не ужасайся моим возмущением».

В свою очередь Сандро и Ксения осуждали поведение Феликса и не были уверены в правильности выбора Ирины.

Конец лета 1913 г. семья Александра Михайловича провела в Ай-Тодоре. Вскоре туда примчался из Парижа через Петербург и Юсупов. В Ай-Тодоре Феликса принимали почти на правах жениха. Тем не менее 26 сентября после посещения нового Ливадийского дворца Ксения Александровна записала в своём дневнике: «Обедали с Ириной в Ливадии en famille [по-семейному (фр.)]. Аликс всё так же, но она обедала с нами, вид усталый. Много болтали. Сандро всё рассказывал про Америку. Говорила с Аликс про Феликса — всё спрашивает, уверены ли мы в нём — чего я, к сожалению, не могу сказать».

Но Феликс и Ирина были непреклонны и всё время «выигрывали по очкам». В итоге через пять дней в дневнике Ксении появляется следующая запись: «Зинаида Юсупова и Феликс пили чай. Потом много говорили с ней втроём — выяснили наконец все обстоятельства, решили ничего не объявлять до зимы, когда все будем вместе и при Мама».

4 октября Ксения писала: «В 4 часа поехали в Кореиз к Юсуповым. Они ждали у старого дома под церковью. Смотрели его и любовались видом с балкона... Решили их завтра благословить, чтобы, по крайней мере, между нами было всё ясно и кончено!»

Нетрудно представить, с какой тревогой педали следующего дня Феликс и Ирина. Ведь до официальной помолвки ещё оставалась вероятность отказа. Но все волнения оказались напрасны. 5 октября 1913 г. после пятичасового чая семья Юсуповых прибыла в Ай-Тодор. Позже великая княгиня вспоминала: «Мы благословили детей. Благослови их Господь, и да пошлёт Он им счастья. Было очень эмоционально — мы все целовались и прослезились».

Довольно странную позицию в этом вопросе заняла императорская чета. С одной стороны, Николай и Александра несколько раз высказывались в пользу брака Ирины и Феликса. Но 8 октября 1913 г. во время чаепития в Ливадийском дворце, когда речь зашла об Ирине, императрица заявила Ксении Александровне: «Я слышала, что помолвка будет объявлена на днях. Но я бы ни за что не отдала свою дочь за него».

Такое двойственное отношение к браку легко объяснить. С одной стороны, Александра Фёдоровна крайне враждебно относилась к жизнелюбивым и красивым мужчинам, особенно когда они высказывали

независимые мнения. Она давно ненавидела и Сандро, и Феликса. Причём, в отношении Сандро у неё был и личный мотив, о котором мы поговорим позже. Но, с другой стороны, дом Романовых в 1900-1914 гг. потрясли чуть ли не ежемесячные скандалы, учиняемые великими князьями и их метрессами.

Феликс Юсупов в качестве независимого мультимиллионера мог выкинуть любое «коленце», и царская чета попыталась взять его под контроль, присвоив ему важный придворный чин, например, камергера, или дав чин поручика кавалергардского полка. Но Феликс благоразумно увильнул от обоих предложений. Теперь единственным способом образумить Феликса без большого скандала оставалась женитьба.

Чтобы укрепить свои позиции, Феликс подарил Ирине часть своего имения в Коккоз, названную Орлиным полётом. 19 октября 1913 г. Юсупов пригласил великокняжеское семейство осмотреть это исключительно красивое место. В тот же вечер Ксения Александровна записала в дневнике: «Чудная погода. В половине 12-го отправились с Юсуповыми, Минни, Ириной, нашими Николаевыми, Берновым и Красновым в Орлиный полёт в 10 вёрстах от Ай-Петри. Дивное место. Я ехала в закрытом моторе с Зинаидой Юсуповой — обе весьма простужены. Ехали полтора часа. Завтрак в маленьком домике: одна большая комната — столовая, и рядом маленькая спальня.

В 8 вёрстах оттуда есть место, откуда открывается идеальнейший вид на всю долину Коккоз (вид и их дома) и горы, даже можно видеть море, но была мгла. Едешь через чудный буковый лес — и выезжаешь на площадку — красота большая!

Юсупов подарил всё это прелестное место с домиком Ирине! Это ужасно трогательно, и княгиня и я совсем умилились, потому что он так любит её. Ирина совсем обалдела, не могла даже благодарить, как следует. Наконец я её заставила поцеловать его!»

Тем не менее ряд аристократических семейств, в том числе великие княгини Мария Павловна и Виктория Фёдоровна, а также Ольга Пистолькорс^[70] вели интригу против Феликса и Сандро, распространяя сплетни о Юсупове, мешая правду с вымыслом. В результате обе семьи были невысокого мнения друг о друге. 9 ноября 1913 г. Сандро написал жене: «Моя дорогая Ксения! Я всё это время очень расстроен слухами о репутации Феликса, я много наслышался и нахожу, что не обращать внимания на это нельзя. Мне придётся с ним просто поговорить, и, во всяком случае, не надо торопиться со свадьбой, надо его выдержать на испытание, и если он окажется хорошим в своём поведении, то свадьба

может состояться, но если что-либо опять будет слышно о нём, то, может быть, придётся свадьбу расстроить. Я тебе всё расскажу, что я слышал, одно время, я думал, что нужно вовсе его к Ирине не пускать, а теперь думаю, что они могут приехать ко мне, придётся с ним говорить. Я прежде вовсе не верил в то, что говорили, теперь не хочется верить, но что-то есть, слишком стойкое известное о нём мнение. Это очень грустно».

А за день до этого, то есть 8 ноября, Зинаида Николаевна написала сыну: «Будь осторожен с Ник. М. [великий князь Николай Михайлович]. Он страшно фальшив и многие, не без основания, считают его масоном. Забыла тебе сказать, что перед самым отъездом из Ай-Тодора мы говорили ещё о тебе с Ксенией Александровной, и она мне повторила, что надеется, что ты не будешь кутить в Париже, т. к. последнее пребывание, видимо, произвело на неё неблагоприятное впечатление. Вообще, я чувствую, что она к тебе относится менее восторженно, чем прежде, и думаю, что ты должен об этом позаботиться. Может быть, англичанин в этом не безучастен, а может быть, ты сам немного распустился и показал некоторые отрицательные стороны твоей персоны».

Мать описала сыну торжественный обед в Ливадии 6 ноября: «Меня посадили за царским столом, а во время танцев позвали сидеть рядом с хозяйкой [императрицей Александрой Фёдоровной], которая меня поздравила и много говорила о Вас обоих. Несмотря на показную любезность, разговор был сухой, и видно было, насколько я ей не мила! Он [Николай II] отделался улыбками и рукопожатием, но ни слова не сказал».

Любопытно, что в своём дневнике за 6 ноября Николай II далее не упомянул о княгине Юсуповой.

В конце ноября 1913 г. Феликс вместе с великокняжеской семьёй отправился в Лондон. Из письма к любимой маме: «Мы весь день вместе. Днём по магазинам или осматриваем выставки, музеи, вечером в театре или сидим дома. Ирину все уговаривают учить tango. Вчера за обедом было много народу, и Александр Михайлович захотел непременно, чтоб Ирина на другой день поехала на урок танцев. Меня это так рассердило, что я довольно резко выразился на счёт этой гадости и все сейчас затихли. После обеда весь вечер я говорил с Ириной и объяснил ей, почему я не хочу, чтобы она училась танцевать tango».

6 декабря 1913 г. Феликс прибыл в Копенгаген, где гостила вдовствующая императрица, а на следующий день он был приглашён на завтрак к Марии Фёдоровне. Сразу же после визита он описал свои впечатления Зинаиде Николаевне: «Во дворце в гостиной, куда ввели меня, находились Вдовствующая Императрица и Великая княгиня Ксения с

дочерью. Радость от встречи была написана на лицах у нас с Ириной. За обедом я то и дело ловил на себе изучающий взгляд Государыни. Затем она захотела поговорить со мной с глазу на глаз. В разговоре я почувствовал, что она вот-вот сдастся. Наконец, Государыня встала и сказала ласково: «Ничего не бойся, я с вами»».

Это было уже официальное благословение. Феликс и Ирина немедленно отправились в Петербург.

22 декабря 1913 г. в домовая церквИ Аничкова дворца состоялось обручение двадцатилетнего графа Феликса Сумарокова-Эльстон и восемнадцатилетней Ирины Александровны. Ксения Александровна в тот же вечер записала в дневнике: «Очень эмоциональный день... В 4 часа съехались все на молебен — по случаю помолвки Бэби Рины [так в семье называли Ирину] — Юсуповы, Ольга, Татьяна [великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны], Дуску [великая княгиня Виктория Фёдоровна, жена великого князя Кирилла Владимировича], Кирилл [великий князь Кирилл Владимирович], Ольга [великая княгиня Ольга Александровна], Петя [князь Пётр Ольденбургский — муж великой княгини Ольги Александровны], Кутузовы. Даже Фёдор Алекс, [князь Фёдор Александрович, младший брат Ирины Александровны] пришёл, к счастью — я так боялась, что он не появится (но такое грустное выражение лица, что мне хотелось плакать). Все наши люди в церкви — очень было хороноу. Дай им Бог счастья и любви. Не верится, что Ирина выходит замуж!»

Свадьба была назначена на 9 (22) февраля 1914 г. в той же домовая церквИ Аничкова дворца.

Родители жениха тут же начали переделку своего великолепного дворца на Мойке, где должны были поселиться молодые. Феликс приказал сделать для своей семьи отдельный вход. Были роскошно отделаны спальня, будуар Ирины, мозаичный бассейн. Помимо того, Феликс распорядился в подвале левого крыла дома «устроить тёмную залу — столовую в ренессансном стиле». Через три года Феликс там накормит Распутина отравленными пирожными.

Задолго до венчания Ирина начала получать свадебные подарки. 4 февраля 1914 г. Ксения Александровна записала в дневнике: «Мама приезжала и подарила Ирине чудную брошь — бриллианты и жемчуг. Мы потом тоже подарили Ирине подарки — сапфировое кольцо, мой собственный изумруд — кулон, брошку с рубинами и бриллиантами и тремя жемчужными кисточками и маленькое бриллиантовое кольцо. Я дала ещё несколько изумрудов Ирине для диадемы, которую Феликс делает».

Николай II спросил Александра Михайловича:

— Что подарить на свадьбу твоему зятю? Не хочет ли он стать камергером при моём дворе?

На следующий день Сандро ответил Ники:

— Феликс сказал, что самым лучшим подарком от Его Величества будет дозволение ему сидеть в театре в Императорской ложе.

Николай засмеялся и согласился. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы высказывать обиду после щелчка по носу.

В 2 часа дня 9 февраля 1914 г. в домовый церкви Аничкова дворца состоялось венчание Феликса и Ирины. Императрица Мария Фёдоровна и Николай II были посаженными матерью и отцом. Император сказал невесте, что он никогда не видел её такой красивой.

В начале шестого императорская чета покинула церемонию, а Ирина и Феликс посетили дворцы Александра Михайловича и князя Юсупова. В 19 часов молодожёнов ждал отдельный вагон скорого поезда, который умчит их в свадебное путешествие.

Позже Феликс вспоминал: «Наконец отъезд. Толпа родных и друзей на вокзале. И опять пожимания рук и поздравления. Наконец, последние поцелуи — и мы в вагоне. На горе цветов покоится чёрная пёсья морда: мой верный Панч возлежал на венках и букетах. Когда поезд тронулся, я заметил вдалеке на перроне одинокую фигуру Дмитрия».

Все были в восторге от этой пышной свадьбы, красавца-жениха и очаровательной невесты. Николай II записал в дневнике: «Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсупова. Всё прошло очень хорошо. Народу было множество».

Никто и не подозревал, что это была последняя торжественная свадьба в Российской империи.

Глава 20

КРИЗИС СИСТЕМЫ

У меня, да, думаю, и у редактора книги было желание дать главе название «Кризис Империи». Это было бы гораздо более эффектно, но и столь же неверно. В стране не было ни экономического, ни социального кризиса. Русская армия не имела шансов на победу, но всё же могла ещё держаться, отступая и даже нанося контрудары, по крайней мере, ещё года два. Все же беды России шли от полностью разложившейся системы управления империей, причём главными виновниками этого стали Николай II и Александра Фёдоровна.

К 1894 г. система управления Российской империей уже не соответствовала времени. Формально в стране существовал Комитет министров, но это была пустая говорильня. Ни председатель Комитета министров, ни все министры вместе не могли повлиять на своего коллегу министра. Каждый министр имел право непосредственного доклада царю и отчитывался только перед царём. Такая система была терпима в XVIII — начале XIX века, когда сильный монарх, имея советников уровня Панина, Потёмкина, Безбородко, Сперанского и других, мог непосредственно управлять министрами. К началу XX в. только объем информации, доставляемой царю, возрос во много раз. Как едко писал в 1895 г. Лев Толстой: «...в коканском ханстве все дела можно было рассмотреть в одно утро, а в России в наше время для того, чтобы управлять государством, нужны десятки тысяч ежедневных решений».

Между тем в Табели о рангах Российской империи существовали чины канцлера и вице-канцлера Российской империи, которые располагали достаточными полномочиями для ведения внутренней и внешней политики. Вспомним, к примеру, какой властью обладал канцлер А.П. Бестужев-Рюмин в царствование Елизаветы. Однако ни Александр III, ни Николай II не желали иметь государственных деятелей со столь широкими полномочиями, и они превратили должность канцлера в почётное звание, присваиваемое министрам иностранных дел за особые заслуги. Но поскольку особых заслуг у наших творцов внешней политики не было, эти почётные должности так никому и не присвоили.

Формально у царя была «Собственная Его Величества канцелярия», но

она выполняла функции на уровне современных секретарш. Канцелярия не обрабатывала и не проверяла отчёты министров, не готовила статистические сводки и т.д.

Вот как происходило типовое решение важной проблемы. Министр принимался царём «тет-а-тет», без посторонних. Министр докладывал, царь молчал, изредка делал малозначительные замечания, но в спор никогда не вступал. Аудиенция происходила считанные минуты, лишь изредка затягивалась, многословных бесед не было никогда. За утро царь мог принять до трёх-четырёх министров, а потом поехать кататься на велосипеде или стрелять ворон. Если доклад затягивался, то царь был недоволен и записывал в дневнике: «Вследствие чего [слушания доклада] опоздал к завтраку». В некоторых случаях царь брал доклад, но и читал его недолго. Ни разу за 23 года царствования Николай II не написал даже пару страниц с анализом какого либо отчёта — редкие пометки крайне лаконичны.

О качестве же отчётов царю автор знает не по мемуарам. Я сам в течение многих лет просматривал все без исключения отчёты по Военному ведомству времён Александра II, Александра III и Николая II, а также документацию, которая шла Сталину в 20-е — 40-е гг. До 1917 г. наиболее подробными были Всеподданнейшие отчёты Александру II. После 1917 г. в правительство шла самая подробная информация по военным вопросам, по объёму в несколько раз превосходящая Всеподданнейшие отчёты.

Когда я, будучи ещё студентом, первый раз взял в руки красивый дорогой том листов на триста «Всеподданнейший отчёт по Военному ведомству» для Николая II, то я чуть не заплакал. Там была полнейшая туфта. Понять, в каком состоянии находилась армия, было фактически невозможно. Ясно лишь было, что всё хорошо. К примеру, говорилось в отчёте за 1902 год, что в сухопутных крепостях имеется около 11 тысяч орудий. Ну, вроде бы неплохо. А когда я через несколько лет обнаружил в Военно-историческом архиве отчёты военных округов, полигонов, Главного артиллерийского управления и т. п., специально написанных для подготовки Всеподданнейшего отчёта, я за голову взялся — точнейшая информация и в очень сжатом виде, где, сколько и в каком виде солдат, лошадей, пушек, пулемётов, патронов, снарядов и т. п. И выходило, что к 1909 г. из 11 тысяч крепостных орудий около 30% — образца 1877 г., 45% — образца 1867 г., 25% — гладкоствольных систем времён Николая I, и ни одного современного орудия.

Из отчётов округов, управлений и полигонов составлялся отчёт для военного министра. Все данные фильтровались и причёсывались, но всё-

таки из этого отчёта более-менее можно было представить реальное положение дел в армии. Затем по мотивам отчёта министру делался Всеподданнейший отчёт, написанный простым русским языком. Кое-где были вкраплены развлекательные моменты, например, про низших чинов иудейского вероисповедания, забавные случаи по военно-судной части и др. Понять что-либо о реальном состоянии дел физически было невозможно. Прямо хоть посылай отчёт в Берлин или Вену, чтобы отправить в бедлам их генштабистов. Разумеется, что даже анализ состояния русской армии или сравнение её с армиями вероятных противников в отчётах не производилось.

То же самое автор видел и в отчётах Морского ведомства. Трудно представить иную картину в отчётах других министров.

Ещё в 1900 г. князь Трубецкой писал: «Существует самодержавие полиции, генерал-губернаторов и министров. Самодержавия царя не существует, так как ему известно только то, что доходит до него сквозь сложную систему “фильтров”, и, таким образом, царь-самодержец из-за незнания подлинного положения в своей стране более ограничен в реальном осуществлении своей власти, чем монарх, имеющий непосредственные связи с избранниками народа».

Итак, Николай II получал довольно ограниченную и зачастую неверную информацию. Но на анализ далее этой информации у него физически не хватало времени. Если верить его дневнику, то в Царском Селе он работал с министрами и индивидуально от одного до трёх часов в день, остальное время уходило на развлечения и на представительные мероприятия. Для сравнения, другие монархи — Екатерина II, Фридрих Великий, Наполеон — ежедневно работали от 8 до 16 часов в сутки. Та же Екатерина далее в путешествия брала с собой в карету или возок Безбородко или далее иностранного посла. Кстати, и при такой нагрузке эти монархи находили время для весьма весёлых приключений.

Увы, Николай II не умел ни работать, ни развлекаться. С ним везде было скучно, сановники или ближайшие родственники воспринимали отдых с Николаем как тяжёлую работу.

Чуть ли не большую часть первых 20 лет своего царствования Николай II провёл на отдыхе, охотясь в Беловежской пуще, купаясь в Ливадии, путешествуя на яхте в шхерах Финского и Ботнического заливов, в гостях у своих немецких родственников и т.д. В первые 15 лет царствования Николая радиосвязи не было, а потом она была крайне неустойчивая. Кроме того, до конца 1914 г. радиопередачи практически не зашифровывались. Надо ли говорить, сколько секретной информации

вылавливали иностранные разведки при перлюстрации писем, телеграмм и радиограмм.

В первые годы царствования Николай с большим удовольствием отмечал в дневнике, что ему на отдыхе удавалось на несколько дней остаться без курьеров и связи с министрами. Причём, когда царь отдыхал или был за рубежом, ему далее в голову не приходило передать на время отсутствия хотя бы небольшую часть полномочий председателю Комитета министров либо министру. Случись война, Россия могла бы остаться без управления на несколько дней.

Опять сослагательное наклонение, возмутится критик, опять «если бы да кабы...» Позвольте, конкретный пример — царь запретил во время Первой мировой войны выход в море бригады линейных кораблей без его специального распоряжения. Соединения немецких кораблей систематически проводили набеговые операции на Балтийском море. Для уничтожения кораблей противника или для прикрытия отхода лёгких сил русского флота, наносивших удар по немецким крейсерам, крайне важен был быстрый выход линкоров. Скорость линкора типа «Севастополь» 42 км/час, то есть за сутки они могли пройти 1000 км. Успех операций по перехвату отрядов германских кораблей зависел буквально от минут. А на передачу донесения в Ставку четырёх шифровок-дешифровок, пока рискнут побеспокоить Его Величество, пока его Величество найдёт, с кем посоветоваться и т. п., уходило десятки часов, а то и сутки-двое.

В результате четыре самых мощных русских корабля за всю войну не сделали ни одного выстрела по противнику. Зачем тогда их строили? Только тела 305-мм орудий главного калибра стоили больше, чем 600 готовых дивизионных 76-мм пушек обр. 1902 г. А сколько стоили башни, броня, корпуса, машины? Мало того, представим состояние экипажей линкоров. Тревога, подготовка к бою с германской эскадрой, затем долгие часы ожиданий Высочайшего разрешения на выход в море, и, в конце концов, отбой независимо от Высочайшего разрешения — немцы всё равно уже ушли. Стоит ли удивляться, что, узнав о Февральской революции в Петрограде, матросы дредноутов без всякой большевистской пропаганды устроили кровавую расправу над офицерами?

Даже в те немногие месяцы года, когда царь вроде бы находился при исполнении своих служебных обязанностей, он жил не в Петербурге, а в Петергофе или Царском Селе. Подобострастные историки восхищаются: вот по просьбе жены для удобства детей царь покинул Петербург и жил в пригороде. Кто же спорит? Прогулки на природе, свежий воздух, тишина, спокойствие куда полезней, чем петербургский смог. Да и вообще...

Представьте себе, что царь стал бы охотиться на ворон или гоняться за кошками с ружьём по Дворцовой площади или Летнему саду. Обыватели от хохота падали бы, а тут ещё интуристы с фотоаппаратами набежали бы. В Царском-то оно всё-таки спокойнее.

А как министрам? Ведь на поездку в Петергоф или Царское Село они тратили минимум три часа. Чтобы сделать 15-минутный доклад царю в Петербурге, министр терял максимум час времени, даже если он шёл пешком из министерства в Зимний дворец. А на такой же доклад в Царском Селе уходил весь день.

Таким образом, решение даже самых срочных вопросов откладывалось на 8 часов, и то, если министерство продолжало работать и ночью.

Но, увы, Николай II не думал ни об удобствах министров, ни о скорости выполнения собственных приказов. Свои удобства были важнее. А министры — это просто холопы со скотского хутора.

Кто же были эти министры? О начале царствования хорошо сказал министр иностранных дел А.П. Извольский: «...можно сказать, что в течение первых пяти лет нового царствования русская империя продолжала управляться почти буквально тенью умершего императора. Увы, с моей стороны не будет преувеличением сказать, что, когда советники Александра III уступили своё место людям по выбору самого Николая II, империя совсем не управлялась или, вернее, управлялась неразумно, что мною уже было описано».

В целом всё верно, но надо отдать должное и молодому императору, который с первых дней царствования начал вносить и серьёзные коррективы в планы своих министров. Другой вопрос, что это было связано не с определённой доктриной, стратегическим планом, а с какими-то импульсами, которые вызывались у царя контактами с разными людьми, зачастую не имевшими никакого отношения к данному министерству.

Тут точно сказать, что первые пять лет царствования решения принимались большей частью по схеме «тет-а-тет»: царь — министр, а позже — большей частью по схеме: царь — стороннее лицо.

Николай II постепенно освобождался от министров своего отца и находил новых людей. И, увы, в большинстве случаев критерием выбора министра были не деловые качества.

Сделаем небольшое отступление. Николай II не скрывал своей антипатии к Петру I, про Екатерину II он просто помалкивал. Образцом для подражания Николай избрал царя Алексея Михайловича. Причём, не реального царя, а образ «тишайшего царя», созданный несколькими не

особенно добросовестными историками. При реальном царе Алексее Михайловиче Россия десятилетиями воевала с Польшей и другими государствами, страну сотрясали бунты — соляной, медный, Стеньки Разина.

Алексей Михайлович пошёл на кардинальные реформы в церковных делах, что привело к расколу православной церкви, существующему и поныне. Затем он вступил в конфликт с патриархом Никоном — главным вдохновителем реформ. По приказу царя войска 7 лет осаждала Соловецкий монастырь. Большинство петровских реформ началось (пусть часто неудачно) при его отце. Именно при Алексее на Руси дворяне и бояре стали курить табак и брить бороды, появились полки «иностранныго строя». На Волге была построена первая в России флотилия морских кораблей (её позже сжёг в Астрахани Разин). Алексей Михайлович был осторожен, но его планы и мечты шли далее дальше, чем у сына. Так, в 1656 г. государь на Пасху, христосуясь с греческими купцами, прибывшими в Москву, заявил: «Моё сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей [т. е. греков в Константинополе], которые стонут в руках врагов нашей веры; Бог призовет меня к отчёту в день суда, если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим ... и я в своём уме, если Богу угодно, что потрачу во свои войска и свою, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их». Так что Екатерина II в своём греческом проекте лишь более конкретно указала методы достижения цели, указанной «тишайшим царём».

Люди любят выдавать желаемое за действительность, не говоря уже о прошлом. Николаю II очень хотелось воскресить сказку о временах «тишайшего царя» Алексея.

Это, наверное, и была единственная идея Николая II. Тихо прожить жизнь в Ливадии и Царском Селе, чтобы как можно меньше отвлекали министры, чтобы в жизни страны ничего не менялось (как, по мнению Николая, ничего не менялось при Алексее). Будет возможность — провести небольшие победоносные войны, присоединить к империи новые территории, но, чтобы не было никаких потрясений, и при минимуме отвлечений государя от его основных дел: прогулок с женой и детьми, катаний в байдарке, на велосипеде, на «моторе», полковых праздников, завтраков и обедов с Сандро, тётей Михель и прочая, и прочая.

Придворные мужи держали нос по ветру, и тотчас организовывались балы «а ля Алексей Михайлович» и «а ля бояр рус». Шились псевдоисторические костюмы. Николай играл роль царя Алексея, Аликс — царицы Натальи, великие князья, включая братьев Михайловичей, и

придворные играли роли бояр и стольников. О придании представлениям какой-либо исторической достоверности никто и не думал. К примеру, при царе Алексее ни царица, ни боярские жёны или дочери ни на пиры, ни на приёмы не допускались, а балы (ассамблеи) появились лишь в Петровские времена.

Чтобы угодить царю, министр внутренних дел Сипягин переделал в министерстве свой кабинет в апартаменты XVII в. и принимал там Николая, сохраняя её детали придворного этикета времён царя Алексея. При этих посещениях император представлял себя Алексеем Михайловичем, а Сипягин — боярином Морозовым. Вот в таком опереточном стиле император и министр внутренних дел решали судьбы империи.

Другой кандидат в министры внутренних дела — Маклаков, забавляя Николая и Алису, изображал из себя пантеру. Игра была оценена по достоинству — Маклаков стал министром.

А вот как забавлял царя военный министр Куропаткин: «Я сегодня порадовал государя, вы знаете, во время доклада была всё время пасмурная погода, и государь был хмурый. Вдруг около окна, у которого государь принимает доклады, я вижу императрицу в роскошном халате; я и говорю государю: ваше величество, а солнышко появилось. Государь мне отвечает: где вы там видите солнце? — а я говорю: обернитесь, ваше величество. Государь обернулся и видит на балконе императрицу, и затем улыбнулся, и повеселел».

Увы, всё это не большевистская агитка, а свидетельство людей, стоявших рядом с тронном. О «боярине» Сипягине писал министр Извольский, а анекдот о «солнышке» рассказал министру финансов Витте сам Куропаткин.

В 1908 г. на пост военного министра был назначен бывший киевский губернатор Сухомлинов. В Русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Сухомлинов был бравым кавалерийским офицером и получил Георгиевский крест. К 60-ти годам Сухомлинов превратился в полумаразматического зубоскала, писавшего забавные заметки под псевдонимом Шпора и Остап Бондаренко. Он осмеивал и пулемёты, и маскировочную униформу войск.

Находясь на седьмом десятке, генерал отбил молодую жену у помещика Бутовича. Обиженный муж отказался давать развод. Тогда Сухомлинов, поддержанный царём, пустился во все тяжкие. Бутович был вынужден уехать во Францию, его вначале пытались отправить в сумасшедший дом, а затем шантажировали угрозами объявить германским

шпионом. Специально в Ниццу к Бутовичу ездил агент охраны Мордка Богров (будущий убийца Столыпина). В конце концов, против Бутовича было состряпано обвинение в сожительстве с гувернанткой-француженкой. Святейший Синод, ведавший в то время разводами, уже подготовил все документы, чтобы развести Бутовича, как грянул гром среди ясного неба: мадемуазель Гастон потребовала медицинской экспертизы в Париже. Эксперты единодушно заявили, что мадемуазель действительно девственна. Такой подлости от 33-летней француженки ни Сухомлинов, ни Синод, ни даже сам царь не ожидали. Посол Франции сделал заявление МИДу России, в Думе выступали разъярённые депутаты, откровенно потешалась либеральная пресса. Но что сделаешь против самодержавной власти — мадам Бутович вскоре стала мадам Сухомлиновой.

После такой славной победы 66-летний ловелас в красных кавалерийских штанах гордо заявил: «Мы готовы к войне».

О министрах последнего царя писать очень трудно. Просто заявить, что это было скопище дураков и проходимцев почище, чем окружение городничего в «Ревизоре» — получишь обвинение в очернительстве, в большевистском подходе и т.д. А куда ни ткни, всюду грязь. Что прикажете, описывать подвиги нижегородского губернатора Хвостова, ставшего министром внутренних дел, или обер-прокурора Саблера (настоящая фамилия Цаблер, вероисповедание... уточнять не будем)?

Разумеется, нельзя валить в одну кучу всех министров. Особняком выситя могучая фигура Петра Аркадьевича Столыпина. Да, он много сделал для выхода России из кризиса в 1907-1911 гг. Столыпинские галстуки и столыпинские вагоны вошли в историю. Большевики кричат — палач, демократы — строитель «великой России». Только вот никто не расследует и никто не опровергает материалы Витте о заимствовании Столыпиным казённых денег: «Столыпин и его ближайший помощник по делам полиции Курлов тратили на свои нужды или на своё представительство уже не 50 000, а сотни тысяч. Это было одним из последствий так называемого конституционного порядка, который водворял П.А. Столыпин».

Стоит упомянуть немногих и компетентных министров, хотя и у них были какие-то недостатки. Это Витте, Извольский, военный министр Поливанов, министр иностранных дел Сазонов, часто заявлявший послам Антанты: «В России министры не имеют права говорить то, что они думают». Вот и все. А кто и что может сказать хорошего об остальных министрах?

Да, собственно, и сам царь был о них невысокого мнения. Как-то

Николай спросил мнение Победоносцева о Плеве и Сипягине, на что Победоносцев ответил, что Плеве — подлец, а Сипягин — дурак. Царь согласился с ним и даже с одобрением пересказал разговор Витте. А затем назначил «дурака» Сипягина министром внутренних дел. 2 апреля 1902 г. Сипягин был убит эсерами по приказу агента охранки Евно Азефа. Тогда очередь дошла и до «подлеца» — министром внутренних дел был назначен Плеве.

Чем ближе Николай подходил к своему концу, тем чаще становилась смена министров. «Министерская чехарда», — как говорил монархист В.М. Пуришкевич. С 1905 по 1917 г. сменилось 11 министров внутренних дел, 8 министров торговли, 9 министров сельского хозяйства и т. и. Министры зачастую снимались прежде, чем они успевали вообще как-либо проявить себя.

Как ни плохи были министры, но ещё худший вред, чем их правление, наносило решение важнейших вопросов царём с какими либо авантюристами типа Безбородко, Абазы, Папюса, а затем Распутина.

Тут возникает вполне резонный вопрос, почему при таком плохом управлении в 1894-1903 гг. и 1908-1914 гг. наблюдался устойчивый рост валового дохода России? Причин тут много. Среди них: дурное исполнение дурных распоряжений, трудолюбивое население, готовое трудиться за жалкие гроши, энергичные предприниматели и купцы, превосходные, я бы даже сказал, лучшие в мире инженеры и учёные, и, наконец, самая богатая природными ископаемыми страна в мире. Гигантский потенциал России компенсировал и огромные хищения, и промахи властей. Значительную роль сыграла специфическая черта русского народа — инертность, или, лучше сказать, инерция, поскольку «инертность» теперь чуть ли не ругательное слово. Между тем инерция народа — вещь страшная для правителя. Ему до последнего момента кажется, что бразды правления у него в руках, а на самом деле они постепенно рвутся, и об отказе приводов управления правитель узнает, лишь когда к нему приходят с текстом отречения, а то и с удавкой.

Завершая разговор о системе управления империей, стоит сказать несколько слов и об управлении православной церковью. Формально царь являлся главой Русской православной церкви. Но из его дневников, писем, распоряжений мы видим, что дела церкви для него были на втором плане. Непосредственно делами церковного управления ведал Священный Синод, возглавляемый обер-прокурором. Назначал обер-прокурора лично царь. Церковь же не имела даже совещательного голоса. Обер-прокурором становился какой-либо чиновник, зачастую очень далёкий от церковных

дел. В 1833-1836 гг. обер-прокурором был масон Нечаев. Был обер-прокурором и генерал Н.А. Протасов, писавший приятелю: «Теперь я главнокомандующий церкви, я патриарх, я чёрт знает что...». С 1865 г. до конца 1880 г. обер-прокурором был граф Д.А. Толстой. О правлении Д.А. Толстого его современник митрополит Киевский Арсений сказал: «Мы живём в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом коварного об них попечения». А современный историк церкви эмигрант Д.В. Поспеловский писал: «Обер-прокурор Дмитрий Толстой вряд ли был верующим человеком».

Не лучше положение церкви стало при обер-прокуроре Победоносцеве. В годы Первой мировой войны министерская чехарда не минула и Синод — за три года сменилось четыре обер-прокурора Синода.

Про управление церковью при последних царях тот же Поспеловский писал: «...совершенно неканоническое устройство церковного управления, порабощение Церкви государственным аппаратом и, конечно, падение её престижа как института. Церковь превращается в приводной идеологический ремень крепостнического государства. На приходское, особенно сельское, духовенство фактически возлагается роль полицейского, который должен сообщать правительству имена и численность потенциальных рекрутов для армии, доносить об антиправительственных разговорах и даже пренебречь тайной исповеди, если она содержит антиправительственные замыслы. Да и в культурном отношении теократическое мышление и культура Церкви, а следовательно, тех слоёв населения, которые находятся в сфере её наибольшего влияния — крестьянства, купечества (по большей части старообрядческого), мещанства, — оказывается в полном диссонансе с западническо-секулярной абсолютистской империей Петра I и его наследников».

Николай II был, безусловно, верующим человеком. Но вот вопрос — во что он верил? Была ли его вера в пределах канонов православной церкви, или это было «языческое православие», как называют некоторые авторы? Это вопрос очень сложный, чтобы дать однозначный ответ. Но с уверенностью можно сказать, что если бы Николай II был, скажем, купцом в глухой провинции и окружил себя «папюсами» и «Распутиными», то у него могли бы быть серьёзные неприятности от местного церковного начальства. Вмешательство Распутина в дела Синода равно компрометировало как монархию, так и православную церковь.

Результатом церковной политики Николая II было, с одной стороны, охлаждение широких масс к православной церкви, а с другой — раздоры и, по крайней мере, разложение внутри самой церкви. К примеру,

семинаристы из опоры режима становились самым радикальным и революционным элементом в среде студенчества. В 1911 г. 2148 человек было выпущено семинариями, но к 1913 г. из них только 574 человека (то есть 27%) приняли сан. Семинаристы играли значительную роль во всех революционных организациях. Думаю, излишне напоминать, откуда пришёл в революцию Иосиф Джугашвили.

Видели ли иерархи, что Николай II компрометирует церковь и увлекает её к краю пропасти вместе с собой? Да, безусловно! Разумеется, священнослужители не могли строить планы военных заговоров, устраивать демонстрации и тайные типографии, не говоря уж о метании бомб. Зато, начиная с 1904 г., значительная часть церковных иерархов начала обращаться в Синод и непосредственно к царю с просьбой созыва церковного собора и учреждения патриаршества.

Уже говорилось, как импонировал Николаю II царь Алексей Михайлович и был нелюбим Пётр I. Но ведь именно Пётр уничтожил патриаршество и учредил Священный Синод. Казалось бы, чаяния иерархов должны были совпадать с мечтами царя. Так почему бы не учредить патриаршество, как это было при царе Алексее?

Но Николай, и особенно Александра, принципиально не хотели делиться ни той властью с кем-либо — это нага хутор! Созвать Думу царя заставила революция, и царь сделал всё, что мог, чтобы она была декоративным элементом его власти. Другой вопрос, что это не удалось. А вот независимая от государства православная церковь, да ещё во главе с выборным патриархом, могла представлять вполне реальную угрозу беспределу, творившемуся у трона Николая.

В апреле 1906 г. был опубликован «Указ о веротерпимости». Согласно указу все религии получили относительную свободу, кроме православной церкви, которая единственная осталась пленницей госаппарата. Получалось почти анекдотично — раньше законы церкви предписывал православный царь, а теперь должна предписывать почти атеистическая Дума.

Последовали новые просьбы духовенства к царю о созыве собора. И снова отказ. Царь отказал 25 апреля 1907 г. Его просили устроить собор в юбилейном 1913 г. Последнее прошение о созыве собора было отклонено царём в 1916 г.

С восшествием Николая II на престол к кризису системы управления добавился и династический кризис.

5 апреля 1797 г. Павел I издал закон о престолонаследии. Павел писал: «Дабы государство не было без Наследника. Дабы Наследник был назначен

всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать».

Впоследствии этот закон в несколько уточнённой редакции был включён в Основные законы Российской империи.

Согласно закону от 1797 г. престол переходил, прежде всего, к старшему сыну царствующего императора, а затем — к его мужскому потомству. По пресечении потомства старшего сына престол переходит ко второму сыну императора, и соответственно, его потомству, затем к третьему сыну и т.д. Только когда пресечётся последнее мужское поколение из рода, престол переходит к женскому поколению.

Нарушение закона о престолонаследии считалось тяжким государственным преступлением. Согласно статье 100 третьей главы Уголовного уложения: «Виновный в насильственном посягательстве на ... порядок наследования престола ... наказывается смертной казнью».

Закон 1797 г. о престолонаследии успешно действовал 100 лет. Немецкие принцессы^[71] исправно рожали царям большое потомство. Власти и население всегда знали наследника престола (цесаревича). Единственная оплошность — несвоевременное объявление наследником великого князя Николая Павловича вместо великого князя Константина Павловича стала детонатором к восстанию декабристов.

К моменту вступления на трон Николая II наследников мужского рода было более чем достаточно. В стране имелось около двух десятков великих князей. Ко времени коронации Николая пишется огромная картина — на переднем плане лихо скачет Николай II в форме кавалергарда, а за ним — десять упитанных великих князей. На ней, правда, нет братьев царя — 23-летнего Георгия и 16-летнего Михаила.

Тем не менее закон о престолонаследии с занятием престола Николаем II автоматически установил и наследника — цесаревича Георгия. Наследник из Георгия был неважный — он постоянно болел и находился на курортах. Зато младший брат Михаил рос умным, физически сильным в отца, красивым юношей, любимцем всей фамилии Романовых. Существует версия, по которой умирающий Александр III просил Николая передать престол Михаилу после достижения им совершеннолетия.

В 1899 г. умирает великий князь Георгий, и наследником цесаревичем опять же автоматически становится Михаил.

Монархисты всех стран, говоря о преимуществах монархии над иными формами правления, подчёркивают, что будущий монарх с самого рождения готовится к управлению страной.

Казалось бы, сам Бог велел молодого умного наследника престола

привлечь к руководству и управлению страной. Но Николай II патологически ненавидел брата. Внешне это почти никак не проявлялось. Но Николай с самого начала царствования твёрдо решил ни при каких обстоятельствах не передавать трон брату. Ему дали под начало эскадрон гвардейской кавалерии — командуй своими кирасирами и ни во что не лезь. Затем Михаила «повысили» — дали гусарский полк в глуши за 700 вёрст от Петербурга.

Опять мы видим психологию владельца «скотского хутора». Думал ли Николай II об интересах 150 миллионов подданных, о судьбе огромной империи? Ведь достаточно одной бомбы террориста, и кто бы принял престол — командир кирасирского эскадрона?

Николай надеялся на любимую Аликс, но она упорно рожала только дочерей: 3 ноября 1895 г. — Ольгу, 29 мая 1897 г. — Татьяну и 14 июня 1899 г. — Марию.

Поздней осенью 1900 г. Николай традиционно находился на отдыхе в Ливадии. Там царь заболел. Лейб-медик, престарелый Тирш, поставил диагноз — инфлюэнца (т. е. простуда или грипп). Однако царю становилось всё хуже. Вызванный из Петербурга профессор Военно-медицинской академии Попов изменил диагноз на брюшной тиф. С 1 по 28 ноября царь находился в тяжелейшем состоянии. Врачи не исключали летальный исход.

Императрица-мать в это время гостила у родных в Дании. Узнав о болезни сына, Мария Фёдоровна срочно отправила несколько телеграмм в Ливадию Александре Фёдоровне с предложением пригласить лучших европейских врачей к сыну и просила сообщить, когда ей лучше приехать. Александра сухо отклонила оба предложения. Присутствие в Ливадии императрицы-матери и свидетелей-иностранцев не входило в планы Аликс.

Ряд министров и генералов во главе с военным министром Куропаткиным (будущим «маньчжурским героем») начал подготовку к государственному перевороту. В случае смерти Николая они собирались возвести на престол пятилетнюю дочь Ольгу, а царица становилась регентшей. Однако премьер-министр Витте отказался присоединиться к заговору, за что заслужил пожизненную ненависть царицы. Михаила любила гвардия, да и вся Россия от аристократов до социалистов слишком хорошо знала прелести женского правления в XVIII в., и страна вряд ли тихо приняла бы на престол пятилетнюю девицу. Таким образом, уже в 1900 г. Россия была поставлена на грань гражданской войны.

Тут следует обратить внимание на то, что Ливадия — не Санкт-Петербург, где династические споры в XVIII в. решала исключительно гвардия. Спору нет, рядом с Ливадией дислоцировались гвардейские части

силою не более полка. Но сухим путём в Ливадию тогда попадали только через Севастополь. (Троллейбусного сообщения Симферополь — Ялта тогда, увы, не было, ну а горные троны не в счёт). Ливадийский дворец и все окрестные постройки расположены приблизительно в версте от моря и великолепно просматриваются даже с борта прогулочного катера — сам смотрел. А в хорошую оптику с марса броненосца видны и различия на погонах.

Таким образом, ситуация в Ливадии в случае смерти Николая полностью попала бы под контроль командования Черноморского флота. А оное командование и при жизни царя навтыяжку стояло перед великим князем Александром Михайловичем. Да и один броненосец «Ростислав» за полчаса мог стереть с лица земли все имение Ливадия.

Как уже говорилось, имения Ай-Тодор и Харакс граничили с Ливадией, и августейшие соседи постоянно навещали друг друга. Естественно, что средний и младший обслуживающий персонал этих имений имел чуть ли не ежедневное общение и родственные связи. Соответственно, болезнь царя или даже его невыход из дворца не мог остаться неизвестным в Хараксе и Ай-Тодоре.

В своих воспоминаниях Александр Михайлович ни слова не говорит о заговоре в пользу Ольги. Это является косвенным доказательством его враждебного отношения к заговорщикам. В случае коронации Ольги он мог только проиграть. Александра Фёдоровна никогда не простит Александру Михайловичу его противодействия заговору. С 1901 г. они всю жизнь будут ненавидеть друг друга. Наступит отчуждённость и в братских отношениях Ники и Сандро.

Как известно, царь выздоровел, и переворот оказался ненужным.

Тут нелишне заметить, что согласно Своду законов Российской империи, раздел I, глава четвёртая: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право... Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою».

Таким образом, присяга царствующему императору (Николаю II) включала в себя присягу наследнику (Михаилу), и в силу присяги каждый подданный империи был обязан выступить против любых иных претендентов на престол.

Однако через некоторое время по приказу царя обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев и министр юстиции Муравьёв составили указ о том, что наследницей престола становится старшая дочь

Николая II. Указ был секретным, и о нём знали даже не все министры. Так, например, Витте о нём по секрету рассказал Победоносцев.

Все же 150 миллионов подданных ничего не знали о заговоре Куропаткина в 1900 г. и о последующем секретном указе. По всей огромной империи попы, муллы и шаманы возводили молитвы за здоровье царя Николая и наследника цесаревича Михаила.

Из-за упрямства и эгоизма одного человека страна находилась в подвешенном состоянии. Всем известен афоризм: «История не терпит сослагательного склонения». То есть какой смысл говорить о возможном ходе событий в той или иной ситуации? Где-то это справедливо. Что толку гадать, какое «счастливое будущее» нам готовили Столыпин, Керенский или Троцкий? Но, с другой стороны, только тщательный анализ возможных ситуаций позволяет отделить в истории случайное от закономерного. Не злая воля Ленина или масонов свергла царя. Он сам с первых дней своего царствования подкладывал мины под свой же престол.

И дело тут не только в вероятности возникновения гражданской войны. Слабость власти и непредсказуемость ситуации в случае болезни монарха во все времена порождала заговоры людей, близких к трону. В великосветских гостиных не могли не судачить: «А вдруг опять заболит, или покушение эсеров, то кто? Великий князь Николай Николаевич? Великий князь Кирилл Владимирович? А может, всё-таки Михаил?»

Наконец, 30 июля 1904 г. у царской четы рождается долгожданный сын Алексей. Интересно, что крёстным отцом Алексея стал некто иной, как германский император Вильгельм II.

Наконец-то Михаил перестал быть наследником-цесаревичем.

Однако радость августейших родителей была недолгой. 8 сентября 1904 г. царь записал в дневнике: «Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина и хирурга Фёдорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства!

День простоял великолепный».

Это была страшная и неизлечимая болезнь — гемофилия. Заболевание вызывается отсутствием в плазме крови вещества, необходимого для её свёртывания. Для больного гемофилией любой порез, удаление зуба вызывает опасное для жизни кровотечение. Небольшой ушиб без повреждения кожного покрова приводит к обширным подкожным, внутримышечным и внутрисуставным кровотечениям. Для гемофилии характерны кровоизлияния в полости крупных суставов (коленных,

голеностопных) с последующими тяжёлыми изменениями в них, лишаящими возможности человека передвигаться.

Больные гемофилией фактически становятся инвалидами. Наиболее тяжёлые формы гемофилии обнаруживаются в младенческом возрасте. Более лёгкие — у подростков и взрослых людей. У человека, больного гемофилией с детства, специфика болезни неизбежно вызывает психические отклонения.

Своеобразной особенностью гемофилии является то, что ею болеют только мужчины, а передают болезнь только женщины.

Носительницей гемофилии оказалась царица Александра Фёдоровна. Когда Алисе было 12 лет, от гемофилии умер её тридцатилетний дядя Леопольд. Ещё раньше, когда ей было 2 года, от гемофилии умер её старший брат, трёхлетний Фридрих. В 1888 г. её старшая сестра Ирана вышла замуж за принца Генриха Прусского и родила детей-гемофиликов.

Я специально подчёркиваю даты, чтобы читателю было ясно, что вся эта эпидемия гемофилии была среди родственников Аликс задолго до брака с Николаем.

К больному младенцу Алексею были вызваны лучшие медики России, которые единодушно поставили диагноз — гемофилия. Врачи начала века знали об этой болезни почти столько, что и сейчас. О неизлечимости её и дальнейших осложнениях было доложено императору.

Забегая вперёд, скажу, что апологеты Николая II объясняют положение Распутина тем, что лучшие врачи не могли справиться с болезнью царевича, и только старец Григорий мог ему помочь. Допустим, что так. Но тогда напрашивается вопрос — как мог Николай предложить России такого монарха в столь бурный и жестокий XX век?

Чуть ли не до последнего дня царствования через дневник Николая и его письма к Аликс прослеживается основная идея оставить самодержавную власть в целостности любимому «бэби — солнечному лучу». Не было ни тени сомнения, а захочет ли народ видеть инвалида на троне?

В 1915-1917 гг. в письмах и дневниках царь неоднократно жаловался на сильнейшие боли в сердце. Остановка сердца 50-летнего мужчины, прошедшего бурную жизнь, вполне реальна. Что же имела Россия? Психически неуравновешенную царицу и тринадцатилетнего больного ребёнка? Неужели Николай не понимал, что в случае его смерти у этой парочки нет ни единого шанса удержать власть в России. Видимо, у царя опять срабатывал синдром «скотского хутора» — обязаны повиноваться, не посмеют поднять руку на хозяйское потомство.

Николай принимает решение засекретить болезнь царевича. Для нормальной страны это абсурд, идиотизм. Болезнь неизлечима и неизбежно будет прогрессировать. Тайну можно хранить недели, месяцы, но, так или иначе, начнётся утечка информации. Поползут слухи и домыслы ещё более страшные, чем скрываемая правда. В таком случае люди ещё раз убедятся в лживости царя, сановников и всего строя.

Единственное логическое объяснение засекречивания болезни Алексея — это опять-таки синдром «скотского хутора». Скотина должна молчать, не рассуждать, не сплетничать и хором радостно мычать, когда дюжие дяди на руках вынесут на показ десятилетнего детину — их будущего хозяина.

Забавно, что все сочинители «жития св. Николая» от Ольденберга до Боханова яростно обрушиваются на придворных, либеральную интеллигенцию, журналистов и на народ вообще за «фабрикацию слухов и сплетен». Тот же Боханов пишет: «...осуждение Романовых, и в первую очередь Александры Фёдоровны, сделалось как бы “хорошим тоном”. Развитию этого своего рода промысла способствовало два обстоятельства: замкнутость жизни венценосцев и безнаказанность инсинуаторов... И всё оставалось годами неизменным: одни инспирировали сплетни, которые, не встречая никакого противодействия, охватывали всё более широкие общественные круги, а другие старались делать вид, что выше сплетен, и всё более обособливались от этого враждебного мира».

Жаль, конечно, что господин Боханов незнаком с законами Российской империи, предусматривающими суровое наказание за оскорбление царствующей династии. Причём оскорблением могла считаться любая информация о царе или великих князьях. Карался даже любой намёк на царственных особ, вспомним ссылку писателя Амфитеатрова. Дошло до того, что полиция начала изымать из обращения дешёвый календарь, на обложке которого была нарядная крестьянка, несущая на продажу четырёх поросят. Кто-то углядел в этом намёк на царицу и четырёх её дочерей. А вот в печати стали появляться стихи за подписью «К.Р.». Лишь потом выяснилось, что их писал великий князь Константин Константинович. По этому поводу 14 марта 1900 г. А.А. Суворин (кстати, реакционер, а не большевик) записал: «Буренин позволил себе в фельетоне критически мягко отозваться о стихах К.Р. (великого князя Константина Константиновича). Е.М. Феоктистов призвал меня в Управление по делам печати: “Скажите Буренину, охота ему говорить о стихах К.Р. Министр очень недоволен. Пусть лучше пишут великие князья плохие стихи, чем баклуши бить”».

Мало того, что нельзя было писать о семействе Романовых, было

запрещено упоминать имя Распутина. Нельзя было критиковать выступления на сцене балерин — любовниц великих князей.

Так что за любые «сплетни» любой подданный империи мог надолго отправиться в места не столь отдалённые. Другой вопрос, когда обсуждение умственных способностей царя, психического состояния царицы, болезни наследника и личности Распутина приняло лавинообразный характер, то карательная машина забуксовала. Сотни тысяч писем по-прежнему перлюстрировалось, стукачи сидели везде: от подпольных организаций до великосветских гостиных, но нельзя же было сажать всю Россию!

Любопытно, если бы какой-либо Боханов жил в то время, неужели ему было бы всё равно, кто будет безраздельно властвовать над ним и его детьми — инвалид-гемофилик или безграмотный сибирский мужик? А вот русским людям сие было не безразлично. И вполне возможно, что Николай и Александра были единственными людьми, кто верил, что Алексей будет самодержавно править Россией. Мог ли психически нормальный человек не беспокоиться, когда видел, как будущего неограниченного властелина его и его детей носят на руках на празднествах в честь 300-летия Романовых?

Была ли альтернатива Алексею? Да, и в нескольких вариантах. Читатель уже знает о великом князе Михаиле Александровиче — молодом пышущем здоровьем мужчине. Он мог руками разорвать пополам колоду карт, а однажды на манёврах в Гатчине махнул шашкой так, что у неё отлетел клинок.

В семействе Романовых, да и в других царствующих домах, было принято очень рано женить наследников престола. Однако Николай II не только не спешил подобрать достойную жену брату, но и запретил ему жениться на принцессе Кобургской, с которой у Михаила был роман. Лишённый возможности вступить в брак с женщиной царственной крови, Михаил, в конце концов, увлёкся красавицей Натальей Шереметевой. Наталья была не только красива, но и умна, обладала сильным волевым характером и придерживалась довольно либеральных взглядов. Её отец был известным московским адвокатом. До встречи с Михаилом Наталья успела побывать в двух браках: с миллионером Мамонтовым и гвардейским офицером Вульффертом.

В начале 1909 г. Михаил и Наталья решили пожениться и договорились со священником о венчании. Но Михаил, как, впрочем, и все родственники царя, был под колпаком у охраны. По приказу царя жандармы схватили священника и доставили его к генералу Герасимову.

Генерал был лаконичен — он показал попу на видневшуюся из окна кабинета Петропавловскую крепость и сказал: «Вот видите, там уже многие кончили свою жизнь. Так я вам обещаю, что я вас там сгною».

Свадьба Михаила расстроилась, но вскоре Наталья оказалась в положении. Михаил и Наталья порознь въехали за границу. Однако наивная конспирация влюблённых не спасла их от слежки. По секретному приказу царя тот неё генерал Герасимов инкогнито въехал в Париж в одном поезде с Михаилом. К операции помимо охраны было подключено Министерство иностранных дел.

«В Париже в моё распоряжение поступило 4 или 5 филёров из нашего парижского отделения», — писал Герасимов в своих мемуарах. Оцените простоту жандарма: «...из нашего парижского отделения», как будто речь идёт о Тамбове или Жмеринке. «За великим князем удалось установить точное наблюдение — не то консьержка, не то кто другой из служащих их дома давали сведения о внутренней жизни. При всех поездках и выходах великого князя сопровождали агенты».

Таким образом, если бы парочка только вошла в церковь, то группа захвата должна была их взять и доставить в Россию. О способе транспортировки арестованных, морем или через Германию, Герасимов умалчивает, хотя наверняка всё было организовано заранее. Ну, чем не мафия?

Однако парочке удалось ускользнуть от погони на автомобиле. Михаил и Наталья прибыли в Вену, где их обвенчал православный сербский священник.

Разгневанный Николай лишил брата чинов, имущества и запретил возвращаться в Россию. Царское прощение Михаил получил лишь с началом Первой мировой войны. Михаил и Наталья вернулись в Россию. Николай позволил брату командовать кавалерийской дивизией, но отправил его как можно дальше — на второстепенный Кавказский фронт.

Замечу, что по российским законам женитьба на разведённой женщине, не принадлежащей к царственному дому, не закрывала Михаилу путь к престолу. Другое дело, что его дети от Натальи не могли стать наследниками престола.

Но это формальности, о которых, кстати, никто и не вспомнил в феврале 1917 г. Для народа и в 1911-1916 гг. Михаил по-прежнему был царёвым братом, а либеральная интеллигенция в целом могла только приветствовать Наталью в качестве императрицы. Почему автор оговаривает «в целом», потому что лидеры масонов боялись волевого характера Натальи.

Но на Михаиле, как на наследнике, тоже свет клином не сошёлся. У Николая под рукой имелась, по крайней мере, дюжина великих князей, каждый из которых до смерти был бы рад стать наследником престола. Думаю, вряд ли кто-либо будет оспаривать то, что лучшим кандидатом на трон был бы Александр Михайлович. И если царь мог издать тайный указ о передаче прав наследования Ольге, то открытый указ о назначении наследником какого-либо великого князя (после женитьбы в 1911 г. Михаила) вряд ли мог вызвать у кого-либо возражения. Разумеется, после опубликования медицинского бюллетеня о здоровье Алексея.

Если же Николаю так приспичило иметь на престоле своё потомство, то и тут могли быть варианты. У четырёх царских дочерей могли родиться как больные, так и здоровые мальчики (гемофилия не всегда передаётся по наследству). В XVII-XIX вв. в царствующих домах России и Европы было нормой выдавать принцесс замуж в 14—16 лет.

К старшей дочери Ольге сватались великий князь Борис Владимирович, а позже великий князь Дмитрий Павлович, но оба претендента были отвергнуты Александрой Фёдоровной. Нетрудно предположить, что и другие великие князья охотно бы стали зятьями Николая II. А дальше было бы проще простого — первый родившийся здоровый мальчик объявляется наследником престола.

Кстати, это не авторская фантазия. Многие монархи за рубежом поступали именно так. Тот же Наполеон I, не имея детей с первой женой Жозефиной, почти принудительно женил брата Людовика на своей падчерице Гортензии Богарне с целью получения наследника престола. Как известно, вторая жена Мария-Луиза родила Наполеону сына, тоже Наполеона, который и стал официально наследником престола. Однако и запасной вариант оказался нелишним. Сын Наполеона умер молодым, так и не достигнув престола. А сын Людовика и Гортензии в 1852 г. стал императором Франции Наполеоном III.

Если бы супруги не подошли друг другу — тоже не беда. Николай и Александра могли взять внука на воспитание, а супруги просуществовали бы и порознь. В начале века больше половины членов семейства Романовых жили не с законными супругами, а в фактических браках.

Почему же Николай II не пошёл на такой вариант?

После Алексея императрица была неспособна к рождению детей. Алексей систематически болел и оказывался на грани летального исхода. Как тут не подстраховаться? Автор даже не заикается о варианте государя всея Руси Василия III — развестись с женой и вступить в брак с молодой принцессой (в 1904 г. царю было только 36 лет).

К началу февральской революции дочери царя Ольге шёл 22-й год, Татьяне — 20-й, а Марии — 18-й. В те времена и в королевских, и в крестьянских семьях большинство девиц этого возраста были уже замужем, а оставшихся в девках звали перестарками. К великому сожалению, из десятков историков и писателей, исследовавших жизнь царской семьи, никто не попытался подробно разобраться, почему три красивые девушки, самые богатые невесты в мире, вдруг так засиделись в девках. И это притом, что империи был жизненно нужен здоровый наследник.

Ответ здесь может быть лишь один — родители не желали выдавать их замуж. Причин было много. Отдать дочь замуж за рубеж — не оберёшься сраму, когда родиться гемофилик. Выдать за великого князя из семейства Романовых — боялись усиления влияния родственников, а главное, не хотели создавать конкурента собственному «солнечному лучу».

Здесь опять интересы «солнечного семейства» возобладали над интересами «хутора», то бишь Российской империи.

В итоге псе 23 года царствования Николая II в стране был перманентный династический кризис. Сам по себе династический кризис мог привести к гражданской войне только в случае смерти Николая II, но в сочетании с кризисом управления, военными поражениями и явлением Распутина он привёл к падению царя и возникновению хаоса в стране.

В чём же был секрет успеха Распутина? Одни списывают всё на его необыкновенную мужскую силу, другие сваливают на гипнотические действия, третьи — на парапсихологию и т.д.

На мой взгляд, секрет Распутина в том, что он делал то, что хотели окружающие его, пусть даже интуитивно.

Вот, например, почему женщины, я говорю о порядочных женщинах, так любили гусаров? Помните, даже: «...в воздух чепчики бросали». Да с какой стати? Кругом скромные молодые чиновники, купчики, семинаристы — будущие примерные мужья. А гусары все подряд пьяницы, картёжники, у каждого куча актрисок, модисток и маркитанток. Это в мирное время. А на войне гусары — это расходный материал. Какой-то малознающий поэт писал: «...кавалергарда век недолог». Враки это, за всю историю России кавалергарды два-три раза участвовали в боевых действиях. А лёгкая кавалерия, гусары, в наступлении всегда впереди, при отступлении всегда в арьергарде, в разведку кого послать — тоже гусаров. «Гусар, который не убит в 30 лет, — не гусар, а г...», — говорил маршал Лани. Правда, он сам, попав из гусар в маршалы, несколько зажился, и был лишь в 34 года убит ядром в сражении при Ваграме. Вряд ли гусары годились в мужья. Да и уставом женитьба младших гусарских офицеров была запрещена, а

старших — начальством не поощрялась. Но барышни от гусар ждали совсем иного...

Крестьянка мечтает о барине, мелкая дворянка — о графе или князе. О чём же мечтать графине, в гостиной которой хватает и баронов, и князей? Для определённой части аристократок как раз представляли интерес колоритные персонажи из народа. Об этом задолго до Распутина писали Мопассан и Доде. Кстати, подобные дамы не перевелись и сейчас. Лет двадцать назад один приятель рассказывал мне про некую аспирантку из института Мировой истории, хвалившуюся происхождением от персидских ханов. Её пана, большой босс от науки, подарил ей роскошную квартиру с огромной библиотекой. Приятель развалился в кресле и с удовольствием читал запрещённый в те годы журнал «Сатирикон» начала века. «Персиянка» же с наслаждением задавала вопросы: «А ты насилует женщин?», «А ты лишал невинности несовершеннолетних?» и т. и. Законопослушному советскому инженеру приходилось отвечать положительно. Возмущённая «персиянка» уходила из комнаты. Через 5 минут возвращалась в халате и произносила гневную филиппику: «Ты грязный, пошлый русский мужик. Ты хочешь растоптать мою чистую душу» и т. и. Филиппика кончалась стандартной фразой: «Но за всё надо платить». И халат летел на пол.

Как видим, за неимением грязного мужика, если сильно захотеть, то и совкового инженера можно представить эдаким тёмным и похабным «ля рюс мюжик».

«Ни один царский фаворит никогда в России не достигал такой власти, как Распутин. Он не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вёл себя в аристократических салонах с невозможным хамством.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всемогущие министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. Но малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость бывала неопишима.

К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом, и присутствие их мужей и отцов его несколько не смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но, несмотря на это, почти не было случаев, когда кто-нибудь показывал своё возмущение. Все боялись его и льстили ему. Дамы целовали его испачканные едой руки и не гнушались его чёрных ногтей. Не употребляя столовых приборов, он

за столом руками распределял среди своих поклонниц куски пищи, и те старались уверить его, что они это считают каким-то блаженством. Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина привыкли к этому, и всё это принимали с беспримерным терпением».

А вот воспоминания бывшего «соратника» Распутина иеромонаха Илиодора (Сергея Труфанова): «Приехали в Мраморный дворец. Распутин прямо-таки танцевал около Вырубовой, левою рукою он дёргал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бёдрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал. Я грешным делом подумал: «Фу, гадость! И как её нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жёсткие щёки...» А Вырубова терпела и, казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях... Наконец, Вырубова сказала: “Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой...”

Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я не поверил бы, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом обеих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала Григория в губы и несколько раз поцеловала его грязные руки и ушла».

С 1906 г. по 1917 г. за Распутиным охранка установила наружное наблюдение. Филёры следили буквально за каждым его шагом и ежедневно докладывали о поведении «Тёмного» (такую кличку имела Распутин в полиции).

Такие свидетельства могут составить несколько увесистых томов. Можно оспаривать отдельные эпизоды, но в целом картина более чем ясная. Защита Распутина при этом выглядит достаточно смешно.

Тот же Николай II доказывал Родзянко, что совместные походы с дамами в баню вполне естественны, «у простолюдинов так принято». На самом деле отдельные случаи совместной помывки прекратились ещё в XVIII в. Автор «Жизни за царя» Олег Платонов^[72] на полном серьёзе утверждает, что Распутин вместе с дамами только входил в баню, а далее Григорий смиренно шёл в мужское отделение, а дамы чинно шествовали в женское.

Распутин был нужен сексуально озабоченным аристократам, чиновникам, рвавшимся к министерским портфелям, и купцам, стремившимся урвать выгодный казённый заказ или получить высочайшее прощение за совершенные преступления. Сила Распутина была в том, что он презирал таких людей и одновременно давал им то, что они хотели.

В Петербург Распутин был привезён по приглашению черносотенца

протоирея Иоанна Вострогова. У черносотенцев Гришка не задержался, считая их несерьёзной компанией. Зато через них Распутин попал в салон графини С.Ф. Игнатъевой (урождённой княжны Мещёрской). Старая графиня надолго стала почитательницей старца. В салоне Игнатъевой сформировался и кружок первых почитателей старца: мать и дочь Головины, мать и две дочери Лохтины и другие.

Мария Головина (Мунька, как звал её Распутин) познакомила старца с Милицей Николаевной, дочерью короля Черногории и женой великого князя Петра Николаевича (внука Николая I). Милица и её родная сестра Стана (жена герцога Лейхтенбергского) были очарованы Распутиным. Теперь до престола Гришки остался всего один шаг, и сёстры-черногорки помогли сделать его. 1 ноября 1905 г. Николай II записал в дневнике: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомился с человеком Божьим — Григорием из Тамбовской губ.».

Первые месяцы знакомства встречи царской четы с Григорием редки. Николай и Александра пока параллельно принимают и конкурентов. Запись из царского дневника от 14 января 1906 г.: «В 4 часа к нам пришёл человек Божий Дмитрий из Козельска... Разговаривали с ним около полутора часа». Можно только догадываться, о чём царь говорил с дауном Митей.

Постепенно влияние Распутина на царскую семью росло, а «божьи люди» — конкуренты, как заморские, так и туземные, получали отставку.

У апологетов Николая II стало далее традицией представлять Распутина как исцелителя царевича Алексея. Тот же Боханов пишет: «Распутин играл в жизни Александры Фёдоровны роль наставника-утешителя. А как иначе могла воспринимать любящая мать человека, спасавшего от гибели её любимого больше всего на свете сына? Наверное, редкая женщина не стала бы боготворить того, кто нёс такое счастье!»

Каким образом Распутину удавалось улучшать (вылечить гемофилию невозможно) состояние ребёнка, сейчас трудно сказать. Возможно, им были использованы какие-то народные средства, останавливающие кровотечения. Возможно, использовались наркотики, и, без сомнения, Распутин обладал сильным гипнотическим действием как на ребёнка, так и на окружавших его. Успокоится мальчик, успокаивалась мать, успокаивались доктора и обслуга царевича. В такой обстановке увеличивалась сопротивляемость организма ребёнка и наступало улучшение.

Как психотерапевт старец был нужен матери больше, чем ребёнку. Из дневника царя и мемуаров врачей, вызываемых к царице, явствует, что Александра Фёдоровна непрерывно болела. Она неделями могла лежать в

постели. Прислуга или лично Николай II выкатывали её гулять в каталке, как парализованную.

Царицу неоднократно обследовали лучшие врачи России и Западной Европы, но никаких болезней не нашли, кроме психических. Врач Бехтерев отступился от лечения Алисы, полагая, что дурная наследственность в сочетании с мистическими психозами делает болезнь неизлечимой. Опытный невропатолог Г.И. Россолимо позднее писал: «Я нашёл императрицу в состоянии животного ужаса. Никогда до этого не выдав меня, она вдруг кинулась целовать мне руки! Никого не узнавала, постоянно рыдая. Просила, чтобы я вернул ей сына... Чепуха какая-то! Ведь наследник находился в соседнем, игральном зале. Я потребовал удаления больной из привычной для неё обстановки. Настаивал на клиническом содержании. “Что это значит? — возмутился Николай. — Уж не хотите ли вы, чтобы я посадил её в бедлам?”».

Ограничивались ли отношения Александры Фёдоровны и Распутина беседами или зашли дальше? Доказательств тут нет, и историк здесь не вправе делать какие-либо предположения. Доподлинно известно, что Григорий целовал царицу, как объясняла позднее Вырубцова следственной комиссии: «...у него был такой обычай... он всех тогда целовал три раза, христосовался». Стоит привести целиком письмо^[73] Александры к Распутину, подлинность которого признал сам царь, когда получил его от министра внутренних дел Макарова:

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко, легко мне тогда бывает. Тогда я желаю тебе одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье, даже чувствовать одно твоё присутствие около меня. Где ты есть... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане [Вырубовой] о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она — хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя М.».

Надо ли говорить, что в дворянской среде такое письмо было достаточным поводом для дуэли и развода, а простой русский мужик разобрался бы с благоверной и её адресатом с помощью топора.

14 июня 1915 г. Александра пишет Николаю в ставку: «Посылаю тебе его [Распутину] палку, которую он когда-то получил из Нового Афона,

чтобы передать тебе. Он пользовался ею, а теперь посылает тебе в знак благословения. Если можешь, хоть иногда пользуйся ею. Мне приятно, что она будет стоять в твоём купе рядом с той палкой, которую в своё время трогал мсье Филипп».

А вот письмо от 3 декабря 1915 г.: «Не забудь, — сопровождает Александра Фёдоровна инструкцией посылаемый супругу гребешок, — причёсываться перед каждым трудным разговором и решением. Эта маленькая гребёнка принадлежит нашему Другу. Она придаст тебе силы».

Раз все вещи, которых касается старец, святы, то освящаются и губы дамы, с которой целуется Гришка. Освящаются и те части тела, по которым проводит он рукой. А отсюда вполне логично и естественно продолжение — поход в баню со старцем.

Большинство распутинок видело в этой эволюции (от освящённого куска сахара до бани) какое-то таинство, священнодействие, но никак не похоть и порок. Они искренне защищали старца.

Когда распутинок, включая царицу, прижимали к стенке неопровержимыми фактами, типа скандала в московском ресторане «Яр», где Распутин плясал без штанов и демонстрировал публике свои мужские достоинства, то наготове был стандартный ответ, что это лукавый соблазнял старца, как в былые времена соблазнял прочих святых. Таким образом, самые скандальные эпизоды Гришкиной жизни служили доказательством его святости.

Давно замечено, чем менее компетентен правитель, тем больше он противится вмешательству в личную жизнь, жалуется на стеснение его традициями, дворцовым этикетом и т. п. Тем не менее традиции и этикет складывались веками и в них со временем оставались только необходимые. Нравится нам или нет, но у правителя (особенно у неограниченного) физически не может быть личной жизни. Любовница должна дарить правителю утехы в постели, тренер по теннису или дзюдо — учить махать ракеткой или прыгать на матрасе, охранник — охранять и т.д. Когда же эти лица начинают вести с правителем приватные разговоры, не касающиеся секса, тенниса, дзюдо или охраны, то беседа превращается из личного дела в государственное.

«Ах, как это ужасно — не иметь личной жизни!» — воскликнет лежащий на диване обыватель. Но самое забавное, что великие люди не нуждались в ограничениях в личной жизни. И если в чём-то им можно посочувствовать, так в том, что сутки из 24 часов для них коротки, да и вся жизнь до обидного коротка.

Когда умер Сергей Павлович Королев, ТАСС впервые объявил народу,

кто был главным конструктором наших космических ракет. Дотошные журналисты кинулись к соратникам Королева — кто были его друзья, какие у него были увлечения. Ответы поразили обывателя — у Королева не было друзей, у него не было увлечений, у него была одна Работа, и Королев об этом совсем не жалел.

Любители сенсаций среди журналистов и историков десятилетиями пытаются высосать из пальца историю личной жизни Наполеона, Сталина, Гитлера и Черчилля. Увы, по большому счёту у них не было личной жизни, у них было одно занятие, оно же и увлечение — управление государством. Плохо ли, хорошо ли управляли, это был другой вопрос.

Николай II, как уже говорилось, не имел способностей для управления страной, но делал всё возможное, чтобы скрыть это, и патологически боялся сильных министров типа Витте или Столыпина. По тем же причинам Николай категорически был против привлечения к управлению великих князей. По государственным вопросам Николай отказывался советоваться даже с собственной матерью, женщиной разумной, сдержанной и компетентной во многих вопросах управления.

Тайный (в полном смысле этого слова) советник, как воздух, был необходим Николаю. Советник, который не мог претендовать на верховную власть, не заслонять императора, как Столыпин, не смог бы и даже боялся бы официально появляться на людях. Тут Распутин пришёлся более чем кстати.

Сейчас можно только гадать, как воспринимал Николай вещания старца. Возможно, он представлял его как мудрого представителя русского народа. Ведь верили же революционеры и интеллигенты от князя Петра Кропоткина до графа Льва Толстого, что в русском мужике от природы заложен глубокий ум, здравый смысл, высокая нравственность и все добродетели скопом.

А может быть, Николай верил, что устами Распутина говорит Бог, подобно дамам, с благоговением набравшимся святости от старца в бане.

В конечном итоге внешнюю и внутреннюю политику России стал определять треугольник: царица — Вырубова — Распутин. При слове «царица» у людей, малосведущих в истории, возникают ассоциации с Анной, Елизаветой и Екатериной II. На самом же деле в Своде основных государственных законов Российской империи говорится только об императоре. Права императрицы нигде не упоминаются, то есть по закону она не имеет никакой власти при живом супруге императоре. Лишь в случае, «когда наследство Престола, в порядке для его установленном, дойдёт до лица женского», то та же Верховная Самодержавная власть будет

принадлежать Государыне Императрице. Начиная с Павла I и до Александра III закон не расходился с делом — ни одна из цариц не участвовала в государственных делах.

К сожалению, в современной литературе бытуют обывательские разговоры, мол, царь не мог не делиться с женой своими проблемами, а Александра была хорошей женой и старалась помочь мужу советами.

В годы Первой мировой войны во всех странах мира военачальник, осмелившийся обсуждать с женой планы боевых действий, подлежал военно-полевому суду по обвинению в разглашении военной тайны.

Но опять повторю, что Николай II считал себя не монархом, служащим государству, а хозяином большого поместья. Так почему же владельцу «скотского хутора» не посоветоваться с хозяйкой?

Надо ли говорить, что ни Распутин, ни Вырубова, ни Александра ничего не смыслили в военном деле, экономике и внешней политике. Никто из этой троицы не сел штудировать солидные тома по военной стратегии и тактике, статистические отчёты о состоянии экономики, не брал уроков у генералов и министров.

Тем не менее только за полтора года (1915-1916 гг.) Александра письменно передала Николаю 150 рекомендаций, предупреждений и прямых указаний Распутина. В 1920-х гг. переписка царской семьи была опубликована и подлинность её не вызывает сомнений у историков.

Александра требует от Николая: «Слушайся нашего Друга, верь Ему...», «Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы», «Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед Богом, дабы Бог наставил тебя на путь истинный...», «Не слушайся других, слушайся только нашего Друга», «Григорий просил этого не делать — всё делается наперекор его желаниям, и моё сердце обливается кровью от страха и тревоги»... «Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение»... «Нага друг за тебя, значит, всё будет хорошо»... «Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться»... «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чём преуспеть, и мысли его не могут быть правильными».

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Всё это крайне интересует нашего Друга» (7 ноября 1915 г.).

«А теперь совершенно-конфиденциально... Если в этот момент, когда

начнётся наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться? Будет ли послана гвардия к югу от группы Келлера и для защиты направления на Одессу?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову... Интересно было бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» (4 февраля 1916 г.)

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю; к существу же дела — прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл её изложи своими словами» (6 ноября 1915 г.)

«А сейчас ОН считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать на западном участке фронта... Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдёшь до цели, не пролив при этом так много крови». (Лето 1916 г.)

Николай спешит докладывать царице и Другу:

«Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятельскую линию и взять Ковель». (2 июля 1916 г.)

«Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего Брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю». (14 июля 1916 г.)

Думаю, примеров более чем достаточно. Теперь начнём с чисто формальной стороны. О чём думал царь, направляя жене сверхсекретную информацию? Ведь разведка немцев могла перехватить её. Да и зачем испытывать терпение собственных сановников и генералов? Ведь ни для кого не было секретом, что родной брат царицы Эрни, с которым до войны она постоянно находилась в переписке, в войну стал одним из руководителей германского генштаба.

А вообще, что понимает в «греческом вопросе», в устройстве противогаза системы Алека и т. и. вся честная компания в составе Саны, Анны и Григория? А вот германскую разведку безумно интересовало, может ли защитить противогаз Алека от фосгена или иприта, удобно ли его ношение, какое время может провести в нём солдат.

А что касается планов продвижения русских войск после взятия

Эрзерума, то за них много тысяч долларов отвалила бы любая разведка мира. Причём англичане и французы заплатили бы гораздо больше, чем немцы или турки. Благо, тут была замешана не столько военная стратегия, сколько послевоенная политика. Одно дело, если Кавказская армия пойдёт в Месопотамию на соединение с англичанами, и совсем другое, если двинется к черноморским проливам.

Давайте теперь представим малограмотного мужика из далёкого сибирского села Покровское. Да на фиг, простите за выражение, ему «планы относительно Румынии», как он мог составлять телеграмму сербскому королю? Он достиг положения у престола своими мистическими пророчествами, лечением наследника и царицы, возможно, своей мужской силой. Более высокого положения ему не достичь никакими советами по военному делу, внешней политике и экономике. Удачные или бездарные его советы в любом случае вызовут лишь озлобление генералов и сановников. Григорий Ефимович был достаточно умён, чтобы не понимать этого, и всё-таки полез с советами. Почему? Ведь пара безграмотных советов серьёзно подорвёт его влияние на царскую чету. Но, вопреки всему, Распутин лезет буквально во все дырки, и, вопреки здравому смыслу, даёт дельные советы. Сейчас промонархистские историки любят превозносить отдельные факты, когда царь не послушал Распутина. Но им хорошо ответила сама царица в 1916 г.: «Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав».

Как такое могло случиться? Или нужно признать, что Распутин был каким-то сверхъестественным существом, через которое царю передавалась информация от какого-либо божества, инопланетян, дьявола и прочая. При исключении этого варианта автоматически следует второй — у Гришки были опытные кукловоды.

Такой вывод ужасает апологетов Николая II, и они всячески втирают очки неподготовленному читателю. Вот тот же Боханов: «В последние годы монархии размышления и предположения о том, кто же действительно стоял “за этим Гришкой”, стали любимой шарадой в различных кругах общества. В наше время, когда очень многое уже прояснилось, молено со всей определённостью заключить, что Распутина никто не направлял и никакой заговор за ним не стоял».

Вот так! И не больше, не меньше. Ночи без сна проводил Гришка в думах о «греческом вопросе»; на «Вилле-Роде» слушал цыганок, а в мозгу сверлило — как же действует противогаз Алека?

Распутин быстро менял покровителей. В 1907 г. он порвал с черносотенцами типа Вострогова, в 1909 г. — с великим князем Николаем

Николаевичем и сёстрами-черногорками Милицей и Станой.

В 1914-1916 гг. наиболее близкими его «друзьями» становятся Арон Симанович и Манасевич-Мануйлов, а финансируют старца банкиры Гинсбург и Рубинштейн. Маловероятно, что эти лица были кукловоды Распутина (в русской прессе в 1915-1917 гг. кукловодов называли «тёмными силами»).

То, что «тёмные силы» существовали, сомнения нет. Это подтверждается и перепиской царицы с царём, и всей деятельностью Распутина. Но, увы, проследить дальнейшие связи за Симановичем и Рубинштейном пока никому не удалось. И это неудивительно. О деятельности английской, германской, русской (советской) разведки в XX в. мы сейчас знаем не более 10% . А всё остальное скрыто в дебрях архивов. Но и из того, что уже опубликовано, мы видим, как успешно проникали разведчики в окружение министров, премьеров, королей и королев.

Глава 21

КАТАСТРОФА

Империя, управляемая Николаем, Александрой и распутинской кликой, не могла долго существовать. Странно лишь то, что она дожила до февраля 1917 г. Февральский переворот, или революция, пусть каждый называет как хочет, был неизбежен. Переворот закончился успехом и далее был проведён «малой кровью».

Хорошо известна английская пословица: «Поражение всегда сирота, зато у победы много отцов». Но тут, даже спустя почти 90 лет, победа оказалась без отцов, прочих родственников и даже повивальных бабок. Правда, при советской власти большевики пытались присвоить отцовство себе. Пролетариат... «выступал в качестве гегемона и главной движущей силы Февральской буржуазно-демократической революции. Он возглавил общенародное движение против войны и царизма, повёл за собой крестьянство, солдат и матросов... Вождём пролетариата была Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) во главе с В.И. Лениным»^[74].

Короче, партия и Ленин возглавили, и баста. И кому какое дело, что все руководители партии, включая Ленина, Сталина, Зиновьева, Каменева и прочая, были в ссылке или эмиграции и о революции узнали из газет с многодневным опозданием.

Большевистские организации были крайне немногочисленные, но зато до предела насыщенные агентами охраны. До революции работали на охранку член ЦК и редактор «Правды» М.Е. Черномазов (жалованье 200 рублей в месяц), член ЦК и руководитель фракции большевиков в IV Государственной Думе Р.В. Малиновский (500 рублей). Члены районных комитетов и слушатели ленинской школы в Лонжюмо получали поменьше — 100, 75 и 50 рублей. В образовавшемся после Февральской революции Совете рабочих депутатов состояло более тридцати осведомителей охраны, причём один из них был председателем, три — его заместителями, два — редакторами «Известий Совета рабочих депутатов» и т.д.

И такой огромный полицейский аппарат вовремя не предупредил правительство о подготовке большевиками захвата власти?

Так что мы можем с полной ответственностью лишить «отцовства» большевиков, меньшевиков и эсеров.

Государственные перевороты можно разделить на три типа по конечному отношению их участников к содеянному. Первый тип — неудачный переворот. Например, те же декабристы оказались в Петропавловке, дружно покаялись и честно во всём признались. О таких переворотах писать легче всего — вся деятельность заговорщиков на ладони у историка.

Второй тип — полностью удачный переворот, после которого все участники и примазавшиеся хвалятся своими подвигами, безмерно преувеличивая их. Тут историку приходится отделять подлинные события от вымышленных, но делать это сравнительно просто.

Третий тип — удачный переворот, после которого по каким-то причинам все участники стыдятся его и отрекаться от участия в нём. В какой-то мере примером одного может служить смерть Павла I от апоплексического удара 11 марта 1801 г. Но и тут есть большие возможности для историка. Пусть все участники переворота официально молчали или открыто лгали, но в кругу близких знакомых они бахвалились содеянным и потихоньку составляли записки и мемуары для потомков.

Февральская революция в России представляет уникальный переворот в истории человечества.

К перевороту приложили руку все сильные мира сего. Николай остался в полном одиночестве, если не считать нескольких старцев сановников и небольшого числа служаков — армейских и полицейских офицеров. Участники переворота преследовали различные, порой взаимоисключающие друг друга цели. Проиграли все участники переворота. Причём, проиграли, сказано слишком мягко. Значительная часть заговорщиков была убита большевиками, а остальные вынуждены были эмигрировать. Борцы с царизмом, оказавшиеся в нищете в Париже, с тоской вспоминали свои имения, обеды у «Дадона», где они произносили тосты за русскую конституцию, нелегальные сходки, где им бурно аплодировали студенты и курсистки, вспоминали родных и друзей, погибших в застенках ВЧК. В такой ситуации вряд ли тянуло похвалиться участием в заговорах, в планировании царевубийства.

Кстати, это было опасно для здоровья и жизни. В Париже возник культ «мученика Николая», и озверелые белые офицеры, не имевшие возможности отомстить красным, были рады отыграться на беззащитных эмигрантах. Впоследствии ими был до смерти забит Родзянко. Во Франции белый офицер стрелял в Милюкова, но его закрыл своим телом кадет

Набоков.

В итоге большинство заговорщиков погибло или умерло, не оставив после себя воспоминаний или документов. Написанные же в эмиграции мемуары имели цель не рассказать потомкам, как было, а самооправдаться: я не знал, не делал, а если и делал, то совсем мало, хотел как лучше, и прочая, и прочая.

Поэтому надо честно сказать читателю, что современным историкам, и мне в том числе, известна лишь внешняя сторона событий конца 1916 г. — начала 1917 г., но закулисный механизм происшедшего до сих пор остаётся загадкой. Не менее загадочно поведение в тот период и великого князя Александра Михайловича, и его окружения.

С начала войны главнокомандующим русской армии царь назначил великого князя Николая Николаевича младшего, который к августу 1914 г. командовал гвардией и одновременно Санкт-Петербургским военным округом. Ставка верховного командования первоначально располагалась в городе Барановичи. Великий князь был посредственным стратегом и администратором, но и он без помощи штабных офицеров понял, что вести войну, полагаясь на стремительно разваливающуюся систему управления империей, нельзя, и попытался решать наиболее важные вопросы самостоятельно.

На фронте не хватало 76-мм снарядов, а тыловые запасы их были столь велики, что их не смогли расстрелять ни в Гражданскую, ни в Финскую, ни в Великую Отечественную войну и достреливали на полигонах в 50-х гг. XX в. На фронт прибывали десятки тысяч босых новобранцев, зато полстраны щеголяло в новеньких сапогах военного образца. Таких примеров можно привести сотни.

Постепенно Ставка стала вторым после Петербурга полюсом власти, что вызвало недовольство царя и ярость Алисы. В Ставку попытался проникнуть Распутин. На его телеграмму Николай Николаевич ответил коротко и ясно: «Приезжай — повешу». Кстати, и царь побоялся везти с собой в Ставку Григория.

Замечу, что царь ни разу не показался на передовой, хотя периодически заглядывал в тыловые части. Одни раз он даже вёрст эдак на десять подъехал к линии фронта (то есть вне действия полевой и корпусной артиллерии немцев). За это подбострастные генералы наградили его Георгиевским крестом. Чтобы быть «ближе к народу», Николай II демонстративно ходил в простой гимнастёрке с одним «Георгием», то есть без многочисленных наград, положенных по происхождению.

Увы, народ не оценил «демократичность» царя. Когда в кинозалах

демонстрировалась хроника, при появлении царя почти всегда из толпы летела реплика: «Царь наш с “Егорием”, а царица с Григорием».

Под нажимом царицы и Распутина Николай II 20 августа 1915 г. объявил, что принимает на себя командование армией. Обстоятельства этого рокового решения хорошо описаны французским послом Морисом Палеологом: «Когда сегодня утром я вошёл к Сазонову [министр иностранных дел], он немедленно объявил мне бесстрастным, официальным тоном:

— Господин посол, я должен сообщить вам важное решение, только что принятое Его величеством государем императором, которое я прошу вас держать в тайне до нового извещения. Его величество решил освободить великого князя Николая Николаевича от обязанностей Верховного главнокомандующего, чтобы назначить его своим наместником на Кавказе, взамен графа Воронцова-Дашкова, которого расстроенное здоровье заставляет уйти. Его величество принимает на себя лично верховное командование армией.

Я спросил:

— Вы объявляете мне не намерение только, но твёрдое решение?..

— Да, это непоколебимое решение. Государь сообщил его вчера своим министрам, прибавив, что он не допустит никакого обсуждения.

— Император будет действительно исполнять обязанности командующего армией?..

— Да, в том смысле, что он отныне будет пребывать в Ставке Верховного главнокомандующего и что высшее руководство операциями будет исходить от него. Но что касается подробностей командования, то их он поручит новому начальнику штаба, которым будет генерал Алексеев. Кроме того, главная квартира будет переведена ближе к Петрограду; её поместят, вероятно, в Могилёве.

Несколько времени мы сидели молча, глядя друг на друга. Затем Сазонов говорит снова:

— Теперь, когда я сказал вам в официальной форме всё, что следовало, я могу вам признаться, дорогой друг, что я в отчаянии от решения, принятого государем. Вы помните, что в начале войны он уже хотел стать во главе своей армии и что все его министры, и я первый, умолили его не делать этого. Наши тогдашние доводы имеют теперь ещё большую силу. По всем вероятностям, наши испытания ещё далеко не кончились. Нужны месяцы и месяцы, чтобы переформировать нашу армию, чтобы дать ей средства сражаться. Что произойдёт за это время? До каких пор принуждены мы будем отступать? Не страшно ли думать, что отныне

государь будет лично ответственен за все несчастья, которые нам угрожают? А если неумелость кого-нибудь из наших генералов повлечёт за собою поражение — это будет поражение не только военное, но и вместе с тем поражение политическое и династическое.

— Но, — сказал я, — по каким мотивам решился император на такую важную меру, даже не пожелав выслушать своих министров?

— По нескольким мотивам. Во-первых, потому что великий князь Николай Николаевич не смог выполнить свою задачу. Он энергичен и пользуется доверием в войсках, но у него нет ни знаний, ни кругозора, необходимого для руководства операциями такого размаха. Как стратег, генерал Алексеев во много раз его превосходит. И я отлично понял бы, если бы генерал Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим.

Я настаиваю:

— Каковы же другие мотивы, заставившие государя самого принять командование?

Сазонов пристально смотрит на меня одно мгновение печальным и усталым взглядом. Потом он нерешительно отвечает:

— Государь, несомненно, хотел показать, что для него настал час осуществить царственную прерогативу — предводительствовать армией. Никто отныне не сможет сомневаться в его воле — продолжать войну до последних жертв. Если у него были другие мотивы, я предпочитаю их не знать.

Я расстаюсь с ним на этих многозначительных словах»^[75].

Царь в юные годы командовал гвардейским батальоном, другого опыта руководства войсками за последние 20 лет он не имел. Надо ли говорить, что присутствие в Ставке царя и больного наследника лишь создавало нервную обстановку. А тем временем Александра Фёдоровна постепенно приняла на себя функции самодержца. В нарушение всех законов империи к ней начали являться с докладами министры, Алиса отдавала приказы военным и гражданским властям и т.д.

Таким образом, решение царя не только не привело к централизации власти в одних руках, а наоборот, создалось два полюса власти — в Ставке в Могилёве и в Царском Селе.

В начале 1916 г. появился и третий слабый центр власти или, скорее, оппозиции. Речь идёт о Киеве, куда переехала младшая сестра царя Ольга и его мать императрица Мария Фёдоровна. Туда же перенёс штаб воздушного флота и великий князь Александр Михайлович.

Маленький штришок из личной жизни августейшей семьи хорошо показывает, как далеко зашёл кризис власти. Великая княгиня Ольга, не

спросив царственного брата, в 1916 г. развелась с принцем Петром Ольденбургским и обвенчалась с ротмистром Куликовским, с которым находилась в связи уже несколько лет. Риторический вопрос, могло ли такое случиться в 1913 г.? На свадьбе Ольги в Киеве присутствовали Мария Фёдоровна и Александр Михайлович. Императору пришлось молча проглотить эту пилюлю.

В годы войны функции нашего героя были крайне неопределёнными. Формально он командовал всем воздушным флотом, но, как мы уже знаем, из его ведома была исключена эскадра воздушных кораблей. Кроме того, Александр Михайлович командовал авиацией Южного фронта. Авиацией Северного фронта командовал генерал Каульбарс, который чисто формально подчинялся Александру Михайловичу.

Пятидесятилетний плейбой всегда оставался верен себе и завёл в Киеве походную жену. Заметим, что Александр Михайлович в воспоминаниях никогда не приводит имён и фамилий своих зарубежных метресс, ну а с русскими — совсем другое дело: «Если бы не она [великая княгиня Ольга. — А. Ш.] и не молодая сестра милосердия по фамилии Васильева, я был бы самым одиноким человеком в мире в критические дни войны. Васильева сейчас замужем за господином Чириковым, они живут в Каннах. Я часто её навещаю, и мы вновь и вновь вспоминаем печальную и полную событий зиму 1916/1917 гг.»^[76].

Александр Михайлович писал: «Можно было с уверенностью сказать, что в нашем тылу произойдёт восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар. Я испытывал страшное раздражение. Я горел желанием отправиться в Ставку и заставить Ники тем или иным способом встряхнуться. Если государь сам не мог восстановить порядка в тылу, он должен был поручить это какому-нибудь надёжному человеку с диктаторскими полномочиями. И я ездил в Ставку. Был там даже пять раз. И с каждым разом Ники казался мне всё более и более озабоченным и всё меньше и меньше слушал моих советов, да и вообще чьих бы то ни было.

Восторг по поводу успехов Брусилова мало-помалу потухал, а взамен на фронт приходили из столицы всё более неутешительные вести. Верховный Главнокомандующий пятнадцатимиллионной армией сидел бледный и молчаливый в своей Ставке, переведённой ранней осенью в Могилёв. Докладывая государю об успехах авиации, я замечал, что он только и думал о том, когда же я наконец окончу доклад и оставлю его в покое, наедине со своими думами. Когда я переменял тему разговора и затронул политическую жизнь в С.-Петербурге, в его глазах появились

недоверие и холодность. За всю нашу сорокаоднолетнюю дружбу я ещё у него никогда не видел такого взгляда.

— Ты, кажется, больше не доверяешь своим друзьям, Ники? — спросил я его полушутливо.

— Я никому не доверяю, кроме жены, — ответил он холодно, смотря мимо меня в окно. А потом, как будто испугавшись собственной откровенности, добавил с прежним дружелюбием: — Останешься со мной завтракать, Сандро? Расскажешь новости о маме и Ольге.

Я остался к завтраку, который был подан в саду, прилегавшем к канцелярии Ставки. Беседа была натянутой. Присутствовавшие главным образом интересовались живыми репликами двенадцатилетнего царевича, приехавшего в гости к своему отцу в Могилёв».

Что из написанного великим князем действительно имело место, а что было «остроумием на лестнице», сейчас трудно сказать. Во всяком случае, я внимательно прочитал дневники Николая II за 1916 г., и там об Александре Михайловиче упоминается четыре раза: 13 мая во время визита царя в Севастополь: «Сандро встретил нас на пристани и обедал с нами». 23 июля: «В 6 час. у меня был Сандро, а в 7 час. сен[атор] Кобылинский. Вечером занимался».

А вот царский перл от 17 ноября, привожу его полностью: «Лёгкий мороз. Утром принял Алека с сестрой милосердия Мусиной-Пушкин[ой], кот. объездила лагеря наших пленных в Германии. Днём поехали туда же и видели там же прилёт, спуск и затем подъём семи наших аэропланов отряда Павленкова. Погулял. В 6 час. принял кн. Шаховского и потом Сергея. Обедал в поезде и там принял Сандро»^[77].

Тут нет опечаток редактора или описок автора. Ну да ладно, для нас важно, что вечером в поезде Ники и Сандро отобедали. А куда ездил днём наш царь-батюшка, путь отвечает господин Боханов, восхищающийся знанием русского языка Николаем II.

На следующий день (18 ноября) царь «утром снялся на дворе с офицерами, приехавшими из полков для ознакомления со способом стрельбы, предложенным кап. Тонорниным.

Днём ездил по Бобруйскому шоссе и гулял в лесу до д. Селец. Д[ядя] Павел приехал к чаю. От 5 У₂ до 7 ч. принимал Сандро и Гурко, а до 8 час. Барка».

Следует заметить, что в воспоминаниях, касающихся 1916 г. и начала 1917 г., наш герой крайне эмоционален и мало информативен. Естественно, что там нет и намёка на масонскую деятельность Александра Михайловича

и его братьев Николая и Георгия. Как ни странно, даже в мемуарах как масонов, так и иных современников Александра Михайловича об его деятельности в этом качестве не говорится ни слова, но, с другой стороны, никто и не отрицает активного участия всех троих братьев в масонских деяниях. Я же не хочу фантазировать и вынужден перейти к семейной жизни дочери и зятя нашего героя.

Война застала Феликса Юсупова в Лондоне, а его родителей — на курорте Бад-Киссингене. Генерал Юсупов с женой с трудом несли ноги из Германии. Сын же сравнительно легко вернулся на родину.

8 (12) марта 1915 г. в Юсуповском дворце на Мойке Ирина родила девочку. Крестили её в домашней часовне в присутствии царской семьи и нескольких близких друзей. Крёстными были Николай II и императрица Мария Фёдоровна. В честь матери девочку назвали Ириной, но в семье её звали Беби.

Феликс Юсупов не жаждал отправиться на поле боя. Естественно, на передовую его никто не послал бы, но он не хотел даже сидеть в штабе. Чтобы избежать мобилизации, Феликс поступает в Пажеский корпус, где готовили кавалеристов, но потом выяснилось, что по состоянию здоровья он не может ездить на лошадях. Тогда Феликс решил поступить в пехоту и т.д. Короче, на действительную военную службу зять нашего героя так и не попал.

Зато в самом начале мая 1915 г. генерал Ф.Ф. Юсупов-старший был вызван в Царское Село на аудиенцию к Николаю II. Царь приказал ему принять должность главнокомандующего и командующего войсками Московского военного округа, чтобы впоследствии быть назначенным московским генерал-губернатором.

Однако два происшествия весны 1915 г. поставили крест на карьере нашего генерала. Некий коммерсант и бульварный журналист Н.Н. Соедов во время приезда Распутина в Москву явился к нему и предложил устроить аферу с поставкой в армию огромных партий солдатского белья. Григорий Ефимыч, естественно, должен был получить процент от выручки. Собственно, дело-то было рутинное как для Распутина, так и для Военного министерства. Поставка солдатского белья прошла бы гладко и тихо, если бы «комиссионеры» не решили отметить это дело в ресторане «Яр». (В советское время ресторан стал частью гостиницы «Советская», недалеко от метро «Динамо»).

В «Яре» весёлая компания заняла отдельный кабинет, куда пригласили хористок. В полночь пьяный Распутин вышел в общий зал и начал хамить. Тогда Судаков, хозяин ресторана, желая избежать скандала, стал уверять

публику, что это не Распутин, а какой-то самозванец. Григорий Ефимыч, страшно возмущившись, заорал: «Это я-то не Распутин? Да я самый настоящий!!!». При этом он расстегнул штаны и предъявил публике неопровержимое доказательство. Как писал генерал Джунковский: «...доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намёки на свои близкие отношения к самым высоким особам»^[78].

Похождения Гришки в «Яре» долго смаковались московской и петроградской прессой.

Пришла беда — отворяй ворота. 26 мая в Москве начались массовые антигерманские выступления. Громили немецкие магазины, били и далее убивали этнических немцев на предприятиях, контролируемых германским капиталом. А генерал-губернатор Юсупов смотрел на всё сквозь пальцы. Полиция и казаки охраняли исключительно оружейные магазины, принадлежавшие немцам.

В конце концов Юсупов-старший отправил в Петроград донесение: «Единственный возможный способ успокоения русских людей был удаление всех немцев из Москвы»^[79].

Царь был уже обижен на то, что Юсупов-старший не замял скандал в «Яре» и допустил утечку информации. Погром немцев стал отличным поводом для снятия Ф.Ф. Юсупова-старшего со всех занимаемых постов.

Следует заметить, что в конце 1916 г. и сам Николай II решил выслать всех этнических немцев, невзирая на подданство, в места не столь отдалённые. В годы Первой мировой войны в России были проведены или намечались все меры, проведённые Сталиным в 1941-1942 гг. В 1916 г. началось введение продразвёрстки для крестьян, в том же году генерал Брусилов ввёл заградотряды с пулемётами, начались репрессии в отношении родственников сдавшихся врагу солдат и офицеров. Другой вопрос, что при Николае всё проводилось нелепо и бездарно, а при Сталине — эффективно, хотя и жестоко.

Следуя моде, Юсуповы в 1915 г. отвели у себя во дворце на Мойке несколько комнат под лазарет для раненых фронтовиков. Так Феликс Юсупов-младший познакомился с раненым поручиком Сергеем Михайловичем Сухотиным. С этого времени Сухотин стал если не другом, то клиентом семьи Юсуповых.

Вся семья Юсуповых ненавидела царскую чету. Правда, в эмиграции им пришлось занять куда более лояльную позицию к «царственным мученикам». Что же касается писем 1915-1916 гг., то там приходилось

говорить намёками, учитывая возможность перлюстрации писем жандармами.

В конце 1915 г. Феликс Феликсович старший после долгого перерыва увидел императрицу: «Я нашёл в ней большую перемену: во взгляде, в движениях. Передо мною была не та Царица, которую я знал, но какое-то новое существо, явно нервное и больное... Она вся во власти проходимцев, которые, зная её больной, продолжают тянуть её к пропасти, на краю которой она уже бессильна. Как права была моя жена, когда она, приехав на Каменный Остров к Императрице Марии Фёдоровне, в присутствии Великих княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны сказала, что единственное средство, чтобы спасти Государя, детей и Россию — это поместить Императрицу в санаториум для душевно больных. Изолированная, спокойная, тихая жизнь могла ещё её спасти»^[80].

В начале 1916 г. Феликс Феликсович младший принимает решение убить Распутина: «Уверенный, что действовать необходимо, я открылся Ирине. С ней мы были единомышленники. Надеялся я, что без труда найду людей решительных, готовых действовать вместе со мной. Поговорил я то с одним, то с другим. И надежды мои рассеялись. Те, кто кипел ненавистью к “старцу”, вдруг возлюбили его, как только я предлагал перейти от слов к делу. Собственное спокойствие и безопасность оказались дороже»^[81].

Увы, я не верю воспоминаниям ни Юсупова-младшего, ни Александра Михайловича. В эмиграции им всем по уже упомянутым причинам приходилось безбожно врать. Можно ли поверить, что Александр и Николай Михайловичи всерьёз считали достаточным рассказать всю правду императорской чете, и тогда Николай запретит Александре вмешиваться в государственные дела, прогонит Распутина, назначит «ответственное перед думой министерство» и т.д.? Столь же наивна версия Юсупова, что после смерти Распутина царь и царица «исправятся» и поведут страну к светлому будущему.

В России не было более упрямых и самоуверенных людей, чем Николай и Александра. И, как мы хорошо знаем, ни внешняя, ни внутренняя политика Николая не изменились после убийства Распутина. Дело было не в нём, а в самой царственной чете. Распутин мог определять их тактику, но не стратегию.

Но я не хочу ни фантазировать, ни пересказывать десятки версий убийства Распутина, увы, не имеющих реальных доказательств. Поэтому я вынужден во многом следовать версиям Феликса и Сандро.

Вечером 1 ноября 1916 г. великий князь Николай Михайлович приехал

в Царское Село. Там он прочёл Николаю II своё большое письмо: «Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей её среды. Ты веришь Александре Фёдоровне, что вполне естественно. Но что исходит из её уст — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от неё это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нащёптываний через любимую супругу... Я настаиваю так сильно на том, чтобы ты освободился от цепей, которые сковали тебя, я делаю это только в надежде спасти тебя и снасти трон нашей дорогой страны от самых серьёзных и непоправимых последствий»^[82].

Николай молчал и много курил. Позже он не придумает ничего умнее, чем отдать это письмо июне. Уже в Ставку царю она написала гневное послание: «Я прочла письмо Николая М. с полным отвращением. Если бы ты остановил его в середине его речи и сказал ему, что если он ещё раз коснётся этого предмета насчёт меня, то ты сошлёшь его в Сибирь, так как это уже почти государственная измена. Он всегда ненавидел меня и дурно говорит обо мне уже 22 года, и в клубе тоже [имеется в виду петроградский яхт-клуб, который в годы войны стал главным политическим салоном столицы] (такой же разговор уже был у меня с ним в этом году). Но когда идёт война, в такое время ползать за спинами твоей Мама и сестры и не выступить отважно в защиту жены своего Императора (согласен со мной или нет) — это отвратительно и это измена... Он и Николаша — мои злейшие враги в семье, не считая чёрных женщин [черногорки великие княгини Милица и Стана] и Сергея [великий князь Сергей Михайлович!]^[83].

Алиса («Алиса» — короче «Александры Фёдоровны» и легче для читателя, особенно при частых повторениях. На возможное возражение, что она ещё в 1894 г. приняла имя Александра, отвечу, что до 1918 г. включительно в семье её именовали Аликс, а никак не Александра. — А. Ш.) потребовала от мужа сослать Николая Михайловича в Сибирь, но царь не рискнул пойти на столь резкий и непопулярный шаг.

Осенью 1916 г. Феликс отправил жену в Крым к своим родителям. Сам же он через Муню Головину начал сближаться с Распутиным. Многих удивляло, что старец охотно шёл на контакт с Юсуповым-младшим,

хорошо зная взаимную неприязнь Алисы к семье Юсуповых.

Великий князь Николай Михайлович записал в дневнике: «Не могу понять психики. Чем, например, объяснить неограниченное доверие, которое оказывал Распутин молодому Юсупову, никому вообще не доверяя, всегда опасаясь быть отравленным или убитым? Остаётся предположить опять что-либо совсем невероятное, а именно — влюблённость, плотскую страсть к Феликсу, которая омрачила его — здорового мужчину-развратника, и довела его до могилы. Неужели во время нескончаемых бесед между собой они пили, ели и болтали? Убеждён, что были какие-либо физические изливания дружбы в форме поцелуев, взаимного оцупывания и возможно чего-либо ещё более циничного. Садизм Распутина не подлежит сомнению, но насколько велико было плотское извращение у Феликса, мне ещё мало понятно, хотя слухи об его похотях были ещё распространены до его женитьбы»^[84].

Увы, что ни говори, но Николай Михайлович даёт самое логичное объяснение близости отношений самого богатого аристократа России с мужиком из Тобольской губернии.

В ночь с 16 на 17 декабря во дворце князя Ф.Ф. Юсупова был убит Григорий Распутин. Каноническая версия убийства Гришки подробно описана в воспоминаниях Феликса Юсупова и растиражирована в десятках книг, пьес и кинофильмов. Согласно его версии сошлись три хороших человека — великий князь Дмитрий Павлович, внук Александра II; князь Ф.Ф. Юсупов, первый богач России, женатый на племяннице Николая II Ирине, и В.М. Пуришкевич, лидер крайне правых в Государственной Думе, и решили избавить Россию от Распутина. К делу были привлечены два безмолвных статиста — доктор Лазоверт и уже знакомый нам поручик Сухотин.

Юсупову удалось ночью тайно заманить Распутина к себе во дворец, якобы для знакомства с женой Ириной. На самом же деле Ирина находилась в Крыму с матерью Феликса. Распутина Феликс повёл в подвальную комнату, где был накрыт роскошный стол. Там хозяин угостил гостя пирожными, которые Лазоверт начинил цианистым калием. Запивал пирожные Распутин отравленной мадерой. Тем не менее никаких последствий отравления заметно не было. Юсупову пришлось выстрелить из револьвера Распутину в сердце. Оставив Распутина лежать в подвале, Юсупов поднялся к остальным заговорщикам. Юсупов писал в мемуарах:

«Выполняя наш план, Дмитрий, Сухотин и доктор должны были сделать вид, что увезли Распутина домой, на случай, если тайная полиция всё же за нами следила. Для этого Сухотин должен был выдать себя за

“старца”, надев его шубу, и уехать с Дмитрием и доктором в открытой машине Пуришкевича. Они должны были вернуться на Мойку в закрытой машине великого князя, чтобы забрать труп и увезти его на Петровский остров.

Мы с Пуришкевичем остались на Мойке. Ожидая возвращения друзей, говорили о будущем нашей родины, навсегда освобождённой от своего злого гения. Могли ли мы предвидеть, что те, кому смерть Распутина развяжет руки, не захотят или не сумеют использовать этот благоприятный момент? [Запомним последнюю фразу, она нам ещё пригодится].

Пока шёл разговор, меня вдруг охватило смутное беспокойство, и неодолимая сила подтолкнула спуститься в подвал, где осталось тело...

Потом случилось невероятное. Внезапным и сильным движением Распутин вскочил на ноги, с иеной у рта. Он был ужасен. Дикий вопль раздался под сводами, его руки конвульсивно хватали воздух. Потом он бросился на меня; его пальцы пытались сжать моё горло, как клещи впивались в мои плечи. Его глаза вылезали из орбит, кровь текла изо рта. Низким и хриплым голосом Распутин всё время звал меня по имени.

Ничто не может передать ужас, охвативший меня. Я старался освободиться из его объятий, но был как в тисках. Между нами началась кошмарная борьба».

С трудом освободившись, Юсупов кинулся наверх по лестнице, зовя Пуришкевича. Распутину удалось выбежать во двор дворца, где его четырьмя выстрелами свалил Пуришкевич.

На выстрелы прибежал городской, он узнал князя и спросил:

— Ваше сиятельство, здесь стреляли. Что случилось?

Юсупов ответил:

— Ничего серьёзного, глупость. У меня вечером было небольшое собрание; один из моих товарищей немного перепил, забавлялся стрельбой и напрасно всех переполошил. Ничего не случилось, всё в порядке.

Через какое-то время городской вернулся, и тут Пуришкевича прорвало:

— Ты слышал разговоры о Распутине? О том, кто замышлял гибель нашей родины, царя и солдат, твоих братьев. Тот самый, кто нас предавал немцам, слышал?

Городской, не понимавший, чего от него хотят, молчал с тупым видом.

— А знаешь, кто я? — продолжал Пуришкевич.

— Перед тобой Владимир Митрофанович Пуришкевич, член Думы. Выстрелы, которые ты слышал, убили Распутина. Если ты любишь родину и царя, ты сохранишь молчание.

Городовой ушёл, сильно удивлённый.

Вскоре великий князь Дмитрий Павлович, Сухотин и Лазоверт вернулись в закрытом автомобиле, чтобы увезти тело Распутина. Тело и шубу погрузили в машину, довезли до Малой Невки и сбросили под лёд. Позже, при вскрытии тела, обнаружилось, что лёгкие Распутина были заполнены водой, то есть смерть его наступила от утопления, а не от огнестрельных ран или отравления.

Вот такая-то версия и стала канонической. Благородные патриоты, морщась, по-дилетантски убивают злодея. Всё сие очень красиво, но мало правдоподобно. Начнём с того, что благородные джентльмены надругались над подвыпившим Распутиным («опустили», говоря на блатном языке), а затем профессионально оскопили его. Об этом писал один из наиболее информированных наших историков Н.Н. Яковлев^[85], видимо, единственный из всех допущенный к акту вскрытия Распутина. Кстати, сам этот акт до сих пор не опубликован.

Вряд ли подходила для приманки Распутина Ирина Юсупова, племянница Николая II. Царица лично следила за передвижением своих родственников, и Распутин мог легко узнать о пребывании Ирины в Крыму. Великий князь Николай Михайлович, французский посол Морис Палеолог и ряд других историков утверждают, что на вечеринке у Юсупова присутствовали две дамы.

Секретарь Распутина Арон Симанович писал: «Дальнейшие подробности потом сообщила присутствовавшая при убийстве и тоже стрелявшая двоюродная сестра Юсупова.

Участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, два сына великого князя Александра Михайловича, братья жены Юсупова и Пуришкевич. Отец Юсупова и бывший министр внутренних дел Хвостов ожидали результатов убийства в другой части дворца. В убийстве Распутина принимали участие двоюродная сестра Юсупова и танцовщица Вера Коралли. Один из шуринов Юсупова находился спрятанным за портьерами в передней. При входе Распутина он выстрелил в него и попал ему в глаз. В упавшего Распутина стреляли уже все, только Вера Коралли отказалась и кричала: я не хочу стрелять»^[86].

Братья жены Юсупова — князя императорской крови Андрей и Фёдор, дети великого князя Александра Михайловича, внуки императора Николая I. В своих воспоминаниях Ф.Ф. Юсупов выгораживает родственников, утверждая, что Фёдор был в ту ночь с 16-го на 17-е во дворце великого князя Александра Михайловича, хотя и знал о заговоре.

К сожалению, нам так никогда и не узнать всех деталей происшедшего в ночь с 16 на 17 декабря во дворце на Мойке. Если, конечно, не найдутся какие либо секретные документы в архивах президента и ФСБ. А пока остаётся констатировать, что самым красивым и «киношным» вариантом убийства была версия Юсупова, а самым логическим и простым вариантом — версия Симановича. В Распутина беспорядочно стреляли все. Не было никаких пирожных и мадеры с цианистым калием. А кто не верит, пусть сам попробует такое пирожное.

Но, думаю, важнее не кто и сколько раз выстрелил в Распутина, а зачем в него стреляли. У власти по-прежнему оставался некомпетентный человек, доверявший только своей жене. А Александра была целиком в плену у «тёмных сил». Живы остались и Вырубова, и Симанович, и Рубинштейн, и прочие «тёмные силы». Ни Юсупов, ни Дмитрий Павлович не были такими дураками, чтобы не понимать этого. Наконец, родители Юсупова и старые великие князья Александр Михайлович и Павел Александрович были в курсе подготовки покушения. Они разве не понимали ситуацию? И ведь действительно, с убийством Распутина бардак в управлении страной не кончился, и ничего не изменилось. Те, кому было выгодно, уже стали готовить царице новых «святых людей».

А что ждало самих участников убийства Распутина? Великий князь Николай Михайлович утверждал, что царица потребовала немедленного бессудного расстрела убийц Распутина, и лишь министр внутренних дел Протопопов уговорил её дожидаться приезда Николая II. А пока по приказанию царицы генерал Максимович в нарушение всех законов арестовал Дмитрия Павловича и Ф.Ф. Юсупова во дворце великого князя. Убийцы Распутина знали, что им грозит смерть или, в лучшем случае, пожизненная ссылка в места не столь отдалённые.

Нет. Заговорщики не были наивными дилетантами. Просто убийство Распутина — это удавшаяся операция большого неудачного заговора.

Вот что записал в дневнике 5 января 1917 г. (24 декабря 1916 г. по старому стилю) посол Франции: «В тот же день вечером (день погребения Распутина) крупный промышленник Богданов давал у себя обед, на котором присутствовали члены императорской фамилии, князь Гавриил Константинович, несколько офицеров, в том числе граф Капнист, адъютант военного министра, член Государственного совета Озеров и несколько представителей крупного финансового капитала, в том числе Путилов.

За обедом, который был очень оживлён, только и было разговоров, что о внутреннем положении. Под влиянием шампанского его изображали в самых мрачных красках с любезным русскому воображению чрезмерным

пессимизмом.

Обращаясь к князю Гавриилу, Озеров и Путилов говорили, что, по их мнению, единственное средство снасти царствующую династию и монархический режим — это собрать всех членов императорской фамилии, лидеров партий Государственного совета и Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей.

Нисколько не протестуя, князь Гавриил ограничился тем, что сформулировал несколько возражений практического характера; тем не менее он обещал передать своим дядюшкам и двоюродным братьям то, что ему сказали.

Вечер закончился тостом “за царя, умного, сознающего свой долг и достойного своего народа...”

Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение.

Несколько великих князей, в числе которых мне называют трёх сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше ни меньше, как о том, чтобы снасти царизм путём дворцового переворота. С помощью четырёх гвардейских полков, преданность которых уже поколеблена, они двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царём наследника Алексея под регентством великого князя Николая Николаевича.

Инициаторы этого плана полагают, что великого князя Дмитрия его участие в убийстве Распутина делает самым подходящим исполнителем, способным увлечь войска. Его двоюродные братья, Кирилл и Андрей Владимировичи, пришли к нему в его дворец на Невском проспекте и изо всех сил убеждали его “довести до конца дело народного спасения”. После долгой борьбы со своей совестью Дмитрий Павлович, в конце концов, отказался “поднять руку на императора”; его последним словом было: “Я не нарушу своей присяги в верности”.

Гвардейские части, в которых организаторы успели завязать сношения: Павловский полк, расквартированный в казармах на Марсовом поле, Преображенский полк, в казармах у Зимнего дворца, Измайловский полк, в казармах у Обводного канала, гвардейские казаки, в казармах за Александро-Невской лаврой, и, наконец, один эскадрон императорского гусарского полка, входящего в состав гарнизона Царского Села.

Всё происходившее в казармах почти тотчас стало известно охране, и

Белецкому поручено было начать расследование в связи со следствием, которое он производит по делу Распутина; главным его сотрудником в его розысках является жандармский полковник Невданов, начальник собственной его величества охраны, недавно заменивший генерала Спиридовича».

Частично это подтверждает и Ф.Ф. Юсупов: «Несмотря на то, что лишь члены императорской семьи имели право входа во дворец великого князя [Дмитрия Павловича], мы потихоньку принимали и других. Таким образом, многие офицеры явились уверить нас, что их полки готовы нас защищать. Они доходили до того, что предлагали Дмитрию поддержать возможное политическое выступление. Некоторые из великих князей считали, что следует попытаться снасти царизм, сменив царствование. С несколькими гвардейскими полками хотели идти ночью в Царское Село. Император будет вынужден отречься, императрица заключена в монастырь, а царевич объявлен императором при регентстве великого князя Николая Николаевича. Надеялись, что участие великого князя Дмитрия в убийстве Распутина прямо предназначало его возглавить это движение, и его упрасивали довести до конца дело национального спасения. Лояльность великого князя царю и царице не позволяла ему согласиться на подобные предложения».

О масштабах заговора свидетельствует и перехваченное МВД письмо княгини Зинаиды Юсуповой, адресованное великой княгине Ксении Александровне, с сожалением, что «в тот день (17 декабря) не довели дела до конца и не убрали всех, кого следует...».

30 декабря (12 января по новому стилю) посол Палеолог записывает в дневнике: «Позавчера было совершено покушение на императрицу во время обхода госпиталя в Царском Селе и что виновник покушения — офицер — был вчера утром повешен. О мотивах и обстоятельствах этого акта — абсолютная тайна».

В своём дневнике Палеолог обязательно указывал на записанную ранее неверную информацию после получения достоверных данных. Однако к этому эпизоду он больше не возвращается. Достоверного подтверждения этого покушения мне найти не удалось, но это покушение очень вписывается в сложившуюся ситуацию после убийства Распутина.

Ф.Ф. Юсупов, расписывая в мемуарах свою версию убийства Распутина, частенько проговаривается, например: «Великие князья и некоторые аристократы составили заговор, стремясь устранить императрицу от власти и добиться её удаления в монастырь. Распутин должен быть сослан в Сибирь, император смещён, а царевич коронован. В

заговорах участвовали все, вплоть до генералов. Связи, которые английский посол сэра Джорджа Бьюкенена поддерживал с либеральными партиями, вызывали подозрения, что он тайно работает на революцию».

На следующий день после убийства Распутина Юсупов заявил своему дяде, председателю Государственной Думы Родзянко: «С сегодняшнего дня мы все будем держаться в стороне от событий и предоставим другим заканчивать наше дело».

Наконец великая княгиня Елизавета, сестра царицы и вдова великого князя Сергея Александровича, сказала Юсупову: «Не твоя вина, что последствия не соответствовали твоим ожиданиям. Это вина тех, кто не захотел понять, в чём состоит их долг».

Почему же сорвался «великокняжеский заговор»? Тут опять концы были спрятаны всеми заинтересованными сторонами. Скорей всего, у исполнителей не хватило духу «убрать всех, кого следует». Ведь за 300 лет правления Романовых деликатная фраза «Государь должен отречься» означала «геморроидальные колики» или «апоплексический удар». Этого хотели очень многие, но не хотели лично пачкать руки.

Возможно, важную роль сыграла и быстрая реакция царя и царицы.

Утром 18 декабря 1916 г. в Ставке идёт обсуждение весенней кампании 1917 года. Внезапно в зал входит дворцовый комендант Воейков и подаёт царю телеграмму от императрицы — убит Распутин. Николай молча встаёт и покидает совещание. Через час два поезда, царский и свитский, мчатся на север. Назавтра, в 6 часов утра на перроне вокзала в Царском Селе Николая ждала Александра с дочерьми.

Царь немедленно начинает перестановки в правительстве. Причём, критерием годности считается не компетентность, а личная преданность монарху. Вместо А.Ф. Трепова был назначен новый премьер-министр старец князь Н.Д. Голицын, сменён военный министр, министры юстиции, просвещения. Из членов Государственного совета исключены («переведены в разряд присутствующих») 16 человек, а взамен назначены 18 новых преданных людей. Заменён и председатель Госсовета И.Г. Щегловитов.

Из Петрограда началась массовая высылка... великих князей! Первыми под конвоем специально назначенных офицеров отправились в «места не столь отдалённые» убийца Распутина князь Юсупов в своё имение Ракитное Курской губернии, а великий князь Дмитрий Павлович — на Персидский фронт. Из сосланных второй волны великих князей — Николай Михайлович в его имение Грушевку (Херсонской губернии), Кирилл Владимирович командирован в Мурманск, Борис Владимирович — на Кавказ.

Если учесть, что великие князья Михаил Александрович (брат царя) и Николай Николаевич (бывший главнокомандующий) находились вне Петрограда, то великокняжеская группировка была обезглавлена.

Фактически Николай II в конце декабря 1916 г. произвёл контрпереворот. Тем не менее, царь остаётся в Петрограде ещё на два месяца, и только 22 декабря отправляется в Ставку в Могилёв.

Глава 22

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАРИАНТ

Великий князь Александр Михайлович принял самое активное участие в спасении своего зятя. Согласно воспоминаниям Юсупова-старшего, «Императрица Александра Фёдоровна требовала расстрела обоих виновников, но в этом деле принял участие Великий князь Александр Михайлович, который упросил Императрицу Марию Фёдоровну телеграфировать Государю»^[87].

Сам же Александр Михайлович так описывает своё участие в деле Феликса Юсупова: «Члены императорской семьи просили меня заступиться за Дмитрия и Феликса пред государем. Я это собирался сделать и так, хотя меня и мутило от их неистовства и жестокости. Они бегали взад и вперёд, совещались, сплетничали и написали Ники преглупое письмо. Всё это имело такой вид, как будто они ожидали, что император всероссийский наградит своих родных за содеянное ими убийство!

— Ты какой-то странный, Сандро? Ты не сознаешь, что Феликс и Дмитрий спасли Россию!

Они называли меня “странным”, потому что я не мог забыть о том, что Ники, как верховный судья над своими подданными, был обязан наказать убийц, и в особенности если они были членами его семьи.

Я молил Бога, чтобы Ники встретил меня сурово.

Меня ожидало разочарование. Он обнял меня и стал со мною разговаривать с преувеличенной добротой. Он меня знал слишком хорошо, чтобы понимать, что все мои симпатии были на его стороне, и только мой долг отца по отношению к Ирине заставил меня приехать в Царское Село.

Я произнёс защитительную, полную убеждения речь. Я просил государя не смотреть на Феликса и Дмитрия Павловича как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновлённых желанием спасти Россию.

— Ты очень хорошо говоришь, — сказал государь, помолчав, — но ведь ты согласишься с тем, что никто — будь он великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать.

Он попал в точку. Ники, конечно, не обладал таким блестящим даром слова, как некоторые из его родственников, но в основах правосудия

разбирался твёрдо.

Когда мы прощались, он дал мне обещание быть милостивым в выборе наказаний для двух виновных».

Увы, опять Александр Михайлович «наводит тень на плетень».

А вот реальный факт: в ночь на 23 декабря 1916 г. Александр Михайлович демонстративно участвовал в проводах великого князя Дмитрия Павловича, убывавшего в ссылку в Персию. Вместе с нашим героем в демонстрации участвовали великие князья Кирилл и Андрей Владимировичи и Николай Михайлович. Провожал Александр Михайлович и своего зятя.

А теперь мы вновь обратимся к воспоминаниям Александра Михайловича: «В начале февраля 1917 года я получил приказ Ставки принять участие в работе в Петрограде комиссии при участии представителей союзных держав для выяснения нужд нашей армии в снабжении на следующие 12 месяцев. Я радовался случаю увидеться с Аликс. В декабре я не счёл возможным усугублять её отчаяния, но теперь мне всё-таки хотелось высказать ей моё мнение. Я ожидал каждый день в столице начала восстания. Некоторые “тайноведы” уверяли, что дело ограничится тем, что произойдёт “дворцовый переворот”, т.е. царь будет вынужден отречься от престола в пользу своего сына Алексея, и что верховная власть будет вручена особому совету, состоящему из людей, которые “понимают русский народ”.

Этот план поразил меня. Я ещё не видел такого человека, который понимал бы русский народ. Вся эта идея казалась измышлением иностранного ума и, по-видимому, исходила из стен британского посольства. Один красивый и богатый киевлянин [Терещенко А.М.], известный дотоле лишь в качестве балетомана, посетил меня и рассказывал что-то чрезвычайно невразумительное на ту же тему о дворцовом перевороте. Я ответил ему, что он со своими излияниями обратился не по адресу, так как великий князь, верный присяге, не может слушать подобные разговоры. Глупость спасла его от более неприятных последствий. С приходом революции он стал прославленным прислужником Керенского и занимал посты министра финансов и министра иностранных дел...

...Я получил наконец приглашение Аликс на завтрак в Царское Село. О, эти завтраки! Казалось, половина лет моей жизни была потеряна на завтраках в Царском Селе!

Аликс была в кровати и обещала принять меня, как только я встану от стола. За столом нас было восьмеро: Ники, я, наследник, четыре дочери государя и флигель-адъютант Линевиц...

...Мы пили кофе в лиловой гостиной. Ники направился в прилегающую спальню, чтобы сообщить о моём приходе Аликс.

Я вошёл бодро. Аликс лежала в постели в белом пеньюаре с кружевами. Её красивое лицо было серьёзно и не предсказывало ничего доброго. Я понял, что подвергнусь нападкам. Это меня огорчило. Ведь я собирался помочь, а не причинить вреда. Мне также не понравился вид Ники, сидевшего у широкой постели. В моём письме к Аликс я подчеркнул слова: “Я хочу вас видеть совершенно одну, чтобы говорить с глазу на глаз”. Было тяжело и неловко упрекать её в том, что она влечёт своего мужа в бездну в присутствии его самого.

Я поцеловал её руку, и её губы едва прикоснулись к моей щеке. Это было самое холодное приветствие, которым она когда-либо встречала меня с первого дня нашего знакомства в 1893 году. Я взял стул, придвинул его близко к кровати и сел против стены, покрытой бесчисленными иконами и освещённой голубыми и красными лампадами.

Я начал с того, что, показав на иконы, сказал, что буду говорить с Аликс как на духу. Я кратко обрисовал общее политическое положение, подчёркивая тот факт, что революционная пропаганда проникла в гущу населения и что вся клевета и сплетни принимались им за правду.

Она резко перебила меня:

— Это неправда! Народ по-прежнему предан царю. (Она повернулась к Ники). Только предатели в Думе и петроградском обществе мои и его враги.

Я согласился, что она отчасти права.

— Нет ничего опаснее полуправды, Аликс, — глядя ей прямо в лицо. — Нация верна царю, но нация негодует по поводу того влияния, которым пользовался Распутин. Никто лучше меня не знает, как вы любите Ники, но всё же я должен признать, что ваше вмешательство в дела управления приносит вред престижу Ники и народному представлению о самодержце. В течение двадцати четырёх лет, Аликс, я был вашим верным другом. Я и теперь ваш верный друг, но на правах такового я хочу, чтобы вы поняли, что все классы населения России настроены к вашей политике враждебно. У вас чудная семья. Почему же вам не сосредоточить ваши заботы на том, что даст вашей душе мир и гармонию? Предоставьте вашему супругу государственные дела!

Она вспыхнула и взглянула на Ники. Он промолчал и продолжал курить.

Я продолжал. Я объяснил, что, каким бы я ни был врагом парламентарных форм правления в России, я убеждён, что если бы

государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной Думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Ники и облегчил его задачу.

— Ради Бога, Аликс, пусть ваши чувства раздражения против Государственной Думы не преобладают над здравым смыслом. Коренное изменение политики смягчило бы народный гнев. Не давайте этому гневу взорваться.

Она презрительно улыбнулась:

— Всё, что вы говорите, смешно! Ники — самодержец! Как может он делить с кем бы то ни было свои божественные права?

— Вы ошибаетесь, Аликс. Ваш супруг перестал быть самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его “божественных правах”. Теперь это, увы, слишком поздно! Быть может, через два месяца в России не останется камня на камне, чтобы напоминать нам о самодержцах, сидевших на троне наших предков.

Она ответила как-то неопределённо и вдруг возвысила голос. Я последовал её примеру. Мне казалось, что я должен изменить манеру говорить.

— Не забывайте, Аликс, что я молчал тридцать месяцев, — кричал я в страшном гневе. — Я не проронил в течение тридцати месяцев ни слова о том, что творилось в составе нашего правительства, или, вернее говоря, вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас! Разве все мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников в пропасть.

— Я отказываюсь продолжать этот спор, — холодно сказала она. — Вы преувеличиваете опасность. Когда вы будете менее возбуждены, вы узнаете, что я была права.

Я встал, поцеловал её руку, не получив в ответ обычного поцелуя, и вышел. Больше я никогда не видел Аликс. Проходя через лиловую гостиную, я видел флигель-адъютанта царя, который разговаривал с Ольгой и Татьяной. Его присутствие вблизи спальни царицы удивило меня. Фрейлин государыни Вырубова, бывшая одною из главных поклонниц Распутина, говорит по этому поводу в своих мемуарах, что “царица боялась, как бы великий князь Александр не вышел из себя и не решился на отчаянный шаг”».

Действительно, 10 февраля 1917 г. Александр Михайлович посетил Царское Село. Царь записал в дневнике: «В 10 час. у меня был кн. Голицын. Погулял. Принял пять генералов и затем Войновского-Кригера.

Завтракал и обедал Линеви́ч (деж.). В 2 часа приехал Сандро и имел при мне в спальне разговор с Аликс. Гулял с Марией; у Ольги заболело ухо. До чая принял Родзанко. Миша пил чай. Затем принял Щегловитова. Вечером занимался до 11 час.». Так что можно только гадать, был ли действительно разговор столь острым?

Зато ранее, повествуя о разговорах с Терещенко, Александр Михайлович признается, что знал о готовящемся государственном перевороте, но превращает всё в фарс. У него Терещенко, который не называется по имени, но легко угадывается, лишь глупый «балетоман».

На самом деле Михаил Иванович Терещенко (1888-1956) не только миллионер-сахарозаводчик, но он является вместе с А.Ф. Керенским и Некрасовым одним из руководителей (секретарём) масонской ложи «Верховый совет народной России».

И вот два виднейших лидера масонов ведут глупейшую такую беседу в Киеве. Увы, наши историки приняли всё всерьёз.

Масоны в конце 1916 г. организовали заговор с целью свержения Николая II, в который были втянуты сотни офицеров, генералов и политических деятелей. Причём о том, что заговором руководят масоны, подавляющее число участников его даже не подозревало.

Одна из великих тайн русской истории — роль масонов в Февральской революции. В первые 40 лет советской власти на эту тему было наложено жесточайшее табу. Писать о масонах было запрещено, по крайней мере, применительно к XX веку. Поэтому рядовой советский читатель судил о масонах по роману «Война и мир».

В 80-х гг. в СССР получил распространение анекдот. Иностраный журналист спрашивает сотрудника МИДа: «Почему у вас нет в продаже чёрной икры?» Тот отводит его в гастроном на Смоленской и спрашивает продавца: «Сегодня кто-нибудь интересовался чёрной икрой?» — «Нет». — «А вчера, а в течение квартала?» — «Нет». — «Вот видите, чёрная икра у населения спросом не пользуется».

Точно так же советские историки объясняли нам о масонах. Вот что писал М.К. Касвинов: «...Ленин ничего о масонстве не говорил. Черносотенная надуманность рассказней о “всемирном масонском заговоре” столь очевидна, что великий вождь рабочего класса не считал нужным вдаваться в какой-либо их “разбор” или “анализ”, оспаривать или опровергать их в каких-либо дискуссиях. Ленин, всю жизнь боровшийся против всех и всяческих козней врагов трудового народа, обличавший малейшие ухищрения буржуазии в её политике обмана и эксплуатации трудящихся масс, не только ни разу не остановил своего внимания на

масонстве — он не счёл его даже достойным упоминания. В 55 томах произведений В.И. Ленина, охватывающих треть века ожесточённой борьбы за дело рабочего класса, самое слово “масонство” ни разу не употреблено».

Всё просто. Нет масонов у Ленина, значит их в природе не было. От себя добавлю, что и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (Москва, 1977) о масонах нет ни слова.

Но вот грянула «перестройка». В открытой продаже появились отечественные и эмигрантские книги, где говорится об участии масонов в Февральской революции. Отрицать очевидные факты новым правителям стало очень тяжело. Тогда была выдвинута новая доктрина: да, что-то было, а что — неважно. А кто пытается в этом разобраться, тот красно-коричневый, антисемит и вообще «бьяка».

Но мы всё-таки будем «бьяками» и попробуем хотя бы немного разобраться в масонском заговоре, используя свидетельства участников и очевидцев. Начнём с... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слово «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актёры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперёк, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приёмов действия»^[88]. Замените слово «актёры» на «братья» и всё встанет на свои места.

Но данным масона Н. Берберовой, в первый состав Временного правительства (март-апрель 1917 г.) вошло десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей, которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, “третьей коалиции” (так называемой Директории), в сентябре-октябре, когда ушёл военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова — те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали

и посадили в крепость, и те, которые были “в бегах”».

Масонам удалось вжиться и в среду военных. Но здесь они соблюдали особую конспирацию, и называть конкретные имена следует с большой долей сомнения. Так, среди масонов называют имена генералов Крымова, Маниковского, Поливанова. Некоторые авторы (та же Берберова) называют Алексеева и Родзянко. Интересно, что двоюродный брат генерала Рузского профессор Дмитрий Павлович Рузский был видный масон.

А были ли масоны среди большевиков? Бот уж вопрос на засыпку! Среди меньшевиков масоны, определённо, были. Это Чхеидзе, Гальперин, Гегечкори^[89] и другие.

Б.И. Николаевский упоминает среди масонов И.И. Степанова-Скворцова, где-то мелькает Луначарский. Но это всё мелочь.

Б.И. Николаевский обращает внимание на интересную информацию, появившуюся в журнале «Вопросы истории КПСС» № 3 за 1957 год. Там шла речь о письме из России большевика Н.П. Яковлева Ленину в Поронино. В журнале не приведён полный текст ни письма, ни ответа, а только скупые цитаты. Яковлев сообщает Ленину, что «в либеральных кругах намечается поворот влево», что отдельные представители этих кругов — «экземпляры, социальный вес и влияние которых измеряется многими миллионами рублей», делают попытку устроить нелегальные «встречи» общественных деятелей из кадетов и прогрессистов совместно с представителями левых партий с целью информироваться о настроениях в различных социальных слоях, чтобы «подготовиться к грядущим событиям».

Николаевский считает, что более чем вероятно, что инициатива «встречи» либеральных и социалистических кругов принадлежит масонам.

Ленин отвечает: «Дорогой коллега. За сообщение очень благодарю. Оно мне очень важно. По-моему, на указанных Вами условиях [каких — неизвестно] Ваше участие было вполне правильно и для дела [то есть для большевиков] полезное».

Не будем строить домыслы и гадать на кофейной гуще, был ли Ленин масоном. Во всяком случае, какие-то отношения вольных каменщиков и вождя мирового пролетариата были. Не знать о роли масонов в мировой политике и особенно в русских делах Ильич не мог, и если помалкивал, то на это были достаточные основания.

1917 год начался спокойно. На фронтах бои шли в целом с переменным успехом. Военная промышленности достигла пика своей производительности. Число забастовок и бастовавших росло, но, к примеру, в Англии аналогичные темпы роста были ещё выше. В далёкой

Женева у Ленина проскальзывали и пессимистические нотки, мол, наше поколение может и не увидеть пролетарской революции.

Часто Февральскую революцию сравнивают с революцией 1905 года. Увы, это очень некорректное сравнение. В 1905-1907 гг. бурлила вся страна. Часто революционерам удавалось на несколько дней, а то и недель захватывать города и создавать там органы власти. Вспомним Новороссийскую республику. На сторону восставших переходили целые полки, броненосцы, крейсера или даже эскадры кораблей (ноябрь 1905 г. в Севастополе), восставали крепости (Свеаборг, Кронштадт). Целые губернии были иллюминированы горящими барскими усадьбами. Ничего подобного в России не было до отречения Николая II. Январь и первые 23 дня февраля 1917 г. одна шестая часть земли, именуемая Российской империей, прожила так же, как и январь и февраль 1916 г. Напряжённая ситуация были только в одной точке — Петрограде.

Однако спокойствие было призрачным. Масонами было сформировано правительство во главе с князем Львовым. Именно это теневое правительство станет «временным правительством».

Масонское руководство до последнего момента не могло решить вопрос о форме правления — быть России республикой или конституционной монархией. Прорабатывались оба варианта. С фронта в Петроград срочно вызван великий князь Михаил Александрович, где он вступает в переговоры с заговорщиками. Отрабатывается вариант с императором Алексеем II и регентом Михаилом Александровичем. Но часть руководителей масонов Михаил не устраивает — он мало популярен в генеральской среде, а главное, находится под сильным влиянием жены Натальи, умной, энергичной и очень честолюбивой дамы.

Поэтому в декабре 1916 г. в особняке князя Львова было проведено собрание «братьев высоких степеней», среди которых был масон 33-й степени городской голова Тифлиса, член партии кадетов Александр Иванович Хатисов (Хатисян). На собрании прорабатывали один из вариантов дворцового переворота. Николай II должен был «отречься» (тут уже всё давно решено), великий князь Николай Николаевич должен быть объявлен императором Николаем III, существующее правительство немедленно разогнано, а его место займёт уже сформированное правительство князя Львова. На переговоры с Николаем Николаевичем выехал Хатисов. Львов и Хатисов условились, что при получении согласия Николая Николаевича на немедленные действия Хатисов вышлет в Петроград телеграммы: «Госпиталь открыт, приезжайте». Напомню, что Николай Николаевич был в то время командующим Кавказской армией и

находился в Тифлисе.

30 декабря 1916 г. в Тифлис разными поездами приезжают Хатисов и масон великий князь Николай Михайлович. Первым посещает командующего Кавказской армией великий князь Николай Михайлович. Он сообщает, что 16 великих князей дали согласие на смещение с трона Николая II и обещали полную поддержку Николаю Николаевичу. В тот же день (30 декабря) Николая Николаевича посещает Хатисов. Выслушав Хатисова, великий князь перешёл к обсуждению практических вопросов, в первую очередь «как отнесётся к отречению царя армия». В конце беседы Николай Николаевич попросил два дня на размышления. Два дня великий князь советовался с начальником штаба Кавказской армии генералом Янушкевичем.

Где-то в эти дни из Севастополя к берегам Кавказа 30-узловым ходом рванул эсминец с командующим Черноморским флотом генералом Колчаком. Короткая встреча с великим князем, и эсминец мчит адмирала назад. Официальное объяснение таинственной встречи — решение проблем, связанных со снабжением Кавказской армии.

Однако великий князь Николай Николаевич с первых дней прибытия на Кавказ в 1915 г. был под колпаком у охранки. О переговорах Хатисова с Николаем Николаевичем было доложено Николаю II. Царь решил сместить Николая Николаевича с поста командующего Кавказской армией и направить на Дальний Восток.

Это мгновенно стало известно Хатисову и Николаю Николаевичу. Возможно, это известие поколебало великого князя, и он ушёл от прямого ответа. Телеграмма об «открытии госпиталя» в Петроград не пошла.

Обратим внимание: ни царь, ни заговорщики не хотят открыто применять силу. Заговорщики боятся испачкать перчатки и ждут, кто бы сыграл роль Платона Зубова или Алексея Орлова.

О подготовке заговора если не знали точно, то догадывались все образованные люди России. Над заговорщиками, пусть в иносказательной форме, смеялась пресса. Вот юмореска из газеты «Русская воля»:

Москва. Ну-с...

Петроград. Трус... А вы-с?..

Москва. Увы-с...

С другой стороны, императрица постоянно требует от Николая решительных действий. «Дорогой, — пишет она Николаю в канун Февральской революции, — будь твёрд, покажи властную руку, вот что надо русским... Дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят этого — сколь многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно,

но такова славянская натура — величайшая твёрдость, даже жестокость и вместе с тем горячая любовь».

«Ты владыка, ты хозяин в России, помни это»; «Мы не конституционное государство, слава богу»; «Будь львом в борьбе против маленькой кучки негодяев и республиканцев»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех»; «Спокойно и с чистой совестью я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные поступки), Милюкова, Гучкова, Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена».

Александра представляет русский народ толпой покорных преданных царю полулюдей: «Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревущие толпы, когда ты находишься близко. Они ещё боятся тебя. Они должны бояться тебя ещё больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы всё та же дрожь».

Как видим, налицо классический синдром «скотского хутора».

Николай, всегда слушавшийся жену, ограничивается полумерами. Сейчас нерешительность царя любят истолковывать как его гуманизм и т. п. Что же произошло с Николаем? Он всю жизнь цеплялся за самодержавную власть, и это составляло смысл его жизни. В 1905-1907 гг. он санкционировал бессудные казни тысяч людей, приказал потопить броненосец «Потёмкин» и крейсер «Очаков», послал гвардию залить кровью Красную Пресню. А сейчас вдруг колеблется. А представим, что же царь мог сделать с декабря 1916 г. — января 1917 г.? Арестовать и судить заговорщиков? Но тут речь шла не о двух десятках революционеров «Народной воли». Кого пришлось бы сажать и судить? Всю августейшую фамилию? Все командование армии, начиная с Алексеева, Гурко, Маниковского и т. п.? Три четверти членов Государственной Думы от крайне левого Керенского до крайне правого Пуришкевича? Царь мог отдать приказ начать репрессии, но он не был уверен, что приказ выполнят. Скорее, наоборот, приказ о начале репрессий немедленно спровоцировал бы заговорщиков на решительные действия.

Руководство либеральной буржуазии делало ставку не только на армию, но и на рабочее движение. В составе Военно-промышленного комитета (ВПК), где заседали работодатели, была создана и Рабочая группа, пользовавшаяся определённым влиянием среди рабочих Петрограда.

Раз военные не решаются на дворцовый переворот, то почему бы ни устроить беспорядки на улицах Петрограда, и тем подстегнуть военных — приблизительно так мыслили «братья высоких степеней».

14 февраля 1917 г. предстояло начало сессии Государственной Думы после длительного перерыва. ВПК стал готовить массовое шествие рабочих к Таврическому дворцу к началу заседания Думы.

Агент охраны Абросимов был членом Рабочей группы ВПК и вовремя уведомил начальство. Министр внутренних дел Протопопов, посоветовавшись с императрицей, нанёс превентивный удар. 27 января рабочая группа ВПК была в полном составе арестована полицией. В ответ на нескольких заводах начались забастовки. Полиция хорошо подготовилась к 14 февраля. У Таврического дворца собралось около 500 человек, но они были вскоре рассеяны. Вечером 14 февраля рабочие и студенты устроили митинг на Невском у Казанского собора, но и он был быстро разогнан.

К 22 февраля забастовки продолжались, но в умеренных масштабах. На улицах Петрограда было спокойно. В Думе ругали царя и министров, но призывов к решительным действиям не было. Вечером 22 февраля Николай II уехал из Царского Села в Ставку в Могилёв. Уже в поезде он прочитал письмо царицы: «...кажется, дела поправляются».

На следующий день, утром 23 февраля, в Петрограде начались уличные беспорядки, но к 22 часам полиция разгоняет демонстрантов. Но на следующий день число демонстраций увеличивается.

Были ли эти демонстрации заранее спланированы. Скорее всего да, тем более что сделать это было проще простого. Власть потеряла всякий авторитет среди населения. Престарелые царские министры растерялись, царица была больше занята своими детьми, дружно заболевшими корью.

У солдат запасных полков беспорядки в столице были единственным шансом на спасение от фронта. Большинство офицеров запасных полков были не кадровые военные, а бывшие гимназисты, инженеры и учителя, мобилизованные в ходе войны. Стрелять в народ никому не хотелось.

23 февраля (8 марта по новому стилю) можно считать первым днём Февральской революции. На улицы вышли десятки тысяч человек: рабочих, студентов, чиновников. В толпе было много женщин и подростков. Народ пел «Марсельезу», слышались крики: «Хлеба да мира», «Долой войну» и т.д. На Невском проспекте произошёл ряд стычек с полицией.

Почти 90 лет историки спорят, были ли демонстрации стихийными. Большевики всегда утверждали, что демонстрации организовывали они. Доказательств никаких, кроме, разумеется, самого железного: «Партия — авангард рабочего класса». И куда же классу переться без «авангарда»?

Ну а если серьёзно? Демонстрации 23 февраля уж слишком

многочисленны, чтобы быть стихийными. Итак, если не большевики, то кто?

К январю 1917 г. масонская группировка стала сомневаться в способности военных самим произвести государственный переворот. Поэтому было решено найти «детонатор» для акции военных. Таким детонатором могли быть «стихийные народные выступления», расстрел их полицией и т. и.

25 февраля не работает большинство заводов. Народ вышел на улицы. Полиция покинула предместье и сосредоточилась в центре города. В центре происходят стычки демонстрантов с полицией. С обеих сторон есть убитые. Солдаты, вызванные на помощь полиции, держатся нейтрально. С негласной санкции офицеров войска исполняют роль статистов на улицах. Большинство солдат относятся сочувственно к демонстрантам.

Вечером 25 февраля царь вновь телеграфирует Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны с Германией и Австрией. Николай».

А после этого царь пошёл в синематограф. Этот последний фильм, который довелось посмотреть царю, носил легкомысленное название «Мадам Дюбарри», но был посвящён французской революции. Интересно, о чём думал Николай, увидев отрекающегося Людовика XVI и работающую гильотину?

А вот запись в царском дневнике от 26 февраля: «В 10 час. пошёл к обеду. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр[уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

В этот день Николай выиграл в домино, но проиграл корону. 26 февраля солдаты Павловского полка присоединились к демонстрантам и открыли огонь по отряду конных городских. За павловцами последовал и ещё ряд частей.

И дело не только в солдатах. Большинство воинских начальников саботируют приказы командующего военным округом Хабалова. Попросил он прислать боеприпасы из Кронштадтской крепости — отказ. Приказал Хабалов вывести броневики на улицы Петрограда, а командир бронедивизии генерал Секретов отказался. Тогда Хабалов решил взять новые и ремонтирующиеся броневики на Путиловском заводе, и там его послали.

Да что броневики! Решил Хабалов отнести в типографию обращение к народу тиражом всего в 1000 экземпляров, но там отказались принять этот

заказ. Кое-как удалось отпечатать в типографии Адмиралтейства. Потом выяснилось, что объявление невозможно расклеить по городу: градоначальник Балк сказал, что у него нет для этого ни людей, ни кистей, ни клея. Тогда Хабалов вызвал двух околоточных и лично приказал им развесить хотя бы несколько листов на решётке Александровского сада. Околоточные пошли выполнять, но к вечеру листки валялись на Адмиралтейской площади перед зданием градоначальства.

Ударная группа под командованием полковника Кутепова двинулась от Дворцовой площади. Но, дойдя до улицы Кирочной, Кутепов обнаружил, что за ним идут лишь несколько офицеров, а отряд «растворился без остатка».

В этот день в Таврическом дворце был сформирован Временный комитет Государственной Думы. Назвать его правительством думцы не рискнули, но фактически комитет исполнял функции правительства. Другой вопрос, что его власть кончалась пока в радиусе двух десятков вёрст от Петрограда.

Николай II назначает генерала Н.И. Иванова главнокомандующим Петроградским военным округом и приказывает ему «водворить полный порядок в столице и её окрестностях». На этот счёт у Николая Иудовича есть богатый опыт. Это он в 1906 г. жестоко подавил Кронштадтское восстание матросов. Генералу даны диктаторские полномочия. Как только он вступит в Петроград, в беспрекословное подчинение ему переходят все министры и другие высшие должностные лица.

По личному повелению Николая в распоряжение Иванова были выделены большие силы. Северным фронтом: полки 67-й Тарутинский и 68-й Бородинский (пехотные), 15-й уланский Татарский и 3-й казачий Уральский казачий. Западным фронтом: полки 34-й Севский и 36-й Орловский (пехотные), 2-й Донской казачий и 2-й гусарский Павлоградский на две батареи артиллерии. Позднее должны были подойти части Юго-Западного фронта. В состав карательных войск царь включил также два батальона георгиевских кавалеров из своей личной охраны в Ставке и несколько артиллерийских подразделений, включая батареи Выборгской крепостной артиллерии. Все эти войска должны были в кратчайший срок сосредоточиться в районе Царского Села и близлежащей станции Александровской с тем, чтобы оттуда вести наступление на столицу.

В ночь с 27 на 28 февраля Николай II перебирается в свой поезд из Могилёвского дворца, а в 5 часов утра царский поезд уходит на Петроград.

Практически все историки сходятся в том, что отъезд из Ставки стал

роковой ошибкой Николая. К 28 февраля почти весь гарнизон Петрограда перешёл на сторону восставших. Войска Иванова ещё не выступили. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять — император с небольшим конвоем немедленно станет пленником восставших. Но сейчас Николай думает не о судьбе империи, не о сохранении самодержавия. Его беспокоит судьба любимой Аликс и детей. Вполне возможно, что заговорщики инспирировали беспокойство царя за семью. А, между прочим, беспокойство царя за семью было не безосновательным.

Царское Село, как уже говорилось, имело мощную охрану на земле и лучшую ПВО в стране. Но утром 1 марта, то есть на следующий день после выезда царя из Могилёва, великий князь Кирилл Владимирович снял свой Гвардейский экипаж с охраны царской семьи и привёл его к Таврическому дворцу. Сам великий князь с большим красным бантом гордо двигался впереди матросов.

За ними на сторону восставших перешли и другие части, охранявшие Царское Село. Они тоже двинулись к Таврическому дворцу. Предоставим слово очевидцу послу Франции Палеологу: «Во главе шли казаки свиты, великолепные всадники, цвет казачества, надменный и привилегированный отбор императорской гвардии. Затем прошёл полк Его величества, Священный легион, формируемый путём отбора из всех гвардейских частей и специально назначенный для охраны особ царя и царицы. Затем прошёл ещё железнодорожный полк Его величества, которому вверено сопровождение императорских поездов и охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкалось императорской дворцовой полицией: отборные телохранители, приставленные к внутренней охране императорских резиденций и принимающие участие в повседневной жизни, в интимной и семейной жизни их властелинов».

Царские поезда (поезд «А» — царский и поезд «Б» — свитский) остановились на станции Малая Вишера. Там офицеры конвоя получили сведения, что следующая станция Тосно занята революционными войсками. Было ли это на самом деле, до сих пор не установлено. Достоверно лишь известно, что с Тосно не было телеграфной связи. Царь приказал ехать в Псков.

В 10 часов вечера 1 марта царский поезд приходит на станцию Псков. К вагону царя идёт командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский. Ступив на подножку, он оборачивается к столпившимся на платформе придворным, прибывшим вместе с царём, и, чуть заметно усмехаясь, говорит: «Господа, придётся, кажется, сдаться на милость победителя».

Рузский заявил царю, что главное — это успешное продолжение войны с Германией. Для этого царю следует пойти на соглашение с Думой и создать ответственное министерство. Николай отмалчивается. Он ждёт вестей от генерала Иванова.

По приказу генерала Рузского царский и свитский поезда загоняют в глухой тупик. Все телеграммы царю первоначально передаются Рузскому, а затем, с разрешения генерала, несут царю. Фактически всё идёт так, как планировалось в железнодорожном варианте переворота ещё в декабре-январе. По иронии судьбы именно 1 марта была последним сроком железнодорожного переворота. Защитить царя буквально некому. Находившийся в царском поезде командир батальона охраны генерал Пожарский собрал в купе своих офицеров и заявил: «Стрелять в народ не будем, даже если прикажет сам император».

Тем временем генерал Алексеев решился на беспрецедентный шаг — устроить «генеральский референдум» об отречении Николая II. 2 марта в 10 ч. 15 мин. командующим фронтами и флотами из Ставки была разослана телеграмма, в которой командующим предлагалось высказаться об отречении Николая II в пользу цесаревича Алексея. При этом Алексеев сам подсказывает ответ: «Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить её от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху».

Если отбросить красивые фразы, то остаётся требование Ставки и командующего Северным фронтом генерала Рузского об отречении. Кто такой Родзянко? Толстый старикашка, о котором забудут через несколько недель. Беспорядки в Петрограде? Это уже серьёзно, но не смертельно. В лагере восставших ужасно боялись войск с фронта. Депутат Думы Бубликов, впоследствии министр путей сообщения во Временном правительстве, написал в мемуарах: «Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Больше того, его можно было усмирить простым перерывом лс.-д. движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. В марте ещё мог вернуться Царь. И это чувствовалось всеми: недаром в Таврическом дворце несколько раз начиналась паника».

Совсем другое дело — мнение Ставки и генерала Рузского. Их

поддерживали сотни тысяч штыков. Через два часа в Псков Николаю II пришли телеграммы от: великого князя Николая Николаевича (Кавказский фронт), генерала Брусилова (Юго-Западный фронт), генерала Эверт (Западный фронт), генерала Сахарова (Румынский фронт), генерала Рузского (Северный фронт), адмирала Непенина (командующего Балтийским флотом). Все они во внешне вежливой, но категоричной по сути форме высказались за немедленное отречение царя в пользу Алексея.

Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак воздержался от посылки телеграммы царю, но поддержал идею отречения.

2 марта в 15 часов Николай II подписал окончательный вариант отречения. Престол должен был принять его брат Михаил.

В воспоминаниях Александра Михайловича о Февральской революции слишком много эмоций, но ни слова правды. Точнее, правдой является первая фраза: «Как бы мне хотелось позабыть этот проклятый февраль 1917 года!»

«Брат Георгий Михайлович приехал в Киев по дороге в Ставку, — пишет далее наш герой. — С самого начала войны он занимал должность Особоуполномоченного государя и имел задачей объезжать фронт и делать донесения об общем положении. Его наблюдения подтвердили мои самые худшие опасения. Армия и заговорщики были готовы, чтобы разрушить империю.

Я ушёл с головою в работу и более уже не обращал ни на что внимания...

...Развязка наступила самым неожиданным образом. Утренние газеты принесли известие о том, что забастовочное движение на заводах в Петрограде, работавших на оборону, разрасталось. Это было ввиду нашего предстоящего наступления очень прискорбно, хотя случалось и раньше. Телеграммы, полученные ночью, говорили о том, что главной причиной забастовок было отсутствие в столичных пекарнях хлеба. Это было неправдой. Из-за беспорядков на наших железных дорогах Петроград действительно испытывал некоторый недостаток в снабжении хлебом, но это никогда не могло иметь своим последствием голод населения. Через час пришло известие о первых столкновениях между толпой и нерешительными солдатами-резервистами. Вот и объяснение: недостаток хлеба в столице должен был явиться сигналом для революционного выступления Государственной Думы.

На следующий день я телеграфировал Ники с предложением прибыть в Ставку и отдать себя в полное его распоряжение. Одновременно я вызвал брата Сергея Михайловича к телефону. Его голос звучал очень озабоченно:

— Дела в Петрограде обстоят всё хуже и хуже, — нервно сказал он. — Столкновения на улицах продолжаются, и можно с минуты на минуту ожидать, что войска перейдут на сторону мятежников.

— Но что же делают части гвардейской кавалерии? Неужели и на них нельзя более положиться?

— Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке в Петроград был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт.

От Ники я получил ответ: “Благодарю. Когда ты будешь нужен, я сообщу. Привет. Ники”...

...В шесть часов утра меня вызвали на главный телеграф для разговора с Сергеем по прямому проводу.

— Ники выехал вчера в Петроград, но железнодорожные служащие, следуя приказу Особого комитета Государственной Думы, задержали императорский поезд на станции Дно и повернули его в направлении к Пскову. Он в поезде совершенно один. Его хочет видеть делегация членов Государственной Думы, чтобы предъявить ультиматум. Петроградские войска присоединились к восставшим.

Он больше ничего не сказал и очень торопился...

...Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне отпечатанный лист. Это был Манифест государя об отречении. Ники отказался расстаться с сыном и отрёкся в пользу Михаила...

...Я оделся и пошёл к Марии Фёдоровне разбить её сердце вестью об отречении сына. Потом мы заказали поезд в Ставку, так как получили известие, что Ники было дано “разрешение” (!) вернуться в Ставку, чтобы проститься со своим штабом.

По приезде в Могилёв поезд наш поставили на “императорскую платформу”, откуда государь обычно отправлялся в столицу. Через минуту к станции подъехал автомобиль. Ники медленно прошёл по платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон матери, и вошёл. Он был бледен, но нечто другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного Манифеста. Государь оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая императрица никогда мне потом не рассказывала, о чём они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Фёдоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги, и, конечно, курил. Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твёрдо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила за то, что тот своим отречением оставил Россию без

императора.

— Миша не должен был этого делать, — наставительно закончил он.
— Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание, исходившее от человека, который только что отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи».

Прекрасный пассаж! Император уступил горсточке солдат и рабочих! А верноподданный Сандро ни о чём не знал, он «с головой» ушёл в дела авиации, и вот что получилось! Естественно, что французы в 1931 г. верили откровениям великого князя, верила и значительная часть эмигрантов, а кто знал правду — помалкивал, не желая новой свары в августейшем семействе.

Глава 23

СТРАСТИ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА

Из Ставки Александр Михайлович и вдовствующая императрица вернулись в Киев. Первую неделю ситуация в городе была относительно спокойной, но уже 20 марта 1917 г. в Киеве собрались представители националистических групп со всей Украины и провозгласили «Украинскую Центральную Раду». Начались беспорядки. Сандро едко высмеивал украинских националистов: «В составе Российской империи Украина процветала, и русские монархи приложили все усилия, чтобы развить её сельское хозяйство и промышленность. 99% населения Украины говорило, читало и писало по-русски, и лишь небольшая группа фанатиков требовала равноправия для украинского языка. Их вышучивали, на них рисовали карикатуры. Жители Кентуккских холмов, которые стали бы требовать, чтобы Луисвилльские учителя употребляли их сленг, казались бы менее нелепыми».

Тем не менее здравый смысл подсказывал великому князю, что из Киева надо уносить ноги, пока ещё не поздно. Он через великую княгиню Ольгу пытался несколько раз убедить семидесятилетнюю вдовствующую императрицу уехать в Крым.

«По всей вероятности, некоторым из наших добрых друзей, — пишет Александр Михайлович, — тронутых нашим положением, удалось повлиять на Временное правительство, и в один прекрасный день к нам явился комиссар и передал приказ отправиться немедленно в Крым. Местный совет всецело одобрил этот план, так как считал, что “пребывание врагов народа так близко от Германского фронта представляет собою большую опасность для революционной России”.

Нам пришлось почти что нести императрицу на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая остаться и заявляя, что предпочитает, чтобы её арестовали и бросили в тюрьму».

23 марта 1917 г. Мария Фёдоровна, Александр Михайлович, Ольга Александровна и её муж ротмистр Куликовский на специальном поезде убыли из Киева. Через два дня великая княгиня Ксения Александровна с детьми и фрейлиной С.Д. Евреиновой в сопровождении нескольких

офицеров на поезде отправились из Петрограда в Крым. Вслед за ними выехали князь и княгиня Юсуповы. Феликс пока остался в Петрограде.

12 апреля, сразу после приезда в Кореиз, Зинаида Николаевна написала сыну письмо про все свои мытарства: «Подъезжая к Синельниково, стали набираться серые шинели во все вагоны нашего поезда, и наш вагон был переполнен. На крыше 16 человек, которые шумели, топотали, орали, как сумасшедшие, на буфетах, в проходах, в коридорах, всё было переполнено, что проводник боялся крушения и ничего поделывать не мог. Так же и на станциях, все молчали и боялись этой дикой орды! — Из купэ нельзя было выходить. Ночью они лежали как мёртвые там и днём прохода не давали, кричали, пели, курили махорку, от которой трудно было дышать! — Когда проводник запер двери на ключ, то они ломали окна и лезли через окно!»^[90]

Княжна не пишет, куда и зачем ехали солдаты. А это были дезертиры с фронта. Сейчас либеральные историки нагло врут, что это большевики разложили армию. Откуда они могли взяться в окопах в конце марта — начале апреля 1917 г.? Между тем Александр Михайлович ещё 6 марта 1917 г. написал жене в Петроград: «Начало разврата в армии положено». Позже он скажет: «К ранней осени [1917 г.] процесс революционного разложения достиг своего апогея. Дивизии, бригады и полки перестали существовать, и толпы грабителей, убийц и дезертиров наводнили тыл».

Так что вопреки басням советских и антисоветских историков большевики не захватывали власть 25 октября 1917 г., а нашли её в большой куче дерьма, отмыли и начали строить новое государство.

Но вернёмся к нашим путешественникам. Из Севастополя, куда пришёл поезд с Александром Михайловичем, Марией Фёдоровной и их спутниками, их доставили на автомобилях в имение Ай-Тодор под конвоем революционных матросов.

Рассказать о жизни в Ай-Тодоре предоставлю Александру Михайловичу, благо, теперь ему нечего скрывать: «По приезде в Ай-Тодор мы получили длинный список того, что мы не должны были делать, от некоего господина, носившего громкий титул “Особый комиссар Временного правительства”».

Мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения, на полтора десятиах между горами и берегом моря. Это условие было довольно приятным. Зато другие...

Охраняющие нас вооружённые моряки, отобранные за свои радикальные взгляды, имели право входить в наши комнаты в любое время

дня и ночи. Без разрешения комиссара мы не могли ни получать, ни отправлять письма и телеграммы. Комиссар присутствовал при всех наших трапезах; рядом с ним находился его переводчик — на тот случай, если мы перейдём в разговоре на иностранные языки. Всех, кто захотел бы нас видеть, обыскивали и при входе, и на выходе.

Каждый день проверялось, сколько мы израсходовали свечей и керосина. Я попытался уверить комиссара, что мы не владеем искусством изготовления бомб!

— Не в том дело, — ответил он, смутившись. — Это для того, чтобы успокоить местный Совет. Они там думают, что вы можете посылать сигналы турецкому флоту.

Какую же свечу надо было иметь, чтобы подавать сигналы кораблям, стоящим в Босфоре, в четырёхстах милях от Крыма! Зато это идиотское объяснение открыло мне глаза на то, сколь неустойчиво положение нашего комиссара.

Он являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета, и обе эти революционные власти находились в постоянной вражде. Матросы не доверяли комиссару, комиссар же с ужасом смотрел на ручные гранаты, заткнутые за пояс революционных матросов. Будучи ранее членом Государственной Думы и происходя из богатой семьи, комиссар Временного правительства надеялся, что революционная буря скоро уляжется, страна заживёт вновь нормальной жизнью и власть останется в руках его единомышленников.

Как все безответственные представители либеральных партий того времени, он попал, так сказать, между двух огней, и его крайняя неискренность не могла ввести циничных матросов в заблуждение. Они не скрывали своего презрения к нему, не слушались его приказаний и даже отказывались вставать при его появлении».

В конце апреля в Ай-Тодор приехал Феликс Юсупов. Одновременно Временное правительство дало санкцию Севастопольскому совету на обыск в великокняжеских имениях на Южном берегу Крыма. На автомобилях и морем на военных транспортах «Дакия» и «Карл» в Ялту прибыли несколько сот человек специальной команды и 250 матросов-черноморцев. Для обыска женщин были привлечены представительницы севастопольского профсоюза дамских служащих. Обыски начались на рассвете 27 апреля.

21 июня 1917 г. вдовствующая императрица написала своему брату в Данию: «На прошлой неделе во время домашнего обыска с нами обращались очень грубо и непристойно. Половина шестого утра: я была

разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату, которая не была заперта. Он заявил, что прибыл из Севастополя от имени правительства, чтобы произвести у меня и в других помещениях обыск. Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать. Когда я начала протестовать, что не могу сделать это в их присутствии, он вызвал отвратительную караульную, которая встала у моей постели. Я была вне себя от гнева и возмущения. Я даже не могла выйти в туалет.. Офицер вернулся, но уже с часовым, двумя рабочими и 10-12 матросами, которые заполнили всю мою сialьшо. Он сел за мой письменный стол и стал брать все: мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы»^[91].

Великая княгиня Ирина в письме к своему дяде великому князю Николаю Михайловичу рассказала об обысках и произволе, чинимых их тюремщиками. Тот по простоте душевной как интеллигент к интеллигенту, как масон высокого градуса к такому же брату пришёл к А.Ф. Керенскому. Увы, результат был совсем противоположный. По приказу министра юстиции Керенского в Ай-Тодоре были проведены новые обыски, а режим арестованных ещё более ужесточён.

В декабре 1917 г. в имение Ай-Тодор прибыл представитель Севастопольского совета прапорщик Задорожный. Он объявил Александру Михайловичу, что «по стратегическим соображениям» узники Ай-Тодора будут переведены в соседнее имение Дюльбер, принадлежавшее великому князю Петру Николаевичу. Великий князь попробовал пошутить:

— Какие могут быть «стратегические соображения»? Разве ожидается турецкий десант?

Задорожный усмехнулся:

— Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский совет попытается захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его высокими стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор, — здесь местность открыта со всех сторон.

Задорожный достал план Дюльбера, на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулемётов. Сандро никогда и не задумывался над тем, как много преимуществ с чисто военной точки зрения имеет прекрасная вилла великого князя Петра Николаевича.

В 1897 г. архитектор П.Н. Краснов закончил строительство дворцового комплекса «Дюльбер», что в переводе с арабского значит «прекрасный».

Осмотрев дворец, братья Михайловичи смеялись над чрезмерной высотой толстых стен и высказывали предположение, что Пётр Николаевич, вероятно, собирается начать жизнь «Синей Бороды». В ответ он отшучивался:

— Нельзя никогда знать, что готовит нам грядущее.

Александр Михайлович вспоминал: «События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений новых тюремщиков. Каждую вторую неделю Ялтинский совет посылал своих представителей в Дюльбер, чтобы вести переговоры с нашими неожиданными защитниками.

Тяжёлые подводы, нагруженные солдатами и пулемётами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров росту, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было положено не выходить из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даём пять минут на размышление.

— Пошёл к чёрту Ялтинский совет! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

— Сколько вам заплатили эти аристократишки, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Председатель Ялтинского совета донесёт о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

— Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключённых. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я сам старый большевик. Я уже был в партии, ещё когда вы сидели в тюрьме за кражу.

— Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

— Убирайтесь к чёрту!..

...Каждый вечер, перед тем как идти ко сну, я полушутя задавал Задорожному один и тот же вопрос: “Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?” Его обычное обещание не принимать никаких “решительных мер” до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало.

По-видимому, моя доверчивость ему нравилась, и он спрашивал у меня часто совета в самых секретных делах. В дополнение к возведённым укрытиям для пулемётов я помог ему возвести ещё несколько укреплений

вокруг нашего дома, а по вечерам редактировал его рапорты Севастопольскому совету о поведении бывших великих князей и их семейств.

Однажды он явился ко мне по очень деликатному вопросу:

— Послушайте, — неловко начал он, — товарищи в Севастополе боятся, что контрреволюционные генералы пошлют за вами подводную лодку.

— Что за глупости, Задорожный. Вы же служили во флоте и отлично понимаете, что подводная лодка здесь пристать не может. Обратите внимание на скалистый берег, на приливы и глубину бухты. Подводная лодка могла бы пристать в Ялте или в Севастополе, но не в Дюльбере.

— Я им обо всём этом говорил, но что они понимают в подводных лодках! Они посылают сегодня сюда два прожектора, но вся беда заключается в том, что никто из здешних товарищей не умеет с ними обращаться. Не поможете ли вы нам?

Я с готовностью согласился помогать им в борьбе с мифической подводной лодкой, которая должна была нас спасти. Моя семья терялась в догадках по поводу нашего мирного сотрудничества с Задорожным. Когда прожекторы были установлены, мы пригласили всех полюбоваться их действием. Моя жена решила, что Задорожный, вероятно, потребует, чтобы я помог нашему караулу зарядить винтовки перед нашим расстрелом».

Узники Дюльбера практически не получали информации извне. Поэтому Александр Михайлович считал, что от ялтинских комитетчиков их спасло появление немцев. На самом же деле 20-30 апреля на Южном берегу Крыма шли ожесточённые бои между татарами, с одной стороны, и матросами и красногвардейцами, с другой. А 30 апреля 1918 г. в Севастополь вошли германские войска.

1 мая в 6 часов утра в Дюльбере зазвонил телефон. Александр Михайлович услышал громкий голос Задорожного, который взволнованно говорил: «Да, да... Я сделаю, как вы прикажете...».

Задорожный вышел на веранду, впервые за пять месяцев он выглядел растерянным.

— Ваше императорское высочество! — сказал он, опустив глаза. — Немецкий генерал прибудет сюда через час.

— Немецкий генерал? Вы с ума сошли, Задорожный. Что с вами случилось?

— Пока ещё ничего, — ответил он. — Но боюсь, что случится, если вы не примете меня под свою защиту.

— Как могу я вас защищать? Я вами арестован.

— Вы свободны. Два часа тому назад немцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повесить, если с вами что-нибудь случится.

Ксения Александровна, присутствовавшая при разговоре, удивлённо смотрела на Задорожного в полной уверенности, что тот сошёл с ума.

— Слушайте, Задорожный, не говорите глупостей! — возмутился наш герой. — Немцы находятся ещё в тысяче вёрст от Крыма!

— Мне удалось сохранить в тайне от вас передвижение немецких войск. Немцы захватили Киев ещё в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток от двадцати до тридцати вёрст. Но, ради Бога, Ваше императорское высочество, не забывайте, что я не причинил вам никаких ненужных страданий! Я исполнял только приказы!

Александр Михайлович с удивлением наблюдал, как этот двухметровый великан дрожал, зная о приближении немцев, и молил о пощаде. Великому князю стало жаль его, и он, похлопывая Задорожного по плечу, сказал:

— Не волнуйтесь. Вы очень хорошо относились ко мне. Я против вас ничего не имею.

— А их высочества великий князь Николай и Пётр Николаевич? — растерянно пробубнил Задорожный.

Александр Николаевич и Ксения не смогли сдержать смеха, а затем Ксения успокоила Задорожного и пообещала, что ни один из старших великих князей не будет жаловаться на него немцам.

Ровно в 7 часов утра в Дюльбер прибыл немецкий генерал. Немец держался вежливо и предупредительно. Тем не менее императрица Мария Фёдоровна отказалась его принять. Переговоры вёл великий князь Александр Михайлович. Для начала Сандро предложил оставить весь отряд революционных матросов во главе с Задорожным для охраны Дюльбера и Ай-Тодора. Немецкий генерал, вероятно, решил, что великий князь сошёл с ума.

— Но ведь это же совершенно невозможно! — воскликнул он по-немецки, возмущённой этой нелогичностью.

Ведь, по мнению генерала, император Вильгельм II и племянник Александра Михайловича кронпринц никогда не простят ему, если он разрешит оставить на свободе и около родственников русского императора этих «ужасных убийц». И Александр Михайлович вынужден был дать слово генералу, что обязательно напишет об этом его начальству и что он берёт всецело под свою ответственность эту «безумную идею».

После этого императрица Мария Фёдоровна с дочерью великой

княгиней Ольгой Александровной, её мужем и недавно родившимся внуком переехали в Харакс, а Александр Михайлович с семьёй вернулись в своё имение Ай-Тодор. Великий князь Николай Николаевич с женой поселились в Кичкине.

В течение почти полугодовой германской оккупации Крыма ни великий князь Николай Николаевич, ни Мария Фёдоровна так и не пожелали принять представителей германского командования. Немцы быстро раскусили незатейливую хитрость Романовых и соблюдали правила игры.

15 ноября 1918 г. германские войска начали эвакуацию Севастополя. Пребывание в Крыму разложило германские войска. Князь В.А. Оболенский писал, что германцы вступили в Севастополь церемониальным маршем, а уходили, «лузгая семечки».

Свято место пусто не бывает, и уже 23 ноября в виду Севастополя показался флот Антанты, куда входили британские, французские и итальянские корабли.

Британский адмирал Кэльторп предложил от имени короля Георга V и его матери королевы Александры, родной сестры Марии Фёдоровны, всему семейству Романовых переехать в Англию. Мария Фёдоровна отказалась, что же касается нашего героя, то, желая увидеть глав союзных правительств, собравшихся тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, он обратился к адмиралу Кэльторпу с письмом, в котором просил оказать содействие его отъезду из Крыма до отъезда его семьи.

Английский миноносец доставил великого князя и его старшего сына Андрея из Ялты в Севастополь. «Странно было видеть севастопольский рейд, пестревший американскими, английскими, французскими и итальянскими флагами, — пишет наш герой. — Я напрасно искал среди этой массы флагов русский флаг или же русское военное судно».

Дело в том, что бравые союзники вовсе не собирались помогать белым в борьбе с «кровожадными большевиками». Наоборот, они воспрепятствовали белым офицерам захватить корабли Черноморского флота, стоявшие в Севастополе. Наоборот, когда в апреле 1919 г. части Красной Армии приблизятся к Севастополю, англичане угонят наиболее боеспособные русские корабли в Турцию, подводные лодки затопят недалеко от Севастополя, а на старых броненосцах взорвут машины. Город, порт и крепость Севастополь будут обчищены интервентами до нитки.

Но всего этого Сандро не увидит. 11 декабря г. на британском крейсере «Форсайт» великий князь навсегда покинет Россию. Замечу, что в

воспоминаниях наш герой лукавит даже в мелочах: «Мы [он и британский командующий флотом] условились, что я покину Россию... на корабле его величества “Форсайт”». На самом же деле «Форсайт» был старым (постройки 1903-1905 гг.) маленьким судном, полным водоизмещением 2860 тонн и относившимся скорее к классу эсминцев, нежели крейсеров.

Остававшиеся на южном берегу Крыма Романовы и Юсуповы продолжали жить в своих имениях до апреля 1919 г. Подробности их жизни выходят за рамки повествования, поскольку их пути теперь окончательно разошлись с нашим героем. Я лишь приведу запись из дневника Зинаиды Юсуповой от 17 января 1919 г.: «В газетах пишут о скором освобождении Петрограда эстляндскими и финляндскими войсками. Дай-то Бог!»^[92].

Нечаянная радость великой патриотки — чухонцы берут Петроград! Думаю, она бы ещё больше обрадовалась, узнав, что за взятие Петрограда генерал Юденич — «борец за единую и неделимую» — пообещал своему старому знакомому генералу Маннергейму Кольский полуостров и Восточную Карелию.

Но, увы, увы... Петроград не пал, зато красные вошли в Крым.

По приказу короля линкор «Мальборо» бросил якорь на внешнем рейде Ялты. На борт дредноута поднялись императрица Мария Фёдоровна, Ксения Александровна с младшими детьми, великий князь Николай Николаевич, Феликс Юсупов с женой и родителями, а также несколько их придворных.

Утром 28 марта (11 апреля) 1919 г. «Мальборо» поднял якорь и направился к Босфору. Старая императрица молча стояла на корме корабля, и из её глаз текли слёзы. Ни она, ни её спутники больше никогда не увидят Россию.

Глава 24

НА ЧУЖБИНЕ

С марта 1917 г. по декабрь 1918 г. Александр Михайлович был изолирован от политической жизни, но в заточении он по-прежнему считал себя великим князем и одним из властителей России. Оказавшись в январе 1919 г. в Париже, он быстро осознал, что теперь никому не нужен.

Александр Михайлович больше всего надеялся на переговоры с председателем Парижской мирной конференции французским премьер-министром Жоржем Клемансо. Молено было думать, что «всем известный цинизм этого старца поможет ему разобраться и найти верный путь среди того потока красноречия и идиотских теорий, которые владели тогда умами. Великому князю не хотелось верить, что Клемансо не поймёт той мировой опасности, которая заключалась в большевизме». Увы, Клемансо не пожелал лично встретиться с русским великим князем, и нашему герою пришлось довольствоваться беседой с его секретарём.

— Господин председатель мирной конференции очень хотел бы поговорить с вами, — обратился к Александру Михайловичу личный секретарь Клемансо.

— Каковы планы господина Клемансо относительно бывшего союзника Франции? — спросил великий князь, едва сдерживая себя.

Секретарь любезно улыбнулся. Он был рад случаю представлять главу французского правительства. Он начал говорить с большим жаром, говорил долго, и великий князь не прерывал его.

— При существующей обстановке Франция должна думать о своём будущем. Наш долг перед нашими детьми — предвидеть возможность реванша со стороны Германии. Поэтому мы должны создать на восточной границе Германии ряд государственных новообразований, которые в совокупности составят достаточно внушительную силу, чтобы исполнить в будущем роль, которую ранее играла Россия.

— Однако вы мне ещё не сказали о том, что предполагает французское правительство предпринять в отношении большевиков? — возразил Александр Михайлович.

— Это очень просто, — продолжал молодой дипломат, пожимая плечами. — Большевизм — это болезнь побеждённых наций. Господин

Клемансо подверг русскую проблему всестороннему изучению. Самой разумной мерой было бы объявление блокады советскому правительству.

— Чего?! — удивился великий князь.

— Блокады санитарного кордона, как его называет господин Клемансо. Подобная блокада парализовала Германию во время войны. Советское правительство не сможет ни ввозить, ни вывозить. Вокруг России будет воздвигнуто как бы колоссальное проволочное ограждение. Через короткое время большевики начнут задыхаться, сдадутся, и законное правительство будет восстановлено.

— Разве ваш шеф примет на себя ответственность за те страдания, которым подобный метод подвергает миллионы русских людей? Разве он не понимает, что миллионы русских детей будут от такой системы голодать?

Лицо секретаря исказила неприятная гримаса:

— Идя этим путём, Ваше императорское высочество, русский народ получит повод, чтобы восстать.

— Вы, молодой человек, ошибаетесь. Я уверен, что ваша блокада явится только орудием для пропаганды большевизма и объединит население России вокруг Московского режима. Это и не может быть иначе. Поставьте себя на место среднего русского обывателя, ничего не понимающего в политике, который узнает, что Франция является виновницей голода в России. Как я ни уважаю авторитет господина Клемансо, я считаю эту идею и нелепой, и крайне опасной.

— Что же вы предлагаете?

— То же, что я предложил французскому высшему командованию на Ближнем Востоке. Не нужно кровопролития. Не нужно блокады. Сделайте то, что так блестяще удалось немцам прошлым летом в Юго-Западной России. Пошлите в Россию армию, которая объявит, что она несёт мир, порядок и возможность устройства свободных выборов.

— Наше правительство не может рисковать жизнью французских солдат после подписания перемирия.

На этом беседа была закончена.

27 января 1919 г. Александр Михайлович отправил письмо президенту США Вудро Вильсону с просьбой о встрече. Через два дня он получит ответ от секретаря президента, где говорится, что от действий «подобного рода» президенту приходится воздерживаться.

Что же касается британских властей, то они попросту отказали в визе великому князю Александру Михайловичу.

Мало того, все белые генералы, включая Колчака, Юденича и

Деникина, не захотели брать на службу представителей семейства Романовых и далее их близких родственников — герцогов Лехтенбергских и других.

Англия, Франция, США, Япония и другие страны вмешивались в Гражданскую войну в России не для поддержки белого движения, а исключительно в национальных интересах.

Александра Михайловича в Париже уже никто не рассматривал как политическую фигуру, но у него было множество знакомств в военных кругах, в обществе и, разумеется, среди братьев масонов. Он быстро понял, что всерьёз с большевиками воевать никто не хочет, а восстанавливать единую и неделимую — и подавно! Победители создали против России санитарный кордон из новосозданных государств-лимитрофов^[93].

Победители в Версале делили земли Восточной Европы по глобусу. Не брались в счёт ни история, ни география, ни тем более воля народов. Так, в Польском государстве оказалось 40% неполяков, само существование которых польское правительство игнорировало. Мудрый Ллойд Джордж сказал о Польше: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию». Но, увы, Клемансо закусил удила. В итоге Версальский договор превратил мир в перемирие. Ленин пророчески заметил: «Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран»^[94].

Уже в Париже Александр Михайлович узнал о гибели трёх своих братьев. Великий князь Сергей был убит 18 июля 1918 г. в Алапаевске, а Николай и Георгий были расстреляны 28 января 1919 г. в Петропавловской крепости. Всего во время Гражданской войны было убито семнадцать Романовых из шестидесяти пяти, перечисленных в придворном календаре на 1917 год.

Все оставшиеся в живых Романовы осели в Европе. Первой их заботой стало добыть деньги для своего безбедного существования. Увы, ни одна европейская страна не захотела содержать семейство Романовых. Исключение было сделано лишь для императрицы Марии Фёдоровны. Она прожила некоторое время в Англии, но вскоре поссорилась со своей сестрой Александрой и перебралась на родину в Копенгаген к племяннику королю Кристиану X.

Король поселил тётю во флигеле королевского дворца Лмалиенборг. К сожалению, старушка давно забыла отечественные традиции. Кристиану X постоянно приходилось напоминать ей о датской бережливости и аккуратности. Как писал Стеффан Скотт: «Однажды вечером к ней явился

слуги с настойчивой просьбой короля погасить часть ламп, поскольку последний счёт за электричество оказался слишком высок.

Последовавшая сцена сделала бы честь Гомеру, хотя и протекала в датско-русском фарсовом духе. В присутствии несчастного королевского слуги Мария Фёдоровна послала за собственным камердинером и велела зажечь все лампы во флигеле, от подвала до чердака.

Придирки короля продолжались и далеко не всегда получали столь величественную развязку, как в ту ночь, когда во флигеле Амалиенборга в пику датскому королю горели все огни. Под конец в дело вмешался другой племянник, английской король Георг V, он выделил тётушке ежегодную пенсию в десять тысяч фунтов стерлингов. К превеликой радости датского короля, она тут же перебралась из Амалиенборга в небольшой дворец Видёре, принадлежавший ей и её двум сёстрам. Он расположен на берегу моря в десяти километрах к северу от центра Копенгагена, неподалёку от ипподрома Клампиборг»^[95].

Вместе с Марией Фёдоровной жила её дочь Ольга с мужем Куликовским. После смерти вдовствующей императрицы в 1928 г. Куликовский стал заведовать конюшней у датского бизнесмена. В годы оккупации 1939-1945 гг. Ольга и Куликовский были тесно связаны с власовцами и с хиви (Hiwis) — русскими добровольцами, служившими в германских частях.

После освобождения Дании у четы Куликовских, естественно, возникли трения с местным населением, и они отправились в Канаду.

В 1921 г. в Каннах состоялся брак великого князя Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской. Его брат Кирилл присвоил по сему случаю Матильде титул княгини Красинской. Он мог, конечно, присвоить и любой другой титул — герцогини Стрельнинской или маркизы Урюпинской — бумага всё стерпит! Тогда же выяснилось, что сын Кшесинской Владимир, оказывается, прижит ею не от великого князя Сергея Михайловича (какой толк от покойника!), а от великого князя Андрея Владимировича.

Великий князь Кирилл Владимирович бежал из России ещё в апреле 1917 г., то есть при Временном правительстве. Он жил в Финляндии, Швейцарии, а с апреля 1921 г. в Каннах.

26 июля (8 августа) 1922 г. Кирилл Владимирович объявил себя Блестителем Императорского престола, а 31 августа (13 сентября) 1924 г. — Императором Всероссийским.

Решение Кирилла раскололо семейство Романовых на две половины. Вдовствующая императрица и Николай Николаевич выступили

категорически против кандидатуры Кирилла. Замечу, что нынешние историки утверждают, что позиция императрицы связана лишь с её верой в чудесное спасение сына Николая. На самом деле в письме к великому князю Николаю Николаевичу она утверждала: «Если Господу Богу... угодно было призвать к Себе моих любимых сыновей и внука, то я полагаю, что Государь Император будет указан нашими основными законами в союзе с Церковью Православной, совместно с Русским народом».

Примерно так же высказался и Феликс Юсупов-младший: «Если быть в России монархии с сохранением той же династии, то Собор скорее всего и выберет в младшем поколении Романовых достойнейшего».

29 ноября 1923 г. Александр Михайлович отправил письмо в редакцию парижского отдела газеты «Нью-Йорк Геральд». Письмо это крайне сумбурное и противоречивое, и его можно трактовать вкривь и вкось. С одной стороны: «Когда Русский народ придёт к глубокому убеждению, что продление большевистского владычества равносильно постоянному рабству и нескончаемому горю, он должен будет сам свергнуть эту власть и решить, какой ему нужен государственный строй». С другой стороны: «Российские основные Законы с полной ясностью указывают, что право на Престол принадлежит Старшему Члену Нашей Семьи, каковым является в настоящее время Великий Князь Кирилл Владимирович».

А если русский народ решит, что ему нужен не Кирилл, а другой царь? Кстати, во многих современных монархических изданиях приводится десяток причин, по которым Кирилл утратил своё право на престол.

В письме Александра Михайловича легко проследить эволюцию его взглядов на борьбу с большевиками. Если в 1919 г. он оготело требовал интервенции в Советскую Россию, то в 1923 г. писал: «Какая-либо интервенция другой страны, Франции ли, Германии ли, или какой-либо иной страны, безусловно, недопустима. Когда настанет время, то русский народ, возмужалый и объединённый, сам найдёт пути для устранения нового строя...

...Я лично безусловный противник кровавой контрреволюции. Воскрешение России должно осуществиться как результат возрождения народа на основах чистого Христианства и в духе всепрощения».

Кандидатов на российский престол было более чем достаточно. Довольно большая партия эмигрантов сплотилась вокруг великого князя Дмитрия Павловича, самого законного, но их мнению, претендента.

Великий князь Николай Николаевич был весьма популярен среди военных, и они желали видеть на престоле именно его. Возможно, именно Николай Николаевич и стал бы «императором», если бы не его возраст

(годы жизни 1856-1929), слабое здоровье и отсутствие детей.

А вот как описал эту «избирательную кампанию» наш герой: «Поскольку Советский Союз вступил в шестой год своего существования, эта трёхсторонняя схватка представлялась по меньшей мере преждевременной, и всё же была со всей серьёзностью воспринята многочисленными русскими беженцами. Они носились, объединялись, интриговали. И как истинные русские, заговаривали друг друга до отупения. Оборванные и бледные, они собирались на монархические сходки в душных, прокуренных залах Парижа, где чуть не до рассвета выдающиеся ораторы обсуждали достоинства троих великих князей.

Одни слушали пространные цитаты из Основных Законов Российской империи, подтверждающие неотъемлемые права Кирилла; их зачитывал какой-то престарелый сановник, облачённый в длиннополый сюртук и похожий на поставленный стоймя труп, который поддерживали сзади невидимые руки. Другие слушали разодетого генерал-майора, кричавшего, что «огромные массы населения России» желают видеть Николая, бывшего Верховного Главнокомандующего русской армией, на троне его предков. Третьи млели от сладкоречивого московского адвоката, который защищал права юного Дмитрия столь проникновенно, что наверняка вышиб бы из присяжных слезу. И всё это происходило в двух шагах от Больших Бульваров, где толпы жизнерадостных парижан пробавлялись лёгкими и крепкими напитками, совершенно позабыв о важности выборов самодержца всея Руси.

Поскольку мои политические взгляды были хорошо известны русским монархистам и явно ими не разделялись, ни разу за время той жаркой кампании моё имя не было произнесено даже шёпотом. Но однажды тихим декабрьским утром я проснулся и обнаружил, что мой сын Никита должным образом избран царём на собрании «отколовшейся» фракции роялистов. Эта новость огорчила меня. Я горячо запротестовал. То, что начиналось как невинное времяпровождение, явно принимало масштабы трагического и сомнительного фарса. Каким образом решали вопросы личного обустройства мои кузены и племянники, меня совершенно не касалось, но своего мальчика я хотел уберечь от удела всеобщего посмешища. Он работал в банке, был счастлив в браке с подружкой своего детства графиней Воронцовой и не имел ни малейшего желания состязаться с великим князем Кириллом».

Как видим, ситуация в Париже 1922-1925 гг. ненамного отличалась от противостояния лысого и лохматого императоров в кинофильме «Корона Российской империи».

В конце 20-х гг. Александр Михайлович уже здраво оценивает ситуацию в России. И тут надо отдать должное его аналитическому уму. Ведь 99,9% эмигрантов, ранее принадлежавших к сливкам общества, по-прежнему испытывали зоологическую ненависть к СССР.

Маленькая иллюстрация: я, работая над книгой, просмотрел в спецхране «Ленинки» подшивку за 1930-1933 гг. номеров белоэмигрантского военного журнала «Часовой». Впечатление такое, что этот журнал издавался не в Париже, спустя 10-12 лет после окончания Гражданской войны, а где-нибудь в Северной Таврии в начале 1920 г. Вот-вот, мол, пойдём в новый поход, большевики падут со дня на день. В каждом номере письма «оттуда», причём, в большинстве своём от красных командиров. Им давно осточертели большевики, они составляют заговоры и лишь ждут сигнала «из-за бугра», чтобы начать всеобщее восстание. Нетрудно догадаться, что «Часовой» достаточно внимательно читали на Лубянке. Так что репрессии против командного состава Красной Армии в чём-то и на совести господ эмигрантов.

Любопытная деталь, в 1933 г. в «Часовом» были помещены выдержки из берлинской газеты с описанием военных приготовлений большевиков в Приморье, в частности во Владивосток по железной дороге были доставлены подводные лодки и торпедные катера, существенно увеличена дальность стрельбы береговой артиллерии. Тут меня поразила идеальная осведомлённость немцев: они точно указали число катеров и лодок и время их прибытия, а также дальность стрельбы новых советских снарядов образца 1928 г. А с другой стороны — сарказм редакторов «Часового» по поводу глупых «колбасников», клюнувших на пропаганду большевиков.

В эмиграции писатель Аркадий Аверченко с умилением вспоминал даже царских жандармов, приходивших штрафовать или арестовывать его за антиправительственные фельетоны.

Так говорили и мыслили подавляющее большинство аристократов, генералов и офицеров, оказавшихся в эмиграции. Лишь единицы действовали иначе: генерал Я.А. Слащёв вернулся в СССР в 1921 г., граф А.П. Толстой — в 1923 г., граф А.А. Игнатъев, бывший военный агент во Франции, заблокировал от притязаний эмигрантов 225 млн рублей золотом, принадлежавших России и хранившихся в парижских банках. Генерал Н.В. Скоблин стал советским разведчиком и участвовал в похищении генерала Миллера.

Что же касается Александра Михайловича, то он в воспоминаниях отлично показал эволюцию своих взглядов: «Мне пришло в голову, что хотя я и не большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и

знакомыми и безоглядно клеймить всё, что делается Советами только потому, что это делается Советами. Никто не спорит, они убили трёх моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников.

Некогда я ненавидел их, и руки у меня чесались добраться до Ленина или Троцкого, но тут я стал узнавать то об одном, то о другом конструктивном шаге московского правительства и ловил себя на том, что шепчу: “Браво!”. Как все те христиане, что “ни холодны, ни горячи”, я не знал иного способа излечиться от ненависти, кроме как потопить её в другой, ещё более жгучей. Предмет последней мне предложили поляки.

Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от её западных рубежей!”. Я не осмелился выразаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной Армии победы.

Не важно, что я был великий князь. Я был русский офицер, давший клятву защищать Отечество от его врагов. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки ещё раз посмеют нарушить единство его империи. Неожиданно на ум пришла фраза того же самого моего предка семидесятидвухлетней давности. Прямо на донесении о “возмутительных действиях” бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повёл толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I написал аршинными буквами: “Ура нашим артиллеристам!”.

Сходство моей и его реакции поразило меня.

То же самое я чувствовал, когда красный командир Будённый разбил легионы Пилсудского и гнал его до самой Варшавы. На сей раз комплименты адресовывались русским кавалеристам, но в остальном мало что изменилось со времён моего деда.

— Но вы, кажется, забываете, — возразил мой верный секретарь, — что, помимо прочего, победа Будённого означает конец надеждам Белой Армии в Крыму.

Справедливое его замечание не поколебало моих убеждений. Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало всё, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось

иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остаётся то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что ещё мои сыновья увидят тот день, когда придёт конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польней будут Россией отвоёваны, а картографам придётся немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке...

...Я спрашивал себя со всей серьёзностью, какой можно было ожидать от человека, лишённого значительного состояния и ставшего свидетелем уничтожения большинства собратьев: “Могу ли я, продукт империи, человек, воспитанный в вере в непогрешимость государства, по-прежнему осуждать нынешний правителей России?”

Ответ был и “да” и “нет”. Господин Александр Романов кричал “да”. Великий князь Александр говорил “нет”. Первому было, очевидно, горько. Он обожал свои цветущие владения в Крыму и на Кавказе. Ему безумно хотелось ещё раз войти в кабинет в своём дворце в С.-Петербурге, где несчётные книжные полки ломались от переплетённых в кожу томов по истории мореплавания и где он мог заполнить вечер приключениями, лелея древнегреческие монеты и вспоминая о тех годах, что ушли у него на их поиски.

К счастью для великого князя, его всегда отделяла от господина Романова некая грань. Владелец громкого титула... попросту обязан был положиться на свою коллекцию традиций, банальных по сути, но удивительно действенных при принятии решения. Верность родине. Пример предков. Советы равных. Оставаться верным России и следовать примеру предков Романовых, которые никогда не мнили себя больше своей империи, означало допустить, что Советскому правительству следует помогать, не препятствовать его экспериментам и желать успеха в том, в чём Романовы потерпели неудачу.

Оставались ещё советы равных. За одним-единственным исключением, они все считали меня сумасшедшим. Как это ни покажется невероятным, я нашёл понимание и поддержку в лице одного европейского монарха, известного проницательностью своих суждений.

— Окажись вы в моём положении, — спросил я его напрямик, — позволили ли бы вы своей личной обиде и жажде мщения заслонить заботу

о будущем вашей страны?

Вопрос заинтересовал его. Он всё серьёзно взвесил и предложил мне перефразировать вопрос.

— Давайте выразим это иначе, — сказал он, словно обращался к совету министров. — Что гуще: кровь или то, что я назвал бы “имперской субстанцией”. Что дороже: жизнь ваших родственников или дальнейшее воплощение имперской идеи? Мой вопрос — это ответ на ваш. Если то, что вы любили в России, сводилось единственно к вашей семье, то вы никогда не сможете простить Советы. Но если вам суждено прожить свою жизнь, подобно мне желая сохранения империи, будь то под нынешним знаменем или под красным флагом победившей революции — то зачем колебаться? Почему не найти в себе достаточно мужества и не признать достижения тех, кто сменил вас?».

Александр Михайлович так и не раскрыл имя своего августейшего собеседника. Но я уверен, что речь шла о принце Уэльском Альберте Эдварде. Если бы он жил сейчас, то наши либералы окрестили бы его «красно-коричневым принцем». На престол под именем Эдуарда VIII он вступит ровно через три года после смерти нашего героя. Он во многом был похож на Александра Михайловича, его жизнеописание ещё ждёт своих исследователей.

В эмиграции Александр Михайлович жил продажей своей большой коллекции античных монет и многих других драгоценностей. Кроме того, довольно много давали лекции во время его поездок в США. Там с удовольствием принимали настоящего великого князя. Десятки других Лжемихаилов, Лжеанastasий, Лжеалексеев и т.д. успели изрядно поднадоесть янки.

Во время последнего визита в 1930 г. Александр Михайлович поразил американцев. Как он писал: «Ещё более жаркие дебаты ожидали меня в Клубе Армии и Флота. Его руководство считало само собой разумеющимся, что я буду проклинать Советскую Россию и предскажу неминуемый крах пятилетнему плану. От этого я отказался. Ничто не претит мне больше, нежели тот спектакль, когда русский изгнанник даёт жажде возмездия заглушить свою национальную гордость. В беседе с членами Клуба Армии и Флота я дал понять, что я прежде всего русский и лишь потом великий князь. Я, как мог, описал им неограниченные ресурсы России и сказал, что не сомневаюсь в успешном выполнении пятилетки.

— На это может уйти, — добавил я, — ещё год-другой, но если говорить о будущем, то этот план не просто будет выполнен — за ним должен последовать новый план, возможно, десятилетний или даже

пятнадцатилетний. Россия больше никогда не опустится до положения мирового отстойника. Ни один царь никогда не смог бы претворить в жизнь столь грандиозную программу, потому что его действия сковывали слишком многие принципы, дипломатические и прочие. Нынешние правители России — реалисты. Они беспринципны — в том смысле, в каком был беспринципен Пётр Великий. Они так же беспринципны, как ваши железнодорожные короли иол века назад или ваши банкиры сегодня, с той единственной разницей, что в их случае мы имеем дело с большей человеческой честностью и бескорыстием».

ЭПИЛОГ

Н вот великий князь снова в Европе, в Монте-Карло. Он один сидит в опустевшем кафе. Перед ним бутылка поддельного коньяка «Наполеон»: «Скрипач закончил играть. Все уже ушли. Я один. Я не досаую на себя за размышления о том, что принадлежит далёкому прошлому... Очень скоро и мне придётся уйти. Я повидал на своём веку столько войн, что потерял способность отличить “героизм” от “трусости”. Тот, кто пытается быть кем-то другим вместо того, чтобы идти через раскрытые двери — герой он или же трус? Уверен, что не знаю. Однако я знаю, что самые сильные переживания и самые увлекательные приключения в моей жизни казались мне поначалу такой рутинной, таким невезением.

Если я сейчас встану и пойду по улице к железнодорожной насыпи, я, несомненно, припомню многих других, кого уже нет, кого я провожал и встречал когда-то на вокзале Монте-Карло. Отца. Братьев. Сестру. Короля Эдуарда. Когда они были живы, я завидовал им. Теперь мне их жаль. Им так и не представилась возможность испытать то, что испытал я, и взглянуть на себя со стороны...

...Смеркается. Автомобили, проезжающие перед входом в казино, включают фары. У рулетки меня ждут знакомые, но я устал от прошлого, и мне претит встречаться с призраками казино. Это скверные, второсортные призраки. Они говорят с акцентом бессильной ненависти и мелочной жадности. В своих прежних инкарнациях они, наверное, были политиками. Их стоило давным-давно похоронить».

В начале января 1933 г. здоровье великого князя резко ухудшилось. Тогда он жил в маленьком городке Ментона на Лазурном Берегу. Там, на вилле Сен-Терез, в нескольких километрах от итальянской границы, жила его верная подруга по Киеву Ольга Васильева. Теперь она вышла замуж за капитана Николая Чирикова. Ольга и её муж ухаживали за больным. Приехавшая вскоре Ирина Юсупова не отходила от отца. 26 февраля 1933 г. великий князь Александр Михайлович скончался.

Похороны великого князя были скромными. На них приехали зять Феликс Юсупов и сыновья. Жены не было. Великая княгиня Ксения

Александровна прожила ещё 27 лет и умерла в апреле 1960 г. в Англии. Однако согласно завещанию тело её было перевезено во Францию на Лазурный Берег и погребено рядом с мужем.

Шестеро сыновей Александра Михайловича надолго пережили отца. Старший сын Андрей был женат дважды. Его первая жена, Елизавета Фабрициевная, донья Элизабета Сассо-Руффо, погибла во время бомбёжки в 1940 г. в доме Ксении Александровны на Хэмптон-корт. У них было трое детей: Ксения, Михаил и Андрей. Андрей Александрович вторично женился на дочери английского полковника, по материнской линии финно-шведского происхождения, он неё имел дочь Ольгу. Умер он в 1981 г.

Князь Фёдор Александрович женился на мorganатической дочери великого князя Павла Александровича Ирине, а в 1936 г. разошёлся с ней. Он, несмотря на слабое здоровье, дожил почти до семидесяти лет и умер в 1968 г. Фёдор подолгу жил у сестры Ирины и её мужа Феликса Юсупова. У него был сын Михаил.

Князь Никита Александрович женился на Марии Воронцовой-Дашковой, представительнице знаменитого русского дворянского рода. Он служил в банках и конторах, затем преподавал русский язык в частях американской армии в Монтерее, штат Калифорния. У него было двое сыновей — Никита и Александр. Умер Никита Александрович в Каннах в 1974 г.

Князь Дмитрий Александрович одно время занимался виноделием, был секретарём фешенебельного лондонского клуба «Трэвеллерз». В годы Второй мировой войны Дмитрий служил в английском флоте и участвовал в эвакуации английских войск из Дюнкерка. Он женился на Марине Голенищевой-Кутузовой, с которой развёлся в 1947 г. У них была дочь Надежда. Вторично женился на англичанке, но детей у них не было. Умер Дмитрий Александрович в 1980 г.

Князь Ростислав Александрович был женат трижды. Первой его супругой стала Александра Голицына, второй — Элис Бейкер, третьей — Гедвига фон Хаппиус. От первых двух браков у него были сыновья Ростислав и Николай. Ростислав Александрович долго жил в США, где неплохо зарабатывал в должности дипломированного бухгалтера. Затем он переехал во Францию, где и умер в 1978 г.

Князь Василий Александрович в 1930 г. перебрался из Франции в США. В 1931 г. он женился на Наталии Голицыной, от которой имел дочь Марину. Во время войны Василий служил разнорабочим в американском флоте, затем содержал птицеферму и закончил карьеру биржевым маклером.

Василий будет главой союза семейства Романовых, принципиально отказавшихся признать наследником престола князя^[96] Владимира Кирилловича. Умер Василий Александрович в 1989 г.

Единственная дочь Александра Михайловича Ирина умерла в 1970 г. Семейство Юсуповых прославилось систематическими скандалами и судебными процессами, связанными с убийством Распутина. В своё время убийцы Распутина договорились не разглашать иной информации, чем была ими дана сразу после убийства. Однако в 1927 г., чтобы подзаработать, Феликс Юсупов издал книгу воспоминаний, где дал свою версию событий 16 декабря 1916 г. Книга стала сенсацией. Из-за неё Феликс поссорился с великим князем Дмитрием Павловичем. Книга послужила поводом для первого судебного скандала.

Матрёна Соловьёва, дочь Григория Распутина, подала в суд на Феликса и Дмитрия «иск с требованием компенсации в двадцать пять миллионов франков за нанесённый ей убийством моральный ущерб». Интересы Матрёны защищал адвокат Морис Гарсон, а Феликса Юсупова — известный мэтр юриспруденции де Моро-Джаферри. Суд отказал Матрёне с той мотивировкой, что «французский суд не имеет права судить внутренние дела Российской империи».

Надо ли говорить, сколь широко освещался французской и британской прессой такой пикантный процесс! Феликс Юсупов вошёл во вкус судебных дразг и сразу после суда с Матрёной начал судиться с рядом издателей газет, публиковавших статьи о процессе и событиях декабря 1916 г. Суд признал доказательства газетчиков недостаточными, и князь получил крупную сумму в качестве возмещения «морального ущерба».

В 1932 г. германская телекомпания «Emelka» сняла первый в истории художественный фильм о Распутине. Юсупов мгновенно нанял адвокатов, и те пригрозили фирме судом, так как «представленные в фильме факты не соответствовали действительным». В итоге немцы испугались и выплатили Юсупову 2500 английских фунтов. Тут Феликс понял, что судиться с «киношниками» гораздо прибыльнее, чем с газетчиками.

В том же 1932 г. «Голливуд» выпустил фильм «Распутин и императрица» в студии «Метро-Годвин-Майер». На всякий случай янки в фильме заменили имена и фамилии. Князь Феликс Юсупов стал прототипом князя Павла Чегодиева, а Ирина Александровна — его жены Наташи. Тем не менее, Юсупов кинулся судиться. После почти двухлетнего процесса британский суд присудил Ирине Юсуповой в качестве моральной компенсации 25 тысяч английских фунтов (равносильно нынешним 500 тысячам долларов США), и судья требованием суда запретил дальнейший

прокат фильма «Распутин и императрица»^[97]. А в августе 1934 г. адвокаты обеих сторон пришли к соглашению, по которому к присуждённой сумме киностудия «Метро-Годвин-Майер» обязалась выплатить дополнительно 75 тысяч английских фунтов, то есть общая сумма составила 200-250 тысяч долларов США (в современном эквиваленте 2,5-3 миллиона долларов США). А Ирина Юсупова соглашалась на дальнейший прокат фильма при условии утверждения на экране, что фильм, как и главная героиня, является полным вымыслом.

Понятно, киностудия тоже не осталась в накладе. Такой бесплатной рекламы ещё не знала ни одна голливудская лента.

Последний суд Юсуповых состоялся в 1965 г. в Нью-Йорке. На сей раз супруги вымогали деньги от компании CBS, выпустившей телефильм «Если я должен умереть». Феликс и Ирина требовали полтора миллиона британских фунтов. Однако времена изменились, и суд отказал в иске княжеской чете.

Феликс умер в 1967 г., так и не раскрыв тайны убийства Распутина, хотя его до последнего дня склоняли к этому тележурналисты.

Дочь Юсуповых Ирина вышла замуж за графа Николая Шереметева. Но семейной традиции они имели только одну дочь, названную в честь бабушки Ксенией. (Дома же её называли Пунькой). В 1965 г. Ксения вышла замуж за грека Илью Сфири.

Российских обывателей привлекает личная жизнь внуков и правнуков великих князей из дома Романовых. Ну что ж, это далеко не самый скучный раздел светской хроники. Однако вызывает удивление попытка представителей некоторых политических движений от монархистов до либералов представлять этих сиятельных отпрысков в качестве арбитров, способных разрешить все злободневные проблемы России. Увы, эти люди, как бы они ни были симпатичны, уже давно не русские. Это американцы, англичане, французы и т.д. И дело не в том, что они говорят по-русски с акцентом, а то и не говорят вообще. У них совсем другой образ мышления, менталитет и т.д. В своё время автор лично общался в быту с детьми эмигрантов и их двоюродными братьями и сёстрами, выросшими в СССР. Это были принципиально разные люди, хотя и связанные родственными узами.

Очень хорошо, что для детей и внуков эмигрантов широко распахнуты двери в новую Россию. Но им неплохо бы знать, что здесь их ждут только в качестве гостей. А желающих въехать «на белом коне» и заставить кого-то каяться может ожидать совсем иной приём.

Нелишне заметить, что потомки эмигрантов не изъявляют особого

желания знакомить российскую общественность со своими частными архивами. Причём, речь идёт не столько о личной жизни их предков, сколько о тайнах большой политики. Так, к примеру, в 2002 г. в петербургском журнале «Звезда» было опубликовано несколько писем Ксении Александровны и Александра Михайловича, датированных концом 1916 г. — началом 1917 г. Но, увы, по требованию внуков Александра Михайловича, предоставивших копии писем, в публикации сделаны значительные купюры, причём в основном политического характера.

Так что многие тайны великого князя Александра ещё ждут своих первооткрывателей. Увы, до сих пор закрыты для независимых исследователей архивы КГБ. А там есть и наблюдения за Александром Михайловичем, сделанные агентами спецслужб в эмиграции. Кстати, я не исключаю, что у нашего героя были контакты и с агентами ОГПУ. В 1945 г. большинство масонских архивов, собранных немцами по всей Европе, также попали в хранилища НКВД. Там наверняка есть очень много информации о теневой деятельности «брата» Александра. Но вряд ли моё поколение получит доступ к этим материалам.

Итак, мы прощаемся с великим князем Александром Михайловичем, мудрым политиком и жертвой предрассудков, плейбоем и страстным охотником.

Я принципиальный противник заказных перезахоронений. Но уж если кому приспичило, то, думаю, стоило бы вместо датской принцессы Дагмары перенести в Петропавловскую крепость прах великого князя Александра Михайловича и высечь на надгробии его пророческие слова о Прибалтике и Польше. Как предвиденье и как «воспоминание о будущем».

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1 апреля 1866 г. — Родился в семье наместника Кавказа в Тифлисе. Отец — великий князь Михаил Николаевич (1832-1909), генерал-инспектор русской артиллерии. Мать — великая княгиня Ольга Фёдоровна (урождённая принцесса Цецилия Баденская) (1839-1891).

1873-1878 г. — Домашнее воспитание и обучение со старшими братьями. Прохождение строевой службы в полку.

1878 г. — Первая поездка в Петербург на свадьбу сестры великой княжны Анастасии Михайловны с великим герцогом Фридрихом Меклинбург-Шверинским. Знакомство и дружба с кузеном и будущим императором Николаем II и его сестрой великой княжной Ксенией.

1881-1885 гг. — Обучение морскому делу. Переезд семьи с Кавказа в Санкт-Петербург (1882 г.). Первое плавание на корвете «Варяг». Сдача экзаменов по курсу обучения.

Сентябрь 1885 г. — Зачисление в Гвардейский экипаж с присвоением чина мичмана.

1886-1889 гг. — Присвоение чина флигель-адъютанта (1886 г.). Кругосветное плавание на корвете «Рында». Приобретение яхты «Тамара» (1889 г.).

1891 г. — Известие о смерти матери. Возвращение в Петербург из плавания на яхте «Тамара». Назначение вахтенным начальником на броненосец «Синоп» Черноморского флота.

1892 г. — Перевод на Балтийский флот. Командование миноносцем «Ревель». Назначение командиром минного отряда.

1893 г. — Производство в чин старшего лейтенанта. Перевод на крейсер «Дмитрий Донской». Отплытие в Северную Америку

Июль 1894 г. — Производство в чин капитана 2 ранга. Женитьба на великой княжне Ксении Александровне.

1899 г. — Назначение старшим офицером на броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин».

1900 г. — Назначение командиром эскадренного броненосца «Ростислав», производство в чин капитана 1 ранга.

1901 г. — Назначение главноуправляющим торгового мореплавания и портами с оставлением в должности командира «Ростислава».

1900-1902 гг. — Руководство комиссией по эксплуатации лесной

концессии на реке Ялу.

1903 г. — Производство в чин контр-адмирала с назначением младшим флагманом Черноморского флота и зачислением в свиту Его Императорского Величества. Назначение почётным членом Николаевской Морской академии.

1905 г. — Назначение начальником отряда минных крейсеров.

1906 г. — Командир практического отряда обороны побережья Балтийского моря.

1909 г. — Производство в чин вице-адмирала с назначением генерал-адъютантом Его Императорского Величества. Создание первой русской авиационной школы в Севастополе.

1914 г. — Назначение помощником командующего в штаб 4-й армии. Командовал авиацией Южного фронта, формально командующий всеми русскими военно-воздушными силами.

1915 г. — Произведён в чин адмирала.

1916 г. — Назначен генерал-инспектором военно-воздушного флота.

1917-1918 гг. — Отъезд в Крым. Домашний арест в Ай-Тодорском имении под охраной комиссара Временного правительства. Перевод арестованных в имение великого князя Петра Николаевича Дюльбер. Освобождение заключённых немецкими войсками.

Конец 1918 г. — январь 1919 г. — Отъезд из России на английском крейсере «Форсайт». Прибытие в Париж.

1931 г. — Написание первой книги воспоминаний.

Январь 1933 г. — Окончание второй книги воспоминаний.

26 февраля 1933 г. — Александр Михайлович скончался в городке Ментона на Лазурном Берегу.

ОБ АВТОРЕ

ШИРОКОРАД Александр Борисович родился в 1947 году в Москве. Окончил факультет кибернетики Московского инженерно-физического института. Инженер в четвёртом поколении. Отец разрабатывал управляемые ракеты в 1940-1960-х гг., а дед в 1930-х гг. работал приёмщиком на заводе Круппа.

А.Б. Широкорад — автор нескольких сотен статей, опубликованных в газетах «Красная Звезда», «Известия», «Независимая газета», «Независимое военное обозрение», «Общая газета», «Деловой мир» и др.; в журналах «Военные знания», «Техника и вооружение», «Авиация и космонавтика», «Морской сборник», «Армейский сборник», «Техника — молодёжи», «Чудеса и приключения», «Военный парад» и др. Автор четырнадцати книг, в том числе «Русско-турецкие войны», «Оружие отечественного флота», «Путь к трону» и др.

«Несостоявшийся император» — новое произведение писателя.

notes

Примечания

Здесь и далее приведены цитаты из мемуаров великого князя Александра Михайловича по изданию И.В. Захарова (Москва: Захаров, АСТ, 1999). Впервые опубликованная на английском языке в США в 1932 г., на русском языке книга впервые вышла в Париже в 1933 г.

2

Генерал-адъютант — должность в свите императора.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С.280-281.

Кони А.Ф. Избранные произведения, М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 569.

Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия — ЖЗЛ, 1997. С. 57.

Скотт С. Романовы. Биография династии 1613-1999. М.: Захаров, 2000. С. 38.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860-1867. М.: Новости, 1992. С. 82.

Пушкин А.С. Моя родословная. М., 1957. Т. 3. С. 208.

Объединенные во имя славы, спаянные смертью — это долг солдата, это участь храбрых (*фр.*).

Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Центрполиграф, 2002. С. 365-368.

Фирман — султанский указ.

Боханов А.Н. Романовы. М.: АСТ, 2000. С. 195.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. С. 20.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 62.

Боханов А.Н. Николай II. С. 109.

Там же. С. 110.

Там же. С. 111.

Боханов А.Н. Николай II. С. 179.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 348-349.

Прелестный денди (законодатель мод).

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М.: Издание журнала «Наше Наследие». Государственная фирма «Полиграф-ресурсы». 1996. С. 211.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. С. 142.

Е.И. Алексеев — будущий наместник на Дальнем Востоке, один из главных виновников поражения России в войне с Японией.

Город Белев — центр удельного княжества в XIV-XVII вв. Иван Грозный в 1558 г. отправил в заточение в Вологду последнего белевского удельного князя Ивана Ивановича.

Белякова З.И. Великий князь Алексей Александрович. За и против.
СПб: Logos, 2004. С. 178-179.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 301-303.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России.
СПб: Лики России, 1996. С. 133-134.

Там же. С. 134.

Там же. С. 135.

Там же. С. 136.

Военная энциклопедия / Под ред. *В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон-Шульца*. СПб, 1911-1915. Т. 1. С. 293.

Возможно, кому-то выводы автора покажутся слишком смелыми и необоснованными, но, повторяю, подробное описание войны выходит за рамки монографии, и всех интересующихся я отсылаю к моим книгам «Русско-японские войны 1904-1945», «Падение Порт-Артура», «Россия — Англия: неизвестная война 1857-1907», «Тевтонский меч и русская броня (Русско-германское военное сотрудничество)», «Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество».

Ох, как был здесь прав Безобразов. В России капитализм существовал в значительной степени за счет взяток чиновникам и за счет субсидий казны.

Любавский М. Обзор истории русской колонизации, М.: Издательство Московского университета, 1996. С. 480.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 266-167.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России.
С. 204.

«Топи их всех» (англ.).

Военная энциклопедия. Т. XIV. С. 576.

В русской армии существовала довольно нелепая система, когда в мирное время артиллерийская бригада формально придавалась определенной конной или пешей дивизии и в большинстве случаев носила тот же номер, что и дивизия, но не была подчинена командиру дивизии, а подчинялась только своему окружному артиллерийскому начальству. Но, несмотря на это, артиллерийская бригада обычно участвовала в учениях со «своей» дивизией и умела взаимодействовать только с ней.

Фирма Кане в конце XIX века слилась с фирмой Шнейдера.

* Отправлены на Дальний Восток в составе эскадр Рожественского и Небогатова.

К примеру, когда в 1950-1952 гг. были серьезные проблемы с наладкой РЛС в системе ПВО «Беркут» под Москвой, то начальство настолько повысило расценки, что один умелец, кстати, с 8-классовым образованием, за месяц заработал на два автомобиля «Победа».

РГА ВМФ, ф. 421, он. 4, д. 892.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 238.

Там же. С. 27.

Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. С. 291.

Из речи Александра Михайловича на заседании Особого комитета в 1910 г.

Скотт С. Романовы. С. 289.

Обуховский сталелитейный завод (ОСЗ) был частным, но не справился с заказами и был передан Морскому ведомству.

Сам завод располагался в деревне Мотовилиха вблизи Перми, в советское время его называли Мотовилихинский механический завод (ММЗ), в конце 1930-х годов заводу присвоили имя Молотова и номер 172, организационно д. Мотовилиха вошла в состав г. Перми в 1938 г., и завод стали называть Пермским.

Подробнее о канале обр. 1867 г. интересующиеся могут прочесть в моей «Энциклопедии отечественной артиллерии» (Минск: Харвест, 2000).

Подробнее см. *Широкопад А.Б.* Русско-японские войны 1904-1945.
Минск: Харвест, 2003.

Гаубиц в XIX в. в русской армии не было вообще, и к термину «гаубица» наши генералы привыкали с большим трудом. Первые 122-мм полевые гаубицы обр. 1905 г. по привычке сводились в мортирные дивизионы, и т.д.

Маниковский А.Л. Боевое снабжение русской армии в мировую войну, М.: Воениздат, 1937. С. 385.

С начала XX в. так стали называть самые грандиозные аферы, по аналогии с первой попыткой строительства Панамского канала.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Падение Порт-Артура».

Ольденберг С. Царствование Императора Николая II. Т. II. С.131-132.

После начала войны они пойдут астрой германского флота.

Даже если бы Германия сосредоточила большую часть своей тяжелой артиллерии на Восточном фронте, то ценой больших потерь ее армия в лучшем случае могла занять лишь польские области.

Толстой А.Н. Хождение по мукам. М.: Известия, 1983. Т. I. С. 7.

Макаренко С. Николай Михайлович Романов: рыцарь и узник музыки по имени Клио... Материалы сайта <http://rusarchivcs.ru/publication/mountaineers.sht>

Там же.

Ложа получила название в честь итальянских карбонариев братьев Викио.

Красных Е. Князь Феликс Юсупов. «За всё благодарю...»: Биография. М.: Издательство РДЛ, 2003. С. 80-81.

Там же. С. 266.

В настоящее время деревня Коккоз называется Соколиное.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов. «За всё благодарю...». С.241.

Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М.: Вагриус, 1998. С. 82.

Ольга Пистолькорс — жена генерал-майора Эрика-Августа Пистолькорса, любовница, а затем жена великого князя Павла Александровича. В 1916 г. Николай II присвоил ей титул княгини Полей.

Единственное исключение представляла датская принцесса Дагмара (Мария Федоровна), жена Александра III.

Платонов О. А. Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине). СПб: Воскресение, 1996.

Письмо не имело даты. Можно предположить, что оно написано в 1908 или 1909 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. Г.П. Голикова, М.И. Кузнецова. М.: Советская энциклопедия, 1977. С.631.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991.
С.198-199.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 259.

Дневники императора Николая II. / Под ред. К.Ф. Шацillo. М., Орбита, 1991. С. 612.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. В двух томах / Под ред. *А.Л. Паниной*. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. Т. II. С. 555.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...». С. 356.

Там же. С. 373.

Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М.: Вагриус, 1998. С. 177.

Либерман А., Шокарев С. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 466.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь.
М.: Прогресс, 1998. С.475-476.

Либерман А., Шокарев С. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв. Гибель монархии. С. 73.

Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994.

Симанович А. Распутин и евреи. Рим, 1924.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...». С. 441.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11-12.

Е.П. Гегечкори (1881-1954), член масонского «Верховного Совета Народов России». В 1918-1921 гг. премьер-министр «независимой Грузии». Позже в эмиграции. Родной дядя Нины Гегечкори, жены Лаврентия Берия.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...». С. 472-473.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...». С. 478.

Цит. по: *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За всё благодарю...». С. 525.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий).

Ленин В.И. Сочинения. Т. XXIV. С. 545.

Скотт С. Романовы. С. 113-114.

Владимир Кириллович считал себя, свою жену и своих наследников великими князьями и княгинями, но, как уже говорилось, великими князьями могут считаться лишь дети и внуки императоров, а все последующие их потомки — просто князьями императорской крови.

Под этим названием фильм шёл в Англии.